

Посвящается Году литературы в России

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА
ВЫСШАЯ ШКОЛА ПЕРЕВОДА

АВТОНОМНАЯ НЕКОММЕРЧЕСКАЯ
ОРГАНИЗАЦИЯ «ИНСТИТУТ ПЕРЕВОДА»

КРАКОВСКИЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ КОМИССИИ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
ЦЕНТР КУЛЬТУРЫ И РУССКОГО ЯЗЫКА
ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

ПЕРЕВОД КАК СРЕДСТВО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КУЛЬТУР

II МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

К 125-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Б.Л. ПАСТЕРНАКА

Материалы конференции

17 – 21 декабря 2015 г.
Краков, Польша

МОСКВА

МАКС Пресс

2015

ISBN 978-5-317-05151-8

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА

Высшая школа перевода

II Международная научная конференция

**Перевод
как средство взаимодействия
культур**

Материалы конференции

*Краков, Польша
17–21 декабря 2015 г.*

МОСКВА – 2015

УДК 81'25:008
ББК 81-7:71.0
П27

Перевод как средство взаимодействия культур: II Международная научная конференция; 17–21 декабря, 2015 г., Краков, Польша: Материалы конференции. – М.: МАКС Пресс, 2015. – 377 с. ISBN 978-5-317-05151-8

В сборник включены материалы докладов, представленных на II Международной научной конференции «Перевод как средство взаимодействия культур».

В опубликованных докладах освещаются различные аспекты общей теории, истории, методологии и дидактики перевода, а также теории художественного перевода. Ряд выступлений посвящен переводческому творчеству Б.Л. Пастернака и критическому анализу переводов его произведений на разные языки мира (к 125-летию со дня рождения). Традиционно в докладах рассматриваются также вопросы преподавания русского языка как иностранного и сравнительной культурологии. Сборник представляет интерес для исследователей в области методики и практики преподавания русского языка как иностранного, теории, методологии и дидактики перевода, сопоставительной лингвистики и сравнительного литературоведения, культурологии и межкультурной коммуникации.

Материалы сборника будут, несомненно, полезны для преподавателей, аспирантов, студентов и всех, кому близка данная тематика.

Ключевые слова: теория и методология перевода, художественный перевод, сравнительная культурология, межкультурная коммуникация, Русский язык как иностранный.

УДК 81'25:008
ББК 81-7:71.0

Все материалы публикуются в авторской редакции

Translation as a means of cultural interaction: Proceedings of the 2nd International conference; December, 17–21, 2015, Krakow, Poland. – Moscow, MAKS Press, 2015. – 364 p.

The compilation includes materials of the reports presented at the 2nd International scientific conference “Translation as a means of cultural interaction”.

The published reports touch on various aspects of the general theory, history, methodology, translation didactics as well as the theory of literary translation. A number of presentations is focused on the translation work of Boris Pasternak and the critical analysis of existing translations of his books into different languages (dedicated to the 125th anniversary of his birth). Traditionally, reports also examine the aspects of teaching Russian as a foreign language and comparative culturology.

This compilation is of interest to the researchers studying technique and practice of teaching Russian as a foreign language, theory, methodology and translation didactics, contrastive linguistics and literary criticism, culturology and intercultural communication.

The compilation materials will be undoubtedly of use to teachers, postgraduates, students and anyone related to the subject.

Key words: theory and methodology of translation, literary translation, contrastive linguistics, intercultural communication, Russian as a foreign language.

Электронное издание

Издательство ООО “МАКС Пресс”
Лицензия ИД N 00510 от 01.12.99 г.

119992, ГСП-2, Москва, Ленинские горы, МГУ им. М.В. Ломоносова,
2-й учебный корпус, 527 к. Тел. 8(495)939-3890/91. Тел./Факс 8(495)939-3891.

ISBN 978-5-317-05151-8

© Коллектив авторов, 2015
© Высшая школа перевода МГУ имени М.В. Ломоносова, 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Богданова Л.И.</i> Универсальное и специфическое в семантике языковых единиц.....	6
<i>Богоявленская Е.Д.</i> Синтаксис японского языка (ЯЯ) и синтаксические трансформации при переводе с ЯЯ.....	16
<i>Борис Л.А.</i> Положительная интерпретация мировых сюжетов у Пушкина.....	27
<i>Быстрова Т.А.</i> Марина Цветаева в итальянских переводах.....	37
<i>Ван Лиэ</i> Лирика М.Ю. Лермонтова в переводах на китайский язык.....	45
<i>Ван Цзечжун</i> Типология словарей русского языка.....	60
<i>Виногорова В.Т.</i> Понимание явного и неявного смысла текста как смысла описываемых событий (на примере переводов поэзии Виславы Шимборской).....	64
<i>Галатенко Ю.Н.</i> Перевод романа У.Эко «Numero Zero» на русский язык: «Интерпретация и сверхинтерпретация».....	73
<i>Горбань В.В., Собченко Н.С.</i> Морфологические суггестемы рекламного дискурса.....	85
<i>Горбань В.В., Шибаева М.А.</i> Фразеологическая компетенция как важная составляющая социокультурного партнерства.....	91
<i>Гоциридзе Д.З., Чарквиани Л.Я., Иакобадзе К.</i> Респонсивная коммуникативная стратегия в структуре диалога.....	102
<i>Гриб В.А.</i> Интерпретация как основная задача перевода художественного текста.....	112
<i>Депта Н., Бейска Г.</i> Русская литература в переводах.....	121
<i>Дун Юнчунь</i> Сетевой сленг в русском и китайском сегментах интернета.....	128
<i>Есакова М.Н., Литвинова Г.М.</i> Форма и смысл в творчестве Б.Л. Пастернака–переводчика.....	133
<i>Евстифеева Р.А.</i> Адъективные сочетания с лексемой «человек» в «Придворном человеке» Сергея Волчкова (1741) и их соответствия во французском и испанском оригиналах....	141
<i>Жаткин Д. Н.</i> Бернс советской эпохи.....	150
<i>Жеймо Е.А.</i> Глагольная префиксация в русском языке: к вопросу об обучении польскоязычных учащихся на продвинутом уровне.	163
<i>Жуминова А.Б., Шетиева А.Т.</i> Особенности функционирования императивов в русском языке современного Казахстана.....	173
<i>Йованович Т.</i> Повышение мотивации в изучении РКИ в начальной школе как исходная точка популяризации русского языка в Сербии.....	183
<i>Какзанова Е.М.</i> «Умный» или «духовный»? Перевод одного прилагательного и концепт «духовность».....	191

<i>Керимова С.</i> Культурная семантика цветообозначений в межкультурной коммуникации.....	199
<i>Манерко Л.А.</i> Когнитивная схематизация человеческого опыта и ее влияние на перевод.....	206
<i>Миронова Н.Н.</i> Переключение языкового кода в ситуациях двуязычия.....	214
<i>Николенкова Н.В.</i> Грецизмы в церковнославянском переводе латинского текста XVII века как этап становления переводческой школы Епифания Славинецкого.....	221
<i>Новак М.О.</i> Лексика древнеславянского перевода Апостола: в поисках образа и смысла.....	230
<i>Осмоловская И.Г.</i> Адаптация рекламных сообщений к национальным особенностям региона (на материале немецкоязычной и русскоязычной автомобильной рекламы).....	241
<i>Островская Н.В.</i> Функциональный подход к описанию акцентологической вариантности современного русского языка.....	252
<i>Петрова З.Ю., Фатеева Н.А.</i> Лицо человека сквозь призму растительного мира (к вопросу о языковой картине мира русской художественной литературы).....	259
<i>Приказчикова Е.В., Савченко Е.П.</i> Лингвокогнитивные проблемы перевода современной российской прозы: эквивалентность в поисках адекватности.....	269
<i>Разумовская В.А.</i> Регулярная вторичность «сильного» текста культуры: межъязыковой и межсемиотический переводы.....	278
<i>Рахимжанова А.С.</i> Немецкая литература в переводах на казахский и русский языки: из практики самостоятельного перевода романа Г. Гессе «Der Steppenwolf».....	286
<i>Репина Т.В.</i> Видеопоэзия как иллюстрация и интерпретация: от текста к фильму (на примере работы Н. Алфутовой «Гагарин»).....	294
<i>Рыцельска Б.</i> Метафорика счастья. Сон смешного человека Федора Достоевского в переводе на польский язык.....	303
<i>Саакян Л.Н. Северская О.И.</i> Эвфемия (не)определенной национальности.....	312
<i>Уржа А.В.</i> Эпиграфы к прозе Э. По в русских переводах: особенности интерпретации.....	322
<i>Федосюк М. Ю.</i> Связаны ли между собой русский синтаксис и русский менталитет?.....	333
<i>Харацидис Э. Есакова М.Н.</i> Перевод русской классической литературы в Греции: история и современность.....	343
<i>Юе Жуйин</i> Выбор наилучших вариантов перевода Евангелия с русского языка на китайский язык (на примере Евангелия от Марка).....	354

УНИВЕРСАЛЬНОЕ И СПЕЦИФИЧЕСКОЕ В СЕМАНТИКЕ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

THE UNIVERSAL AND THE SPECIFIC IN THE SEMANTICS OF LANGUAGE UNITS

В статье рассматриваются вопросы, связанные с отражением национально-культурной специфики во внутренней форме слов и фразеологических единиц, показано универсальное и специфическое в коннотативной семантике языковых единиц. Проведённый анализ позволяет говорить о состоянии неустойчивого равновесия между познавательным и оценочным компонентами значений рассматриваемых номинаций. Статья затрагивает также вопросы, связанные с существованием лакун – своего рода «белых пятен», причиной которых является культурная, семантическая, эмоциональная «несимметричность» мировидений, представленных в разных языковых картинах мира. Работа в данном направлении выводит на изучение таких актуальных вопросов, как формирование ассоциативного потенциала слов, национально-культурная специфика ассоциативного / оценочного компонента, способы его лексикографического представления, декодирование ценностных установок говорящего, выявление манипулятивных средств и приёмов воздействия на адресата.

The article considers the questions which are connected with the reflection of national-cultural specificity in the inner form of words and phraseological units and shows the universal and the specific in the connotative semantics of language units. The analysis lets declare about the state of the unstable balance between the cognitive and the evaluative compounds of the meanings of the considered nominations. The article distinguishes questions concerned with the existence of lacunas as some kind of blank spots. The reason of which is the cultural, semantic and emotional dissymmetry, presented in various linguistic view of the world. This work is deeply connected with such topical questions as formation of associative potential of words, national and cultural specificity of connotations, the means of its lexicographical representation, decoding of speaker «s value system, research of manipulative strategy.

Ключевые слова: национально-культурный компонент, семантика языковых единиц, внутренняя форма, коннотация, лакуны, преподавание русского языка.

Keywords: national-cultural component, semantics of language units, inner form, connotation, lacunas, teaching of Russian language.

В семантике каждого языка есть отражение и общечеловеческого компонента культуры, и своеобразие национальной культуры конкретного народа. По словам Ю.Н. Караулова, «национальное пронизывает все уровни организации языковой личности, на каждом из них приобретая своеобразную форму воплощения» [Караулов, 2010, с. 42], но, обладая уникальными национально-культурными характеристиками, народы и государства не могут быть «островами без общения»: взаимное понимание между ними всё же возможно. Свойственный языку взгляд на мир отчасти универсален, отчасти

национально-специфичен, так что носители разных языков, смотря на мир через призму своих языков, могут видеть его немного по-разному. Универсальный компонент культуры связан с единством человеческой психики и её способностью, независимо от образа жизни, отражать мир в сходных категориях. Так, напр., в любых культурах говорящие нуждаются в различении субъекта действия и его объекта, предмета и признака, отношений, связанных с пространством и временем. Сходство разных культур проявляется, как известно, и в том, что в передаваемую информацию говорящий включает своё отношение, эмоциональную оценку того, о чём идёт речь. Межкультурная общность языков мира обеспечивает возможность перевода с одного языка на другой и составляет основу для взаимопонимания.

При обучении русскому языку как иностранному очень важно выявлять в значении слов и фразеологических единиц компоненты, обусловленные культурой, поскольку неумение видеть и понимать культурную специфику, отражённую в языковой семантике, может привести к непониманию и коммуникативным неудачам в процессе межкультурного общения. Национально-культурный компонент семантики языковой единицы, представляющий собой обусловленную национальной культурой часть значения, которая отражает связь знака с объектом культуры, находит своё непосредственное выражение прежде всего на уровне внутренней формы слова. Внутренняя форма может частично совпадать в разных языках, что, безусловно, облегчает усвоение иностранного языка. Так, напр., обозначение профессии школьный *учитель* по-русски связано с глаголом *учить*, в английском языке (*teacher*) – с глаголом *to teach*, в немецком (*Lehrer*) – с глаголом *lehren*, в финском (*opettaja*) – с глаголом *opettaa* всё с тем же значением «учить» [Земская, 1984, с. 52]. Все эти слова называют учителя по действию *учить*. Разумеется, не все слова тематической группы «Профессии» имеют одинаковую или близкую внутреннюю форму в разных языках. Так, напр., русское обозначение профессии *портной* исторически связано со словом *порты* в значении «одежда», а немецкое слово *Schneider*, обозначая ту же самую профессию, происходит от глагола *schneiden* в значении «резать», в то время как болгарское *шивач* связано с глаголом, обозначающим процесс шитья, так же, как и русское слово *швец* (ср. *швея*). Слова разных, даже неродственных, языков могут иметь схожую внутреннюю форму, но при этом быть образованы разными способами. Так, русский язык (один из восточнославянских языков) и финский язык, принадлежащий к семье финно-угорских языков, нередко имеют слова со схожей внутренней формой [Земская, 1984, с. 52]: русское *черника* (ягода названа по черному цвету) – финское *mustikka* (*musta* значит «черный»), русское *синяк* – финское *mustelma* (букв. черняк). Сравнивая слова со значением «мороженое», обнаруживаем, что

в русском языке это то, что *морозили* (заморозили) – *мороженое*, а в английском – *ice-cream* (букв. лед-сливки), во французском – *glaces* (букв. льды) и в польском – *ledy* (букв. льды).

«Подход сознания к миру всегда субъективен, поэтому совпадение признаков, положенных в основу номинации, может быть лишь частичным» [Богданова, 2011, с. 63]: ср. *глазное яблоко* (рус.) и *Augapfel* (нем.), но *eyeball* (англ.) – букв. «глазной шар»; *подсолнечник* (рус. под солнцем) – *sunflower* (англ.) – *Sonnenblume* (нем.) – букв. «солнечный цветок» – *tournesol* (фр.) «повёрнутый к солнцу»; *подснежник* (рус.) – *snowdrop* (англ.) «снежная капля» – *Schneeglöckchen* (нем.) «снежный колокольчик» – *perce-neige* (фр.) «пробивающийся сквозь снег». Ср. также: *львиный зев* (название цветка) и (нем.) *Löwenmaul* – букв. «пасть льва». Русскому названию цветка *колокольчик* (букв. маленький колокол) соответствует финское *kellokukka* (*kello* – колокол, *kukka* – цветок, букв. цветок-колокол). Особый вид сходства представляют собой те случаи, когда признаки, не являясь полностью тождественными, относятся всё же к одному и тому же тематическому ряду: *подошва* горы и (нем.) *Fuss eines Berges* – букв. «нога горы», *копна* волос и (нем.) *Haarwald* – букв. «лес волос».

Источником языковой номинации служит, как правило, тот признак, который прежде всего бросается в глаза и может обладать «памятью» «языковых значений». В целях повышения мотивации обучения следует обращать внимание учащихся даже на исчезающую внутреннюю форму. Так, на продвинутом этапе обучения студентам будет полезно знать, что слова *нора*, *нырять*, *проныра*, *понурий*, объединённые общей семой «вниз», обладают одинаковой внутренней формой: *нырять* – погружаться в воду, т.е. опускаться вниз; *проныра* – проворный человек, подобный ныряющему (т.е. он периодически появляется и исчезает); *нора* – жилище внизу; *понурий*, *понурить голову* – опустить голову вниз [Сабитова, 2015, с. 144]. Подлежит восстановлению и внутренняя форма слов *родина*, *народ*, *порода*, *урожай*, *родник*, имеющих общий исторический корень *род-*. Ср. *Я слово родник давно приметил...Надо думать, получилось оно оттого, что тут вода зарождается. Родник родит реку, а река льётся, течёт через всю нашу матушку землю, как бы родня между собой* (К.Г. Паустовский).

Богатый материал для обучения русскому языку даёт сопоставительное изучение метафор, которые также вносят свой вклад в формирование внутренней формы слова. Так, установлено, что в европейских языках прилагательное *тёплый* приобретает метафорическое значение «приятный», «приветливый», «активный», а прилагательное *холодный* – значение «бесчувственный», «вялый». Этот общий тип переноса получает в каждом языке своё дополнительное национально-культурное значение, так, напр., в

русском языке чаще, чем во французском, используются (в качестве исходного элемента метафоры) слова, обозначающие звуковые впечатления (*глухой лес, глухое место, глухой ворот, глухое платье*), а во французском – слова, обозначающие цвета и краски [Гак, 1988].

В коннотативной семантике разных языков также можно обнаружить и национально-специфический, и универсальный компонент. Так, в частности, на материале нескольких десятков языков (среди них были и генетически не связанные друг с другом) было доказано, что в подавляющем большинстве случаев слово *правый* (о руке) в разных языках имеет этимон со значением «сильный, прямой, правильный, честный, надёжный, хороший», а слово *левый* – этимон со значением «слабый, кривой, неправильный, нечестный, ненадёжный, плохой» [Апресян, 1995, с. 171]. Русский язык также демонстрирует эти различия. Ср. *Он правая рука директора; Наше дело правое; встать с левой ноги, писать левой ногой, левый доход* и др. Оппозиция *правый – левый* входит в систему оппозиций: *мужской – женский, верхний – нижний, белый – чёрный, жизнь – смерть, свет – тьма, небо – земля* и др., где первый член во многих языках мира имеет устойчивую положительную оценку, а второй – отрицательную или сниженную [Иванов, Топоров, 1974, с. 260]. Ср. *небесные черты, небесная душа, быть на седьмом небе, с одной стороны, и земные хлопоты, небо и земля, сойти с небес на землю, с другой стороны*.

В словах с семантической мотивированностью внутренней формы также легко обнаружить универсальное и специфическое. Богатый источник в этом плане – изучение свойств эталонов в разных языках. Эталоны, представленные словами с семантически мотивированной внутренней формой, требуют интерпретации, т.е. проникновения «в глубь» значения, в «душу» слова. Материал русского и немецкого языков показал, что внутренняя форма слов-эталонов, обозначающих одно и то же явление, может как совпадать в изучаемых языках, так и существенно расходиться. Так, напр., «для выражения упрямства и глупости и в русском, и в немецком языках используется слово *осёл (der Esel)*, эталоном красивого звонкого голоса является *жаворонок (Heidelerche)*, эталоном нежных отношений – *голубки (Turteltaube)*» [Богданова, Малькова, 2014, с. 45]. Совпадающими образами также являются *крот* (плохое зрение), *ягненок* (кротость), *змея* (коварство, мудрость), *могила, рыба* (неразглашение тайн, молчаливость), *репей* (назойливость) и др.

Существенно различаются по семантически мотивированной внутренней форме такие эталоны, как *воробей* (русс. сидеть нахохлившись, мало есть – нем. быстро и много ругаться), *еж* (русс. небритый, колючий – нем. храпеть), *обезьяна* (русс. вертлявость –

нем. вычурность, сильная потливость, напряжённая работа), *лань* (русск. стройность, быстрота – нем. скромность, хорошее здоровье) [Богданова, Малькова, 2014, с. 49].

Другой аспект выявления национально-культурного компонента – изучение лагун. «Всё, что в инокультурном тексте реципиент заметил, но не понимает, кажется ему странным и требующим интерпретации, служит сигналом эксплицитного присутствия в тексте национально-специфических элементов культуры, в которой создан текст, а именно лагун» [Марковина, Сорокин, 2010, с. 35]. Значения слов языка, создающие языковую картину мира, составляют «интерпретацию действительности в её измерениях физических, психологических, социальных, духовных» [Бартминьский, 2005, с. 32]. Именно поэтому изучение языковых расхождений предполагает широкий спектр исследований, включая географический, социальный, политический, философский, психологический, лингвистический и литературный аспекты. Лингвистический подход к изучению культурной и языковой «несимметричности», чтобы не быть односторонним, должен дополняться другими подходами, с помощью которых высвечиваются различные грани этой сложной проблемы.

В языковой картине мира находят выражение как 1) слова с межъязыковыми лексическими понятиями, так и 2) слова, план содержания которых невозможно сопоставить с какими-либо иноязычными лексическими понятиями. Если слова первого типа допускают перевод и семантический перенос (хотя и здесь возможны осложнения), то слова второго типа «в строгом смысле не переводимы» [Верещагин, Костомаров, 1990, с. 42]. При объяснении или переводе они могут либо заимствоваться (*боярин, кремль, борщ, кучер*), либо описываться другими лексическими средствами.

Трудности в передаче семантики слова, в выделении наиболее существенных компонентов значения безэквивалентной лексики прекрасно показаны писательницей Н.А. Тэффи в рассказе «Блины». Суть рассказа состоит в том, что русские пытаются объяснить итальянцам, что такое *блины*.

– Блин – это очень вкусно, – объяснила я. Но они не поняли. – С маслом, – сказала я ещё точнее. – Со сметаной, – вставил русский из нашей компании. Но вышло ещё хуже. Они и блина себе не уяснили, да ещё и сметану не поняли. – Блины, это – когда масленица! – понятно сказала одна из наших дам. – Блины...в них главное – икра, – объяснила другая.— Это рыба! – догадался, наконец, один из итальянцев.— Какая же рыба, когда их пекут из муки! – рассмеялась дама. – Со сметаной, – опять вставил русский. – Блинов очень много едят, – продолжала дама. – Съедят штук двадцать. Потом болеют. — Ядовитые? – спросили итальянцы и сделали круглые глаза. – Из растительного царства? – Нет, из муки. Мука ведь не растёт? Мука в лавке.

Мы замолчали и чувствовали, как между нами и милыми итальянцами легла глубокая тёмная пропасть взаимного недоверия и непонимания. <...> Но между нами был человек основательный, серьёзный – учитель математики. Он посмотрел строго на нас, строго на итальянцев и сказал отчётливо и внятно:

Сейчас я объясню вам, что такое блин. Для получения его берётся окружность в пятнадцать сантиметров в диаметре. Она заполняется смесью из муки с молоком и дрожжами. Затем всё это нагревается на огне, отделённом железной средой. Чтобы сделать влияние огня менее интенсивным, железная среда покрывается олеиновыми и стеариновыми кислотами, то есть так называемым маслом. Полученная путём нагревания компактная смесь вводится в организм человека, что в большом количестве вредно.

Учитель замолчал и окинул всех торжествующим взглядом. Итальянцы пошептались и спросили робко: – А с какой целью вы всё это делаете? Учитель ответил строго:

– Чтобы весело было!

Итак, слова типа *блины* содержат культурные коннотации и трудны для объяснения и перевода. Этнографические лакуны такого рода, представленные безэквивалентной лексикой (*лапти, самовар, сарафан, баклуши, рожон* и т.п.), уже неоднократно становились предметом специального рассмотрения в аспекте преподавания русского языка как иностранного. Кроме того, обнаружены лакуны и в этикетных формулах, так, напр., установлено, что русским этикетным формулам: *С приездом! На здоровье! В добрый час! С лёгким паром! Будьте здоровы!* (чихнувшему человеку), *Чур меня!* и другим нет соответствия во многих языках. Другие языки также располагают словами, значения которых не находят себе точных эквивалентов в русском языке. Так, напр., в финском языке есть слово *sisi* в значении «настойчивость, выдержка, терпение, запас жизненных сил, сила воли, мужество, смелость, смекалка», которое могло бы обогатить русский язык и другие языки, в которых ему нет соответствий. В немецком языке отмечаются лакуны для русских слов: *автолюбитель, проводник, квартал, сутки, агентура, маячить, кипятиться*. В русском языке обнаруживаются лакуны «брат и сестра, вместе взятые» – нем. *Geschwister*, «утолщённая часть бутылки» – нем. *Bauch (der Flasche)* [Сабитова, 2015, с. 127]. Надписи на двери: рус. *к себе, от себя*, а англ. *pull* (тяни), *push* (толкай) – ещё раз подтверждают мысль о том, что «разные языки – это не различные обозначения одного и того же предмета (или явления), а разные видения его» [Гумбольдт 1984, с. 80]. Языки по-разному «членят» мир, поэтому финскому глаголу *pesä* соответствует несколько русских глаголов: *мыть, умываться, стирать, чистить зубы*.

«Мир, который нам дан в нашем непосредственном опыте, оставаясь везде одним и тем же, постигается различным образом в различных языках» [Щерба, 1974, с. 69].

Язык способен информировать о духовных ценностях своего народа, поскольку представления о ценностях закреплены в значениях слов. Встреча аксиологии с лингвистикой происходит именно в мире слов и их значений [Бартминьский, 2005, с. 117]. Язык, отражая культуру, сохраняет в семантике слова информацию о культурных событиях далёкого прошлого, аккумулирует опыт и передаёт традиционные ценности от одного поколения к другому.

По-видимому, не будет преувеличением утверждать, что из традиционных ценностей особое значение имеют ценности семейные, такие, как уважение к старшим, соблюдение семейной иерархии и др. Сравнение языков в этом плане показывает, что именно от типа культуры зависит дифференцированность в обозначении степени родства. В китайской культуре, где традиционные семейные ценности всё ещё прочно укоренены, принято, чтобы члены семьи и родственники обращались друг к другу по иерархии родства, напр., «вторая старшая сестра», «муж третьей младшей сестры», «жена старшего дяди со стороны матери» [Тань Аошуан, 2004, с. 96]. Для этих понятий в китайском языке существуют специальные обозначения. Современный русский язык, напротив, утратил специальные слова, называвшие в прошлом, напр., «дядю со стороны отца» (*стрый*) или «дядю со стороны матери» (*вуй*). В связи с этим перевод названия пьесы А.П. Чехова «Дядя Ваня» на китайский язык сопряжён, по-видимому, с некоторыми затруднениями. Русскому слову *дядя* в китайском языке соответствуют не только слова, означающие «дядя по отцу» и «дядя по матери», но и слова, имеющие значение «старший дядя» и «младший дядя». Здесь мы наблюдаем несоответствия в одном из фрагментов языковой картины мира, отражаемой русским и китайским языками. Учёт несовпадения концептов, а также изучение культурных лакун в концептосферах родного и изучаемого языков являются значимыми факторами при обучении русскому языку и любым другим иностранным языкам, так как с их помощью можно скорректировать процесс формирования не только языковой, но и коммуникативной компетенции учащихся.

«Национально-культурный компонент особенно ярко обнаруживает себя при анализе ассоциативного ореола слов» [Богданова, 2015, с. 316]. Так, напр., образ *болота* для русского человека связан с гниением, неприятным запахом, нечистой силой, застоем, косностью, что подтверждают словари русского языка. В Словаре В.И. Даля отмечается, что *болото* – «не просыхающая грязь от родников или от натёка по рыхлой почве ..., на юге лужу и грязь зовут *болотом*»; приводятся пословицы и поговорки: *В тихом болоте*

(омуте) черти водятся. Не ходи при болоте: чёрт уши обколотит и др. [Даль, 1999, с. 110–111].

Словарь С.И. Ожегова даёт такое определение этому слову: **Болото** – 1. Избыточно увлажнённый участок земли со стоячей водой и зыбкой поверхностью, заросший влаголюбивыми растениями. *Завязнуть в болоте.* 2. перен. Общественная среда, находящаяся в состоянии застоя, косности. *Болото обывательщины.* 3. ед. В старых народных представлениях: топь, трясина как место обитания нечистой силы. *Было бы болото, а черти найдутся* (посл.). *Иди ты в болото!* (грубое требование уйти). *Ну тебя в болото!* (прост) – выражение пренебрежения, нежелания видеть, считаться, иметь дело с кем-н. *Черти болотные* [Ожегов, Шведова, 2000, с. 55].

Ср. также данные «Фразеологического словаря русского языка»: **Болото житейское** – *неодобр.* Обстановка, условия, среда, лишённые прогрессивного движения; застой. *По письму Вашему вижу, что житейское болото засасывает Вас* (Л.Н. Толстой. Письмо Ге, март 1886) [Фёдоров, 2001, с. 35].

«Русский ассоциативный словарь» на слово **болотный** даёт такие реакции: *тина, тварь, жаба, лягушка, вода, жижа, трава, грязь, трясина, гадюка, кикимора, кочка, ведьма, вонючая, выдра, гадость, зараза, комары, ряска, сырость...* [Русский ассоциативный словарь, 1998, с. 25].

Литературные источники подтверждают наблюдения лексикографов [примеры из НКРЯ]: *Он искал последней [мудрости] и у древних, и у новых мудрецов, но признал отчасти истинным только учение Эпикура и занял мудрость не в груди книг: одна книжная мудрость что **смердное болото**; оно испаряется теориями и умозрениями, методами и системами, заражающими жизнь нравственным недугом – скукою; там ум как **стоячая вода**; из этого болота почерпается только мёртвая вода, а для прозябания ума нужно впрыскивать его ещё живой водой* (И.А. Гончаров, Хорошо или дурно жить на свете, 1841);

*Ведь я увёл науку в **болото** талмудической **абстракции**, оторвал её от практики* (Василий Гроссман, Жизнь и судьба, 1960);

*Вон, какие люди были, а как скатились в **болото оппозиции**, как пошли не той дорожкой, то вон к чему и пришли!* (Ю.О. Домбровский, Факультет ненужных вещей, 1978);

*Слово за слово – и всё, видимость спокойствия исчезает, и социальный базис, который хоть как-то скрепляет людей, превращается в **бесформенную жижу – болото**, в котором каждый тонет – или выплывает – как может* (Евгений Гусятинский, С кем ты хочешь быть, 2011).

Как видим, и данные словарей, и литературные примеры выявляют в русском слове *болото* исключительно негативные коннотации. Вместе с тем известно, что финский учёный Л. Хакулинен сравнивал финский язык с *болотом*, в котором, подобно попавшим в болото сучьям деревьев, веками сохраняются древние заимствования, т.е. болото для финнов не место тления, а место сохранения, «хорошее» место, с которым можно сравнивать родной язык. Примечательно, что Финляндия, по-фински *Suomi*, в сознании финнов может связываться с *болотом*, так как *siio* – «болото», а *ma* – «земля, страна», правда, как отмечает Ф. Папп, эта версия считается ошибочной [Сабитова, 2015, с. 128].

В процессе межкультурного общения важно помнить, что даже такие «простые», повседневные слова, как *сыр* или *хлеб*, значат что-то не сами по себе, а лишь внутри той или иной культуры. По данным Словаря ассоциативных норм русского языка, слово *хлеб* порождает следующие ассоциации: у русских – *белый, соль, масло, насыщенный, чёрствый, булка, вкусный, свежий*; у немцев – *есть, масло, пицца, голод*; у французов – *вино, белый, есть, голод, хлебный мякиш*; у поляков – *насыщенный (powszedni), ржаной, масло, чёрствый, свежий* [Колесникова, 2014, с. 101].

На национальную специфику ассоциативного потенциала слов указывает и пример, связанный с переименованием реалий: «*Милиция*» звучит довольно жутко. Мерещатся *фуражка, труп и бирка, стул, протокол, зловонная тужурка, мигалка, кафель, взятка и дубинка. Полиция* приносит дух Европы, другое семантическое поле: *душистый газ, изысканные копы, стрельба в ночи, поимка Аль Капоне...* (Д. Быков).

От того, насколько успешно мы будем различать национально-культурный и универсальный компоненты в значениях языковых единиц, во многом будет зависеть и эффективность межкультурного общения, и качество перевода, и результативность обучения русскому языку.

Список литературы:

Апресян Ю.Д. Избранные труды. Интегральное описание языка и системная лексикография. Т. 2. / Ю.Д. Апресян. М.: Языки славянской культуры, 1995. 766 с.

Бартминьский Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. / Ежи Бартминьский; перевод с польского. Отв. ред. С.М. Толстая. М.: Индрик, 2005. 527 с.

Богданова Л.И. Стилистика русского языка и культура речи. Лексикология для речевых действий / Л.И. Богданова. М.: Флинта: Наука, 2011. 248 с.

Богданова Л.И., Малькова В.В. Выявление ассоциативного потенциала слов-эталонов, представленных в русских и немецких устойчивых сравнениях // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Лингвистика». 2014, № 1. С. 41–51.

Богданова Л.И. Национально-культурный компонент в семантике языковых единиц / Л.И. Богданова // Актуальные проблемы изучения и преподавания РКИ в вузе в условиях интернационализации образования. Тверь: Тверской госуниверситет, 2015. С. 311–321.

Верещагин Е.М. Язык и культура. Лингвострановедение и преподавание русского языка как иностранного / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. М.: Русский язык, 1990. 246 с.

- Гак В.Г.* Метафора: универсальное и специфическое / В.Г. Гак // Метафора в языке и в тексте. М.: Наука, 1988. С. 11–26.
- Гумбольдт В. фон.* Избранные труды по языкознанию / Вильгельм фон Гумбольдт. М.: Прогресс, 1984. 400 с.
- Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. / В.И. Даль. М.: Русский язык, 1999. 699 с.
- Земская Е.А.* Внутренняя форма слова / Е.А. Земская // Энциклопедический словарь юного филолога. М., 1984. С. 51–52.
- Иванов В.В.* Исследования в области славянских древностей / В.В. Иванов, В.Н. Топоров. М.: Наука, 1974. 342 с.
- Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. / Ю.Н. Караулов. М.: ЛКИ, 2010. 264 с.
- Колесникова Э.* Введение в теорию риторики. / Э. Колесникова. М.: Языки славянской культуры, 2014. 152 с.
- Марковина И.Ю.* Культура и текст. Введение в лакунологию / И.Ю. Марковина, Ю.А. Сорокин. М.: ГЭОТАР–Медиа, 2010. 144с.
- Русский ассоциативный словарь. Прямой словарь: от стимула – к реакции / Ю.Н. Караулов и др./ М.: Изд. ИРЯ РАН, 1998. 728 с.*
- Сабитова З.К.* Лингвокультурология / З.К. Сабитова. М.: Флинта: Наука, 2015. 528 с.
- Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка/ С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. М.: Азбуковник, 2000. 944 с.
- Тань Аошуан.* Китайская картина мира. Язык, культура, ментальность / Тань Аошуан. М.: Языки славянской культуры, 2004. 240 с.
- Фёдоров А.И.* Фразеологический словарь русского литературного языка / А.И. Фёдоров. М.: Астрель, 2001. 720 с.
- Щерба Л.В.* Языковая система и речевая деятельность / Л.В. Щерба. Л.: Наука, 1974. 428 с.
- Национальный корпус русского языка (НКРЯ) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.ruscorpora.ru

СИНТАКСИС ЯПОНСКОГО ЯЗЫКА (ЯЯ) И СИНТАКСИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ С ЯЯ

THE JAPANESE LANGUAGE (JL) SYNTAX AND SYNTACTIC TRANSFORMATIONS WHEN TRANSLATING FROM JL

Основное отличие синтаксиса ЯЯ состоит в том, что на первом месте стоит подлежащее, на последнем – сказуемое, а все остальные члены предложения располагаются между ними. Придаточные предложения: определительные (сколько бы их ни было) – перед определяемым словом, а все прочие – перед главным предложением. Это представляет особые трудности при обучении начинающих переводчиков переводу с ЯЯ на РЯ. Рассматривается также история появления понятия «синтаксических трансформаций» в переводоведении Японии в соответствии с правилами, предлагаемыми японскими исследователями теории и практики перевода.

Исследуются также проблемы перевода с ЯЯ на РЯ пар «подлежащее-сказуемое», практики перевода придаточных определительных предложений и придаточных предложений причины.

The distinctive feature of JL syntax is that the subject takes the first place, while the predicate – the last one and the rest of the sentence parts are placed between them. Subordinate clauses: attributive (no matter how many) – before the determined word, and all the rest – before the principal clause. This creates particular difficulties when teaching the entry-level translators to translate from JL into RL. The author also considers the history of appearance of the term «syntactic transformations» in the Japanese interpretation and translation studies in accordance with the rules proposed by the Japanese researchers of the translation theory and practice.

The paper also studies the problems of translating the «subject-predicate» pairs from JL into RL, translation practice of the attributive clauses and causal clauses.

Ключевые слова: синтаксис, подлежащее, сказуемое, придаточное предложение, определительное предложение, синтаксические трансформации, придаточное предложение причины.

Key words: syntactic transformations, attributive clause, syntax, subject, predicate, causal clause.

1. Синтаксис ЯЯ и синтаксические трансформации в теории и практике перевода в Японии.

В работах лингвистов и переводчиков ЯЯ вопросам синтаксиса внимания, к сожалению, не уделялось почти или совсем никогда. Не уделяется и до сих пор.

Исходя из особенностей японского синтаксиса, здесь предлагается выделить три самых трудных для перевода на РЯ особенности японского синтаксиса: (1) перевод главных членов предложения – подлежащего и сказуемого; (2) синтаксические трансформации при переводе придаточного определительного предложения; (3) синтаксические особенности и трансформации при переводе придаточного предложения причины/следствия. При этом, хотелось бы кратко обозначить определения терминологии, которые здесь разбираются.

Синтаксис РЯ – раздел лингвистики, изучающий строение словосочетаний и предложений, а также функциональное взаимодействие в них различных частей речи. Является составной частью грамматики, исследует также и вопросы изучения **морфологии**.

Морфология же в лингвистике – это раздел грамматики, изучающий формы слов, а также сама совокупность форм слов какого-то языка. При синтаксическом анализе в лингвистике сопоставляется линейная последовательность слов (лексем) естественного или формального языка с его формальной грамматикой.

Ключевое **правило японского синтаксиса для иностранцев**, изучающих ЯЯ (когда речь идет о порядке слов в простом повествовательном предложении), состоит в том, что подлежащее – на первом месте, сказуемое – на последнем месте, а все остальные члены предложения располагаются между ними. В отличие от японского, в русском языке порядок слов в простом повествовательном (ядерном) предложении определяется иначе: на первом месте – подлежащее, вслед за ним сразу – сказуемое, а далее остальные члены предложения в зависимости от склонения существительных и управляемости глаголов.

Понятие «синтаксических трансформаций» в советско-российской лингвистике появилось всего лишь в первом десятилетии XXI века. У основателей теории перевода и переводоведения в нашей стране (в паре РЯ – европейские языки) это понятие существовало и ранее, но в виде других словосочетаний, например, «грамматические трансформации и синтаксические конструкции» [Рецкер, 2010, с. 81], «семантико-синтаксические процессы и перевод» [Полуян, 2005, с.7].

Согласно учебному пособию «Теория перевода» Гарбовского Н.К. для факультета МГУ «Высшая школа перевода» к **«синтаксическим трансформациям** могут быть отнесены изменения, которые претерпевает в переводе «схема мысли», принятая автором оригинального речевого произведения. Известно, что языки по-разному могут оформлять одно и то же суждение, придавая ему большую или меньшую выразительность» [Гарбовский, 2007, с. 486].

Вот конкретный пример на РЯ и его перевод на ЯЯ:

(1) Я иду в школу. 私は学校へ行く。 *Ватаси ва гакко: э ику.*

(2) В школу иду – я. 学校へ行くのは、私です。 *Гакко: э ику но ва ватаси дэсу.*

(3) Иду я – в школу. 私が行くのは、学校です。 *Ватаси га ику но ва гакко: дэсу.*

Таким образом, ясно, что обычная форма перевода с ЯЯ для простого повествовательного японского предложения (1) – это перевод от первого слова-подлежащего к последнему слову – сказуемому, а только потом в конце – обстоятельство места «в школу». Если переводить такое японское предложение по порядку появления слов в тексте, то получается «Я в школу иду». С точки зрения смыслового, семантического, значения переведенного русского предложения, акцент падает на слово «иду». А это может привести к смысловому искажению общего смысла сложного предложения, особенно если для переводчика тема не знакома.

Если проанализировать все три предложения на РЯ, то оказывается, что «схема мысли», по выражению Гарбовского Н.К., то есть смысловый акцент в каждом из них передвигается на последнее слово. Отсюда и необходимость перевода на ЯЯ с применением субстантивированных конструкций.

В паре языков – русский/японский – анализ проблем синтаксиса ЯЯ можно встретить в книге Шкловского Ильи Григорьевича, переводчика ЯЯ, работающего в Харькове в качестве преподавателя ЯЯ в «Харьковском колледже». В аннотации к книге¹ отмечается, что эта книга – «монографическое исследование, посвященное проблемам синтаксического анализа предложения при переводе с ЯЯ» [Шкловский, 2005, с. 2]. При этом сам автор пишет в предисловии, что это – «первая из подготовленных им книг, систематически охватывающих основные вопросы ГРАММАТИКИ ЯЯ» (выделено мною – Е.Д.). [Шкловский, 2005, с.7]. Разбирая очень подробно все виды перевода синтаксически сложных предложений с ЯЯ на РЯ, Шкловский И.Г. при этом дает варианты перевода с ЯЯ на РЯ с точки зрения ГРАММАТИКИ ЯЯ. Понятие «синтаксические трансформации» в данной книге также не встречается.

Понятие «синтаксические трансформации» на ЯЯ 構文の転換 *ко:бун но тэнкан* включает несколько терминов, обозначающих слово «синтаксис». Буквальный перевод понятия «синтаксис» в следующих сочетаниях означает по иероглифам:

1. 統語論 *то:горон* теория об управлении словами в целом.
2. 統辞論 *то:дзирон* теория управления иероглифическими символами.
3. 構文論 *ко:бунрон* теория, имеющая дело с предложением.

¹Шкловский И.Г. Практический синтаксис ЯПОНСКОГО ЯЗЫКА. Элементарное предложение. М.:АСТ, Харьков: Торсинг, 2005. 765 с.

4. シンタクス (syntax) синтаксис

В Википедии на ЯЯ смысл и различия в значениях этих терминов определяется (перевод с ЯЯ мой– Е.Д.) следующим образом:²

«Японским термином 統語論 *то:горон* или иноязычным заимствованием – словом «синтаксис» называется часть лингвистики, которая имеет дело с механизмом структурирования предложения в речи людей, Человека. Синтаксис – это часть «принципиальных законов, включающих, в частности, грамматику, «фонологию (механизмы сочетания звуков), морфологию (механизмы структурирования слова), а также устанавливающих в предложении структуру и порядок слов».

Понятие «синтаксических трансформаций» в Википедии на ЯЯ отсутствует.

2. Практика перевода с ЯЯ главных членов предложения.

Если возвратиться к семантико-синтаксическим особенностям перевода с ЯЯ сложносочиненного или сложноподчиненного предложения, в каждом из входящих в их состав простых предложений сохраняется правило перевода от подлежащего к сказуемому, а только после каждой пары главных членов предложения следует переводить второстепенные члены предложения в каждом из них. Вот два примера:

1.最近の首相の国連総会演説は、必ず「人間の安全保障」の増進にふれている。

Сайкин но сюсё: но кокурэн со:кай эндзэцу ва , канарадзу, «нингэн но андзэн хосё: «но дзэнсин ни фурэтэ иру». **Перевод:** В недавней речи на Генеральной ассамблее ООН премьер-министр коснулся проблемы продвижения в обязательном порядке вопроса об «обеспечении безопасности Человека».

Как понятно по выделенным словам, в японской фразе подлежащее 首相 *сюсё:* премьер-министр и сказуемое *ふれている* *фурэтэиру* *коснулся* – стоят в противоположных концах фразы, а в переводе на РЯ эти главные члены предложения, согласно правилам РЯ, должны стоять рядом.

2. √しかし、「人間の安全保障」とは一体何か、いくつかの疑問があるかもしれない。

Сикаси, «нингэн но андзэн хосё: «то ва иттай нани ка, икуцука но гимон га ару ка мо сирэмасэн». **Перевод:** Однако **возможно**, что есть несколько сомнительных проблем в

² Текст на ЯЯ: 統語論 (とうごろん), 統辞論 (とうじろん), 構文論 (こうぶんろん) ともいう。統語論 (とうごろん) あるいはシンタクス (syntax) とは、ヒト・人間の言語において文が構成される仕組み、またはそれを扱う言語学の一分野である。統語論は文法 [音韻論 (音の仕組み)、形態論 (語が構成される仕組み) などを含む、言語の構造を成り立たせている諸原理] の一部である。ただし、特に統語論のことを指して「文法」ということもある。Ja.Wikipedia/org.: 統語論Wikipedia 日本語。

том вопросе, когда мы спрашиваем: а что в целом называется «обеспечением безопасности Человека?»).

Данное японское предложение – сложноподчиненное. Правила синтаксиса ЯЯ требуют, чтобы главное предложение стояло в конце (*выделено мною шрифтом*) или после придаточного предложения, а в переводе на РЯ оно же выносится в начало предложения.

Как видно из произвольно взятых из японской газеты фраз, в переводе пришлось поставить подлежащее и сказуемое рядом, хотя в оригинале на ЯЯ они отделены друг от друга большим количеством второстепенных членов предложения.

3. Практика перевода придаточных определительных предложений.

При обучении переводу начинающие переводчики испытывают особые трудности в связи с абсолютно противоположным местом придаточного определительного предложения в сложных предложениях ЯЯ и РЯ. При сравнении двух фраз: **русской**: «Стол, **который** я давно хотел купить, **который** я увидел вчера в соседнем магазине и **который** мне очень понравился, сегодня доставили мне из магазина» и её **японского перевода**:

前に買いたくて、隣の家具屋さんで、昨日見つけて、気に入った机なら、今日、そちらに届けてもらってきたのです。 *Маэ ни каи такутэ, тонари но кагуя–сан дэ, кино: мицукэтэ, ки ни итта цукуэ нара, кё:, сотира ни тодокэтэ моратта но дэсу.*

– отчетливо заметно, что придаточное определительное предложение стоит в **русском** предложении – **после определяемого слова**, а в **японском** предложении – **перед определяемым словом**. Начинаящий переводчик, не замечая этого, делает ошибку, превращая при переводе на РЯ в главное сказуемое заключительную форму сказуемого в ЯЯ, которая характеризует конец определительного предложения в середине японского сложного предложения.

Слово «который» появляется в переводе на РЯ как добавленное дополнительное и крайне необходимое слово. В иных случаях вместо вставки слова «который» переводчик переводит в форме причастного оборота. Но в японской грамматике нет категории «причастия». И это – еще одна большая трудность и условность при переводе с ЯЯ.

Учитывая факт отсутствия в ЯЯ категории причастия, следует придерживаться правила перевода придаточных определительных предложений с ЯЯ на РЯ в виде классических форм придаточных определительных предложений с введением на РЯ относительных местоимений, типа «который, когда, что и т.д.», каким бы «удобным» ни представлялось употребление причастных оборотов.

4. Практика перевода придаточных предложений причины (с союзами *кара/нодэ*).

Выделение в раздел синтаксических трансформаций отдельно придаточного предложения причины объясняется тем, что основные показатели причины в ЯЯ *кара /нодэ*, как ни странно, также доставляют трудности начинающему переводчику. Эти трудности вызваны не грамматическими особенностями показателей, а особенностями синтаксиса японского предложения.

Речь, прежде всего, идет о том, что придаточное предложение причины с данными показателями всегда расположено в начале японского сложноподчиненного предложения. Но перевод этих показателей на РЯ словами «потому что; так, как» требует того, чтобы переносить его в конец переводимого на РЯ сложного предложения и ставить его после главного предложения.

В случае, если этот же показатель *кара* переводится словом «поэтому», тогда сохраняется порядок расположения и в переводе придаточного (уже не причины, а следствия) и главного предложения, то есть, сначала придаточное предложение из японского текста, которое становится главным в РЯ, а затем главное предложение из японского текста начинается со слова «поэтому» и таким образом превращается в придаточное предложение.

(1) *~から* *кара* присоединяется к любой заключительной форме сказуемого, в том числе и в форме *~です(дэсу) / ~ます (масу)*.

– あの人は頭がいいから、入学試験に合格するだろう。 *Анохито ва атама га итай кара, ню:гаку сикэн ни го:каку суру даро:*. Он, наверное, сдаст вступительные экзамены, **потому что** голова у него хорошая. **Либо:** Голова у него хорошая, **поэтому** он, наверное, сдаст вступительные экзамены.

– 雨が降っていますから、傘を貸して持って行ってください。 *Амэ га футтэ имасу кара, каса о каситэ моттэ иттэ кудасай*. Идет дождь, **поэтому** возьмите у меня зонтик!

– 今日は休みだから、誰も来ないでしょう。 *Кё: ва ясуми да кара, дарэ мо конай дэсё:*. Сегодня – выходной, **поэтому** никто не придет.

Отдельно стоит отметить употребление *~ кара*, когда главное предложение отсутствует, либо имеет место инверсия в сложно-подчиненном предложении причины. В таком случае следует в переводе слова *~кара* использовать русское слово «ведь».

–そんな体で無理をしようものなら、死んでしまうから... Сонна карада дэ мури о сиё: моно нара, синдэ симау кара... **Ведь** ты умрешь, если при таком состоянии здоровья ты будешь совершать необдуманные поступки!

– 遅刻 (ちこく) ばかりをしていると、会社に首になるから。。。 *Тиококу бакари о ситэ иру то , кайся ни куби ни нару кара...* **Ведь** тебя фирма уволит, если ты будешь постоянно опаздывать!

(2) ~ ので (~нодэ): присоединяется к заключительной форме сказуемого в большинстве случаев в форме без ~ です (~ дэсу) / ~ ます (~ масу)

– 十年会わなかった友達がすっかり変わっていたので 見違えた。 *Дзю:нэн аванакатта томотати га суккари каваттэ ита **нодэ** ми-тигаэта.* Друг, которого я не встречала 10 лет, сильно изменился, **поэтому** выглядел совсем другим..

– 弟は目が悪いので、めがねをかけています。 *Ото:то ва мэ га варуй **нодэ**, мэганэ о какэтэ имасу.* Мой младший брат носит очки, **т.к.** у него плохое зрение.

5. Японские переводоведы о синтаксических трансформациях при переводе на ЯЯ (с европейских языков).

Если следовать хронологии, то можно сказать, что первые работы, включающие понятие «синтаксических трансформаций» « при переводе на ЯЯ с европейских (читай: с АЯ) языков появились в Японии в конце XX века. В 1995 г. в Японии издана работа НАКАМУРА Ясуо «Секреты перевода. Теория и практика».³

НАКАМУРА Ясуо⁴ в Послесловии к сборнику прямо говорит, что его книга является методическим руководством (指南書 *синансё*), в котором впервые систематически разъясняются способы, методы или иначе – технологии (技法 *гихо:*) англо-японского перевода по таким разделам, как «Проблема подлежащего», «Трансформации частей речи», «Синтаксические трансформации». Автор считает свою систематизацию, изложенную в теоретической части этой книги, экспериментальной и не завершённой окончательно. При этом он выражает как автор надежду, что читатели воспримут её, как «справочное издание, которое поможет по– своему оттачивать технологию /искусство перевода» [Накамура, 1995, с. 246-247].

В главе «Синтаксические трансформации» (*Ко:бун но тэнкан 構文の轉換*) на конкретных англоязычных примерах им представлены образцы перевода с АЯ на ЯЯ с помощью синтаксических трансформаций.

³中村保雄、翻訳の秘訣。理論と実路。東京。新潮選書。平成七年。(Накамура Ясуо. *Хонъяку но хикэцу. Рирон то дзицуро*). НАКАМУРА Ясуо «Секреты перевода. Теория и практика». Токио, изд-во «Синтё-сэнсё», 1995. 247 стр.

⁴ См. Приложение 1

Автор приводит примеры перевода с АЯ на ЯЯ простых предложений, при котором он изменяет порядок слов «буквального «перевода» (直訳*тёкуяку*) на «более естественный для ЯЯ порядок». Это касается перевода простого предложения на АЯ в виде сложноподчиненного предложения на ЯЯ. Именно такой перевод он считает «более естественным» для ЯЯ. Вот его примеры:

(1) Not many people can do such a thing. (Немногие люди могут сделать такое⁵).

こんなことのできる人はあまりいない。(Не очень много таких людей, которые могут сделать такое). *Конна кото но дэкиру хито ва амари инай*.

В другом примере сложного предложения автор предлагает переводить его не как сложносочиненное, каким оно является в оригинале на АЯ, а как сложноподчиненное для ЯЯ.

(2) Some people went out, others came in. (Некоторые люди выходили, другие – входили.)

«Буквальный перевод» 直訳*тёкуяку* на ЯЯ (по мнению Накамура):
ある人は出て行き、他の人々は入って来た。*Ару хито ва дэтэ юки, хока но хитобито ва хаиттэ кита*. – сам же автор считает «корявым (ぎごちない*гиготинай*) «и предлагает следующий «вольный перевод» (意識 *ияку*) [Накамура, 1995, с. 101].

出て行く人もあり、入って来る人もあった。(Были и люди, которые выходили, были и люди, которые входили.) *Дэтэ юку хито мо ари, хаиттэ куру хито мо атта*. [Накамура, 1995, с. 102].

(3) При использовании порядкового числительного (*дзёсу*: 序数) правильным переводом на ЯЯ автор книги считает следующий вариант:

He asked the question for a hundredth time. (Он задал вопрос в сотый раз.)

その質問をしたのは、これでもう百回目くらいだった。**Обратный перевод:** То, что он задавал свой вопрос, было уже в сотый раз. *Соно сицумон о сита но ва корэ-дэ мо: хяккаймэ курай датта*. А за буквальный перевод на ЯЯ: 彼はその質問を百回目に訊いた。*Карэ ва соно сицумон о хяккаймэ ни кита*. – Накамура ставит оценку, которую можно перевести как полная «дисквалификация переводчика 翻訳者失格 *хонъякуся сиккаку*» [Накамура, 1995, с. 101].

Другой автор по теории перевода БЭККУ Саданори⁶ написал о синтаксических трансформациях в 2011 г. в книге «Лекции по переводу: шаг за шагом. Ответственность за

⁵ Перевод с АЯ и с ЯЯ здесь и далее-мой. Е.Д.

⁶ См. Приложение 1

объяснения – есть и у переводчика»⁷. В ней БЭККУ С. предлагает 5 рекомендаций или выводов, которые должен соблюдать переводчик с АЯ на ЯЯ.

1. Избегать длинных и сложных описательных определений (к именным понятиям).
2. Делать четким и ясным содержание текста; вставляя по необходимости (дополнительные) слова, в частности, соответствующие союзы.
3. Разбивать сложное предложение на такие короткие фразы, в которых основной смысловой акцент переносится на глагол с существительного (абстрактного *せ:め: мэйси* 象徴名詞 или герундия – в АЯ *до:мэйси* 動名詞).
4. Исключать, по возможности, (из АЯ) местоимения при переводе на ЯЯ⁸
5. Не делать неодушевленный предмет подлежащим, которое действует самостоятельно или которое употребляется с глаголом в страдательном залоге.

По его мнению, при переводе с АЯ это необходимо, чтобы «превратить выражения англоязычно-подобные *英語らしい эйго-расий* в выражения японоязычноподобные *日本語らしい表現へ нихонго-расий хё:гэн э*» [Бэкку, 2011, с. 114-115].

Эти рекомендации Бэкку можно интерпретировать так, что правила перевода связаны с изменением порядка слов в переводном предложении на ЯЯ в соответствии с нормами синтаксиса ЯЯ, а не того порядка слов, который имеется в тексте оригинала, в данном случае на АЯ.

Приложение 1. Творческая биография японских авторов

БЭККУ Саданори. Родился в 1927 г. Окончил отделение английской филологии университета Дзёти дайгаку, иначе называется «Софийский университет»⁹, и там же работал преподавателем, закончив магистратуру и аспирантуру того же университета. Работал профессором филфака Дзёти дайгаку. Переводчик АЯ. Работал в области широкого круга проблем. Половина из перечисленных в аннотации к книге работ связана с теорией перевода с АЯ на ЯЯ. А другие – с практикой обучения англо-японскому переводу.

1. Ошибки перевода, неточный перевод, недостатки перевода. 誤訳迷約欠陥翻訳
гояку мэйяку кэккан хонъяку.

2. АЯ в школе. Технологии практического перевода.
学校英語実路翻訳の技術 Гакко: *эйго. Дзишуро хонъяку но гидзюцу.*

⁷別宮貞徳、ステップアップ翻訳講座、翻訳者にも説明責任が。東京。たくま学芸文庫。2011。(Бэкку Саданори. *Сутэппу аппу хонъяку ко:дза, хонъякуся ни мо сэцумэй сэкинин га*). БЭККУ Саданори . Лекции по переводу: шаг за шагом. Ответственность за объяснения – есть и у переводчика. Токио, изд-во «Такума гакугэй бунко». 202 стр.

⁸ В переводе на ЯЯ: имеется в виду - заменить их служебными глаголами, выражающими направленность действия от одного лица к другому.

⁹ Расположен в Токио, а не в Болгарии (прим. – моё. Е.Д.)

3. Курс по практике перевода – вызов знатокам.
達人に挑戦・実況翻訳教室 *Тацудзин ни тё:сэн. Дзиккё: хонъяку кё:сицу.*
4. Хрестоматия по переводу. 翻訳読本 *Хонъяку токухон.*
5. Читаем по-английски «Алису в стране чудес» 不思議の国のアリスを英語で読む
Фусиги но кунни но Арису о эйго дэ ёму.
6. Ритм японского языка 日本語のリズム *Нихонго но ридзуму.*
7. Лекции по переформулированию предложения. 裏返し文章講座 *урагаэси бунсё:
ко:дза.*
8. Философия развлечений. あそびの哲学. *Асоби но тэцугаку.*
9. Продвижение по пути многозначного мировоззрения. 複眼思考のすすめ.
Фукуган сико: но сусумэ.
10. Здесь была музыка. そこに音楽があった. *Соко ни онгаку га атта.*

НАКАМУРА ЯСУО 中村保男

Родился в 1931 г в Токио. В 1958 г. окончил аспирантуру по английской филологии Токийского госуниверситета. Работал лектором – преподавателем в (частных) университетах Кэйё:, Риккё:, Васэда. Ныне является переводчиком и литератором-писателем. Его труды:

1. Англо-японский словарь переводных выражений. 英和翻訳表現辞典 *Эй-ва хонъяку хё:гэн дзитэн .*
2. Технология перевода. 翻訳の技術 *Хонъяку но гидзюцу.*
3. Слова живут. 言葉は生きている *котоба ва икитэиру.*
4. АЯ как образ. イメージとしての英語 *Имэ:дзи то ситэ но эйго.*
5. Развлекаемся с АЯ. 楽しむ英語 *Таносиму эйго ..*

Общеизвестно, что одной из основополагающих задач переводчика является создание художественного перевода, адекватного подлиннику. Поэтому одним из главных факторов успешного перевода считают теоретические знания и эрудицию переводчика, хорошее знание им языка, истории, культуры и литературы, быта и национальных традиций и обычаев того народа, которому принадлежит оригинал текста.

Список литературы:

- Гарбовский Н.К.* Теория перевода. М.: Изд-во Московского университета. 2007. 543 с.
Полуян И.В. Семантико-синтаксические процессы и перевод. Практическое пособие. М.: Р. Валент, 2005. 238 с.
Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода. М.: Р. Валент, 2010. 240 с.

Шкловский И.Г. Практический синтаксис ЯПОНСКОГО ЯЗЫКА. Элементарное предложение. М.: АСТ, Харьков: Торсинг, 2005. 765 с.

中村保雄、翻訳の秘訣。理論と実路。東京。新潮選書。平成七年。(Накамура Ясуо. Хонъяку но хикэцу. Рирон то дзицуро). НАКАМУРА Ясуо «Секреты перевода. Теория и практика» Токио: изд-во «Синтё-сэнсё». 1995. 247 с.

別宮貞徳、ステップアップ翻訳講座、翻訳者にも説明責任が。東京。たくま学芸文庫。2011。(Бэку Саданори. Сутэппу аппу хонъяку ко:дза, хонъякуся ни мо сэцумэй сэкинин га). БЭККУ Саданори. «Лекции по переводу: шаг за шагом. Ответственность за объяснения – есть и у переводчика». Токио: изд-во «Такума гакугэй бунко». 2011. 208с.

ПОЛОЖИТЕЛЬНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ МИРОВЫХ СЮЖЕТОВ У ПУШКИНА

THE POSITIVE INTERPRETATION OF THE GLOBAL HISTORIES IN CREATIVITY BY PUSHKIN

Секрет всенародной любви к творчеству А.С. Пушкина состоит в его позитивном взгляде на мир, что нетипично для русской литературы XX века. Известные общемировые сюжеты с трагическим концом он также переделывает в положительные, щадя героев и их любовь.

The secret to people «s love for creativity AS Pushkin is his positive view of the world, which is not typical for Russian literature of the nineteenth century. Known global stories with a tragic end, he also reworks into positive, sparing the heroes and their love.

Ключевые слова: пушкинская проза, интерпретация, мировые сюжеты, положительный взгляд на мир, влияние на русскую литературу.

Key words: Pushkin «s prose, interpretation, global themes, the positive view of the world, the impact on Russian literature.

*О сколько нам открытий чудных
Готовят просвещенья дух,
И опыт, сын ошибок трудных,
И гений, парадоксов друг,
И случай, бог-изобретатель...
А.С. Пушкин (1829–30)¹⁰*

Идея этого исследования родилась во время сессии. Преподавание русской литературы XIX–XX вв. влечет за собой проверку знаний: за короткое время на экзамене хочется узнать, какой объем текстов удалось одолеть студенту. Одним из глобальных «вопросов на засыпку» является такой: «В каком произведении история любви заканчивается счастливо?» Практика показывает, что студент надолго «зависает», закатывает глаза, начинает бормотать: «У Булгакова? Они же вместе, но только на том свете... У Чехова? – Нет у Чехова... Так, у Лермонтова вообще плохо... Знаю! Они жили долго и умерли в один день!» Преподавателю по крайней мере понятно, что именно читал экзаменуемый, и цитата из Грина – большая редкость, заслуживающая поощрения. Но если строго подойти к процессу отбора, то обнаружим, что в программных произведениях

¹⁰ Стихотворение, написанное в связи с изобретением П.Л. Шиллингом телеграфного аппарата с белыми и черными клавишами, в котором использовался бинарный код, аналогичный используемым в современных компьютерных программах.

практически нет истории (в том числе и любовной) с хорошим концом. Предполагается, что классика – образец для подражания, но образцы счастливой жизни не даны. Исключение представляет творчество А.С. Пушкина, который декларировал свой подход в начале романа «Евгений Онегин»:

<p>Друзья мои, что ж толку в этом? Быть может, волею небес, Я перестану быть поэтом, В меня вселится новый бес, И, Фебовы презрев угрозы, Унижусь до смиренной прозы; Тогда роман на старый лад Займет веселый мой закат. Не муки тайные злодейства Я грозно в нем изображу, Но просто вам перескажу Преданья русского семейства, Любви пленительные сны Да нравы нашей старины.</p>	<p>Перескажу простые речи Отца иль дяди старика, Детей условленные встречи У старых лип, у ручейка; Несчастной ревности мученья, Разлуку, слезы примиренья, Поссору вновь, и наконец Я поведу их под венец... Гл.3, стр. XIII, XIV</p>
---	--

В период перехода от романтизма к реализму А.С. Пушкин начал пересматривать общеизвестные сюжеты с точки зрения «презренной прозы», т.е. житейского здравого смысла. Перечитывая в 1825 г. в ссылке, в деревне «Лукрецию» – «довольно слабую пьесу Шекспира», он решил изменить развязку, спародировав и Шекспира и исторический факт. Героиня «Графа Нулина» дала пощечину соблазнителю, и тем самым избежала позора. Если бы то же сделала Лукреция, возможно, «Брут не изгнал бы царей, и мир, и история были бы не те»¹¹. Примечательно, что эта поэма была написана 13–14 декабря 1825 года, в дни, когда Россия стояла перед историческим выбором – «бывают странные сближенья». Сам поэт тоже стоял перед выбором, и не одним. Во-первых, творческим: романтизм (не говоря уже о классицизме и сентиментализме) к этому времени исчерпал себя как метод отражения действительности и Пушкин осознал это в ссылке в Михайловском. Его поэма начинается абсолютно прозаической фразой: «В начальных числах сентября, презренной прозой говоря, в деревне скучно, грязь, ненастье...», – которая привела в восторг Плетнева. Парадокс заключается в том, что формально «Граф Нулин» – все-таки поэма, и не просто ритмичная рифмованная проза, а достаточно вычурное по форме произведение, написанное октавами, с отсылками к сюжетам из мировой литературы и с сатирическим пафосом, свойственным античной традиции (напр., знаменитые сатиры Ювенала). Однако современники отнеслись к этому эксперименту крайне отрицательно, а критики упрекали

¹¹ Пушкин А.С. «Заметка о поэме «Граф Нулин». [Пушкин А.С., т.6, ст.324]

поэта в неблагопристойности¹². Полгода спустя будет сделан второй выбор: политической ориентированности и ангажированности. Они отразились в интерпретации полярных сюжетов: античного в стихотворении «Арион» («Я гимны прежние пою...») и библейского Исая в «Пророке» («Глаголом жги сердца людей»).

Но мы наибольшее внимание уделим интерпретации еще одного шекспировского сюжета – о Ромео и Джульетте, который воплощается в творчестве уже писателя-прозаика в двух, а может и более вариантах. Романтическая любовь детей враждующих отцов в романе «Дубровский» заканчивается типично русским подчинением злой судьбе. В этом произведении на первом месте – вражда и месть. А затем уже идут мистификация, переодевание, знакомство. После чего следует признание Дефоржа: «Я понял, что дом, где обитаете вы, священ, что ни единое существо, связанное с вами узами крови, не подлежит моему проклятию. Я отказался от мщения, как от безумства» [Пушкин А.С., 1976, т. 5, с. 174], которое вполне сопоставимо с восклицанием Джульетты о розе, которая благоухает независимо от названия, и о Ромео, который прекрасен, несмотря на то что Монтекки. Есть и письмо девушки, не дошедшее до адресата, не предупредившее об опасности влюбленного героя, есть постылый жених и твердая решимость отца выдать замуж непокорную дочь. «Дубровский» – типичная трагедия, в которой чувство долга обрекает на гибель два юных сердца.

Напротив, «Барышня-крестьянка», в которой не меньше примет шекспировской трагедии – изначальное отсутствие общения между семьями, предубеждения родителей, карнавальное переодевание героев, тайные встречи и твердая решимость жениться вопреки воле отца – дает неожиданную, но вполне приемлемую развязку: отцы помирились на охоте, счастьем детей ничто не угрожает. Эта милая, легкая для чтения и радостная повесть вызвала наибольшее раздражение критиков при всеобщем восхищении читателей. Сам автор изначально предполагал такую реакцию¹³ и именно поэтому публиковал свою выдающуюся подборку повестей не просто анонимно, а под именем вымышленного, трогательного и простоватого И.П. Белкина, который к тому же указывал источники историй (например, «Барышня» была якобы рассказана девицею К.И.Т.). Это Баратынский, читая преобразованные на русской почве мифы, «ржал и бился», да рядовой читатель, устав от готически-печальных развязок и мрачной мистики, мог искренне порадоваться за героев несостоявшегося «Выстрела» и обретенного брака в «Метели», но

¹² Лучше всего об этом сказано в заметке самого А.С. Пушкина «Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений» [Пушкин А.С., 1976, т. 6, с. 284-301].

¹³ В письме к Плетневу от 9 декабря 1830 г.: «Написал я прозою 5 повестей, от которых Баратынский ржет и бьется – и которые напечатаем также Аноним. Под моим именем нельзя будет, ибо Булгарин заругает»; от 15 августа 1831 г.: «Смирдину шепнуть мое имя, с тем, чтобы перешепнул покупателям».

только не критики. «Неистовый Виссарион» Белинский назвал «Барышню-крестьянку» «особенно жалкой из всех повестей», ему претила пародийность развития сюжета, явная параллель с «Бедной Лизой» Карамзина вплоть до имени главной героини¹⁴ и счастливая концовка.

Чуть ниже мы попытаемся разобраться в парадоксальном решении Пушкиным типичных сюжетов, а сейчас сделаем отступление о том, что так могло раздражить критику. «Барышня-крестьянка» была написана в знаменитую Болдинскую осень, а за 8 дней до нее была закончена 8-я глава «Евгения Онегина». И все хорошо помнят, что Татьяна как раз отказала Евгению во взаимности, конец романа можно считать трагическим, испортившим всю «энциклопедию русской жизни». «Не отдалась, а отдана!» – восклицал Белинский в 5-й статье о сочинениях А.С. Пушкина, то есть и здесь концовка в буквальном смысле слова не выдерживает критики. Но ведь она диаметрально противоположна «Барышне-крестьянке»?! Исходя из опыта преподавания искусства практической риторики, я могу дать вполне конкретный ответ на этот вопрос: обе женщины были умны и отличались завидной логикой построения речей, что собственно и раздражало критиков.

В Царскосельском лицее был удивительный преподаватель риторики – Н.Ф. Кошанский – который дал своим воспитанникам основы античной и богословской системы построения речи. Именно против него, уже после его смерти, язвительно выступал Белинский, порицая классические приемы логики и аргументации в фундаментальном учебнике¹⁵ «Реторика» г. Кошанского, как и все реторики, говорит и о родах прозаических сочинений, учит: как писать историю, как писать ученые трактаты, как описывать то или другое, как писать письма... Что за нелепость! Да разве всему этому выучиваются? <...> В наставлении о написании рассуждений г. Кошанский ввел логику: жаль, что не включил он в свою реторику ни географии, ни минералогии!... « Но вот мы читаем последний (не романтически-наивный в письме, а реалистический) монолог Татьяны, и находим в нем в предельно лаконичной форме историю вопроса («Онегин, я тогда моложе, я лучше, кажется, была, и я любила Вас»), формулировку проблемы («что ж

¹⁴ В 1831 году вышли «Повести Белкина», холодно принятые публикою и еще холоднее журналами. Действительно, хотя и нельзя сказать, чтоб в них уже вовсе не было ничего хорошего, все-таки эти повести были недостойны ни таланта, ни имени Пушкина. Это что-то вроде повестей Карамзина, с тою только разницею, что повести Карамзина имели для своего времени великое значение, а повести Белкина были ниже своего времени. Особенно жалка из них одна – «Барышня-крестьянка», неправдоподобная, водевильная, представляющая помещичью жизнь с идилической точки зрения... [Белинский В.Г. «Сочинения Александра Пушкина. Статья одиннадцатая и последняя». Полн. собр. соч.: В 13 т. М., т. 3., с. 428].

¹⁵ В.Г. Белинский. Общая риторика Н.Ф. Кошанского (Рецензия) // Полн. собр. соч.: В 13 т. М., т. 11, с. 503. Общая риторика Н. Кошанского. Изд-е девятое. Санкт-Петербург. В тип. Департамента Военных поселений. 1844.

ныне меня преследуете Вы?»), аргументацию («что муж в сраженьях изувечен, что нас за то ласкает двор, не потому ль, что мой позор теперь бы всеми был замечен?»), мотив («и мог бы в обществе принести Вам соблазнительную честь»), альтернативную модель («а счастье было так возможно»), объяснение собственной точки зрения («а мне, Онегин, пышность эта, постылой жизни мишура...»), выражение чувств («я Вас люблю, к чему лукавить?»), лирическое отступление («где нынче крест и тень ветвей над бедной нянею моей»), апелляцию (почти комплимент) к оппоненту («я знаю, в Вашем сердце есть и гордость, и прямая честь»), фактологическое напоминание («я вышла замуж») и наконец, двухступенчатый градуированный призыв («Вы *должны*, я Вас *прошу* меня оставить»), после которого следует безапелляционный вывод (итог): «я другому отдана, я буду век ему верна» – пусть кто-то посмеет поспорить с седьмой Заповедью, данной еще в Ветхом Завете. Параллель: в «Дубровском» Маша Троекурова только обвенчана, но уже считает себя обязанной хранить верность супругу. Поспорить невозможно – и именно это и раздражает. Евгений Онегин, обладающий *резким, охлажденным умом, предпочитающий Адама Смита Гомеру*, не находит ни одного возражения, он «стоит ... как будто громом поражен». Это был *логический* конец истории. Двести лет читатели силились придумать счастливую развязку, хотя уже в начале XIX века было дано такое описание: И.С. Тургенев в юношеской поэме «Параша» поженит влюбленных и убедительно нарисовал картину их несчастливой семейной жизни.

В «Барышне-крестьянке» история любви закончилась благополучно, однако все равно вызвала негодование русской критики, представленной на то время только мужскими именами (поскольку женщины уже переводили и писали, но еще не критиковали). Лиза Муромская, всего лишь провинциальная барышня, подобная Татьяне Лариной и Марье Троекуровой¹⁶, начитанная и очень сообразительная, берет инициативу в свои руки. Она заинтригована образом мрачного, по-столичному романтического юноши, который носит перстень с изображением мертвой головы и в то же время тискает и целует крестьянок, и девушка пытается развенчать все стереотипы. Лиза *сознательно* режиссирует спектакль, в котором мужчина играет вторую роль: знакомится, просит о свидании, дает клятву не искать Акулину в деревне, учит крестьянку писать и читать, поражается её уму и способностям, собирается отказаться от выгодного брака в пользу мезальянса. Способности Бетси-Лизы-Акулины к перевоплощению и мистификации

¹⁶ «... что за прелесть эти уездные барышни! Воспитанные на чистом воздухе, в тени своих садовых яблонь, они знание света и жизни почерпают из книжек. Уединение, свобода и чтение рано в них развивают чувства и страсти, неизвестные рассеянным нашим красавицам. ...шутки поверхностного наблюдателя не могут уничтожить их существенных достоинств, из коих главное: особенность характера, самобытность (individualite), без чего, по мнению Жан-Поля, не существует и человеческого величия.» [Пушкин А.С., 1976, т. 5, с. 85]

нагляднее всего демонстрируются в сцене встречи отцов и детей: для того, чтобы молодой человек не узнал любимую девушку, требуется изрядная сноровка с применением макияжа, продуманного нелепого наряда, иностранного языка, нарочито жеманного поведения, в конце концов, выставленной напоказ ножки, «обутой со всевозможным кокетством» и в то же время опущенных глаз. Лиза в образе Акулины, наиболее естественном и близком к природе, убеждается в своих женских прелестях, а не в классово-материальных преимуществах. И тут же рядом стоят превосходные качества жениха, который вполне разделяет карамзинскую мысль: «И крестьянки умеют любить», но в то же время готов взять на себя ответственность за будущий союз, идя против воли отца. Девушка не бросается с головой в омут страстей, а ведет себя хитро, рассуждает толково, скорее всего, она выиграла бы партию и при другом раскладе. У незаконченного романа «Дубровский» есть наброски продолжения, в котором тоже присутствуют планы А и В, при этом непонятно, какая развязка предполагалась у автора счастливой.

Как в мировой классической литературе вообще, так и в русской, очень мало сюжетов о любви со счастливым концом. Такие развязки считаются признаком лёгкого, развлекательного чтива. Исключениями являются пушкинские «Повести Белкина», «Капитанская дочка», под впечатлением от перечитывания которых находился Л.Н. Толстой, создающий как раз концовку к роману «Война и мир»¹⁷. Возможно, влиянием позитивного мышления Пушкина мы обязаны если не счастливому эпилогу эпопеи Толстого, то сборникам трогательных сказок для детей. И следом возник замысел романа о незаурядной женщине – Анне Карениной.

О непростой архитектонике «Повестей Белкина» написано много, но хотелось бы обратить внимание читателей еще на один аспект: планирование автором настроения публики от начала знакомства с творчеством «виртуального» автора Белкина к концу. Как известно, Пушкин всегда выставлял даты написания произведений: первой была написана повесть «Гробовщик» – 9 сентября, затем – «Станционный смотритель» – 14 сентября, «Барышня-крестьянка» – 20 сентября, «Выстрел» – 14 октября, и наконец «Метель» – 20 октября. Но затем порядок представления в печать был изменен (заметим, таким же путем пошел Лермонтов, который отдал в печать сначала повести «Фаталист» и «Бэла», а затем изменил порядок их следования в романе с единым героем¹⁸ и, сверх того, с образом рассказчика). То, что «Гробовщик» был написан первым, не случайно. Весь 1830-й год

¹⁷ «Давно ли вы перечитывали прозу Пушкина? Сделайте мне дружбу – прочтите с начала все «Повести Белкина». Их надо изучать и изучать каждому писателю. Я на днях это сделал и не могу вам передать того благодетельного влияния, которое имело на меня это чтение» [Л.Н. Толстой. М., 1955, с. 144].

¹⁸ Речь идет о романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени», где имеется еще одна известная параллель: фамилия Печорина образована, как и фамилия Онегина, от названий рек, ассоциируясь с характером бурной горной реки в первом случае и спокойной среднеравнинной во втором.

Пушкин выяснял отношения с семьей невесты, ему отвечали то положительно, то отрицательно, выставляли невыносимые условия женитьбы на бесприданнице. Безусловно, переживания автора отразились в творчестве. Герой повести Адриан Прохоров переезжает с Басманной (где останавливался сам Пушкин наездами в Москву у своего дядюшки Василия Львовича) на Никитскую (где проживали Гончаровы, и куда он писал письма из Болдина, опасаясь, что холера дошла до Москвы, – отсюда и мрачноватый мотив свадьбы в повести). Похоронные настроения ограниченного в передвижении карантинного писателя несколько уравновешивались возможностью писать, о чем он шутливо сообщает в письме к Плетневу от 9 сентября (дата создания «Гробовщика»): «Ты не можешь вообразить, как весело удрать от невесты, да и засесть стихи писать. Жена не то, что невеста. Куда! Жена свой брат. При ней пиши сколько хошь. А невеста пуще цензора Щеглова, язык и руки связывает...» [Пушкин А.С., 1977, т. 9, с. 334]. Но и в этой повести Пушкин не идет по традиционному пути: «Шекспир и Вальтер Скотт оба представили своих гробокопателей людьми шутливыми и веселыми» [Пушкин А.С., 1977, т. 5, с. 65] – а рисует мрачного расчетливого производителя гробов, отца двух дочерей, человека, оскорбившегося за своих клиентов и за свое ремесло (а ведь пушкинское ремесло в то время мало кто считал достойным источником доходов). Абсолютно романтический призыв главного героя к мертвецам приводит к ночному шабашу, который потом получит мистическое продолжение, например, у Гоголя и Булгакова, но у Пушкина заканчивается всего лишь пробуждением гробовщика, давая читателю вздохнуть с облегчением.

Повесть «Станционный смотритель» известна в литературоведении как первое описание – еще до Гоголя – образа «маленького человека». За этим шаблоном мало кто может разглядеть риторическое построение в духе Цицерона для перенастройки читателей во мнении от оценки Вяземского «почтовой станции диктатора» до «сущего мученика четырнадцатого класса». И практически единицы анализируют историю любви, ведь счастье «бедной Дуни» в конце повести ни у кого не вызывает сомнений. Девушка плакала, но «ехала своею охотою», гусар (каковым хотел быть в молодости Пушкин), не бросил ее (как в типичных сюжетах Бальзака и Гюго), она стала «прекрасной барыней», приехавшей в конце концов на станцию «в карете в шесть лошадей, с тремя маленькими барчатами, и с кормилицей, и с черной моською» [Пушкин А.С., 1975, т. 5, с. 82]. «Барышня-крестьянка» также дает нетрадиционное решение истории любви детей из враждующих семейств. В повести есть и маскарадная встреча, и тайные свидания, и романтическая переписка, и желание пожениться против воли родителей, и подыскивание отцами достойной партии для детей. Молодая пара самозабвенно разыгрывает романтическую историю любви, часто выбиваясь из роли: «Лиза отпрыгнула от него и

приняла вдруг на себя такой строгий и холодный вид, что ... это удержало его от дальнейших покушений. «Если вы хотите, чтобы мы были вперед приятелями, – сказала она с важностию, – то не извольте забываться». – «Кто тебя научил этой премудрости?» – спросил Алексей, расхохотавшись... Лиза почувствовала, что вышла из своей роли...»; «он повернул голову с таким равнодушием, с такою гордою небрежностию, что сердце самой закоренелой кокетки непременно должно было содрогнуться. К несчастью, ...прекрасное военное движение Алексеево пропало втуне. Не успел он снова собраться с силами, как ... вошла Лиза»; «Алексей продолжал играть роль рассеянного и задумчивого. Лиза жеманилась, говорила сквозь зубы, нараспев и только по-французски. Отец поминутно засматривался на нее, не понимая ее цели, но находя все это весьма забавным» [Пушкин А.С., 1975, т. 5, с. 90-96.] Радостная игра заканчивается также весьма позитивно: желания всех – и отцов, и детей – совпали ко всеобщему удовольствию. И к удовольствию автора, который в начале истории заявляет: «Если бы слушался я одной своей охоты, то непременно и во всей подробности стал бы описывать свидания молодых людей, возрастающую взаимную склонность и доверчивость, занятия, разговоры; но знаю, что большая часть моих читателей не разделила бы со мною моего удовольствия. Эти подробности вообще должны казаться приторными, итак я пропущу их...» [Пушкин А.С., 1975, т. 5, с. 92]. К тому же умному читателю Пушкин обращается в конце со словами: «Читатель избавит меня от излишней обязанности описывать развязку». Это разговор реалистично настроенного писателя с несентиментальным читателем о романтической игре влюбленных, вернувшихся к реальной, но счастливой действительности.

Повесть «Выстрел» – еще одно трезвое решение романтической идеи на сей раз не любви, а мести. Именно месть была вынесена за рамки сюжета в предыдущей истории любви русских Монтекки и Капулетти. В реальной истории – это Пушкин был молодым человеком, не боявшимся умирать, и весело поедавшим черешни под прицелом дуэлянта (а также стрелявшим мух на потолке). Но, видимо, перед собственной свадьбой, осмыслив ценность своей жизни, он захотел также оценить ситуацию глазами противника. И его романтический мрачный Сильвио, увидев упавшую к его ногам женщину, наблюдавший смятение в глазах «счастливчика», отказался от убийства. А довольствовался демонстрацией своей меткости и своего великодушия. После чего принял участие в реальных боевых действиях и погиб как доблестный воин.

Что касается «Метели», то это типичная иллюстрация к тезису «Браки совершаются на небесах». И здесь роковая ошибка, путаница бесовских сил природы, неосторожность юных сердец и романтическая – по Жуковскому – попытка обвенчаться втайне от родителей приводят к потрясающему результату: воссоединились именно

предназначенные друг для друга люди. И это не улыбка Фортуны, а заслуженная награда: много лет герои хранили верность своему «виртуальному» браку, который не идет ни в какое сравнение ни с определенно удачно состоявшимся браком Татьяны Лариной, ни с добровольным венчанием с хорошо известным женихом Марьи Дубровской. Автор с намеренной лаконичностью описывает развязку двумя штрихами: – «Боже мой, боже мой! – сказала Марья Гавриловна (любимые имена Мария и Владимир опять вместе), схватив его руку, так это были вы! И вы не узнаете меня? – Бурмин побледнел... и бросился к ее ногам...» [Пушкин А.С., 1975, т. 5, с. 82]. Такова концепция А.С. Пушкина во взглядах на конец любовных и романтических историй к моменту собственной женитьбы. Последним произведением, развивающим эту мысль, станет роман «Капитанская дочка», где эпиграфом является русская народная пословица «Береги честь смолоду», а основным ощущением от сюжета – то, что порядочным, верным, честным и способным на искренние чувства и смелые поступки людям обязательно будет наградой счастье в личной жизни.

Итак, изложив концепцию создания «Повестей Белкина», мы приходим к выводу, что все герои и сюжеты, абсолютно знакомые читателю, буквально вывернуты наизнанку – и все заканчиваются счастливо. Почему это было возможно в начале XIX века, в период угасающего сентиментализма и непримиримого романтизма? Потому что «счастье было так возможно, так близко» уже у Татьяны Лариной и Евгения Онегина. По меткому замечанию Ахматовой: «Чем закончился Евгений Онегин? – Тем, что Пушкин женился». «Я женат – и счастлив», - подтверждает он в письме от 24 февраля верному ценителю и издателю Плетневу в 1831 году (год публикации «Повестей Белкина»). И это норма жизни или надежда на норму: «одно желание мое, чтоб ничего в жизни моей не изменилось – лучшего не дождусь. Это состояние для меня так ново, что, кажется, я весь переродился» [Пушкин А.С., 1977, т. 10, с. 20].

В 1832 году Н.В. Гоголь написал, а в 1835 в сборнике «Арабески» опубликовал статью «Несколько слов о Пушкине», как раз в то время, когда критика с сожалением отвернулась от «исписавшегося» поэта, в которой заявил: «В мелких своих сочинениях, этой прелестной антологии, Пушкин разносторонен необыкновенно и является еще обширнее, виднее, нежели в поэмах... Слов немного, но они так точны, что обозначают всё. В каждом слове бездна пространства; каждое слово необъятно, как поэт...». Гоголь считал, что «Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится чрез двести лет». [Гоголь Н.В., 1952, т. 8 с. 739; с. 810]. А следовательно, и читатель, способный мыслить как Пушкин, появится примерно через 200 лет – и действительно, через 200 лет после его рождения появляется мода на позитивное мышление,

возрождается трепетное отношение к таинству венчания, вопросам верности и порядочности. Без излишнего ханжества и приторных подробностей молодежь разделяет любовную игру и преданность в серьезных отношениях, которая не нуждается в комментариях социальных сетей. Зарубежный читатель, много лет страдавший вместе российскими Достоевским и Толстым, начинает наконец ценить и, надеюсь, понимать Пушкина.

Но Пушкин писал для современников. И поэтому порядок следования повестей для печати был изменен, если можно так выразиться, в идейном порядке. Сначала не поднялась рука у мстителя нарушить семейное счастье («Выстрел»). Затем люди находят друг друга, потому что так было суждено свыше («Метель»). Мистическая сторона трактовки событий отступает перед реальной действительностью («Гробовщик»). Мезальянсов по любви не существует («Станционный смотритель»). И наконец, все игры и усилия, предпринятые во имя любви – во благо («Барышня-крестьянка»). И последняя повесть, которая была создана в середине творческого цикла, самая веселая и искристая, намеренно отнесена в конец. Чтобы оставить читателю, увидевшему подпись «Конец повестей Белкина», ощущение счастья. Пушкинское чувство гармонии мира, его философия в стихотворениях – «Нет, весь я не умру», «и божество, и вдохновенье, и жизнь, и слезы, и любовь», «Здравствуй племя, младое, незнакомое!», «у гробового входа младая будет жизнь играть» – очень ярко представлена в прозе, которая еще раз утверждает, что страдания и временные неприятности – не норма. Что Ромео и Джульетта могут быть вместе, могут жить и жить счастливо. На русской почве.

Список литературы:

- Белинский В.Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., изд. АН СССР, 1948.
Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: в 14 тт., – М., Л. АН СССР. Ин-т рус. лит.– 1952.
Пушкин А.С. Собр. соч.: в 10-ти томах, М., ХЛ, 1974-1977.
Толстой Л.Н. О литературе. М., 1955.

МАРИНА ЦВЕТАЕВА В ИТАЛЬЯНСКИХ ПЕРЕВОДАХ

MARINA TSVETAEVA IN ITALIAN LANGUAGE

В статье проводится обзор основных изданий произведений Марины Цветаевой, вышедших на итальянском языке с 1967 по 2015 годы. На основе проведенных интервью с итальянскими переводчиками Цветаевой, предлагаются выводы об адекватности и качестве наиболее знаменитых переводов.

The article is dedicated to the main editions of Marina Tsvetaeva's works which were published in Italy since 1967 till 2015. Conclusions about the adequacy and quality of the most famous translations are offered on basis of interviews with Italian translators of Tsvetaeva.

Ключевые слова: Марина Цветаева, художественный перевод, перевод поэзии, итальянский язык, русско-итальянские связи, Серена Витале.

Key words: Marina Tsvetaeva, translation studies, literary translation, Italian language, Russian-Italian relationship, Serena Vitale.

Интерес переводчиков к творчеству Марины Цветаевой не спадает, поэтому тема итальянских переводов произведений поэта на итальянский язык остается актуальной. Все переводчики Цветаевой на итальянский язык до сих пор не были представлены русскому читателю, до настоящего времени не дана научная оценка той работе, которая проводилась в Италии в области перевода наследия Цветаевой с 1967 года по 2015 год, стилистические приемы переводчиков, переведших основной корпус текстов Цветаевой, не были проанализированы. Для реализации вышеуказанных задач нами были проведены интервью с четырьмя переводчиками поэзии Цветаевой. Это помогло понять, каким образом сами переводчики оценивают проделанную работу по представлению творчества Цветаевой итальянскому читателю.

Впервые отдельное издание, представляющее творчество Цветаевой итальянцам (сборник избранных стихотворений), появилось в 1967 году. Переводчиком, редактором и вдохновителем издания выступил известный итальянский славист Пьетро Антонио Цветеремич, а выпустило его миланское издательство Риццоли. Впоследствии этот сборник неоднократно переиздавался и до сих пор переиздается известным издательством Фельтринелли. На конференции, посвященной памяти переводчика этого сборника в г. Мессине, Пьетро Цветеремич был обозначен как первый человек, переведший значительный корпус цветаевских стихотворений на один из европейских языков. До

этого можно говорить лишь о крохах, изредка прорывавшихся в печать благодаря старанию энтузиастов-славистов. Так, в 1933 г. в антологии русской поэзии «Ночная фиалка» появилось единственное стихотворение в переводе Ренато Поджоли, впоследствии перекочевавшее в другую подготовленную им антологию «Цвет русской поэзии» (1949 г.) Через пять лет несколько переводов стихотворений Цветаевой появились в «Антологии русской поэзии двадцатого века» под редакцией и в переводах крупнейшего переводчика русской поэзии слависта Анджело Мария Рипеллино. Однако этого оказалось недостаточно для того, чтобы открытие Цветаевой-поэта в Италии состоялось.

В 1962 и 1963 гг. в антологиях прозы (первая под редакцией Вигорелли и вторая под редакцией Цветеремича) появились цветаевские прозаические очерки «Кирилловны» и «Мать и музыка». Однако считается, что именно благодаря сборнику 1967 года в переводах Цветеремича Цветаеву хоть как-то узнали в Италии. Прошло еще десять с лишним лет, прежде чем живой интерес переводчиков и издателей к цветаевскому творчеству вспыхнул по настоящему. 1979 год стал той точкой отсчета, когда мощная волна интереса к творчеству Цветаевой наконец-то накрыла Италию.

Пьетро Цветеремич был активным пропагандистом русской культуры в Италии, и его фигура заслуживает отдельного внимания. Именно ему доверил в свое время Джанджакомо Фельтринелли рукопись романа «Доктор Живаго». Есть и другая версия, согласно которой сам Цветеремич прочел в журнале «Знамя» стихотворения из романа «Доктор Живаго», получил у Пастернака рукопись и подготовил ее перевод, после чего получил одобрение Фельтринелли на публикацию. Цветеремич был не только переводчиком русских авторов от Льва Толстого и Светланы Аллилуевой до Владимира Высоцкого и Владимира Сорокина. Он много лет входил в редколлегию журнала «Политехникo», более двадцати лет преподавал русскую и чешскую литературу в университете Мессины, написал множество книг о русской и советской литературе, а являлся автором романа «Московские ночи», который опубликовал под псевдонимом, выдав себя за советского писателя. Его переводы Цветаевой считаются классическими и многократно переиздавались.

Предисловие к первому сборнику стихотворений Цветаевой по выражению коллеги Цветеремича Джузеппе Ианнелло можно считать теоретической и практической квинтэссенцией деятельности Цветеремича как переводчика [Iannello, 1994]. Автор статьи называет Цветеремича первым западным переводчиком, который передал в творческую силу Цветаевой как поэта-новатора на чужом языке: «Цветеремич, конечно, понимал, что любой перевод Цветаевой может быть лишь только отдаленным подобием оригинала, однако он работал над ним, веря в то, что поэзия «переводима», его основополагающим

принципом была идея о переходе значения слова из одной семантической системы в другую. В этом смысле перенасыщенные семантическим грузом цветаевские образы раскрылись ему как переводчику. Наполняя смыслом даже минимальные языковые единицы, Цветаева в каком-то смысле упростила задачу переводчика, так как он волей неволей должен был оставаться верным этому принципу. Парадоксальным образом одна из, казалось бы, сложнейших для передачи на иностранный язык поэтических систем, оказалась, по словам самого Цветеремица, одной из самых устойчивых в том, что касается сохранения большинства своих характеристик в переводе» (Здесь и далее перевод мой – Т.Б.).

В статье «Об отношении между фонемой и графемой в поэзии М. Цветаевой», Цветеремиц акцентирует значение Цветаевой как поэта сути вещей, автора стихотворения-формулы [Цветеремиц, 1991]. Эту самую формулу цветаевского стиха он пытается воссоздать в своих переводах. Следует отметить, что при этом он концентрируется на переводах ранней цветаевской поэзии 1915–1922 годов, для которой характерен плавный певучий ритм, в противоположность более поздней «рваной» ритмической строке.

Интересно, что в двадцатом веке итальянская поэзия окончательно отходит от рифмы, многие авторы, и в их числе крупнейший поэт Эудженио Монтале, видят рифму как «внешний фактор, сковывающий ритмы внутренней гармонии и мешающий выражению отношения поэта к окружающему миру» [Фрейгина, 2013]. Вследствие этого итальянские переводчики также отходят от рифмы, несмотря на ее принципиальную значимость в языке оригинала. В подавляющем большинстве случаев при переводе на итальянский язык рифма оказывается утеряна и опорным фактором становится ритм, однако предполагается, что звукопись и семантическая нагруженность образов сохраняется.

В задачи Цветеремица не входило закрепиться переводчиком одного автора, напротив, его целью было перевести как можно больше, дать как можно более полную картину русской литературы на итальянском языке, поэтому к переводам Цветаевой он больше не возвращался. Тринадцать лет его книга оставалась единственной.

Несмотря на признание Цветеремица классиком перевода со стороны издательств, подавляющее большинство переводчиков Цветаевой считают его перевод устаревшим и не передающим ни цветаевского языка, ни цветаевской интонации. Приведу лишь несколько высказываний из собранных нами интервью:¹⁹

«Пьетро был хороший человек, но абсолютный пионер. А с Цветаевой трудно. Мне кажется, что ее поэзия у нас переведена неудачно».

¹⁹ Интервьюируемые переводчики предпочли сохранить анонимность, поэтому мы не называем их фамилий.

«Перевод Цветеремича очень монотонный, его Цветаева скучна. Она кажется каким-то поэтом восемнадцатого века. И, кроме того, у него нет попытки воссоздать ее потрясающее лексическое богатство».

«С самого начала мне понравился перевод Цветеремича, но, когда я стала работать с Рипеллино, мне показалось, что у Цветеремича есть и недостатки, что Цветаева еще не нашла «своего» переводчика. Теперь таким переводчиком стала, безусловно, Серена Витале. Однако и сегодня у перевода Цветеремича есть свои достоинства».

После переиздания сборника в 1979 г. Цветаеву начинают активно переводить. Переводческий «бум» приходится на первую половину восьмидесятых годов. Основной акцент ставится на прозу. С 1980 по 1985 г. выходят тринадцать изданий, из них десять – проза: переписка с Рильке и Пастернаком (в переводе Серены Витале), Земные приметы (в переводе Лучаны Монтаньяни под редакцией Серены Витале), Черт и другие рассказы (в переводе Лучаны Монтаньяни), Поэма конца (в переводе Нади Чиконьини), Письмо Амазонке (перевод Серены Витале), Наталья Гончарова (перевод Лучаны Монтаньяни), Повесть о Сонечке (перевод Джованны Спендель), проза о Маяковском, Белом, Волошине и других под общим названием «Встречи» (под редакцией Мариолины Дории де Дзулиани), Крысолов (перевод Катерины Грациадеи), Флорентийские ночи (перевод Серены Витале), Поэт и Время (перевод Серены Витале), Бессонница и Мой Пушкин (оба издания в переводе Джованны Ансальдо).

Многие из этих изданий вышли благодаря кропотливому труду переводчицы, ученицы Анжело Мария Рипеллино, Серены Витале. В конце 80-х годов она возьмется и за цветаевскую поэзию. Именно Витале можно назвать основным переводчиком Цветаевой на итальянский язык: в ее переводе появилось более десяти книг, почти все они впоследствии переиздавались: проза, поэзия, поэмы, драмы, письма. Однако в одной из бесед переводчица призналась, что именно переводы стихотворений дались ей наиболее тяжело [Витале, Миракян, 2013].

Серена Витале проделала огромную работу по распространению Цветаевой в Италии и заложила основы новой переводческой школы русской поэзии и прозы. Ее переводы обрели признание со стороны читателей и коллег. Так, она воспитала переводчицу Лучану Монтаньяни, а автор новых переводов Марилена Реа считает переводы Витале одними из лучших.

Мы встретились с Сереной Витале в 2012 году и задали ей несколько вопросов. В разговоре о Цветаевой Витале отметила, что при переводе поэзии ее цель как переводчика, прежде всего, состоит в том, чтобы передать цветаевский ритм: отрывистый, ударный, ради которого можно пожертвовать и синтаксисом, и лексикой, и рифмой (в

отличие от Цветеремица, Витале концентрируется на более зрелом периоде творчества Цветаевой). Ради этого ритма переводчица даже пожертвовала некоторыми особенностями итальянской грамматики – отсутствие в итальянском языке творительного падежа, наличие артиклей и вспомогательных глаголов, а также сама итальянская поэтическая традиция, незнакомая с цветаевским синтаксисом, особенно с тире, сильно препятствовали в ее переводческой работе. Однако по собственному признанию переводчицы, в прозе ей удалось гораздо лучше отразить суть цветаевской манеры и языка. В частности, такое издание, как «Поэт и время» (1984), объединившее цветаевские очерки о поэтах-современниках, оказало огромное влияние на молодых итальянских поэтов и писателей. Эта книга вошла в список обязательных текстов, считающихся ключевыми для понимания того, как именно поэт должен читать и анализировать другое поэтическое произведение. Чтобы перейти из разряда любителей в группу профессионалов, поэт или писатель должен был пройти эту цветаевскую школу поэтического анализа.

Итак, открытие Цветаевой в Италии пришлось на 1980-е годы. В 1988 году выходит ключевое издание поэзии Цветаевой в переводе Серены Витале «После России» («Dopo la Russia»), куда также войдут «Поэма горы» и «Поэма конца». Именно это издание становится опорным для молодых переводчиков, которые называют его родоначальником цветаевской переводческой поэтической школы. Так, Мария Луиза Калузио, одна из учениц Серены Витале, в разговоре о переводах Цветаевой отметила: «Из всех переводов, которые я знаю, а я познавала нашу переводческую школу, в основном, дома у Серены Витале, ее поэтические переводы Цветаевой наиболее далеки от оригинала. Они далеки и синтаксически, и лексически. Но они потрясающе передают цветаевский ритм, его энергию, и энергию самого текста». Марилена Реа тоже причисляет себя к последователям Серены Витале: «Хотя я училась у Катерины Грациадеи, моей переводческой моделью были переводы Серены Витале».

С 1988 по 1997 гг. вышло еще несколько новых изданий, при этом издания первой половины 80-х уже стали переиздаваться. Так, в частности, были переизданы «Земные приметы» в переводе Лучаны Монтаньяни, «После России» (дважды), «Поэт и время», «Седьмой сон» – переписка Цветаевой, Рильке и Пастернака (дважды), появились на сцене новые переводчики.

Среди переводчиков 1990-х следует также назвать Луизу де Нардис, которая перевела трагедии «Ариадна» и «Федра», а в начале 2000-х появляются новые переводы Айзы Пессина Лонго, сначала поэзии, а затем и прозы. Последняя осуществила перевод ряда стихотворений, вышедших под названием «Подруга» (L'amica) и «Темная сторона

любви» – (*Il Lato oscuro dell'amore*), а также опубликовала письма к Родзевичу. Продолжает свою работу и Джованна Спендель. Она публикует сборник писем Цветаевой к дочери под названием «Аля, маленькая тень», (*Alja, piccola ombra*), однако коллеги-переводчики расходятся в оценке ее работ. Так, одна переводчица называет переводы Спендель «ужасным примером непонимания русского языка, и языка Цветаевой в частности», в то время как другая называет ее «честным, хорошим переводчиком». Что касается переводов Айзы Пессина Лонго, горячего ценителя творчества Цветаевой, по мнению профессиональных читателей, ее переводы, сохраняя содержательную сторону, не передают ни ритмики, ни фонетической игры Цветаевой, что большинство специалистов воспринимает как первейшую задачу при выполнении перевода.

Вторая половина 2000-х гг. отмечена новым всплеском переводческого и издательского интереса к поэзии Цветаевой. Так, в 2005 г. Ирина Живова совместно с Эудженио Панконеци готовит сборник стихотворений Цветаевой и Тарковского, в 2006 г. выходит сборник «Поэт и другие стихотворения» (*Il poeta e altre poesie*) в переводе Паоло Гальваньи, педагога-русиста из Болоньи. В 2008 г. издательство «Аквавива» публикует переводы Марии Антиповой под названием «Душа в огне» (*L'anima in fiamme*), переиздаются старые переводы Серены Витале. Из нового она переводит пьесу «Феникс» (первое издание – 2001 г.).

Начинают издаваться не только основные произведения Цветаевой, но и письма, тетради, записные книжки: в издательстве «Воланд», специализирующемся на славянских языках, в 2014 году выходят «Записные книжки» в переводе и под редакцией Пины Наполетано, в 2015 году появляется книга прежде неизданной в Италии автобиографической прозы Цветаевой «Нездешний вечер» (*Una serrata non terrestre*) в переводе Марилены Реа. Марилену Реа можно назвать новым открытием в области перевода цветаевского наследия на итальянский язык, с 2010 года переводчица выпустила несколько заметных переводов драм, стихов и прозы: «Федра» (*Fedra*, 2011), «Стихи к Рильке» (*A Rainer Maria Rilke nelle sue mani*, 2012), «Стихи 1915–1925 гг.» (*Scusate l'amore. Poesie 1915–1925*, 2013), «Ремесло» (*Il Mestiere. Poesie 1921–1922*, 2014), и уже отточила собственную манеру.

Не ослабевает и тяга переводчиков–любителей к Цветаевой. Так, на сайте Russianecho.net представлены более сорока стихотворений Цветаевой в переводах Фиорнандо Габриелли, относящиеся, по всей видимости, ко второй половине 2000–х годов. Они носят яркие следы влияния переводов Серены Витале.

Подведем итоги:

– Абсолютное большинство переводчиков Цветаевой – это итальянские русисты, преподаватели университетов (П. Цветеремич, С. Витале, Н. Чиконьини, К. Грациадеи, П. Гальваньи и другие), их ученики (Л. Монтаньяни, Д. Спендель, М. Реа) или русские эмигранты-преподаватели (И. Живова, М. Антипова).

– Издательский интерес к Цветаевой в Италии не угасает, новые переводы появляются почти ежегодно, а старые переиздаются.

– У нового поколения итальянских переводчиков, в целом, нет удовлетворения от сделанных предшественниками переводов, за небольшим исключением. Творческое наследие Цветаевой достаточно велико, что открывает перед молодыми переводчиками широкие перспективы.

– К настоящему времени накопился уже достаточный корпус цветаевских текстов на итальянском языке и молодые переводчики чувствуют необходимость переосмысления этого творческого наследия. Прежде всего, стихотворного: они предлагают итальянскому читателю новые переводы уже переведенных в 1980-е произведений (так, свое желание заново перевести трагедии Цветаевой «Ариадна» и «Федра» Марилена Реа объясняет тем, что в сделанных в 1980-х переводах де Нардис «не слышится голос самой Цветаевой»).

Выполненные итальянскими переводчиками переводы можно условно разделить на три типа, обозначив три переводческие манеры:

1) Добротный пересказ цветаевского стихотворения итальянскими словами. При таком переводе итальянский синтаксис разрушается, но цветаевскую фонетическую игру и ритмику передать все же не удастся, стихотворение кажется бесформенным. По отзывам, оно плохо воспринимается итальянским читателем, поскольку находится вне традиции итальянской поэзии, но в то же время перевод не несет в себе основных цветаевских особенностей, способных сгладить вышеупомянутое расхождение с традицией.

2) Перевод, стремящийся передать «цветаевскую формулу» и сохранить даже минимальные словосмыслы оригинала. При этом переводчик жертвует узнаваемым цветаевским ритмом и отходит от итальянской поэтической традиции.

3) Попытка передачи цветаевского ритмического рисунка с одновременным воссозданием фонетической игры на уровне внутренних рифм, ассонансов и аллитераций. При этом происходит удаление от цветаевского текста на уровне смысла, однако стихотворение оказывается встроено в итальянскую поэтическую традицию, и при всех своих особенностях, таких, как нарушение грамматики и синтаксиса, лучше воспринимается читателем и преподносится переводчиком как факт истинной поэзии и подлинный голос самой Цветаевой.

Список литературы:

Витале С., Миракян Н. Бричка в небесах [Электронный ресурс] // Российская газета от 13 сентября 2011 года / С. Витале, Н. Миракян. – 2011. – Режим доступа:

<http://www.bigbook.ru/articles/detail.php?ID=12262>

Фейгина Е. Э. Монтале и Т. С. Элиот: проблема классической традиции в XX веке [Электронный ресурс] // Библиотека кафедры истории зарубежной литературы МГУ им. Ломоносова / Е. Фейгина. – 2004. – Режим доступа:

http://www.philol.msu.ru/~forlit/Pages/Biblioteka_Feighina.htm

Цветеремич П. Об отношении между фонемой и графемой в поэзии М. Цветаевой // *Marina Tsvetaeva: Actes du 1er colloque international (Lausanne, 30.VI. — 3.VII. 1982)* / publ. sous la direction de Robin Kемball en collaboration avec E. Etkind et Leonid Heller. – Марина Цветаева: Труды 1-го международного симпозиума (Лозанна, 30.VI. – 3. VII. 1982) / под ред. Р. Кембалла в сотрудничестве с Е.Г. Эткингом и Л. М. Геллером. – Bern. Berlin. Frankfurt / M. New York. Paris. Wien. – Bern: PETER LANG SA. 1991. – С. 284-293.

Iannello G. L. «avventura culturale di Zveteremich [Электрон. ресурс] // G. Iannello. – 2009. – Режим доступа: <http://www.russianecho.net/contributi/speciali/zveteremich/attivita.html>

ЛИРИКА М.Ю. ЛЕРМОНТОВА В ПЕРЕВОДАХ НА КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК

CHINESE TRANSLATION OF THE LERMONTOV LYRICS

В статье прослеживаются традиции, методы и их эволюция в переводах лирики М.Ю. Лермонтова на китайский язык: от отклонения русского стихосложения к трактовке стихосложения прозаическим оборотом и затем к буквальному переводу, который верен оригиналу и в форме, и в содержании, демонстрируются взгляды: смысл важнее формы, улавливаются культурные лакуны при переводе. Особое внимание уделено перенесению звучания из оригинала в перевод.

The article traces the traditions, methods and their evolution in the Chinese translation of the Lermontov lyrics : from deviation of Russia versification into prosaic versification, then into the literal translation, which is faithful to the original in form and content. The article demonstrates the opinion as follows: the meaning is more important than the form, the cultural lacuna in the translation is captured, and particular attention is given to transference of sound from the original to translation.

Ключевые слова: творческий перевод, обрабатывающий перевод, буквальный перевод, который верен оригиналу и в форме и в содержание, перенесение звучания.

Key words: creative translation, processing translation, literal translation that is faithful to the original in form and content, transference of sound.

М.Ю. Лермонтов у китайских читателей является одним из самых любимых иностранных поэтов. Переводы М.Ю. Лермонтова в Китае имеют более чем столетнюю традицию, и среди лермонтовских произведений всех жанров лирика его оказывается наиболее переводимой. Важно подчеркнуть, что уже в 1985 году вышло двухтомное «Полное собрание лирических стихотворений М. Лермонтова» (пер. Юй Чжэнь), которое содержит 455 стихотворений поэта, что на 26 стихотворений больше, чем в издании «Избранные произведения М. Лермонтова» под редакцией И. Андронникова.²⁰ Это первое в Китае полное собрание стихотворений иностранного поэта. В 1997 году Гу Юньпу стал одним из первых лауреатов самой престижной в Китае литературной премии имени Лу Синя за «Полное собрание произведений М. Лермонтова. Лирика».²¹ Заслуги его были по достоинству оценены и в России. В юбилейный 2014 год Союз писателей Российской Федерации наградил его медалью М.Ю. Лермонтова за служение русской литературе и

²⁰ Лермонтов М. Ю. Избр. произведения: В 2 т. / Под ред. И. Андронникова. М., 1975.

²¹ По закону премия присваивается только одной книге.

русскому языку и вручил диплом как переводчику полного собрания лирических стихотворений М.Ю. Лермонтова на китайский язык. На протяжении ста лет, исключая время так называемой культурной революции, китайские лермонтоведы никогда не переставали переводить его произведения, особенно лирику. Многие стихотворения насчитывают больше десяти переводов. Многочисленные переводы не только способствовали развитию китайского лермонтоведения, но и подготовили плеяду таких отличных переводчиков, как Юй Чжэнь, Гу Юньпу, Ван Чжилян, Гу Юй, Чжан Сюэцзэн и др., содействуя формированию разных стилей и методов перевода.

Знакомство с поэтом Лермонтовым в Китае проходило на определенном историческом фоне. На рубеже XIX-XX веков, когда феодальная монархия, которая господствовала в Китае больше 2000 лет, подходила к распаду, Лермонтов-поэт, отличающийся бунтарским духом романтизма, – нашел отклик в национальном самосознании китайских интеллигентов накануне «Движения за новую культуру»²², что обусловило появление большого количества его переводов.

Первые переведенные стихотворения, которые по-настоящему²³ получили широкую известность в Китае, вышли из-под пера Цюй Цюбо (1899-1935)²⁴ – это «И скучно и грустно» и «Ангел» (1921), которые позже были включены в его книгу «Душевная история о красной столице» (Шанхай, издательство «Шаньубань», май 1924 года). Данный факт опровергает существующее мнение: книга Чэнь Цзяньхуа называет «Певца», переведенного Ли Бинчжи (1925; название оригинала «Ашик-Кериб»), первым стихотворением Лермонтова на китайском языке.²⁵ Но эти факты не влияют на общую картину: хотя Лермонтов прежде всего поэт, но, как и А. С. Пушкин, стал известен в Китае сначала в качестве прозаика. Такая специфика восприятия Лермонтова связана с общественной и культурной ситуацией: в поздний период династии Цин «праздник поэзии» уже прошел, реформаторы литературы во главе с Лян Цичао и другими

²² Движение за новую культуру – это движение 1919 года. Его возглавили Ху Ши, Чэнь Дусю, Лу Синь, Ли Дачжао и др., получившие западное образование, т.е. «новое образование». Их лозунгами являются «Долой традиции, долой конфуцианство, долой старый литературный язык (вэньянь)». «Движение» нанесло тяжелый удар по феодальным нравственным нормам, которые господствовали в Китае более 2000 лет, просветило демократическую сознательность народных масс, способствовало развитию современной науки и культуры.

²³ Раньше Цюй Цюбо Ван Аньлань при помощи известного русского сиолога В.М. Алексеева перевел стихотворение «Три пальмы» (1909), которое в переложении Лю Дабэня классическим китайским стихом было опубликовано в Пекине. Но перевод получил известность только в очень узком кругу.

²⁴ Цюй Цюбо – публицист, переводчик, обществ. и политич. деятель. Кроме стихов Лермонтова, он еще перевел Пушкина («Цыганы»), Тютчева («Silentium»). Стихотворение М. Горького «Песня о Буревестнике», который он перевел, достигло неповторимого совершенства и по сей день пользуется абсолютным авторитетом.

²⁵ См.: Чжоу Цин, Лу Хуньюнь. Изучение М. Ю. Лермонтова в Китае // Чэнь Цзяньхуа. История исследования русской и советской литературы в Китае / Под ред. Чунцин, 2007. Т. 3. С. 31.

придавали беллетристике большее значение. По словам А Ина, Лермонтов, «как Пушкин, в России известен в качестве поэта. Однако их стихи пришли в Китай весьма поздно».²⁶

По признанию самого Цюй Цюбо, его внимание к стихам Лермонтова было связано с тем, что «литературный слог у Лермонтова не слабее, чем у Пушкина». Кроме того, «его (Лермонтова. – В. Л.) краткие железные стихи глубже врезаются в душу читателей. При чтении людям легко ощутить его глубокие и скорбные чувства».²⁷ Среди переводчиков-современников Цюй Цюбо лучше всех владел русским языком. «Ангел» Лермонтова написан амфибрахием, поэт использовал чередование трехстопных и двустопных стихов. При переводе Цюй Цюбо использовал старый литературный язык (вэньянь), что придало стихотворению Лермонтова аккуратную форму китайских старинных стихов, т.е. пятисловное четверостишие в четырех строфах. Таким образом, он открыл традицию перевода поэзии Лермонтова в Китае: переводить лирику Лермонтова формой уставных стихов (Люйши). Известный ученый Гао Ман называет данный перевод «верным и точным». На его взгляд, «он имеет основание считаться достойным шедевром в китайском переводческом поприще»²⁸. Давайте посмотрим:

Ангел 安琪儿

По небу| полуно|чи ангел| летел, 回飞安琪儿，
И тиху|ю песню| он пел, 低吟绕天梁；
И месяц, и звезды, и тучи толпой 云拥星月惊，
Внимали той песне святой. 神歌圣意昌。

Он пел о блаженстве безгрешных духов 清灵赞洪福，
Под кущами райских садов, 天幕阖且张；
О Боге великом он пел, и хвала 大哉我主宰，
Его непритворна была. 竭诚为颂扬。

Он душу младую в объятиях нес 长抱赤子心，
Для мира печали и слез; 悲泪盈洪荒；
И звук его песни в душе молодой 歌声清且纯，
Остался – без слов, но живой. 无言意自长。

И долго на свете томилась она, 此曲留人世，
Желанием чудным полна, 历练心志良；
И звуков небес заменить не могли 天声自玄妙，
Ей скучные песни земли. 尘俗敢相望？

Прежде всего следует отметить аккуратность формы перевода. Между тем заметим, что переводчик совсем не обращает внимания на русское стихосложение. Надо признать, что переводной текст в основном верен смыслу оригинала. В то же время очевидно, что не

²⁶ Цит. по: Чжоу Цин, Лу Хунъюнь. Изучение М. Ю. Лермонтова в Китае. Т. 3. С. 26.

²⁷ Цюй Цюбо. Гоголь и Лермонтов // Русская литература / Под ред. Цзян Гуанцы. Шанхай, 1927. С. 73.

²⁸ Гао Ман. Дома-музеи классиков русской литературы. Изд. «Путешествия по Китаю». Пекин, 2005. С. 49.

все перестановки слов и другие композиционные приемы оправданы. Например, слово «полуночи», которое находится в первой строке оригинала, в переводе обнаруживается частично в третьей строке, а в последней же строке первой строфы перевода мы нашли только видоизменение оригинала: «святая песня обладает торжеством». И все же нельзя не отдать должное: переводчик тонко чувствует оригинал и находит удачные эквиваленты, владеет прекрасным литературным слогом, верно передает образный строй произведения. На взгляд автора, верность и точность переводов Цюй Цюбо проявляются не в следовании форме, а в творческой передаче преимущественно духа и смысла оригинала. Стиль переводчика в некоторой степени находится в зависимости от культурного контекста определенной эпохи. Культуролог, современник Цюй Цюбо, переводчик Фэн Цыкай (1898–1975), определяя задачу переводчика, прибегает к яркой метафоре: «Переводчик должен глубоко понять оригинал, всосать все в свой живот, потом родным языком передать его своим соотечественникам». Продолжая сравнение, он говорит: «Как будто прожевать оригинал, проглотить его, переварить, потом его выплюнуть»²⁹. На наш взгляд, утверждение и сравнение Фэн Цыкай вряд ли пройдут испытание временем. Совершенно понять оригинал – это необходимая предпосылка перевода. Однако, если «всосать его в живот», то придется выдать читателям, пожалуй, такое видоизмененное произведение, которое, пройдя «желудок», едва ли сохранит дух и плоть оригинала. Кстати, Фэн Цыкай полагает, что при переводе стихов не надо обращать внимания на число строк и метр. Он считает, что при переводе нет необходимости слепо придерживаться строфики и размера оригинала, не нужно следовать точному значению каждого слова. Надо схватить и передать дух оригинала, а не механически следовать за формой.

Это совпадает с теорией перевода, которая в то время была очень распространена: если переводчик поэзии совершенно понял оригинал, то текст его перевода, даже далекий от оригинала по форме, на самом деле по-настоящему приближается к оригиналу³⁰. Чудо такого перевода состоит в том, что он придает оригиналу новый облик, позволяет ввести его в широкий читательский обиход. Заслуги его заключаются также в том, что он позволяет не только продлить жизнь оригинала, но и придает оригиналу новую жизнь. Однако необходимо заметить, что такой метод далек от целей научного перевода. Цюй Цюбо совсем не принимал во внимание особенности русского стихосложения, рассматривая содержание стихотворения как материал, на основании которого он по-

²⁹ Фэн Цыкай. Беседа о переводе. // Преподавание иностранных языков и переводы. 1951. №1. С. 73.

³⁰ См. кн. «Теория перевода Советского Союза». Под редакцией Сай И и Дуань Цзинхуа. Хубэйское издательство «Просвещение». 2000. С. 217.

другому создает новое стихотворение в форме китайских уставных стихов. Нельзя согласиться с тем, что поэзия Лермонтова, которая носит мятежный характер и стремится к свободе, превратилась в шаблонные стихотворения в рамках монотонных размеров. И, несмотря на значительное достижение переводчика, перевод лермонтовского «Ангела» получил признание не у всех читателей. Между тем нам приходится признать эпохальное значение переводной формы «Ангела», которое состоит в том, что при переводе лирики Лермонтова необходимо прибегать к форме китайских уставных стихов.

Однако с 30-х годов XX века в Китай пришла европейская теория переводоведения. Английские переводческие круги утверждают «непереводимость поэзии». Американские теоретики порой полагают, что «перевод приведет к гибели стиха». Любые попытки переводить стихи с одного языка на другой будут терпеть поражение. В связи с этим стали распространяться замены стихотворного перевода прозаическим, лиро-эпикой – эпосом. Переводчик Вэнь Пэйцзюнь (1902-1967), хотя и не совсем поддерживает такие взгляды, но, отдавая дань общему влиянию, стремится к простому, ничем не стесненному стилю, используя современный литературный язык (байхуа) и переводя лирику Лермонтова прозой с рифмой, с отделением строк. На первый план он выдвигает исповедальность и лапидарность стихотворений Лермонтова. Его переводы заслужили положительную оценку и одобрение современников:

Черны очи 乌黑的眼睛

Много звезд у летней ночи: 夏夜有许多星，
Отчего же только две у вас, 为何你仅有两颗？
Очи юга! черны очи! 这南国的明眸，
Нашей встречи был недобрый час. 乌黑的眼睛。

Кто ни спросит, звезды ночи 我俩相会是在不祥的时辰，
Лишь о райском счастье говорят; 无论谁问，
В ваших звездах, черны очи, 夜里的繁星，
Я нашел для сердца рай и ад. 它们只说天堂里幸福安宁。

Очи юга, черны очи, 在你那朗朗双星里，
В вас любви прочел я приговор, 我发现心灵的幸福与不幸。
Звезды дня и звезды ночи 这南国的明眸，
Для меня вы стали с этих пор! 乌黑的眼睛。

在你爱情的两扇小窗中，
读到了对我的许诺裁定。
从那时起白天的星
与夜里的星，为我而常停。

(1934.8.22日)

Сопоставляя оригинал и перевод, мы заметим, что этот метод позволяет переводчику свободно изливать чувства и свои, и автора, и в принципе не извратить первоначальный смысл оригинала. Например: «Много звезд у летней ночи: /Отчего же только две у вас». Кроме потери частицы «же», перевод совершенно адекватен, кажется и естественным, и лапидарным. Такой подход плодотворнее подхода последователя Гу Юньпу, который переводит так: «У летнего ночного неба звезд чрезвычайно много, /Отчего есть только две в вашем теле?»

Но при общем обзоре всего переводного текста мы не можем признать, что это типичные стихи. Это всего-навсего проза с отделением строк и с рифмой. Соположение в строфах фраз то длинных, то коротких, т.е. в длинных строках есть 11 иероглифов, а в коротких – 4 или 5. Такая трактовка нарушает соразмерность и красоту, которые необходимы форме стихов. Переводчик отходит от основного принципа «переводить стихи стихами». Надо сказать, что Вэнь Пэйцзюнь перевел смысл, а не образ. Мы же полагаем, что необходимо вернуть поэзии поэзию, проза не может считаться поэзией в настоящем смысле слова. Недостаток переводного текста Вэнь Пэйцзюня и в том, что он произвольно прибавил одну строфу к оригиналу: в оригинале три строфы, а в переводе – четыре. Переводчик «превысил полномочия» и не имеет намерения воссоздать форму стихов. Такая перестройка не позволяет достичь единства формы и смысла. Кстати, в переводе Вэнь Пэйцзюнь самовольно превратил «вы» в «ты». Это свидетельствует о культурной лакуне переводного текста.

Со второй половины 80-х годов, по мере того как уровень знания русского языка у переводчиков повышается, быстро улучшается качество перевода. Многие переводчики стремятся к совершенному единству формы и содержания, стараются при выборе слов, выражении замысла максимально сохранить ту эмоционально-эстетическую целостность, которую сумел создать сам автор. Но не всегда на практике они могут добиться идентичности, порою невольно впадая в пристрастия.

В Китае существуют разные переводческие школы, которые возглавили преимущественно Юй Чжэнь, Ван Чжилян (на юге. Ван Чжилян не раз называет Юй Чжэня своим учителем. В его переводе «Евгения Онегина» определенно улавливается традиция Юй Чжэня) и др. и Гу Юньпу, Гу Юй, Чжан Сюйцзэн и др. (на севере). Сходство стиля школ состоит в том, что все они придают большое значение буквальному переводу, стараются быть верными оригиналу и в форме, и в содержании, хотя, как отмечает Юй Чжэнь, эта цель не может быть абсолютно достигнута. С другой стороны, они переводят стихи Лермонтова формой уставных стихов (Люйши), но не собираются совсем не обращать внимание на русское стихосложение и превратить стихи Лермонтова в чистое

китайское четверостишие пятисловное, как Цю Цюйбо, или в семисловное, между тем не готовят учиться у Вэнь Пэйцзюня, который также не учитывает русское стихосложение, делает стихи Лермонтова стихами с прозаическим оборотом, а стремятся к точному воспроизведению русского стихосложения. Отличие заключается, во-первых, в том, что буквальный перевод у Юй Чжэня, Ван Чжиляна чаще проявляется в простом перемещении слов. По мнению Гу Юньпу, поскольку русский и китайский языки относятся к разным семьям, буквальному переводу смысла русских стихов часто требуется новое сочетание слов. Заметим, что такой перевод все-таки должен считаться текстуальным, хотя не прямолинейным, не шаблонным. Например, инверсия в стихотворении «Парус» в переводе превратилась в нормальный порядок слов. Такой прием несколько не мешает верно передать смысл произведения, которое приобретает новую музыкальность, а напротив, помогает точнее воспроизвести возвышенный поэтический дух текста. Во-вторых, в области метра Юй Чжэнь при переводе, например, стихотворений «Желание», «Три пальмы», «Листок», «Морская царевна», которыми он особенно доволен, находит эквивалент между числом слогов оригинала и иероглифов перевода, т. е. один слог соответствует одному иероглифу. Например, в «Трех пальмах» он строго соблюдает число слогов (иероглифов) в шестистишии: в первом двустишии 11 слогов (иероглифов), во втором – 12, а в третьем – 11. По форме оригинал (слог) и перевод (иероглиф) согласуются друг с другом. Кстати, рифмовка также одинакова: ААББВВ как в оригинале, так и в переводе:

В песчаных степях аравийской земли (11) 在那阿拉伯大陆的沙漠上 (shang, 11)
 Три гордые пальмы высоко росли. (11) 有三棵棕榈在高傲地生长。 (zhang, 11)
 Родник между ними из почвы бесплодной, (12) 从枯瘠的地下涌出一股清泉, (quan, 12)
 Журча, пробивался волною холодной, (12) 泉水淙淙地泛起寒冽的微澜, (lan, 12)
 Хранимый, под сенью зеленых листьев, (11) 它被隐护在绿叶的笼罩下, (xi, 11)
 От знойных лучей и летучих песков. (11) 避开了毒土和漫天的风沙。 (sha, 11)

Между тем в переводе этого стихотворения Гу Юньпу каждая строка состоит из 11 иероглифов, и он строго придерживается китайской рифмовки. Гу Юньпу очень уважает китайский эстетический вкус и большое внимание уделяет передаче смысла стихов, стараясь не пропускать и красоту художественной формы оригинала. Он должен считаться единственным переводчиком, который особо уделяет внимание воссозданию ритма и передаче звучания из оригинала в перевод. Чтобы сохранить ритм и музыкальность оригинала, Гу Юньпу заменяет стопу, например, ямбическую, дактилическую, анапестическую и др., паузой в китайском языке, при помощи чего и воссоздается ритм оригинала, т. е. одна стопа = одна пауза. Между тем он не

останавливается на способах рифмовки оригинала, отдавая дань традиционной рифмовке в китайской поэзии. В тех случаях, когда задачи рифмовки противоречат адекватной передаче смысла, в жертву приносится рифма с целью сохранить смысл. К сожалению, по словам самого переводчика, из-за того что русский и китайский языки имеют разные фонетические системы, замена стопы паузой не помогает «услышать» оригинал. Меры по исправлению ситуации, которые диктуются обстоятельствами, дают возможность максимально наверстать упущенное. При необходимости он не желает отказаться от рифмовки оригинала, с целью дать представление о красоте его звукописи он прибегает к китайской рифме для гармонии звука, т. е. в одном стихотворении только одна рифма. Например, в его переводе «И скучно и грустно...» есть рифма лишь «ou». Во-первых, поэт и переводчик как будто вместе придерживаются поэтического кредо М. В. Ломоносова «...поэт, слагая стихи, подбирает слова не только по смыслу, но и по звучанию».³¹ Анализ показывает, что в стихотворении Лермонтова «И скучно и грустно...» максимально использованы буквы «о» и «у», которые у Ломоносова связаны с гневом, печалью. А «грусть» в китайском языке произносится как «忧愁» («youchou»). Итак, в рифме господствует «ou», последний финал едва ли не всех четных строк сильно подпитывает «скучную и грустную» атмосферу стихотворения. Звучание сделало стихотворение нераздельным по атмосфере, при помощи которого гнев и грусть усиливаются, эффективно решило проблему с перенесением звука. Перевод, как и оригинал, здесь достиг полной гармонии формы и содержания. В конце концов, и в оригинале и в переводе звучание приобрело смысл. Во-вторых, стихотворение Лермонтова «И скучно и грустно» состоит из трех строф, каждая строфа имеет свою рифмовку перекрестную: АБАБ, ВГВГ, ДЕДЕ. Хотя существует разновидность рифмовок, которые по-разному произносят, они верно передают общее настроение «и грусти и скуки» и острят изменчивые внутренние переживания, волнения лирического героя при помощи звучания, а Гу Юньпу только одной рифмовкой (четные строки рифмуются) одним духом раскрашивает, густеет грустное и скучное психологическое настроение лирического героя. На взгляд Гу Юньпу, лишь такая трактовка совпадает с музыкальным ощущением читателей, как китайских, так и русских. Это должно считаться удачным образцом перенесения звука в истории переводоведения китайской поэзии.

Давайте посмотрим, как Гу Юньпу заменяет стопу паузой и как он вносит китайскую рифмовку в русскую:

Тучи

Тучки не|бесные,| вечные| странники!| (А, 12)

³¹ Цит. из книги: Баевский В. С. История русской поэзии. М., 1996. С. 22.

Степью ла|зурною,| цепью жем|чужною| (Б, 12)
 Мчитесь вы,| будто как| я же, из|гнанники| (А, 12)
 С милого| севера| в сторону|южную|. (Б, 12)
 Кто же вас| гонит: судь|бы ли ре|шение? (В, 12)
 Зависть ли|тайная?| злоба ль от|крытая? (Г, 12)
 Или на| вас тяго|тит престу|пление? (В, 12)
 Или дру|зей клеве|та ядо|витая? (Г, 12)
 Нет, вам на|скупчили| нивы бес|плодные|... (Д, 12)
 Чужды вам| страсти и| чужды стра|дания; (Е, 12)
 Вечно хо|лодные,| вечно сво|бодные, (Д, 12)
 Нет у вас| родины,| нет вам из|гнания|. (Е, 12)

云

天上的|³²行云, |永不停留的|漂泊者| (zhe)! (□,³³ 13)
 你们|像珍珠串|飞驰在|碧空之上| (shang)。 (б, 13)
 仿佛|和我一样|是被放逐的|流囚| (qiu), (□, 13)
 从可爱的|北国|匆匆|发配到南疆 | (jiang)。 (б, 13)

是谁|把你们驱赶: |命运的|裁判| (pan)? (□, 12)
 暗中的|嫉妒, |还是|公然的怨望| (wang)? (б, 12) .
 莫非是|罪行|压在|你们的头上 | (shang)。 (□, 12)
 还是|朋友|对你们|恶意地中伤| (shang)? (б, 12)

不, |是贫瘠的田野|令你们|厌倦| (juan)..... (□, 13)
 热情和痛苦|都不关|你们的|痛痒 | (yang); (б, 13)
 永远|冷冷漠漠, |自由自在啊|³⁴ (a), (□, 11)
 你们|没有祖国, |也|没有流放| (fang)。 (б, 11)

Мы видим, что стихотворение с нестрофическим четырехстопным дактилем под пером Гу Юньпу сделалось строфическим с четырьмя паузами. Между тем, строки у Гу Юньпу, на первый взгляд, не так аккуратны, как у Юй Чжэня, но такая «неаккуратность» не мешает ритму стихов: они читаются с расстановкой, наполнены внутренней красотой при помощи «необузданности» звучания. Мы видим, что Гу Юньпу не слепо придерживается русского стихосложения, а смело сочетает его с элементами

³² | – пауза.

³³ □ – отсутствие рифмы.

³⁴ Здесь отсутствует одна пауза.

стихосложения китайского (китайские стихи характеризуются тем, что рифмуются только четные строки, а нечетным не требуется рифмовка). Более важно, что пауза в переводе становится эквивалентом стопы в оригинале, т. е. четыре стопы = четыре паузы. Но из-за различия языков особенности дактиля в переводе не сохраняются.

То же стихотворение Лермонтова у Юй Чжэня приобрело совсем иную трактовку. Чтобы подчеркнуть его квадратную форму, мы пока уберем знаки препинания внутри строки:

云

天空的行云啊永恒的流浪者 (zhe³⁵)! (Aa, 12)
你们逐放的流囚正同我一样 (yang), (Б, 12)
经过碧色的草原象联珠似地 (di), (А, 12)
由可爱的北国匆匆奔向南方 (fang)。 (Б. 12)
是谁在迫害你们命运的决定 (ding)? ([А], 12)
隐秘的嫉妒还是公然的毁谤 (bang)? (Б. 12)
苦磨着你们的是自己的罪行 (xing), ([А], 12)
还是朋友们狠毒的恶意中伤 (shang)? (Б. 12)
不是荒凉的田野使你们烦腻 (ni).....(А, 12)
你们不知道什么痛苦和怅惘 (wang) ; (Б. 12)
你们是永远冷漠永远自由的 (di), (А, 12)
你们没有祖国也不会有逐放 (fang)。 (Б. 12)

Мы видим, что Юй Чжэнь стремится найти эквивалент числу слогов оригинала (12) в числе иероглифов перевода (12). Он акцентирует внимание на количестве слогов (иероглифов), и в его стихах часто встречается одинаковое число иероглифов в каждой строке: 10, 12 или 13. Таким образом, из-под пера Юй Чжэня часто выходит квадратная форма, внешне она выглядит аккуратно и красиво. Мы заметим даже, что по форме перевод более аккуратен, чем оригинал. Такое явление связано с тем, что количество букв в русском слове разнится, а иероглиф – равновеликая единица в китайском языке. При сравнении с текстом Гу Юньпу, в строках Юй Чжэня более выдержан принцип русской перекрестной рифмовки, хотя отличие существует, т. е. не АБАБ ВГВГ ДЕДЕ, как в оригинале, а АБАБ [А]Б[А]Б АБАБ. Здесь мы опять сталкиваемся с тем, что абсолютно точное воссоздание рифмовки в переводе сделать нетрудно, но воссоздание размера (например, здесь дактиля) практически невозможно.

³⁵ В древней китайской поэзии, на которую ориентируется здесь переводчик, «е» и «і» приблизительно рифмуются.

Порой, стремясь к аккуратности и красоте формы, Юй Чжэнь старается избежать чередования (хотя бы и регулярного) количества слогов в четных и нечетных строках и акцентирует внимание на одинаковой сумме иероглифов в каждой строке. В стихотворении «Родина» используется вольный ямб, но в последней строфе количество слогов регулярно чередуется, т. е. в нечетной строке 9 слогов, а в четной – 8. А под пером Юй Чжэня разносложные строки превратились в строки длиной в 10 иероглифов:

Люблю дымок спаленной жнивы, (9)	我爱那野火冒起的青烟、 (10)
В степи ночующий обоз (8)	草原上过夜的大队车马、 (10)
И на холме средь желтой нивы (9)	苍黄的田野中小山头上 (10)
Чету белеющих берез. (8)	那一对闪着微光的白桦。 (10)
С отрадой, многим незнакомой, (9)	我怀着人所不知的快乐 (10)
Я вижу полное гумно, (8)	望着堆满谷物的打谷场、 (10)
Избу, покрытую соломой, (9)	覆盖着稻草的农家草房、 (10)
С резными ставнями окно; (8)	镶嵌着浮雕窗板的小窗； (10)
И в праздник, вечером росистым, (9)	而在有露水的节日夜晚 (10)
Смотреть до полночи готов (8)	在那醉酒的农人笑谈中, (10)
На пляску с топаньем и свистом (9)	观看那伴着口哨的舞蹈, (10)
Под говор пьяных мужичков. (8)	我可以直看到夜半更深。 (10)

При сопоставлении с текстом Юй Чжэня, перевод Гу Юньпу не ограничен одинаковым числом иероглифов. В данной строфе их количество у Гу Юньпу постоянно варьируется (13, 13, 12, 12, 14, 14, 14, 14, 10, 11, 10, 11), а в рифмовке по-разному рифмуются четные строки, а нечетные не рифмуются (АА, ВВ, ГГ). Однако такая «дисгармония» ритма и мелодии по-иному, но верно передает сложные и богатые чувства поэта к деревенской России, выражает его сильное душевное волнение, его своеобразный патриотический пафос. Одним словом, стихи Лермонтова под пером Гу Юньпу не так аккуратны, как под пером Юй Чжэня, по форме, но перевод как текст в целом у Гу Юньпу более удачен, чем у Юй Чжэня. Переводной текст Юй Чжэня написан на древнекитайском языке. Стихи у него гладкие, но в них отсутствуют пафос и пылкость, которые являются важными чертами лермонтовской лирики. В сопоставлении с Юй Чжэнем ясно, почему многие переводные стихи Гу Юньпу, отличаясь прекрасным и живым литературным слогом, поэтичным и виртуозным выражением, современным духом, стали общепризнанными шедеврами и пользуются высоким авторитетом в китайском лермонтоведении.

В китайской поэзии не существует понятия рифмовки «перекрестной», «смежной», «охватной», еще и «тройной». Поэтому переводчику, стремящемуся как можно точнее передать гармонию русской поэзии, трудно сохранить черты китайского стихосложения, вне канонов которого читатель не сможет опознать переводной текст как поэтический. Необходимо указать, что в классической китайской поэзии в первой строфе 1-я (не обязательно), 2-я, 4-я строки должны рифмоваться, а в следующих строфах только четные рифмуются, а нечетным это не требуется. Однако из всех русских рифм перекрестная наиболее близка к рифме китайской поэзии, и поэтому китайские переводчики часто используют рифму либо чисто русскую перекрестную, как Юй Чжэнь, либо видоизмененную, как и Юй Чжэнь, и Гу Юньпу, либо традиционную китайскую, как Гу Юньпу и Цюй Цюбо.

Касаясь передачи стопного деления, нам приходится признать, что пауза в китайских стихах в большей степени передает смысл, а не звук. Считается, что при переводе самыми большими трудностями является соответствие фонола (финаля) между оригиналом и переводом подражать здесь труднее, чем в стихе или строфе. Недаром Гу Юньпу отмечает: «...для перенесения фонола в сфере переводов и по сей день не найдено эффективного метода. На наш взгляд, при этом пока только по принципу относительного эквивалента можно перенести красоту музыкальности языка «А» «в язык» «Б».³⁶ Но он трезво осознает, что такие меры все-таки не приведут к адекватной замене, поскольку стандарты красоты звучания в поэзии двух стран неодинаковы. В русских стихах имеется слог ударный и неударный, а в китайских совсем иначе – четыре тона (– / V \). Первые два (– /) – это ровные тоны (пин; 平), а третий и четвертый (V \) – ломаные тоны (цзэ; 仄). Ровные тоны звучат тише (более плавно и ниже), а ломаные – громче (круче и выше). Ровные напоминают нам неударные слоги в русском языке, а ломаные – ударные. Все они чередуются по правилам, но при этом в китайских стихах нет таких размеров, как ямб, хорей, дактиль, амфибрахий, анапест, действуют совсем другие каноны. В качестве примера приведем чередование парами: либо пин/пин, либо цзэ/цзэ, что в некоторой степени напоминает русские спондей и пиррихий одно семисловное восьмистишие, которое начинается с ровного тона:

一山飞峙大江边, yīshān|fēizhì|dà|jiāngbiān, 平³⁷平| [仄³⁸]仄|仄|平平

³⁶ Гу Юньпу. Предисловие // Полное собрание лирических стихотворений М. Лермонтова. Лирика. Нанкин: Леса переводов, 2006. С. 9.

³⁷ 平 – ровный тон.

³⁸ 仄 – ломаный тон.

³⁹ Квадратные скобки обозначают видоизменение: ровный тон превратился в ломаный или наоборот. Но это происходит только при возможности. Например, третий знак в первой строке по правилу [仄], но на деле «平». Такое отклонение признано, как случайно встречающийся спондей или пиррихий.

跃上葱茏四百旋。 yuèshàng|cōnglóng|sībǎi|xuán. 仄仄|平平|仄仄|平
 冷眼向洋看世界, lěngyǎn|xiàngyáng|kàn|shìjiè, 仄仄|[平]平|[平]|仄仄
 热风吹雨洒江天。 rèfēng|chuīyǔ|sǎ|jiāngtiān. [平]平|[仄]仄|仄|平平
 云横九派浮黄鹤, yúnhéng|jiǔpài|fúhuáng|hè, [平]平|[仄]仄|仄|仄
 浪下三吴起白烟。 làngxià|sānwú|qǐbái|yān. [仄]仄|平平|仄|[仄]|平
 陶令不知何处去, táoling|būzhī|hé|chùqù, [仄]仄|平平|平|仄仄
 桃花源里可耕田? táohuā|yuánlǐ|kě|gēngtián? 平平|[仄]仄|仄|平平

Мао Цзэдун

При этом нам приходится прийти к окончательному выводу, что китайские и русские размеры вообще не могут быть эквивалентны друг другу в настоящем смысле слова, и в этом нет необходимости. Ведь даже если бы переводчик с большим трудом добился своего, т. е. так называемого эквивалента во всех элементах стихосложения, читатели не опознают его в переведенном стихе. В этом проявляется «непереводимость» двух языков, но это очень ценная непереводимость. Мы полагаем, что при переводе стихов передаются смыслы, которые скрываются за словами, – это важнее, т. е. содержание важнее формы. Когда ритм и смысл нельзя одновременно сохранить, то надо выбирать смысл. Иными словами, чрезмерное требование к рифме часто нарушает смысл текста. Юй Чжэнь при переводе первой строки стихотворения «Родина»: «Люблю отчизну я, но странною любовью...», чтобы зарифмовать первую и вторую строки, трактует «любовь» как чувство горячей сердечной склонности, влечение к лицу другого пола. Нельзя не считать это промахом в его переводе, серьезно разрушающим смысл оригинала. Мы полагаем, стихи в конце концов служат чувствам. При переводе стихов нам нельзя забывать основное и гнаться за частностями, нельзя, по китайскому крылатому слову, подрезать ноги, чтобы подогнать их к туфлям. Рифмовать только для рифмовки – это табу при переводе. При крайней необходимости лучше сохранить смысл, изменив форму. Гу Юньпу выбрал иное значение этого слова – «чувство глубокой эмоциональной привязанности, преданности кому, чему-л., основанное на врожденном, внутреннем чувстве, инстинктивной потребности».⁴⁰ Это ближе к первоначальному творческому импульсу. Причем Гу Юньпу не жалеет отказаться от рифмовки тем более что в китайском стихосложении первая строка в первой строфе рифмуется факультативно.

Недостаток внешней аккуратности в школе, которую возглавил Юй Чжэнь и др., заключается еще и в том, что с целью сохранить красоту формы, т.е. равное число иероглифов в строке, переводчики часто добавляют дополнительные иероглифы, делая стих не только не очень лапидарным, но и не точным. Кстати, из-за поворотов истории

⁴⁰ Большой академический словарь русского языка. М.; СПб., 2007. Т. 9: Л-Медь. С. 363.

уровень знания русского языка у Юй Чжэня ниже, чем у Гу Юньпу, Чжан Сюэцзэна и других молодых переводчиков. Заметим, что в издании 1953 года Юй Чжэнь при переводе стихотворения «Тучи» выбрал в качестве названия иероглиф со следующим значением: большое, преимущественно темное густое облако, грозящее дождем, градом, снегом. Очевидно, такой выбор не совпадает с контекстом «степью лазурною, цепью жемчужною», игнорируя такие входящие в образ понятия, как «белые», «плывущие». Позже он, наверное, заметил свое отклонение в понимании и превратил «темное облако» просто в «облако», которое продолжает оставаться в заглавии по сей день. Чжан Сюэцзэн даже переводит в название данного стихотворения как «Плывущее облако»; по нашему мнению, данный вариант более всего приближается к очарованию оригинала. В переводном тексте «Родина» Юй Чжэнь не знает, что суффикс -ист- обозначает «много», он называет «росистый вечер» «вечером с росой». Очевидно, здесь существуют семантические лакуны. А Гу Юньпу называет такой вечер «вечером с многими росами». При переводе поэмы «Песня про царя Ивана Васильевича...» Юй Чжэнь нередко допускает ошибки то в понимании, то в выборе слов. Но даже это, по сути, не затмит «блеск переводчика Юй Чжэня». Чжоу Цин и Лу Хунъюнь пишут: «Юй Чжэнь отличается строгим стилем, его текст точен и жив. Переводчик Юй Чжэнь глубоко пользуется трогательным очарованием поэта Лермонтова».⁴¹ Конечно, здесь отчасти сказывается пристрастие ученых. Но зато в переводном тексте Юй Чжэня веет классическим духом. Слог у него солидный и щедрый.

По возрасту Гу Юньпу должен считаться последователем Юй Чжэня. Гу Юньпу признается в послесловии к книге «Избранные стихотворения» (1985): «Кроме новых переводных текстов переводчик в некоторой степени заимствовал достижения Юй Чжэня и других предшественников».⁴² Однако, как говорят в Китае, «синее рождается из голубого, но гораздо гуще последнего». В отличие от Юй Чжэня Гу Юньпу считает литературный перевод новым творчеством, в котором содержатся три уровня: «новый творческий импульс для переводчика, новое восприятие красоты для читателей переводного текста, новая разработка языка в переводном тексте».⁴³ Впрочем, мы не думаем, что такое воссоздание является синонимом европейского термина «transcreation» (творческий перевод). Придерживаясь принципа буквального перевода, он точно и верно, посредством образов, выражает свое чувство, воссоздает смысл оригинала, но не слепо

⁴¹ Чжоу Цин, Лу Хунъюнь. Изучение М. Ю. Лермонтова в Китае // История исследования русской и советской литературы в Китае / Под редакцией Чень Цзяньхуа. Чунцинское издательство. 2007. С. 31.

⁴² Гу Юньпу. Предисловие // Полное собрание лирических стихотворений М. Лермонтова. С. 11.

⁴³ Гу Юньпу. О труде при переводе «Полного собрания лирических стихотворений М. Лермонтова. Т. 2» // Одна книга и один мир – мастера-переводчики о «входе» знаменитых иностранных произведений в Китай. Куньлунь, 2005. С. 132.

копирует слова. Он обладает прекрасной подготовкой в области китайской классической поэзии. Это позволяет ему хорошо передать замысел и дух оригинала. Между тем язык его переводов точный, лапидарный, эмоциональный и живой. Пользуясь лучшими, наиболее удачными опытами своих предшественников в переводе, Гу Юньпу поэтому стоит выше них, и его достижения также сильно влияют на последователей.

Касаясь искусства Пушкина, известный переводчик и художник Гао Ман замечает: «Весьма жаль, что китайский перевод не в силах отразить все прелести поэзии Пушкина».⁴⁴ Отзыв Гао Мана о мастерстве Пушкина также годится для оценки Лермонтова. Это неизбежное сожаление должно быть приписано не столько к различиям культурного контекста, сколько к ограниченности и безграничности любого национального языка.

Список литературы:

Гу Юньпу. Предисловие // Полное собрание лирических стихотворений М. Лермонтова.

Гу Юньпу. Исследование М.Ю. Лермонтова. Посвящается 200-летию со дня рождения великого поэта. Издательство Пекинского университета. 2014.

Фэн Цыкай. Беседа о переводе // Преподавание иностранных языков и переводы. 1951. № 1.

История исследования русской и советской литературы в Китае в 4 томах. Т. 3./ Под редакцией Чень Цзяньхуа. Чунцинское издательство. 2007.

Собрание переводных произведений Вэнь Пэйцзюня. Под ред. детей Вэнь Пэйцзюня. 1993. Издательское бюро. Пекин. 1993.

«Теория перевода Советского Союза». Под редакцией Сай И и Дуань Цзинхуа. Хубэйское издательство «Просвещение». 2000.

⁴⁴ *Гао Ман.* Прочтение Пушкина при экономическом кризисе // Индустрия китайской культуры. 2009. 8 июня. Автор подчеркивает актуальность пушкинской поэзии для наших современников.

ТИПОЛОГИЯ СЛОВАРЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА

TYPES OF RUSSIAN LANGUAGE DICTIONARY

В данной статье мы хотели бы рассмотреть типы словарей русского языка. Тип каждого словаря определяется основной информацией, которую он содержит, его общим назначением. Данная тема получила широкое освещение в научной сфере и требует некоторого обобщения, которое мы постарались сделать в данной работе.

In this article we would like to consider the types of dictionaries of the Russian language. The type of each of the dictionary defines the basic information it contains, its utility. This topic was widely publicized in the scientific field and requires some generalizations which we have tried to do in this paper.

Ключевые слова: функции словарей, типы словарей

Key words: function of dictionaries, types of dictionaries

В настоящее время существует большое количество словарей русского языка, описание которых заслуживает темы диссертационной работы. Примером многообразия словарей служат толковые словари, терминологические словари, словари неологизмов, динамические словари, словари иностранных слов, словарь переводческих терминов, словари синонимов и антонимов, омонимов и паронимов, новых слов, сленга и арго, ассоциативные словари, грамматические, фразеологические, иллюстрированные, словообразовательные, орфографические, орфоэпические и т.д.

Толковые словари в русском языке делятся на а) нормативные и б) дескриптивные. Признаком деления на типы является цели использования и функции словарей. Что касается дескриптивного словаря, то они используются для описания лексикона в конкретной сфере и определения всех употреблений, относящихся к данной сфере. Детальность описания значений слов в материале дескриптивного словаря отражает его качество. В качестве примера можно привести словарь В. И. Даля. Дескриптивный толковый словарь русского языка В.И. Даля описывает многообразие русской речи, в частности просторечия и диалектные формы. Также к дескриптивным словарям можно отнести словари жаргонов и сленгов, а также диалектизмов.

Что касается нормативного словаря, то тут имеет место несколько другая цель. Как следует из названия типа, нормативный словарь задает норму употребления слова,

значение которых может быть неправильно трактовано. В то же время нормируются и те употребления, которые не уместны в коммуникативной ситуации.

В 20 веке был издан первый нормативный словарь русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова. Словарь выходил в печать с 1935 до 1940 в четырех томах. В группу авторов входили ведущие в то время ученые: В. В. Виноградов (со второго тома), Г. О. Винокур, Б. А. Ларин, С. И. Ожегов, Б. В. Томашевский. По мнению авторского коллектива, основной его задачей на тот момент являлось отражение переработки всего того словарного материала, который существовал в эпоху пролетарской революции. Издание такого словаря предполагало новый этап в истории русского языка, указывая вместе с тем на нормы употребления существующих слов в языке.

Публикация такого словаря положила начало традиции подготовки нормативных словарей. Следующим был издан однотомный «Словарь русского языка» С. И. Ожегова в 1949 году, в основу которого вошел словарь под редакцией Д. Н. Ушакова, подвергшийся многократному обновлению. Данный словарь издается периодически с 1992 года, его авторами являются С. И. Ожегов и Н. Ю. Шведова.

Учитывая то, что словари подразделяются на общие и частные, следует отметить, что вышеупомянутые словари относятся к общим словарям. В качестве примера частного толкового словаря можно привести фразеологические словари, ограниченные в основном устойчивыми словосочетаниями, в которых присутствует та или иная степень идиоматичности. Особенность фразеологических словарей заключается в том, что в них, как правило, отражены формы варьирования фразеологизмов.

Среди частных толковых словарей выделяются словари жаргонов и сленгов, диалектные и словари иностранных слов. Описание жаргонов и сленга производится в основном лингвистами-лексикографами, которые выполняют непрофессионально, а также носителями соответствующих подязыков, что отражается на качестве, далекого от лексикографического стандарта качества. Типичной ошибкой является отсутствие зоны примеров по употреблению жаргонных единиц. К диалектным словарям относятся общие, включающие лексику многих или нескольких диалектов и говоров, и региональные. К примеру, словарь Даля считается как общим толковым словарем, так и разновидностью общего диалектного словаря.

Словарь иностранных слов представляет собой разновидность толкового словаря, в котором можно найти объяснение значения слов иностранного происхождения, ощущаемые носителями языка как заимствования из других языков. Помимо собственно толкования, такие словари предоставляют информацию о том, из какого языка пришло слово и его иноязычный аналог.

К особым видам толковых словарей можно отнести – словари синонимов, антонимов, омонимов и паронимов, а также словари новых слов. Словарь синонимов в одной словарной статье помещает слова, близкие по значению, а также образующие синонимические ряды. Такие словари появились давно, в них толкование осуществляется как всего ряда в целом, так и каждой лексемы, входящей в ряд. Двухтомный «Словарь синонимов русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой построен по такому же принципу. В некоторых словарях синонимов практически отсутствуют толкования. В данном случае считается, что значение представлено самим синонимическим рядом.

В русской лексикографической традиции словари антонимов появились относительно недавно. В словаре антонимов в отдельной статье словаря дано более или менее подробное описание их значений. В словарях омонимов омонимичные (т.е. совпадающие по форме, но различные по значению) лексические единицы описаны подробно. Зона толкования для таких словарей обязательна, поскольку различие омонимов без учета значения невозможно проиллюстрировать.

Как и словари антонимов, словари паронимов появились в русской лексикографической традиции относительно недавно. В словари паронимов включены слова, сходные по морфологическому составу, но лишь незначительно различающиеся по значению слова. Функции словаря паронимов выполняет также и словарь Даля, в статьи которого включены и однокоренные слова.

Особое значение приобретают исторические и этимологические словари. «Историческим в полном смысле этого термина был бы такой словарь, который давал бы историю всех слов на протяжении определенного отрезка времени, начиная с той или иной определенной даты или эпохи, причем указывалось бы не только возникновение новых слов и новых значений, но и их отмирание, а также их видоизменение» [Щерба, 2003, с. 121]. Цель этимологических словарей заключается в том, чтобы объяснить происхождение слов. История слов и их этимология представлена также в некоторых крупных толковых словарях. Словари новых слов (неологизмов) включают недавно вошедшие в употребление слова и новые значения слов. Необходимость издания таких словарей обусловлена затруднениями в понимании и употреблении новых слов.

Изучение и описание типов словарей является важной научной задачей.

Список литературы:

Виноградов В.В. Избранные труды, лексикология и лексикография / В. В. Виноградов. М.: Наука, 1997. 312 с.

Гвоздарев Ю.Л. Рассказы о русской фразеологии / Ю. Л. Гвоздарев. М.: Просвещение, 1998. 192 с.

Горшков А.И. Русская словесность. От слова к словесности / А. И. Горшков. М.: Просвещение, 1995. 336 с.

Денисов П.Н. Очерки по русской лексикологии и учебной лексикографии / П. Н. Денисов. М.: Изд-во МГУ, 1974. 256 с.

Рождественский Ю.В. Техника, культура, язык / Ю. В. Рождественский. М.: Просвещение, 1993. 254 с.

Розенталь Д.Э. Занимательная стилистика / Д. Э. Розенталь, И. Б. Голуб. М.: Просвещение, 1988. 208 с.

Скворцов Л.И. Экономия слова, или Поговорим о культуре русской речи / Л. И. Скворцов. М.: Просвещение, 1996. 158 с.

Шанский Н.М. Лексикология современного русского языка / Н. М. Шанский. М.: Просвещение, 1971. 328 с.

Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность / Л. В. Щерба. М.:ЛКИ., 2008. 432 с.

**ПОНИМАНИЕ ЯВНОГО И НЕЯВНОГО СМЫСЛА ТЕКСТА КАК СМЫСЛА
ОПИСЫВАЕМЫХ СОБЫТИЙ (НА ПРИМЕРЕ ПЕРЕВОДОВ ПОЭЗИИ
ВИСЛАВЫ ШИМБОРСКОЙ)**

**INTERPRITATION OF EXPLICIT AND IMPLICIT MEANING OF THE TEXT AS
MEANING OF DESCRIBED EVENTS (BASED ON TRANSLATION OF WISLAWA
SZYMBORSKA' S POETRY)**

В данной статье в качестве основы понимания нами рассматривается постижение смысла реального или описываемого события. Смыслом события предложено считать совокупность участвующих в событии объектов и явлений, их характеристик и причинно-следственных связей, непосредственно обусловивших рассматриваемое событие. Передача смысла того или иного события в письменной или устной форме составляет, по нашему мнению, основу коммуникации. Смысл события может быть выражен разными способами, при помощи различных лексических средств, в том числе, при помощи лексики другого языка. Это не только делает возможным перевод текста на другой язык, но и допускает многовариантность перевода.

При переводе поэзии значительную сложность представляет адекватная передача смыслов событий, данных в оригинале в неявном виде. Задача переводчика в этом случае состоит в том, чтобы понять скрытый смысл излагаемых событий и найти адекватную лексическую форму для неявного выражения смыслов в целевом тексте. В статье проведен смысловой анализ стихотворения Виславы Шимборской «Тень» и рассмотрены примеры передачи в переводах разных авторов присутствующих в тексте оригинала скрытых смыслов.

As a basis for understanding in this paper we consider a comprehension of meaning of an event, to be a real or described. Let the meaning of the event to be a set of participating objects and phenomena with their characteristics and causal relationships, which have directly caused the event in question. Transfer the meaning of an event in writing or orally is, in our opinion, the basis of communication. The meaning of an event can be expressed in different ways, using different lexical means, including using other language vocabulary. This not only makes it possible to translate the text into another language, but also allows for multi-variant transfer.

When translating the poetry, communication of the events mentioned in the original implicitly represents a significant challenge. The task of the translator in this case is to understand the implications of the developments and to find an adequate lexical form for the implicit meaning in the target text. In the article the semantic analysis of the poem Wislawa Szymborska «Shadow» and the examples of the transmission in translations of different authors present in the original text hidden meanings.

Ключевые слова: смысл, понимание, перевод, коммуникация.

Key words: meaning, understanding, translation, communication.

О проблемах понимания и о проблемах перевода написано очень много. Широко известная книга Умберто Эко «Сказать почти то же самое» [Эко, 2006, с.7] начинается непосредственно с вопроса: «Что значит *переводить?*» И далее автор пишет:

«Первый ответ, и притом обнадеживающий, мог бы стать таким: сказать то же самое на другом языке. Правда, при этом мы, во-первых, испытываем немалые затруднения, пытаюсь установить, что означает «сказать *то же самое*», и недостаточно ясно осознаем это в ходе таких операций, как перифраза, определение, разъяснение, переформулировка, не говоря уж о предполагаемых синонимических подстановках. Во-вторых, держа перед собой текст, подлежащий переводу, мы не знаем, что такое *то*».

Можно сказать, что «то» – это смысл. А что такое «смысл» и как мы его понимаем? Даны десятки определений понятия «смысл». В общем, принято считать, что смысл – это соответствие содержания и значения понятий какому-то кругу предметов или вещей. И понимание – это, по сути дела, категоризация объекта, нахождение «его места» в иерархии ему подобных. Но только ли *объекты* и только ли в языке мы понимаем?

М. Хайдеггером и Г.Г. Гадамером понимание рассматривается предельно широко как фундаментальная онтологическая характеристика человеческого существования, как способ его существования: человек живет понимая. Поль Рикер в работе «Конфликт интерпретаций» [Рикер, 2008, с.40] писал, что Хайдеггер, рассматривая понимание как способ бытия, отказывается от рассуждений о методе. И, по сути, до сих пор вопрос о методе понимания остается не решенным до конца, несмотря на то, что существует несколько парадигм понимания, в каждой из которых разработаны множество теорий, подходов, методов, основ и способов понимания [Васильев, 1999, электрон. ресурс].

Причина этого парадокса, на наш взгляд, кроется в наличии принципиальной ошибки в самом подходе к рассмотрению проблемы понимания [Виногорова, 2012]. Ошибочной представляется позиция, что понимание и мышление носят исключительно языковой характер. Такая позиция создает ряд неразрешимых противоречий и не позволяет ответить на принципиально важные вопросы. Одно из таких противоречий Борботько назвал парадоксом «наивного» носителя языка.

Он пишет: «Парадокс «наивного» носителя языка состоит в том, что, не зная правил построения комплексных лингвистических структур, он справляется с этой задачей, несмотря на сложные взаимоотношения между единицами всех языковых уровней, над описанием форм и функций которых трудились многие поколения лингвистов. <...> Можно предположить, что любой носитель языка неосознанно владеет неким ключевым принципом, позволяющим ему молниеносно отслеживать смысловые взаимодействия единиц на всех уровнях дискурса...» [Борботько, 2007, с. 8].

Анализ множества трудов, посвященных проблеме понимания, позволил нам сделать вывод, что таким универсальным «ключом» к пониманию как лингвистических структур, так и жизненных реалий, является понимание *смысла события*. Именно смысл

происходящих событий – реальных или выраженных в языке – и является, по нашему мнению, базой понимания и основой коммуникации.

Что такое событие? В физике считается, что *событие* – это «*то, что происходит в некоторый момент времени и рассматривается как изменение состояния мира*», «*явление, которому можно приписать три пространственные и одну временную координаты*. Событие определяется местом, где оно произошло, и временем, когда оно произошло»[glossary.ru, электрон. ресурс].

Словарь Ожегова *событием* называет «*то, что произошло; то или иное значительное явление, факт общественной, личной жизни*». При этом *явление* определяется как «*вообще всякое обнаруживаемое проявление чего-нибудь*» [Ожегов, 1992]. Обобщая эти определения, можно сказать, что все, что происходит вокруг нас, с нами, и даже «внутри нас» (в физической, умственной или эмоциональной сфере) – это события. Мы живем в потоке событий: утром прозвенел будильник, на плите закипел чайник, вы опоздали на автобус, проголодались, съели бутерброд, прочитали книгу, написали статью, восхитились картиной, испугались, влюбились... На характер происходящего указывает глагол. Событие может быть минувшее, длящееся или предполагаемое в будущем.

Для иллюстрации предлагается рассмотреть простейший пример события: идет дождь, вы стоите у перехода и ждете, когда загорится зеленый свет, проходящая мимо машина окатывает вас водой. Вы понимаете, что произошло? Понимаете. Причем, понимаете мгновенно, не успев произнести или помыслить ни слова. Как вы понимаете смысл события? Вы понимаете, что идет сильный *дождь*, *поэтому* на асфальте вода; *вы* не оценили обстановку, *поэтому* встали слишком близко к краю тротуара; *машина* не сбавила скорости, *поэтому* подняла фонтан брызг, которые намочили и испачкали вашу одежду.

Можно сформулировать определение: *совокупность участвующих в событии объектов и явлений, их характеристик и причинно-следственных связей, обусловивших это событие, является смыслом события*.

То есть понимание имеет две стороны медали: 1) оценка, анализ участвующих в событии объектов или явлений; 2) установление причинно-следственных связей, обусловивших событие. Условно схему понимания смысла можно выразить следующим образом: *какие кто/что – что сделали – почему – где – когда*.

Тот, кто оказался участником или свидетелем рассматриваемого события вместе с вами, поймет его, причем без слов и объяснений: на базе собственного наблюдения. Тем, кто в этом событии не участвовал – коллегам по работе, приятельнице, членам семьи – вы

можете рассказать об этом событии, причем так, чтобы слушатели тоже могли понять смысл происшедшего события, то есть, описывая участвующие в событии объекты и явления и указывая причинно-следственные связи. Вот для этого нам нужен язык. То есть, *язык нужен для передачи смысла тех или иных событий* людям, которые в этих событиях не участвовали и не были их очевидцами.

Все элементы языка и способы соединения слов в предложения смыслообразующие. И корни, и аффиксы служат для выражения смысла наиболее экономичным способом. Суффиксы уточняют характер объекта: *палка – палочка – палица*; приставки уточняют характер действия, события: *дать – отдать – выдать – задать*; окончания могут указывать на род действующего объекта или субъекта и на число: *мальчик, девочка, поле, птицы*; предлоги указывают направление или место действия: *работает в поле, влез на дерево, погрузился под воду, свернул за угол, вышел из леса*. Смыслообразующие даже знаки препинания, вспомним классический пример «*Казнить нельзя помиловать*», где смысл предложения целиком зависит от места запятой.

Представляется, что язык сформировался как динамичная и максимально экономичная система выражения смысла любого события.

Передача в той или иной форме смысла событий является основой коммуникации. Понимание передаваемого смысла события происходит на базе нашего знания. Подавляющее большинство текстов рассказывает о тех или иных событиях – реальных или вымышленных, то есть, событие – основной изобразительный и структурный элемент коммуникации вообще и повествования, в частности.

Возьмем для примера отрывок текста из повести Тургенева «Ася»:

«Итак, лет двадцать тому назад я проживал в немецком небольшом городке З., на левом берегу Рейна. Я искал уединения: я только что был поражен в сердце одной молодой вдовой, с которой познакомился на водах. Она была очень хороша собой и умна, кокетничала со всеми – и со мною, грешным, – сперва даже поощряла меня, а потом жестоко меня уязвила, пожертвовав мною одному краснощекому баварскому лейтенанту. Признаться сказать, рана моего сердца не очень была глубока; но я почел долгом предаться на некоторое время печали и одиночеству – чем молодость не тешится! – и поселился в З.» [Тургенев, 2008].

В этом отрывке мы видим все необходимые элементы передачи и понимания смысла: указано время и место действия, дано описание участвующих в событиях лиц и указаны причинно-следственные связи событий.

Смысл одного и того же события может быть передан самыми различными способами, самыми различными языковыми средствами, в том числе и средствами иного языка, поэтому возможна многовариантность перевода.

Таким образом, перевод – это, по сути, передача смысла событий, изложенных в оригинальном тексте, языком перевода так, чтобы с максимальной точностью передать характеристику участвующих в событии объектов, лиц, явлений и передать обусловившие событие причинно-следственные связи, сохраняя языковой стиль автора.

Наибольшую сложность представляет перевод поэзии, где смыслы зачастую заданы неявно. В качестве примера предлагается рассмотреть различные переводы стихотворения Виславы Шимборской «Тень» (*Cień*). Ряд переводов в достаточной мере отражают смыслы оригинального текста и авторский стиль. Предлагается проанализировать два перевода, нарушающих концепцию оригинального текста: один перевод говорит о недостаточном понимании смысла исходного текста, другой – о неадекватном выражении понятых смыслов в целевом тексте.

Проведем смысловой анализ оригинального текста, с тем, чтобы уяснить какие же смыслы событий и какими средствами задает автор стихотворения. Первая строка:

Mój cień jak błazen za królową.

Моя тень – как шут за королевой⁴⁵. (Здесь и далее перевод мой – В.В.)

Автор дает метафорическое сравнение. Если тень – это шут, неотрывно следующий за королевой, то возникает смысл, что тени присущи все черты, характерные для поведения шута, в то же время лирический субъект, лирическое «я» – это «королева». В противовес шуту ей присущи соответствующие королевские черты: достоинство, сдержанность, величие. Смыслы изображаемых далее событий это подтверждают: тень–шут повторяет поступки королевы в преувеличенном, гротескном виде; используется развернутая метафора.

<i>Kiedy królowa z krzesła wstanie, błazen nastroszy się na ścianie i stuknie w sufit głupią głową.</i>	Когда королева встанет с кресла, шут вздыбится на стене и стукнется в потолок глупой головой.
<i>Co może na swój sposób boli w dwuwymiarowym świecie. Może błaznowi źle na moim dworze i wolalby się w innej roli.</i>	Она, быть может, по–своему болит в двумерном мире. Может шуту плохо при моем дворе и предпочитал бы быть в другой роли.
<i>Królowa z okna się wychyli,</i>	Королева склонится из окна,

⁴⁵ При смысловом анализе использован дословный перевод (прим. авт.)

<i>a błazen z okna skoczy w dół. Tak każdą czynność podzielili ale to nie jest pół na pół.</i>	а шут выпрыгнет из окна вниз. Так они поделили все дела, но поделили не поровну.
--	--

В четвертой строфе смысл роли тени–шута уточняется:

<i>Ten prostak wziął na siebie gesty, patos i cały jego bezwstyd, to wszystko, na co nie mam sił – koronę, berło, płaszcz królewski.</i>	Этот невежа взял на себя жесты, пафос и его бесстыдство, все то, на что у меня нет сил – корону, скипетр, королевскую мантию.
--	--

Метафорически сказано, что на долю тени–шута досталась непосредственность поведения (жесты), откровенное выражение эмоций (пафос и его бесстыдство) – все то, «на что нет сил», то есть то, что чуждо, не свойственно лирической героине, в том числе, «корона, скипетр, плащ королевский» (использована метафора, основанная на метонимии). Названы атрибуты, характеризующие королевское величие, но атрибуты *внешние*. Так как речь идет не о настоящей королеве, а лирическом субъекте, которому свойственны королевские черты, то отказ от внешней королевской атрибутики, показывает, что за лирической героиней остается внутренняя суть, свойственная королеве, – достоинство и сдержанность.

<i>Będę, ach, lekka w ruchu ramion, ach, lekka w odwroceniu głowy, królu, przy naszym pożegnaniu, królu, na stacji kolejowej.</i>	Будет, ах, легким движение моих плеч, ах, легким поворот головы, король, при нашем прощании король, на железнодорожной станции.
<i>Królu, to błazen o tej porze, królu, połóż się na torze.</i>	Король, это шут в эту минуту, король, ляжет на рельсы.

Когда придет пора проститься с «королем», «королева» сохранит достоинство и будет сдержанна. Но дважды использованное междометие *ах* показывает, что «королева» не бесстрашна, она просто скрывает эмоции. Четыре строки, начинающиеся с обращения, по строю напоминают плач, причитания и передают скрываемое горестное переживание. Королева не показывает отчаяния (имплицитно показано именно отчаяние, потому что только в отчаянии ложатся на рельсы), на рельсы ложится тень-шут, которому делегирована откровенность в поступках и выражении эмоций. И если разлука вызывает горе, отчаяние, значит, это разлука с любимым человеком. Вот, примерно, какую смысловую канву мы можем усмотреть за содержательным планом стихотворения.

Перед переводчиком стоит задача перевести текст стихотворения (план содержания) таким образом, чтобы читатель на языке перевода мог достичь понимания не только явных, но и скрытых смыслов, подразумеваемых в тексте оригинала.

Асар Эппель [Шимборская, 1976] в своем переводе успешно передает смысл трех первых строф, но в четвертой строфе читаем:

Дурак присвоил жестов живость,
бесстыдство пафоса и *лживость*—
все то, на что меня не стать:
порфиру, скипетр и *фальшивость* (курсив мой – В.В.).

Так, если тень-шут присвоил себе не только откровенное выражение эмоций, но и *лживость*, то привносится смысл, что проявлениям чувств, выраженных тенью, верить нельзя. Это усиливается использованием для рифмы по сути синонима – *фальшивость*.

И далее:

Ах, буду легкой в повороте,
ах, запрокинусь в той келейке,
король, когда вы прочь уйдете,
король на той узкоколейке.

Такое действие как запрокинуться, носит оттенок истеричности, болезненности, что противоречит смыслу оригинала, где героиня, напротив, полна достоинства. Так как и «буду легкой в повороте», и «запрокинусь» произойдет после того, как «король уйдет прочь», то «ах, ах» воспринимается как вздох облегчения. Появляется смысл, что героиня испытывает не чувство горести, а чувство удовлетворения от того, что наконец–то он «уйдет прочь». Упоминание узкоколейки привлекает ассоциативно-смысловую связь с понятием лесоповал, существующую в сознании русского читателя. Возникает невольно вопрос: куда уйдет «король» на узкоколейке? И наконец, исходя из того, что тень-шут лжив и проявлениям его чувств верить нельзя, последние две строки приобретают смысл обратный подразумеваемому в оригинале: скатертью дорога, никто не собирается горевать, тень-шут разыгрывает фарс:

Король, счастливых вам дорог,
не я – мой шут на рельсы лег.

Использование в переводе неоправданной лексики привело к возникновению ненужных ассоциаций и ложных смыслов. Это заставляет предположить, что, по-видимому, переводчик не понял скрытый смысл стихотворения.

В качестве противоположного примера рассмотрим перевод, выполненный Виктором Филипповым [Шимборская, 2003]. Переводчик понял смыслы, заданные Виславой Шимборской в строках стихотворения, но не смог передать его адекватно, соответствующими языковыми средствами. Он впадает в другую крайность – скрытый смысл переводит в план содержания, и то, что читатель должен был додумать, обозначает номинативно:

Тень, как шут, своим нелепым жестом
Королеву выставит на смех
И величья царственного вместо
Обнажит отчаянье при всех.

При разлуке с королем любимым
Легким будет шеи поворот...
Только тень, скользнув неслышно мимо,
Горестно на рельсы упадет...

В оригинале нет таких слов, как отчаяние, любимый король, горестно. В стихотворении В. Шимборской это только подразумевается, это скрытый смысл, и показан он при помощи изобразительных возможностей языка: тропов, повторов, выверенной лексики. Номинативный перевод может показаться читателю лучшим, более понятным, доступным: он не требует размышления, не требует усилия сознания для понимания истинного смысла, освоения авторского замысла. Однако такой перевод, несомненно, проигрывает в художественном плане – он теряет глубину, недосказанность, присущие оригиналу.

Так как смысл событий, излагаемых в тексте, «осваивается» в процессе чтения и понимается на базе субъективного опыта и знаний, то он не имеет «строгих границ». Усматриваемые в тексте смыслы у разных переводчиков могут иметь свои оттенки, ведь у каждого свой жизненный опыт, свой объем знаний, свое мироощущение, индивидуальная способность к мышлению. Но, тем не менее, для более точного понимания авторского замысла представляется полезным проводить событийно–смысловой анализ текста для выявления всей структуры явных и скрытых смыслов, заданных в оригинале, по приведенной выше формуле: *какие кто/что – что сделали – почему – где – когда*. Также необходим анализ языковых средств, которые автор использовал для выражения явных и скрытых смыслов событий, с тем, чтобы использовать подобные приемы при переводе.

Список литературы:

- Борботько В.Г.* Принципы формирования дискурса. От психолингвистики к психосинергетике/ В.Г. Борботько. М.: КомКнига, 2007. 288 с.
- Васильев Л.Г.* Три парадигмы понимания. Анализ литературы вопроса [Электрон. ресурс] / Л.Г. Васильев. – 1999. – Режим доступа: http://sprach-insel.com/index.php?option=com_content&task=view&id=38&Itemid=61
- Виногорова В.Т.* Смысл. Понимание. Ситуативная коммуникация (Заметки переводчика)/ В.Т. Виногорова. Торунь (Польша), Adam Marszalek, 2012. 120 с. (русс., приложение – польск.)
- Ожегов, С.И.* Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. М.: АЗЪ; издание 2–е, испр. и доп., 1995 г. 928 с.
- Рикер П.* Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике/ Поль Рикер; пер. с фр. И.С. Вдовиной. М.: Академический проект, 2008. 695 с.
- Словарь по естественным наукам. Глоссарий.ру – электронный ресурс, 2010.*
- Шимборская В.* Тень / Вислава Шимборская; перевод с польск. А. Эппеля, «Иностранная Литература», 1976, № 7.
- Шимборская В.* Тень/ Вислава Шимборская; пер. с польск. В. Филиппова, «Иностранная Литература» 2003, № 5.
- Эко У.* Сказать почти то же самое. Опыты о переводе / Умберто Эко; пер. с итал. А.Н. Ковалея. СПб.: Симпозиум, 2006. 574 с.

Галатенко Ю.Н.
Национальный исследовательский университет
Высшая школа экономики,
г. Москва (Россия)

Galatenko Y.
National Research University
Higher School of Economics
Moscow (Russia)

**ПЕРЕВОД РОМАНА У.ЭКО «NUMERO ZERO» НА РУССКИЙ ЯЗЫК:
«ИНТЕРПРЕТАЦИЯ И СВЕРХИНТЕРПРЕТАЦИЯ»**

**RUSSIAN TRANSLATION OF U.ECO «S NOVEL «NUMERO ZERO»:
«INTERPRETATION AND OVERINTERPRETATION»**

В работе анализируется перевод на русский язык последнего из опубликованных романов современного итальянского писателя Умберто Эко «Нулевой номер» (U. Eco «Numero Zero», 2015, переводчик – Елена Костюкович). Исследуются основные переводческие приемы, связанные с привнесением в текст оригинала дополнительных смыслов, аллюзий и коннотаций (переводческие неологизмы, замена намеренно повторяющегося слова оригинала на синонимы в переводе, смена регистров повествования), а также приемы, связанные со «смыслоудалением» (потеря смыслов при излишне «буквальном переводе», опускание при переводе отдельных слов, выражений и даже крупных элементов текста). Разбираются примеры эмоционального внедрения переводчика в текст оригинала (понижение и повышение градуса эмоций, выраженных в тексте оригинала). Зачастую анализируемые приемы – это результат намеренного решения переводчика, но иногда они являются ненамеренными и обусловлены различием культурных и иных контекстов автора текста и его переводчика. Делается вывод о том, что переводчик – это со-автор, художник текста, вносящий в оригинал свои интерпретации, порождая тем самым новые смыслы, не подразумевавшиеся автором оригинала.

The Russian translation of the latest novel of a prominent modern Italian writer Umberto Eco («Numero Zero», 2015; translator – Elena Kostioukovitch) is analyzed. The translation methods that affect meanings are studied. These methods include ones that widen semantic field and create new senses (e.g., translator «s neologisms, usage of synonyms instead of one particular word repeated by the author, change of a register of the narrative) as well as ones that narrow semantic field by removing certain author «s senses (e.g., word-by-word translations, omission of words, phrases and even large text fragments). Methods that lead to translators emotional intrusion into text (increase or decrease of emotional level) are considered. It is shown that in many cases sense modifications performed by the translator are intentional, but certain modifications are unintentional and originate from cultural and other differences and author «s and translator «s contexts. It is concluded that the translator is a co-author who introduce personal interpretations into the text and creates new senses not originated from the author.

Ключевые слова: перевод, Умберто Эко, интерпретация, порождение смыслов.

Key words: translation, Umberto Eco, interpretation, creation of semantic field.

Переводчиком романа «Numero Zero» («Нулевой номер») на русский язык, как и всех прочих романов Умберто Эко, является Елена Костюкович – переводчик высоко профессиональный с большим стажем, сама много лет живущая в стране языка (Италии),

автор собственного романа («Цвингер», 2013 г.). Следует отметить, что роман У. Эко «Нулевой номер» уже очень популярен у русскоязычной публики, как и все предыдущие художественные и научные работы этого знаменитого итальянского философа и писателя.

Интересным представляется проанализировать основные переводческие приемы Е. Костюкович при работе над наиболее «свежим» романом У. Эко. Цель данного исследования – продемонстрировать на конкретном примере (романе У. Эко «Нулевой номер»), что переводчик – это «со-творец» текста, которому самим автором разрешено порождать свои интерпретации. При анализе принципов работы переводчика над текстом «Нулевого номера» не преследуется такая цель, как указание на «минусы» или «недостатки». Наоборот, переводческая стратегия Е. Костюкович уже не первое десятилетие доказывает свое безоговорочное право на существование и имеет большой успех.

Стиль перевода романа У. Эко «Нулевой номер» в целом можно охарактеризовать как достаточно смелый и в чем-то свободный. Так, Е. Костюкович иногда опускает детали оригинала и даже добавляет свои, свободно обращается с синтаксисом, вводя, к примеру, диалоги там, где на самом деле монологическая речь. Если порой такая игра с деталями не является релевантной, не мешает читателю познакомиться с оригиналом через перевод, то иногда случается и такое, что смысл исходного текста меняется, теряется, дополняется переводческими аллюзиями и коннотациями. В этом случае на арену выходит «со-автор», «со-творец» и даже «художник» текста – переводчик. Неспроста в переводе с различных иностранных языков слово «переводчик» совпадает со словом «интерпретатор» (итал. «*interpetete*», англ. «*interpreter*», фр. «*interprète*», исп. «*intérprete*»).

Сам У. Эко считал текст «ленивым механизмом, который требует, чтобы читатель выполнил часть работы за него», что «текст есть приспособление, созданное, чтобы спровоцировать как можно большее количество толкований» [Эко, 2013, с. 57]. Переводчик – это первый читатель текста, поэтому основные толкования вносит в текст именно он. Но складывается впечатление, что некоторые переводчики понимают эти слова Эко слишком буквально. Считая текст «излишне ленивым», переводчик вносит в него свою энергию, порождая тем самым дополнительный смысл, который далеко не всегда подразумевался автором. Это же заметил и сам У. Эко: «на протяжении последних десятилетий правам интерпретаторов придается слишком большое значение» [Эко, 2013, с. 58–59], а «утверждение, что любой текст теоретически бесконечен, не означает, что любая его интерпретация будет удачной» [Эко, 2013, с. 61].

В одной из последних встреч Е. Костюкович с читателями (в рамках литературного форума, проводившегося в Москве 5–6 октября 2015 г.) переводчик романов Эко сама

сформулировала основной принцип своей работы следующими словами, руководствуясь полученным лично от М.Л. Гаспарова правом «исправлять писателя»: «Переводишь и видишь, писателю надо было бы написать получше», а также: «если тебе нужно для твоей цели что-то изменить, то ты это делаешь». Обращаясь к переводчикам, Костюкович произнесла важную фразу: «переводы – это мы». В этом контексте достаточно иронически звучит ее фраза: «Но все же мы не должны забывать авторов, что это они написали этот текст».

Рассмотрим и классифицируем различные приемы переводческой стратегии Е. Костюкович на примере перевода романа У. Эко «Нулевой номер». Все эти приемы связаны с вопросом переводческого смыслопорождения (смыслоизменения) и «смыслоудаления», а также усиления и ослабления градуса описываемых автором эмоций.

В качестве смыслопорождающих можно выделить такие приемы, как введение в текст собственных слов переводчика, вследствие чего создаются особые аллюзии, не подразумевавшиеся автором; изменение регистра повествования с добавлением вульгаризмов и «переводческих неологизмов», снижающих стиль автора; преднамеренное или непреднамеренное изменение культурного контекста и региональных реалий. В качестве «смыслоудаляющих» приемов анализируется замена синонимами намеренно повторяющегося одного и того же слова, вычеркивание отдельных слов и даже целых фрагментов текста.

Главный вопрос, который возникает, это с какой целью переводчик использует все эти приемы? Отчасти ответ на него лежит все в том же восприятии текста как «ленивого механизма», который ждет, чтобы его проинтерпретировали, раскрыли. Но основной ответ таков, что переводчик воспринимает себя со–автором текста, в чем-то даже и его «художником», реализуя главный принцип переводчика: «переводы – это мы».

Отметим, что если в чем-то изменение оригинального текста романа «Numero Zero» Е. Костюкович преднамеренное (например, в вопросе сокращения списков, приводимых в романе, или замены некоторых региональных особенностей соответствующими русскими или иностранными реалиями), то в чем-то оно явно непреднамеренное.

Интересно, что работу переводчика в романе «Нулевой номер» У. Эко выделяет особым образом. «Infatti tradurre vuole dir starsene a casa, al caldo o al fresco, e lavorare in pantofole, oltretutto imparando un sacco di cose» [Eco, 2015, p. 12] («Те, кто переводили книги, сидели дома в приятном тепле или в приятной прохладе, в тапочках и познавали много вещей» [Эко, 2015, с. 15]). При этом «приятные» – это слово, добавленное

переводчиком. Е. Костюкович явно вносит свое отношение к переводческому процессу, отражает свои эмоции, а ведь Эко ни слова не говорил о «приятном».

Но все же чтение романа начинается с названия, поэтому, как представляется, и анализ перевода романа следует начать с *анализа перевода названия*, который в данном случае кажется слишком буквальным. Словосочетание «Нулевой номер» для русскоязычного читателя не несет в себе необходимых значений и аллюзий, которые вкладывает в итальянское название автор, то есть не настраивает читателя на необходимый лад. Поэтому с легкой руки переводчика (и/или издателя?) название обрастает смыслами, не совпадающими со смыслом названия для итальянских читателей романа (в итальянском языке «Numero Zero» четко ассоциируется с пилотным выпуском издания в прессе). Хотя сама Е. Костюкович считала иначе и давала совет издателям русскоязычного издания: «Вы все-таки его назовите «Нулевой номер», потому что так хотя бы ясно, что это нулевой выпуск». То, что по-русски называется «пилотный» [<http://www.m24.ru/articles/75042>].

Показательно, что англоязычное название романа содержит в себе слово «выпуск»: «Zero Issue» («Нулевой Выпуск»).

Итак, при переводе названия романа «Нулевой номер» отмечается осознанное сохранения дословности, но, что парадоксально, – дословный перевод приводит к перемене и видоизменению смысла.

Другой пример демонстрирует реализацию классической *проблемы «ложных друзей переводчика»*, когда опять же буквальный перевод меняет смысл слова. В романе появляется такой персонаж, как хозяин журнала, которого У. Эко называет «Commendatore», Е. Костюкович так и именует его – «коммендатор» [Эко, 2015, с. 78]. Однако следует учитывать разницу смыслов этих слов в итальянском и русском языках. Если в итальянском языке «commendatore» означает: «1) ист. командор (рыцарское звание); 2) человек, удостоенный высоких правительственных наград; 3) высокочтимый, почтеннейший (обращение); 4) уст. рекомендующий». [<http://translate.academic.ru/commendatore/it/ru/1>], то в русском языке «коммендатор» несет иной смысл: «в католической церкви священнослужитель или, иногда, мирянин, владеющий аббатством на праве in commendam (от лат. commenda – опека), то есть отчуждающий доходы аббатства в свою пользу, однако, не имеющий церковной юрисдикции над монахами». [<http://www.catholic.ru/modules.php?name=Encyclopedia&op=content&tid=553>].

Иными словами, переводчик вдруг вводит религиозный подтекст, не заложенный автором в описываемую в романе историю.

Более частый случай – это *осознанное создание переводчиком новых смыслов*. Существует несколько видов такого смыслопорождения.

Один из них – это добавление переводчиком собственных слов, что приводит к порождению новых смыслов, аллюзий и коннотаций. К примеру, «Ma era bello lavorare nell'ombra, coperto da due *sipari*⁴⁶ (l'«Altro, e l'«altro nome dell'«Altro)» [Eco, 2015, p. 18] («Мне очень нравилось работать в подобной тени (под *маской* Иного, *маскировавшегося* Иным)» [Эко, 2015, с. 22]). Переводя слова «*sipario*» и «*nome*» как «маска», переводчик изменяет философскую концепцию автора.

В той части романа «Нулевой номер», в которой рассказывается о Б. Муссолини, в итальянском тексте появляется «*sosia*» Муссолини, который в русском переводе почти всегда (за исключением редких случаев) фигурирует как «дублер». При этом «*sosia*» в переводе с итальянского языка означает скорее «двойник». Вот что предлагает итальянский словарь для расшифровки значения слова «*sosia*»:

1) Словарь Треккани: «*Persona somigliantissima a un'altra, tanto da poter essere scambiata per questa*» («Человек, очень похожий на другого, так что одного из них можно принять за другого») [<http://www.treccani.it/vocabolario/sosia/>].

2) «*Persona straordinariamente somigliante a un'altra, tanto da poter dare luogo a scambi di identità*» («Человек, чрезвычайно похожий на другого, до такой степени, что их можно перепутать») [http://dizionari.corriere.it/dizionario_italiano/S/sosia.shtml]. При этом итальянско-русские словари переводят «*sosia*» только как «двойник» [<http://www.lingvo-online.ru/ru/Translate/it-ru/sosia>], [<http://translate.academic.ru/sosia/it/ru/>].

«Двойник» в словаре Ушакова – это «Человек, имеющий полное сходство с другим» [Ушаков, 2012]. «Дублер» в словаре Ушакова [Ушаков, 2012] имеет вообще только один смысл: «(театр.), Актер, дублирующий роль».

Самое интересное, что по сюжету, описываемому в романе, главная черта человека, заменяющего Муссолини, это именно внешнее сходство. Возникает вопрос: зачем переводчику было заменять наиболее подходящее слово «двойник» менее подходящим «дублер»? Переводя «*sosia*» как дублер, Костюкович словно игнорирует идею «двойничества» – очень важную для У. Эко идею, которую он разрабатывал во многих своих романах («Остров накануне», «Баудолино» и сейчас в «Нулевом номере»).

Рассмотрим иные примеры переводческого «со-творения» текста. «*ci sono anche riviste di settore, giardinaggio, viaggi, automobili...*» [Eco, 2015, p. 24] («У него еще и публикации по интересам, садоводство, путешествия, «*Четыре колеса*»...» [Эко, 2015, с. 28]). Переводчик решает заменить слово «автомобиль» на название журнала. «Четыре

⁴⁶ Здесь и далее, если не отмечено особо, курсив мой – Ю.Г.

колеса» – это конкретный, существующий журнал Джанни Маццокки («Quattro ruote»), издаваемый в разных странах, и У. Эко вряд ли намеревался делать ему рекламу на страницах своего романа.

Порой переводчик умышленно создает аллюзии, которые в тексте оригинала даже не подразумевались. К примеру: «non faccio schifo» [Есо, 2015, р. 149] («И все же я не Квазимодо» [Эко, 2015, с. 160]). Обращения к персонажу В. Гюго – это уже чистое творчество переводчика, в оригинале этой аллюзии нет.

Подобного рода аллюзия, созданная переводчиком, возникает при неожиданной вставленной переводчиком цитате из Шекспира: «Ormai si sa che nei partiti c'era del marcio e tutti afferravano tangenti» [Есо, 2015, р. 163] («Мы видим, что в партиях все гнило. *Так сказать, в датском королевстве. Все тащат, берут взятки*» [Эко, 2015, с. 173]). Мало того, что здесь появляется «датское королевство», так еще рождается дополнительная коннотация – мол в Датском королевстве «брали взятки»...

Следующий пример являет собой изменение смысла на противоположный. «“Ottimo”, avevano risposto tutti *a una voce*» [Есо, 2015, р. 62] («“Ясно”, – отвечал мне *нестройный хор*» [Эко, 2015, с. 70]). В описываемой ситуации переводчику кажется, что вернее было бы показать «нестройный хор» (хотя в оригинале звучит «a una voce» – «в один голос») – возможно, с целью продемонстрировать непрофессионализм команды, их нежелание и неумение работать слаженно и т.д. (Но здесь мы уже сами впадаем в «интерпретацию интерпретации».)

Стиль переводчика характеризует и периодическое добавление собственной оценки и восприятия событий. К примеру, «tutti erano stati d'accord» [Есо, 2015, р. 92] (дословно: «все были согласны») переведено как: «все вздохнули с облегчением» [Эко, 2015, с. 99]).

Вот еще пример внесения собственного видения ситуации: вставка фразы «как это ни огорчительно» [Эко, 2015, с. 165], которой в оригинале не было. Или дополнение к имени героя слов «наш начальник»: «come direbbe Simeì» [Есо, 2015, р. 153] («как сказал бы *наш начальник Симеи*» [Эко, 2015, с. 163]).

Елена Костюкович выступает в чем-то и «художником текста», она диктует читателю свое видение текста – причем, в основном, в той части, которая касается внешней стороны действия, изобразительности, «кинематографичности». Переводчик словно достраивает визуальный ряд. «Tutti si sono messi eccitati al lavoro» [Есо, 2015, р. 191] (дословно: «принялись за работу») переведено как: «Все с азартом *навалились на клавиатуры компьютеров*» [Эко, 2015, с. 207]; «non troverai i loro dischi in quella pila» [Есо, 2015, р. 192]

(«Их нет среди моих *пыльных* пластинок» [Эко, 2015, с. 209]) – в оригинале ничего не говорится про «пыль» на пластинках.

Порой переводчик сам придумывает героев, которых в тексте не было. «Un tipo che mi conosceva» [Eco, 2015, p. 191] («знакомство с *билетером*» [Эко, 2015, с. 208]). Отметим, что в оригинале не сказано, что знакомый был «билетером».

Изменение в переводе названия группировки с «Gladio» (дословно: «меч») на «Гладиатор» сохраняет возможность введения фонетически близкого слова из русского языка, но добавляет лишний смысл (в том числе, и ассоциацию с фильмом Ридли Скотта 2000 г. «Гладиатор»).

Другой вид порождения новых смыслов связан с созданием «*переводческих неологизмов*». Приведем несколько примеров. «La faccia di tutti» [Eco, 2015, p. 21] (дословно: «лицо у всех») – «всехнее» [Эко, 2015, с. 25], «più stupido» [Eco, 2015, p. 85] (дословно: «глупее») – «болванистее» [Эко, 2015, с. 92] и т.д.

Еще один вид переводческого со-авторства мена регистра повествования, замена слов с нейтральным значением просторечиями и вульгаризмами.

Так, «una libidine» [Eco, 2015, p. 14] – слово, означающее «сладострастие» и «сластолюбие», пусть и используемое в ироническом ключе, вдруг в русском переводе звучит как: «охреть» [Эко, 2015, с. 17]. Аналогичные примеры: «avvicinare» [Eco, 2015, p. 15] – «подкатиться» [Эко, 2015, с. 18], «disegnava» [Eco, 2015, p. 43] – «возюкал» [Эко, 2015, с. 47], «lavorare» [Eco, 2015, p. 128] – «ишачить» [Эко, 2015, с. 136], «il giornale chiude» [Eco, 2015, p. 199] – «закрывается лавочка» [Эко, 2015, с. 216].

При этом, интересно, что многие «острые» словечки, которые попадают в текст, Костюкович, наоборот, явно смягчает и сглаживает.

Изменение культурного контекста – один из видов изменения авторского замысла при переводе. Это может быть сужение культурного пространства. Так, в переводе совсем опущена фраза, а, следовательно, и целый пласт читательских ассоциаций: «Ora anche i grandi quotidiani scrivevano Simone de Beavoire o Beaudlaire, o Rooswelt» [Eco, 2015, p. 32] (дословно: «тогда и крупные ежедневные газеты печатали Симону де Бовуар, Бодлера или Рузвельта»).

Очень интересным представляется изменение переводчиком культурного контекста, связанное с экстраполяцией итальянских реалий на межкультурную почву. В разговоре о примитивных кроссвордах вместо родного для каждого итальянца Гарибальди [Eco, 2015, p. 65] Костюкович предлагает беспрюгрешный вариант для любого иностранца – Эйнштейна [Эко, 2015, с. 72]. Иногда итальянские реалии меняются на иностранные, которые, по мнению переводчика, должны быть ближе и понятнее

русскоязычному читателю: «grande come *il lago Como*» [Есо, 2015, р. 41] («реку, например, как Амазонка» [Эко, 2015, с. 45]). При этом, в другом месте романа, в рассказе о бегстве Муссолини, т.е. когда географическая реалья является местом конкретных совершившихся в истории Италии событий, «*il lago Como*» сохранено как «озеро Комо» [Есо, 2015, р. 105] / [Эко, 2015, с. 112].

Порой итальянские реалии заменены на русские, чтобы опять же быть «ближе к читателю»: «non mangia pasta o spaghetti come tutti?» [Есо, 2015, р. 130] («почему не ест суп и макароны, как все?») [Эко, 2015, с. 141]).

Некоторые итальянские реалии просто не названы своими именами. Так, крупная энергетическая компания ENEL переведена без сохранения своего названия, видимо, с мыслью, что название этой компании ничего не скажет русскоязычному читателю: «*l'ENEL chiede scusa per i disservizi*» [Есо, 2015, р. 100] («электрическая компания извиняется за сбои») [Эко, 2015, с. 106]).

Пример из комиксов про мышонка «Topolino» убран вообще и заменен на достаточно грубую фразу. «Come il signor Tubi in quella storia di Topolino» [Есо, 2015, р. 98] (дословно: «как господин Туби в той истории с Тополино») переведено как: «Водопроводчик прокачал унитаза...» [Эко, 2015, с. 105]. Читателю У. Эко еще по роману «Таинственное пламя царицы Лоаны» известно особое отношение У. Эко к комиксам, и это заставляет задуматься, имеет ли переводчик право лишать читателя созданных писателем аллюзий.

Порой перевод может создать неоднозначное прочтение. Так, фраза У.Эко «un giornale che non uscirà mai...» [Есо, 2015, р. 22] дословно переводится так: «газета, которая никогда не выйдет». Перевод этой фразы как «газета, у которой нет никакого будущего» [Эко, 2015, с. 27] – в данном контексте имеет неоднозначный смысл. По сюжету – газета создается с целью не выходить в печать никогда, а двусмысленное «нет никакого будущего» порождает у читателя ненужные смыслы (что газета выйдет, но успеха иметь не будет и т.д.).

От неточного «грамматического» перевода сильно меняется смысл – и читателю навязывается совершенно лишняя коннотация на «почти что инцест» вместо всего лишь подчеркивания героем разницы в возрасте со своей возлюбленной: «Ma lo sai che *potrei essere tuo padre?*» [Есо, 2015, р. 127] (дословно: «Ты знаешь, что я мог бы быть твоим отцом?») переведено как: «Ты понимаешь, я могу оказаться твоим отцом?» [Эко, 2015, с. 136].

Если приведенные выше примеры являются все же результатом осознанного выбора переводчика, то есть случаи, когда переводчик и не догадывается об интенции

автора – и сам говорит об этом. К примеру, если автор и переводчик живут разными реалиями. Так, в статье «Все герои нового романа Эко – мерзавцы» Е. Костюкович сама признавалась, что, поскольку она (как и переводчик немецкого издания) имеет другую версию Word, нежели У. Эко, то она не смогла догадаться, что все имена героев романа «Нулевой номер» – это «наименования шрифтов» [<http://www.m24.ru/articles/75042>].

В противовес созданию собственных смыслов возникает и другой переводческий прием, к которому прибегает Е. Костюкович – *вычеркивания авторских аллюзий*. В частности, замена одного слова синонимами.

У. Эко на протяжении всего своего литературного творчества разрабатывал философский концепт «Другого» («*Altro*») (в романах «Остров накануне», «Баудолино» и др.). Однако в переводе не сохраняется навязчивая повторяемость этого слова, а происходит замена различными синонимами. «*Simei aveva la faccia di un altro*» [Eco, 2015, p. 21] («У Семей было лицо с чужого плеча» [Эко, 2015, с. 25]); «*nome di un altro*» (там же) («имя с чужого плеча» (там же)). В разных контекстах одно и то же слово «*altro*» (или мн. число «*altri*») переводятся как «сотрудники» (с. 31), «пассажиры» (с. 48), «весь мир» (с. 151), «ассист» (с. 236), «новый» (с. 238). Порой «*altro*» в переводе опускается совсем («*sopportare la stupidità del l'altro*» [Eco, 2015, p. 85] – дословно «выносить глупость другого»). Вследствие этого русскоязычный читатель теряет возможность увидеть философскую подоплеку, скрываемую за каждым словом «*altro*», появляющемся на страницах романа.

Из перевода порой вычеркиваются отдельные слова, целые фразы и даже фрагменты текста. К примеру, «*ho corretto bozze per almeno tre case editrici (universitarie, ma per i grandi editori)...*» [Eco, 2015, p. 17] (дословно: «я вычитывал верстки как минимум для трех издательств (университетских, но для крупных издателей)») переведено как: «я вычитывал верстки для издательств... специализированных, конечно» [Эко, 2015, с. 20]).

Вдруг опускаются некоторые исторические детали, к примеру, «*Olocausto*» [Eco, 2015, p. 40] почему-то не переведен как «Холокост», а заменен эвфемизмом – «Катастрофа» [Эко, 2015, с. 45].

Иногда теряются мелкие детали из повседневной жизни итальянцев. Так, просто опущена фраза про рекламу пружинных матрасов на итальянском телевидении: «*malgrado le pubblicità televisive dei materassi a molle*» [Eco, 2015, p. 87], как и история вывески на таверне «*Moriggi*» [Eco, 2015, p. 38].

Опускаются некоторые фразеологизмы: «*e poi chi vivrà vedrà*» [Eco, 2015, p. 106] (дословно: «и потом проживем – увидим») переведено как: «а потом...» [Эко, 2015, с. 112].

Порой отхождение переводчика от оригинала способствует потере некоторых смыслов. Так, перевод словосочетания «il giorno prima» [Есо, 2015, р. 33] как «вечерние» теряет значение автоцитаты Эко, его аллюзию на собственный роман «L'isola del giorno prima» («Остров накануне», 1994 г.).

Вдруг переводчик опускает очень важную, ключевую фразу: «la notizia la facciamo noi» [Есо, 2015, р. 59] – дословный ее перевод «новости мы делаем сами». Эти слова можно считать девизом всей журналистской команды, описываемой в романе, и главной идеей всего романа Эко.

Есть примеры, когда переводчик опускает целые страницы текста. Так, с. 66–67, с. 99, с. 150 издания [Есо, 2015] просто не переведены – они представляют собой изощренный длинный список «идиотских ответов на идиотские вопросы» [Эко, 2015, с. 73]. Ограничившись переводом нескольких из них, основную массу переводчик игнорирует, тем самым теряется лингвистическая острота текста, а ведь Эко известен тяготением к нанизыванию деталей, наращиванию накала повествования, сумбурами и языковыми играми, а главное – любовью к самому разного рода спискам [см. Эко, 2009]. Вот что сам Эко говорил по этому поводу: «до какой степени люблю списки» [Эко, 2013, с. 184], «писатель находит удовольствие в бесконечном перечислении» [Эко, 2013, с. 186].

Анализируя структуру католической литании, Эко утверждает важность «подчинения человеческого сознания гипнотическому звучанию перечня» [Эко, 2013, с. 189]. Особую роль списков и перечней Эко находит в Библии, в поэме Ариосто «Неистовый Роланд», у Мильтона в «Потерянном Рае», в романах И. Кальвино, у Рабле в «Гаргантюа и Пантагрюэле» [Эко, 2013, с. 188, 193, 194, 196]. Сам У. Эко подчеркивает важность списков, поскольку они являются одним из способов взаимодействия с читателем: «Единственное, что писатели пишут для себя – это списки покупок... Все прочее, что пишется, включая списки сдаваемого в прачечную белья, адресовано кому-то другому. Оно не монолог, оно – диалог» [Эко, 2013, с. 47]. А главное предназначение «любого хорошего перечня в том, чтобы донести до читателя идею бесконечности и головокружительное ощущение *et cetera* (курсив У.Э.)» [Эко, 2013, с. 195].

Сама Костюкович объясняет свои «сокращения» в некоторых длинносписочных описаниях так: «Но на самом деле там есть длинные вязкие описания. Должна сказать, что тут я Эко немного поругиваю. Я просто не хочу обещать читателям то, чего они заведомо не найдут. Да, найдут остроту, ум, все то, что отличало Эко прежде, но некоторое зависание на эпизодах, как было в прежние времена, так и остается. Их просто меньше, самих эпизодов». [<http://www.m24.ru/articles/75042>]

Помимо создания и вычеркивания смысла существует и такое явление, как *усиление или ослабление эмоции*, передаваемой в тексте. Так, введение собственных слов переводчика, не звучавших в оригинале, зачастую имеет своей целью педалирование, усиление определенной темы. Так, к примеру, переводчик акцентирует внимание на игре авторством книги, которую планируется издать. «Il libro dovrà dare l'idea di un *altro giornale*» [Есо, 2015, р. 26] («*Моя...наша* книга призвана отобразить...» [Эко, 2015, с. 31]); «*Il mio sarà...*» [Есо, 2015, р. 27] («*Мы с вами* запустим...» [Эко, 2015, с. 32]). При этом, важно отметить, что в оригинале сам Эко совершенно не конкретизировал авторство книги. А также в очередной раз в переводе не сохранен концепт «Другого», который с очень большой очевидностью и частотностью приводит автор. «il capo che controlla quello che stanno facendo» [Есо, 2015, р. 96] (дословно: «начальник контролирует то, чем они занимаются») переведено как: «звонит шеф, чтобы *наорать*, где они *запропастились*» [Эко, 2015, с. 103]. «Simei aveva detto di sì» [Есо, 2015, р. 130] (дословно: «Симеи ответил: «да») переведено как: «Симеи сразу ему сказал, что это просто *убойный удар*» [Эко, 2015, с. 140]. «No parlato con persone al corrente» [Есо, 2015, р. 187] (дословно: «с людьми, которые в курсе дела») – «Я говорил с *суперинформированными* людьми» [Эко, 2015, с. 202].

Переведенный текст характеризует изменение градуса эмоции – не только усиление этого градуса, но и понижение. Вот примеры «понижения» (вместо слово «обожаю» («*adoro il quartiere*» [Есо, 2015, р. 83]) – просто «милый» («Однако район, конечно, *милый*» [Эко, 2015, с. 89]); вместо достаточного маркированного слова «piantare» («бросить») «una moglie che mi aveva *piantato*» [Есо, 2015, р. 85] – просто «оставить» («жена, которая меня *оставила*» [Эко, 2015, с. 92]); вместо «benevolo» («доброжелательный», «благосклонный») – «приемлемее»).

Итак, следует признать, что, не зная иностранного языка – того, на котором написан оригинал текста, читатель никогда не сможет познакомиться напрямую с текстом, ему суждено всегда смотреть на оригинал глазами переводчика, т.е. сквозь дополнительный слой, сквозь череду и вереницу интерпретаций и «сверхинтерпретаций» [Есо, 2002].

Список литературы:

Католическая энциклопедия. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.catholic.ru/modules>

Костюкович Е. «Все герои нового романа Эко – мерзавцы». Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.m24.ru/articles/75042>

Итальянско-русский словарь. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://translate.academic.ru>

Итальянско-русский словарь. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.lingvo-online.ru/ru/Translate/it-ru/sosia>

Словарь «Corriere della sera». Электронный ресурс. Режим доступа: http://dizionari.corriere.it/dizionario_italiano

Словарь Треккани Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.treccani.it/vocabolario>

Усманова А. Умберто Эко: парадоксы интерпретации. Минск: ЕГУ «Пропилеи», 2000. – 200 с.

Ушаков. Толковый словарь русского языка Ушакова. 2012. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://slovar.cc/rus/ushakov/>

Эко У. Нулевой номер. В пер. Е. Костюкович. М.: АСТ, 2015. 240 с.

Эко У. Откровения молодого романиста. Пер. с англ. А. Климина. М.: АСТ, 2013. 320 с.

Эко У. Vertigo. Круговорот образов, понятий, предметов. М.: СЛОВО, 2009. 406 с.

Eco U. Interpretazione e sovrainterpretazione. Milano: Bompiani, 2002. 208 p.

Eco U. I limiti dell'interpretazione. Milano: Bompiani, 1990. 369 p.

Eco U. Numero zero. Milano: Bompiani, 2015. – 224 p.

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ СУГГЕСТЕМЫ РЕКЛАМНОГО ДИСКУРСА

MORPHOLOGICAL SUGGESTY IN AN ADVERTISING DISCOURSE

В статье рассматриваются приёмы создания суггестем в рекламном дискурсе. Подробно проанализирована языковая игра с семантикой морфологических категорий и форм. Детально проанализирована игра со степенью сравнения прилагательных, окказиональные способы создания наречий и глаголов. Проанализированы причины использования суггестем грамматического уровня в рекламном дискурсе.

In the article methods of creation suggesty in an advertizing discourse are considered. It is detailed language game with semantics of morphological categories and forms is analysed. Game with a degree of comparison of adjectives, occasional ways of creation of adverbs and verbs is in details analysed. Use reasons suggesty grammatical level in an advertizing discourse are analysed.

Ключевые слова: суггестия, рекламный дискурс, языковая игра.

Keywords: suggestiya, advertizing discourse, language game.

Традиционно суггестия определяется как «воздействие на человека (прежде всего, словесное), воспринимаемое им без критической оценки – латентное (скрытое) вербальное воздействие» [Черепанова, 2002, с. 151]. Т.е. суггестия, или внушение, рассматривается как «подача информации, воспринимаемой без критической оценки и оказывающей влияние на течение нервных психических процессов. Путём внушения могут вызываться ощущения, представления, эмоциональные состояния и волевые побуждения, а также оказываться воздействие на вегетативные функции без активного участия личности, без логической переработки воспринимаемого» [Свядош, 1982, с. 23].

Если в 70–е годы 20 в. Б.Ф. Поршнев сетовал, что «общая теория речи, психолингвистика, психология, физиология речи не уделяют суггестии сколько-нибудь существенного внимания, хотя, можно полагать, это как раз и есть центральная тема всей науки о речи, речевой деятельности, языке» [Поршнев, 1974, с. 18], то в последнее время ситуация изменилась. Появились работы В.И. Карасика, Т.Ю. Ковалевской, В. Маканина, В.Н. Панкратова, Л.И. Рюминой, Ф.С. Бацевича, И.Ю. Черепановой, В.П. Шейнова и др. Наша статья является ещё одной попыткой пролить свет на данную проблему. Наша цель – рассмотреть грамматические формы как средство суггестии в рекламном дискурсе.

Поскольку «реклама – это психологическое программирование людей» [Мокшанцев, 2000, с. 34], то данный текст относят к манипулятивным дискурсам, в которых создаётся необходимая копирайтерам действительность и модель поведения реципиентов. Рекламный дискурс направлен не на товар, а на продажу типичных психологических предпочтений людей [Бацевич, 2004, с. 52]. Для этого используются специальные языковые маркеры – суггестемы. Которые успешно влияют на выбор тех или иных предпочтений в деятельности человека. На мир его личностных смыслов, неконтролируемых сознанием [Черепанова, 2002]. В качестве суггестем могут выступать единицы фонемно-графемного, лексико-семантического, грамматического уровней. В нашей статье мы остановимся на последнем, рассмотрев подробно только грамматические формы.

Рекламный дискурс диктует выбор определённых морфологических форм: отдаётся предпочтение сравнительной и превосходной степени сравнения прилагательных (не говоря уже о специфической семантической наполненности положительной степени: *уникальный, исключительный, непревзойдённый, сенсационный, удивительный* и т.д.), сравнительной степени наречий (в положительной степени также употребляются характерные наречия: *очевидно, безусловно, необходимо* и др.), глагольные формы чаще стоят в действительном залоге, настоящем времени, повелительном наклонении. При этом копирайтеры не ограничиваются чистой грамматикой, а дополняют её языковой игрой, что вполне логично, т.к. «языковая игра активизирует внимание носителей языка к языковой форме, к её структурным элементам» [Норман, 1987, с. 33].

Как известно, каждый из нас является человеком «двойственным», который совмещает в себе две диаметрально противоположности – рациональное и иррациональное, которые являются единимы и, одновременно, взаимоисключающими началами человеческой сущности [Штеллинг, 1996]. Вот почему для достижения суггестивного эффекта рекламного дискурса нужно так построить рекламное сообщение, чтобы повлиять на глубинные структуры психической организации и обусловить их непосредственное реагирование [Цветков, 1998]. Для этого необходимо добиться сильного эмоционального воздействия на правое полушарие головного мозга, что повлечёт за собой редукцию логического элемента восприятия. Достичь это возможно, вводя в контекст неожиданные, коннотативно окрашенные формы.

Рассмотрим подробнее игры с семантикой морфологических категорий и форм.

В рекламе всегда важно использование каких-либо цифровых показателей: экономических, культурных и других. Цифры являются наиболее эффективным способом убеждения клиента, так как они влияют как на сознание, так и на воображение: «магия

числа в том, что ему, в отличие от слова или метафоры, присущ авторитет точности и беспристрастности» [Кара-Мурза, 2002, с. 65]. Особенное, почти гипнотическое воздействие на реципиента оказывают приблизительные гигантские числа и процентные соотношения, которыми заполнены рекламные тексты. Поэтому часто именно количественный аспект помещается в центр внимания и выносится в слоган:

«После 164-х часов работы из строя вышла важная деталь. «Важная» деталь – ди-джей, наконец-то утомившийся после непрерывного недельного прослушивания музыкальной системы)» (реклама стереосистемы).

Ещё один приём языковой игры с количественностью – измерение принципиально не измеряемых явлений. *«Эксимер» – мера успеха* (компьютеры «Эксимер»). Количеством компьютеров определяется степень успешности (эффективности) того или иного предприятия. *«Сделай на Тюнс больше»* (реклама леденцов «Тюнс»). Тюнс выступает в качестве окказиональной меры для измерения выполненных работ. *«Тонны информации на вашем диске»* (диски Winner). *«1000 литров удачи!»* (компания «Юкос»). *«220 грамм чистого удовольствия»* (мороженое «Золотой слиток» от «Талосто»). *«Один шаг до уюта»* (компания «S. I. Realty»). Путь к уюту измеряется шагами.

Можно сказать, что для рекламного дискурса характерны два типа единиц измерения чего-либо: реальные единицы и так называемые лжеединицы, причём последние намного чаще употребляются в языковой игре.

Нередко цифровые показатели являются источником омонимии. Например, *«20 причин гордиться»* (сигареты «Ява»). Цифра 20, помимо причин, означает количество сигарет в пачке. *«27 веских аргументов платить налоги»* (налоговая полиция). 27 веских аргументов – статьи Уголовного Кодекса, рассматривающие уклонения от уплаты налогов. *«24 повода, чтобы попробовать Neskafe»*. 24 – количество одноразовых пакетиков кофе в одной упаковке.

Как видим, цифры наиболее чётко и ярко могут показать важность и значимость товара, а также его превосходное качество. Кроме того, придавая слогану игровую окраску, рекламодатель рассчитывает на яркость и запоминаемость подобного текста.

Языковая игра на морфологическом уровне является одной из самых сложных и тонких видов языковой игры в рекламе, так как запрограммированное отклонение от узуса должно квалифицироваться не как ошибка, а как стилистический приём создания комического. Интересным в этом плане является такой вид морфологической игры как игра со степенью сравнения прилагательных. *«Кирпичнее кирпича не бывает»* (компания «Гарантия-Строй»). *«Лимоннее лимонов»* (средство для мытья посуды «Fairgy» с лимоном). *«Ягоднее ягод»* («Fairgy» с ароматом ягод). *«Яблочнее яблок»* («Fairgy» с яблочным

ароматом).

Рекламисты в данных случаях нарушают правило: сравнительная степень у относительных прилагательных, каковыми являются *кирпичный, лимонный, ягодный, яблочный*, отсутствует.

Встречаются примеры игры и с превосходной степенью сравнения прилагательных:

«*Самый игрушечный магазин Катюша!*» (реклама детского магазина «Катюша»). «*Самый сумчатый магазин! Кенгуру*» (реклама магазина сумок «Кенгуру»). «*Самый французский поцелуй!*» (помада «Pour la vie» от «Буржуа Париж»). «*Амата. Самый домашний компьютер*» (компьютерная фирма «Амата»).

Подобные формы не имеют однозначной трактовки в лингвистической литературе: одни исследователи относят их к процессу формообразования, другие – словообразования. Данные примеры весьма интересны, в них чётко прослеживается языковая игра, т.к. за хорошо всем знакомыми формами образования степеней сравнения скрыты процессы создания новых слов, потому что появляются новые лексические семы. *Самый французский поцелуй* не означает, что он представлен в своём максимальном проявлении, в самой высокой степени (значение превосходной степени), в этом сочетании выделяются семы «шарм», «изысканность», «необычность», т.е. налицо деривация.

Довольно значительное количество подобных прилагательных позволяет говорить об активизации окказионально-игровых форм сравнения в рекламной практике.

Наречия также часто употребляются в рекламном тексте. Это обусловлено, прежде всего, их семантикой: обозначая процессуальный признак действия или другого признака, наречие способно дать характеристику товару с точки зрения того, насколько надёжно он сделан, насколько прост в использовании, насколько лучше своих конкурентов справляется со своей функцией, насколько полезен покупателю и как изменится в лучшую сторону жизнь покупателя при его приобретении и т.п.

Выбор наречий в рекламе определяется, во-первых, спецификой рекламного дискурса, имеющего строго ориентированную, прагматическую установку, состоящую в том, чтобы заинтересовать адресата, и, во-вторых, требованиями, которые предъявляются к рекламному слогану как краткой, яркой, а главное запоминающейся фразе, которая передаёт ключевую идею рекламной кампании.

Интересным является использования в рекламном слогане окказиональных наречий с целью привлечения внимания. «*Не просто чисто, а **пятизвёдно** чисто*» (реклама порошка «Ariel»). Наречие *пятизвёдно* используется для усиления признака. Чтобы повлиять на адресата, рекламодатель стремится создать иллюзию уникальности, кроме того, наречие *пятизвёдно* ассоциируется у реципиента с чем-то дорогим и элитным, т.к.

лучшие номера называются пятизвездочными.

Встречаются слоганы, в которых представлено несколько наречий, одно из них выделяется из общего ряда своей необычностью, акцентируя на себе внимание адресата. «*Злачно та смачно*» (реклама завтрака из злаков). «*Модно, стильно, школьно*» (фирма «АЛНЕС Интернешнл»). В последнем примере подчёркивается не только то, что эта одежда модная и стильная, а также указывается, кому она адресована.

«*Всё будет Coca-Cola*» (реклама фирмы «Coca-Cola»). Наречие «Coca-Cola» является ярким и запоминающимся, так как не только называет сам рекламируемый продукт, а ещё даёт установку на настроение, которое присуще будет покупателю при приобретении данного напитка, т.е. всё будет здорово, великолепно и т.д.

Таким образом, наречия в рекламном тексте выполняют главную цель любой рекламы: акцентировав внимание на качестве товара или услуги, воздействовать на потенциального клиента, убедив его в необходимости приобрести товар или получить какую-либо услугу.

Глагол принято считать самой главной частью речи при создании рекламного текста, так как наличие глагола в слогане значительно увеличивает его эффективность. Динамика, скрытая в глаголе, наделяет его огромной побудительной силой, делают текст сильнее и красочнее, не удлинняя его. Доказано, что наибольшей эффективностью отличаются те рекламные тексты, в которых даётся не описание рекламируемого продукта, а сам продукт действует в описании. «*Фанта! Вливайся!*» (реклама безалкогольного напитка «Фанта»). Глагол *вливайся* использован в новом значении – «присоединяйся». Первоначально реализуется значение глагола «присоединяйся», т.е. вливайся в наши ряды, а затем уже *вливай в себя* (значение возвратного глагола). Так создаётся неоднозначность фразы: пей Фанту и будешь частью некоего сообщества, тусовки. Подобная смысловая полифония, окрашенная сленговым налётом, позволяет создать экспрессию, привлекающую внимание адресной аудитории, которая ценит необычность, яркость, ломку стереотипов.

«*Frustyle. Миксуй по жизни*» (торговая марка «Frustyle»). Данный императив образован чересступенчатым способом словообразования от существительного *микс*. Рекламисты использование повелительного наклонения относят к средствам драматизации. «Средства драматизации – это богатейший языковой арсенал для улучшения рекламных текстов. Использование даже одного из них может «заставить» потребителя более внимательно прислушаться к рекламному тексту и продолжить его чтение» [Шенерт, 2001, с. 43].

Может использоваться и описательная форма выражения императива:

«Джинсуют все!» (реклама мобильной связи «Джинс»). В данном примере прослеживается связь с рекламируемым товаром. При помощи такого приёма создаётся новое слово, где сам рекламируемый товар показан в действии, что является очень важным для программирования потенциального покупателя, таким способом товар показан как выгодный и действенный.

Частотным также является использование в рекламном тексте императива совместного действия, когда субъектом предполагаемого действия является не только слушающий, но и говорящий: «Футболіємо разом з Київстар!» (реклама «Київстар»). Императивная форма глагола в 1 лице придаёт динамику тексту, приближает потенциального покупателя, включает его в картину мира, созданную рекламным текстом. В рекламных текстах выявлена особенность: императив в любой его разновидности очень часто создаётся от потенциальных глаголов: миксовать, джинсовать, футболіти.

Итак, глагол является самой частотной частью речи при создании языковой игры в рекламном тексте, что вполне объяснимо, т.к. «только глагол является соединительным звеном, которое включает в себя жизнь и распространяет её» [Гумбольдт, 1984, с. 98].

Наши наблюдения позволяют утверждать: суггестемы грамматического уровня обладают высокой эффективностью, создавая многоаспектную информацию, возникающую в результате «коммуникативных аномалий», что хорошо применимо при создании рекламного дискурса.

Список литературы:

- Бацевич Ф.С. Основи комунікативної лінгвістики / Ф.С. Бацевич. К., 2004. 344 с.
Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию / Вильгельм фон Гумбольдт. М., 1984. 397 с.
Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием / С.Г. Кара-Мурза. М., 2002. 832 с.
Мокшанцев Р.И. Психология рекламы / Р.И. Мокшанцев. М., 2000. 230 с.
Норманн Б.Ю. Язык: знакомый незнакомец / Б.Ю. Норманн. Минск, 1987. 220 с.
Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории. Проблемы палеопсихологии / Б.Ф. Поршнев. М., 1974. 487 с.
Свядош А.М. Неврозы / А.М. Свядош. М., 1982. 368 с.
Цветков Э. Психономика, или программируемый человек / Э. Цветков. Спб., 1998. 192 с.
Черепанова И.Ю. Дом колдуньи. Язык творческого Бессознательного / И.Ю. Черепанова. М., 2002. 400 с.
Шенерт Р. Грядущая реклама / Р. Шенерт. М., 2001. 295 с.
Штелинг Д.А. Грамматическая семантика английского языка. Фактор человека в языке / Д.А. Штелинг. М., 1996. 312 с.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ КАК ВАЖНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПАРТНЕРСТВА

PHRASEOLOGICAL COMPETENCE AS AN IMPORTANT COMPONENT OF THE SOCIO-CULTURAL PARTNERSHIP

Межкультурная коммуникативная компетентность позволяет выбирать правильные языковые и речевые средства, соответствующие социокультурным контекстам, создавать дискурсы, выбирать стратегии и тактики общения, которые являются наиболее эффективными в процессе межкультурного общения. При этом лингвистическая компетенция является базовой. Понимание фразеологической картины мира значительно повышает уровень коммуникативной компетенции

Intercultural communicative competence allows to choose the correct language and speech means appropriate to the socio-cultural contexts, to create discourses, to elect communication strategies and tactics which are most effective in the process of intercultural communication. Herewith the linguistic competence is the base. Understanding of phraseological picture of the world significantly increases the level of communicative competence.

Ключевые слова: межкультурная коммуникативная компетенция, лингвистическая компетенция, фразеологическая картина мира.

Key words: intercultural communicative competence, linguistic competence, phraseological picture of the world.

Фразеосистема языка – ценнейший источник сведений о культуре и менталитете народа. В контексте межкультурной коммуникации информация существует не изолированно, а в тесной взаимосвязи с культурной картиной мира, которая должна быть использована при обучении иностранному языку.

Профессиональное образование и развитие специалиста любого профиля, на наш взгляд, обязательно должно дополняться формированием навыков межкультурной коммуникации, которые способствуют успешности в современном обществе и в социокультурном партнерстве. Способность эффективно общаться с представителями других культур называется межкультурной компетентностью. «Межкультурная компетентность является интегративным компонентом единой социально-профессиональной компетентности специалиста. В основе межкультурной компетентности лежит способность личности устанавливать взаимоотношения с представителями других культур, достигать с ними взаимопонимания на основе

признания их культурных ценностей и толерантного отношения к их отличиям в манере общения, в поведении, одежде, образе жизни, традициях, обычаях и т.д. Формирование межкультурной коммуникативной компетенции в условиях вузовского и послевузовского образования повышает общую культуру специалиста, его конкурентоспособность на международном рынке труда» [Закиева, 2012, с.89].

Как справедливо отмечает И.А. Зимняя, «особое значение имеют готовность специалиста использовать общекультурный фонд знаний, его потребность в продолжении личностного культурного развития, понимание основных ценностно-смысловых доминант современного мира, страны, общества, т.е. общецивилизационной культуры» [Зимняя, 2005, с. 8].

Изучая феномен межкультурной коммуникации, С. Тинг-Туми предложила термин «транскультурная коммуникативная компетентность». По ее мнению, компетентность предполагает трансформацию знаний в межкультурной области в эффективное и соответствующее ситуации поведение. Слово «транскультурная» подчеркивает широкий круг ситуаций межкультурного общения, которым характеризуется современный мир. Она выделяет три компонента транскультурной коммуникативной компетентности:

1) компонент знаний. Она их называет «культурно сензитивные знания». Без них нельзя достичь полного понимания партнера и процесса межкультурного взаимодействия в целом, осознания различий и т.д. Особо она подчеркивает необходимость знания лингвистических символов культуры (язык), поскольку это – «ключ к сердцу культуры».

2) компонент осознанности своих собственных убеждений, знаний, эмоций и убеждений, знаний, эмоций людей из других культур, что предполагает рефлекссию межкультурных различий, наличие креативного мышления, готовности к взаимодействию с людьми, отличающимися от нас.

3) компонент умений обеспечивает способность человека взаимодействовать эффективно, адекватно ситуации и таким образом, что оно приносит удовлетворение. Идет речь об умениях наблюдать, слушать, обращаться к собеседнику, сотрудничать с представителями иных культур [Маркина, 2011, с. 26].

Эффективная коммуникация — это абсолютное понимание собеседника. Достичь такой уровень общения практически невозможно, но сделать его максимально адекватным – реально. Чтобы этого добиться, необходимо выявить причины, снижающие эффективность коммуникации, и минимизировать их отрицательное воздействие. Главный союзник процесса обучения – осознанность. Вот почему необходимо изучить те трудности, которые осложняют процесс коммуникации. Прежде всего – это культурные

барьеры, основывающиеся на различиях культур, к которым принадлежат коммуниканты. В основе коммуникации в любой культуре лежат правила поведения, определяемые ценностными ориентациями, убеждениями, нормами. Принадлежность к одной культуре облегчает процесс коммуникации, а принадлежность к разным культурам, наоборот, усложняет ее.

Далее выделяют коммуникативные барьеры, связанные с особенностями самого процесса коммуникации, что предполагает одновременное кодирование и декодирование сообщений, которыми обмениваются коммуниканты, контекстуальность процесса коммуникации, символический неосознанный характер коммуникации. Существенную трудность представляют также культурные различия в стилях коммуникации.

Социокультурные барьеры возникают из-за различных культурных идентичностей коммуникантов – представителей разных культур, их различных статусных и ситуативных ролей, различий в возрасте, социальной принадлежности и т.д.

Весьма существенны психологические барьеры, основанные на различиях в восприятии, определяемых в свою очередь особенностями культуры (ошибки казуальной атрибуции), в ожиданиях, как будет строиться процесс коммуникации, стереотипах, которыми люди руководствуются и которые оказывают влияние на отношение к данной группе, этноцентризме, который имеет место, когда человек свою культуру рассматривает как некий эталон, правильный стандарт, на этнический предрассудках.

Также важны языковые барьеры, которые связаны с различиями языковых систем – различия в словаре, грамматических структурах, фонетическом строе языка, различия в правилах построения диалога, наличие диалектов и т.д.

Барьеры невербального общения связаны с различиями выражения эмоций, в тех знаках, сигналах, символах, которые несут определенное культурой значение, в их интерпретации, в том, как осуществляется контакт собеседников в процессе общения и т.д. [Маркина, 2010, с. 23]

Такое разделение несколько условно, т.к. выделенные сегменты не существуют изолированно, а связь языка, культуры и коммуникации не вызывает сомнения. Уже доказана взаимозависимость «існування культури і мови на засадах реалізації комунікативних якостей мови. При цьому культура розуміється як неуспадкована колективна пам'ять, а мова є продуктом культури, який не лише відображає і моделює світ, але й моделює і самого користувача нею. На основі цього формулюємо висновок, що мова, з культурологічної точки зору, є первинною феноменологічною даністю» [Кулакова, 2011, с. 6]. Подобное структурирование барьеров продиктовано методическими целями,

т.к. осознание барьеров поможет понять их природу и выработать стратегию успешной коммуникации.

Чтобы успешно преодолеть все барьеры межкультурной коммуникации, необходимо знать ее структуру. Но в педагогике пока не существует единого понимания этого вопроса. Наиболее удачным, как нам кажется, является выделение следующих компонентов: языковой, речевой, дискурсивный, социолингвистический, социокультурный, стратегический, социальный. Языковая компетенция предусматривает знание лексики, грамматических, фонетических и орфографических правил, а также навыки по их применению. Языковая компетенция предусматривает сформированность у студентов языковых умений, которые разделяют на продуктивные (умение писать и говорить) и рецептивные (умение аудирования и чтения). Языковая и речевая компетенция – неразделимы, т. к. умение говорить (речевая компетенция) базируется на грамматических, лексических и фонетических знаниях и навыках (языковая компетенция). Умение писать требует знаний по грамматике, лексике, орфографии и сформированности соответствующих навыков. Аудирование и чтение требуют навыков подсознательного распознавания грамматических форм речи, навыков понимания слов и словосочетаний (в звуковой или графической форме) [Реан, 2007, с. 4].

Дискурсивная компетенция – это способность соединять отдельные предложения в связанное устное или письменное сообщение, дискурс, используя для этого различные синтаксические и семантические средства когезии [Kerbrat-Orecchioni, 2005, с. 98].

Социолингвистическая компетенция – это способность понимать и производить словосочетания и предложения с такой формой и таким значением, которые соответствуют определенному социолингвистическому контексту илокутивного акта коммуникации (илокутивный акт — воплощение в высказывании, порождаемом в процессе речи, определенной коммуникативной цели; целенаправленность; функция влияния на собеседника) [Myron W. Lustig, 1996, с. 218].

Социокультурная компетенция является также одним из важных показателей готовности студента к межкультурной коммуникации. Т.М. Колодько определяет социокультурную компетенцию как «интегративное образование, которое включает краеведческие, лингвокраеведческие, социолингвистические знания, умения и навыки соотносить языковые средства с целью и условиями общения; умение организовывать речевое общение соответственно к социальным нормам поведения, принятым у носителей языка; умение использовать языковые средства соответственно к национально обусловленным особенностям их употребления» [Колодько, 2005, с. 11-12]. Данный вид компетенции предусматривает владение знаниями о национально-культурных реалиях

зарубежных стран, о нормах речевого и невербального поведения носителей языка и умение использовать эти знания в процессе общения.

Стратегическая компетенция – это способность эффективно принимать участие в общении, выбирая для этого верную стратегию дискурса, если коммуникации угрожает разрыв из-за шума, недостаточной компетенции и др., а также адекватную стратегию для повышения эффективности коммуникации.

Социальная компетенция базируется на системе личностных психологических особенностей, моральных ценностей и установок личности, владение этой компетенцией позволяет индивиду успешно взаимодействовать с обществом и продуктивно выполнять различные социальные роли [Симкова, 2010, с. 305-309].

Первые три компонента можно назвать, как нам представляется, лингвистическими. Большинство методистов склоняется к мысли, что наиболее важными в формировании коммуникативной компетенции являются лингвистическая, социолингвистическая и стратегическая компетенции. Рассмотрим более подробно первую. Язык, являясь компонентом духовной культуры, в процессе изучения должен усваиваться как феномен культуры. Вот почему коммуникативно ориентированное овладение иностранным языком базируется на понимании языка как средства познания национальной культуры. Стереотипы поведения этноса представлены в обычаях, традициях, т.е. в его культуре, а вербализированные – в языковой фразеосистеме. Х. Касарес утверждал, что «в эллиптических формулах, которые были отшлифованы и оставлены в наследство потомкам, отражена вся история наших предков, вся психология, частная и общественная жизнь» [Касарес, 1958, с. 225]. Принято считать, что по сравнению с лексемами, фразеологизмы как квазистереотипы и квазиэталоны народного мировоззрения репрезентируют эмпирический, исторический и культурный опыт языкового коллектива, связанный с его традициями [Денисенко, 1999, с. 50].

Вот почему нам кажется целесообразным рассматривать методику формирования межкультурной коммуникативной компетенции на примере фразеосистемы. Актуальность такого подхода соответствует антропоцентрическим стремлениям современной лингвистики выявить языковые выражения национальной специфики.

В качестве материала исследования были взяты фразеологические единицы, характеризующие человека, в русском и польском языках, что позволит выявить лингвокультурную специфику русского и польского языкового сознания и выработать стратегию формирования межкультурной коммуникативной компетенции.

Актуальность обращения к фразеосистеме при выработке навыков успешной коммуникации очевидна, но из-за недостаточной разработанности методики применения

фразеологических единиц в иноязычной аудитории возникает ряд проблем. Первая связана с недостаточным включением фразеологического материала в учебники по РКИ. Пытаясь ее разрешить, преподаватель сталкивается со второй проблемой: какой объем ФЕ необходимо включить в учебный процесс, к тому же следует определить соотношение активной и пассивной части лексикона. Отсутствие системы упражнений, способствующих выработке навыков употребления ФЕ, усугубляет круг проблем. Позволим себе предложить возможный вариант решения. В качестве материала исследования были выбраны русская и польская фразеосистемы.

Попадая в другую культуру, иностранец чувствует себя некомфортно, даже имея хорошую лингвистическую подготовку, т.к. постоянно пребывает в ситуации выбора. Согласно теории Л. Фестинджера, из него возникает когнитивный диссонанс, когда возникает осознание несоответствия своего речевого поведения поведению носителей языка. Для скорейшей адаптации необходимо найти то, что наиболее близко личности. Поэтому первой должна быть изучена тематическая группа «Наименования человека».

Вначале проводится работа по формированию лингвистической компетенции. Прежде всего изучаются ФЕ, при выборе которых учитываются следующие критерии: 1) частотность ФЕ; 2) стилистическая ценность; 3) коммуникативная ценность.

Все ФЕ можно условно распределить по 3 группам: эквивалентные, близкие и безэквивалентные. Фразеологические эквиваленты в русском и польском языках имеют полное совпадение по внутреннему образу и семантике. Фразеологические единицы с таким формальным соответствием называют различные качества человека: *не все дома – nie wszyscy w domu*; *пустая голова – pusta głowa*; *баранья голова – barania głowa*; *воды не замутил – wody nie zamąci*; *как мокрая курица – jak zmokła kura*. Поскольку эквивалентные фразеологизмы менее интересны для формирования коммуникативной компетенции, мы ограничимся подробным рассмотрением только одного примера: безобидный, добродушный: *мухи не обидит – muchy nie skrywdzi*. Образ фразеологизма соотносится с зооморфным кодом культуры. Согласно древнейшим представлениям **муха** относится к «нечистым» насекомым, наделяемым отрицательными свойствами. Во ФЕ отражено представление о **мухе** как о незначительном в силу своих размеров и отрицательных свойств насекомом, которое не жалко убить, но от которого трудно избавиться. Фразеологизм содержит зооморфную метафору, в которой доброта, незлобивость человека уподобляются его неспособности обидеть такое мелкое, прилипчивое, ничтожное насекомое, как **муха**. Также образ ФЕ соотносится с религиозно–духовным кодом культуры, в котором добродушие, неспособность к

агрессивному отпору, кротость имеют положительную оценку. В целом фразеологизм играет роль эталона, т.е. меры кротости, неагрессивности человека.

Эквивалентность некоторых единиц нередко мотивирована общностью их происхождения: в книжных фразеологизмах прослеживается связь с библейскими, художественными и иными текстами. Рассмотрим несколько примеров устойчивых выражений библейского происхождения: *зablудшая овца* – *zbląkana owca*; *волк в овечьей шкуре* — *wilk w owczej skórze*; *злой [на] язык* – *[mieć] zły język*.

Таким образом, фразеологические эквиваленты, характеризующие человека в русском и польском языках, отмечены общностью семантики, единством внутреннего образа и функциональной идентичностью. Но даже при таком максимальном соответствии ФЕ могут иметь лексико–грамматическое варьирование или дифференцированную сему, стоящую на периферии семантики фразеологизма, что позволяет выделить близкие ФЕ: *с открытой душой* – *z otwartym sercem*. Синонимичным ему является фразеологизм *душа нараспашку*, которому в польском языке соответствует высказывание *ta serce jak na dłoni*. Слово-компоненту *душа* русского устойчивого выражения в польском варианте соответствует компонент *serdce*. Эту особенность можно трактовать, опираясь на уникальность мировоззрения и миропонимания народа. Скорее всего, в польской культуре закрепилось понимание того, что сердце является центром не только сознания, но и бессознательного, центром сосредоточения всех эмоций и чувств, центром мышления и воли, абсолютным центром всего человеческого. Иное представление имеет русский народ, который связывает все поступки, мысли и чувства человека с особой силой, обитающей в теле человека — душой. Душа является носителем некоего этического и морального идеала. С религиозной точки зрения душа связывает человека с высшим духовным началом, тем самым повышается ценность души. Человек, у которого отсутствует ясность в представлениях о чем-либо, беспорядочны и хаотичны мысли: *каша в голове* – *ta bigos <chaos, mętlik> w głowie*. В польском варианте добавлен компонент *mieć*. В сравниваемом языке вместо компонента *каша* употребляется слово *bigos*. Возможно, замена связана именно с тем, что *бигос* является традиционным блюдом польской кухни. Его издавна употребляют в пищу достаточно часто; Глупый, бестолковый человек: *голова соломой набита* – *ta siano w głowie*. Русский вариант экспрессивно окрашен и несет негативную эмоциональную коннотацию, выражение личностного отношения, о чем свидетельствуют пометы в словарной статье и наличие слова-компонента *набита*. Польский вариант не имеет ярко выраженной негативной оценочности, он нейтрален. Также в польском фразеологизме появляется дополнительный компонент – глагол *mieć*. Легкомысленный, ветреный, несерьезный человек: *ветер в*

голове – *ta wiatr w głowie*; в польском же варианте наращивается дополнительный компонент структуры — глагол *mieć* в форме наст. времени, м.р., ед.ч. (*ta* – досл. *имеет*). Опытный, бывалый человек: *стреляный [старый] воробей* — *stary wróbel*. Наблюдается отсутствие вариативности одного из компонентов (в польском варианте фразеологизма прилагательное *стреляный* не имеет соответствия), но фразеологическое значение полностью соответствует русскому варианту. Следует заметить также, что в русском языке вторая часть пословицы сохранилась в качестве самостоятельного фразеологизма: *на мякине не проведешь*, чего не наблюдается в польском языке. Коварный, опасный, неблагодарный человек: *змея подколотная* – *podstępna zmiija*. Подразумевается, что кому-либо свойственно совершать злонамеренные и таящие в себе неожиданную опасность поступки. Говорится с осуждением, преимущественно о женщинах. Образ фразеологизма соотносится с зооморфным кодом культуры. Согласно древнейшим представлениям, змея – образ неоднозначный: она сочетает в себе мужскую и женскую, водную и огненную символику, отрицательное и положительное начала; она ядовита и целебна. Змея – и нечистая тварь, и источник зла, но в то же время она может помогать человеку. В основе образа ФЕ отражено представление славян о змее, сформировавшееся под влиянием христианства: она коварна, мстительна, может нанести неожиданный удар (ср. *пригреть змею на груди*). В Библии змей выступает как олицетворение сатаны, отличается хитростью, свирепостью и коварством.

Третий тип – безэквивалентные фразеологизмы. Таковыми являются ФЕ, представленные лакунами в другом языке. При этом важно учитывать тот факт, что ФЕ одного языка, являясь безэквивалентными относительно другого, могут иметь прямые соответствия в иных языках. Среди них ФЕ: человек, испытавший невзгоды, неудачи и поражения, приобретший богатый житейский опыт: *травленный волк*; хитрый человек, ловкач: *Лиса Патрикеевна, гусь лапчатый, продувная шельма*. Фразеологизм *Лиса Патрикеевна* взят из фольклора, где лиса – символ хитрости и ловкого ума. «Дополнительный» компонент – *Патрикеевна* – уточняет, делает более экспрессивным значение основного компонента. Определение восходит к имени литовского князя *Патрикея*, который коварно и хитро посеял вражду между новгородцами. Выражение известно с XIV–XV вв. Предельно, крайне откровенный, непосредственный в проявлении своих чувств, мыслей, настроений: *весь наружу*; бедный, ничего не имеющий человек: *гол как сокол*. Устойчивое выражение *гол как сокол* – исконно-русского происхождения. Оно возникло от сравнения со старинным стенобитным орудием, представляющим собой совершенно гладкую болванку, закрепленную на цепях. Русские воины использовали его для разрушения каменных стен осажденных городов. Ошибочно полагать, что данная ФЕ

каким–либо образом связана с птицей соколом. В Польше данное орудие могло быть неизвестным, либо имело другое название, форму и в языковом сознании не вызвало ассоциаций с бедным, нищим человеком. Очень болтливый человек, пустомеля: *бесструнная балалайка*. В этом фразеологизме актуализируется смысл «никчемность», т.к. если на балалайке отсутствуют струны, она – бесполезный предмет; человек, отделившийся от семьи, ставший самостоятельным, либо порвавший с привычной средой, деятельностью, привычным образом жизни: *отрезанный ломоть*. Красноречивый человек: *язык [хорошо, ловко, неплохо] подвешен*. Подразумевается то, что человек обладает способностью выражать свои мысли легко и свободно в любой ситуации. Говорится с одобрением. Возможно, данный фразеологизм (как и его антоним *язык плохо подвешен*) – калька с французского *avoir la langue bien pendue*. Известен с XIX века. Образ фразеологизма – колокольная метафора, уподобляющая язык человека языку колокола: от того, хорошо или неудачно подвешен последний, зависит качество звона. Пунктуальный, точный, дисциплинированный человек: *chodzić jak szwajcarski zegarek*. Находчивый, эрудированный человек: *за словом в карман не лезет*. Человек, который знает что сказать, как ответить, быстро ориентируется в любой речевой ситуации, удачно и смело подбирая слова и выражения. Говорится с одобрением. Во фразеологизме слово карман сохраняет устаревшее теперь значение: «мешочек или сумка, пристегиваемая к одежде или поясу, для хранения чего-либо». Этимологически оно связано с латинским и тюркским словами со значением «кошелек» и сохраняло названное выше значение еще в XVII веке. В образе фразеологизма слово метонимически уподобляется речевой способности человека и метафорически – твердому предмету (вещи), который можно было носить в кармане в указанном выше значении. Так как из кармана-мешочка трудно было сразу достать, нужное «опредмеченное» слово, то и возник данный фразеологизм: слово надо было иметь не в кармане, а ближе, наготове.

Полученные результаты можно представить в таблице:

Тип соотношения	Количество ФЕ
Эквивалентные ФЕ	27,00%
Близкие соответствия	54,00%
Безэквивалентные ФЕ	19,00%

Как видно из таблицы, преобладают близкие соответствия, т.к. многие качества в русском и польском языковом сознании вызвали одинаковые ассоциации. Отличие грамматических форм слов–компонентов связано с тем, что каждый язык имеет свои

особенности. Фразеологизмы, пришедшие в этот язык, оформляются по его законам (об этом уже говорилось выше). Безэквивалентных ФЕ наименьшее число. Но они, безусловно, наиболее ярко отражают национальный колорит и лингвокультурные особенности нации. Если в сравниваемом языке ФЕ не имеет соответствия и представлена лакуной, можно сделать вывод о том, что данное явление чуждо, незнакомо другой нации, либо имеет абсолютно иное осмысление и выражение в сравниваемом языке.

Формирование лингвистической компетенции на базе данной классификации ФЕ является наиболее удачным, потому что она не только отражает структуру национальных фразеосистем, но и является хорошим психологическим средством, которое помогает более быстрой адаптации, т.к. первый тип ФЕ убирает «комплекс иностранца», второй – позволяет узнать новое в знакомом, разном, а третий – способствует глубокому погружению в чужую языковую картину мира.

Изучение тематической группы следует завершить упражнениями, формирующими понимание системных отношений в фразеосистеме:

1. подберите синонимы к ФЕ (напр.: мухи не обидит, *ma bigos w głowie*);
2. подберите антонимы к ФЕ (напр.: пустая голова, *z otwartym sercem*);
3. с какой частью речи соотносятся фразеологизмы (напр.: голова соломой набита, стреляный воробей, бесструнная балалайка, *muchy nie skrywdzi*);

Формирование лингвистической компетенции следует дополнять формированием и других видов. Можно использовать следующие упражнения:

- 1) Составьте диалоги по темам: «В магазине», «В банке», «На работе», «На именинах» и др., используя фразеологизмы.
- 2) Опишите друга (папу, маму, соседа, коллегу), используя фразеологизмы.
- 3) Продолжите фразеологизмы (напр.: без царя ..., пустая ..., мухи не ..., душа ..., *z otwartym sercem*, *chodzi jak szwajcarski zegarek*).
- 4) Исправьте ошибки (напр.: волк в овечьей шерсти, как спящая муха, серая ворона, не от мира этого, за делом в карман не лезет, ни рыба ни птица)

Работу с фразеологизмами желательно дополнять подбором аналогичных ФЕ родного языка.

Изучение фразеологии должно продолжаться в течение всего периода обучения. Сложность и объем заданий должны соответствовать году обучения и уровню знаний. При изучении идиом (как очень сложного для иностранцев вида фразеологизмов) желательно использовать наглядный материал.

Картина мира каждой языковой общности неповторима в своем культурном своеобразии. В совокупности культурная картина мира и коммуникативная информация

образуют контекст процесса коммуникации. Вот почему процесс межкультурной трансформации можно считать завершенным, если усвоена фразеологическая картина мира.

Список литературы:

Закиева Е.С. Формирование межкультурной коммуникативной компетенции как интегративной способности межкультурного общения специалиста / Е.С. Закиева, И.В. Смирнова // Модернизация подготовки управленческих кадров России в контексте мировой системы образования. – Красноярск: Сибир. Федеральный ун-т, 2012. – Вып. №2. – С. 89–91.

Зимняя И.А. Общая культура и социально–профессиональная компетентность человека / И.А. Зимняя // Высшее образование сегодня (электронный журнал). – 2005. – Вып. №11. – С. 6–14.

Касарес Х. Введение в современную лексикографию / Х. Касарес. – М.: Издательство иностранной литературы, 1958. 555 с.

Маркина, Л.В. Барьеры и трудности межкультурной коммуникации/ Л.В.Маркина // Межкультурная коммуникация и проф.-ориентир. обучение иностранным языкам: материалы 4–ой Международной научной конференции, Минск, 29 октября 2010г/ Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2010. с. 22 – 23.

Маркина, Л. В. Межкультурная компетентность и ее компоненты/ Л. В. Маркина // Межкультурная коммуникация и профессионально-ориентированное обучение иностранным языкам: материалы V Междунар. науч. конф., посвящ. 90-летию образования Белорус. гос. ун-та, Минск, 28 октября 2011 г./ Белорус. гос. ун-т; редкол.: В.Г. Шадурский [и др.]. – Минск, 2011. с. 25 – 26.

Реан А.А. Психология и педагогика / А.А. Реан, Н.В. Бордовская, С.И. Розум. Спб.: Питер, 2007. 432 с.

Денисенко С.Н. Когнітивні аспекти фразотворення /С.Н. Денисенко//Семантика, синтактика, прагматика мовленнєвої діяльності. Львів, 1999. 234 с.

Колодько Т. М. Формування соціокультурної компетентії майбутніх учителів іноземних мов у вищих педагогічних навчальних закладах: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. пед. Наук: спец. 13.00.04 «Теорія і методика професійної освіти» / Тетяна Миколаївна Колодько. – К., 2005. 20 с.

Кулакова О.М. Функція мови як засобу комунікації: Культурологічний аспект: автореф. дис. ... канд. культурології : 26.00.01 / О. М. Кулакова; Харк. держ. акад. культури. – Х., 2011. 20 с.

Сімкова І.О. Сучасні підходи до формування іншомовної комунікативної компетентії у студентів немовних спеціальностей / І. О. Сімкова // Слов «янський збірник» .– 2010. – Вип.17 Част.1 . С. 305–309

Kerbrat–Orecchioni C. Les Actes De Langage Dans Le Discours. – Theories Et Fonctionnement / C. Kerbrat–Orecchioni. – Lyon: PPS, 2005. 200 p.

Myron W. Lustig. Intercultural Competence: Interpersonal Communication Across Cultures / Myron W. Lustig, Jolena Koester. – USA: Harper Collins College Publishers, 1996. 399 p.

Большой фразеологический словарь русского языка / В.Н. Телия [и др.] – 4-е изд., М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2010. 784 с.

Wielki słownik frazeologiczny PWN z przysłowiami, oprac. A. Kłosińska, E. Sobol, A. Stankiewicz, Warszawa: PWN. 2005. 852 s.

Гоциридзе Д.З.
Тбилисский государственный университет им. Иванэ Джавахишвили
г. Тбилиси (Грузия)
Gotsiridze D.
Ivane Javakhishvili Tbilisi State University
Tbilisi (Georgia)

Чарквиани Л.Я.
Государственный университет им.Акакия Церетели
г. Кутаиси, (Грузия)
Charkviani L.
Akaki Tsereteli State University
Kutaisi (Georgia)

Иакобадзе К.
Тбилисский государственный университет им. Иванэ Джавахишвили
г. Тбилиси (Грузия)
Iakobadze C.
Ivane Javakhishvili Tbilisi State University, Institute of Russian studies
Tbilisi (Georgia)

РЕСПОНСИВНАЯ КОММУНИКАТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ В СТРУКТУРЕ ДИАЛОГА

RESPONSIVE COMMUNICATIONS STRATEGY IN THE STRUCTURE OF THE DIALOGUE

Предметом изучения в настоящей работе является исследование взаимодействия эротетических (вопросительных) и респонсивных речевых актов в составе диалогического единства. В работе показывается наличие у ответов широкого спектра прагматических значений, в различной степени детерминированных каузирующей частью. Интерпретация респонсивных прагматических значений осуществлялась в рамках трех кооперативных тактик (сочувствия, несочувствия, безразличия), что позволило выявить специфические нюансы диалогического взаимодействия, характерные для английского и русского диалогического дискурса. С точки зрения теории и практики перевода большое значение имеет выявление прагматических значений респонсивных актов, неправильная интерпретация которых может значительным образом исказить текст оригинала. Тактика речевого реагирования в вопросно-ответных диалогах выработала свои структурно-функциональные модели, которые необходимо учитывать в процессе перевода.

The subject of study is the interaction of erotetical and responsive speech acts in the structure of the dialogic unity. It showed that they have a wide range of the pragmatic values determined by the causal part of a discourse. In this article on the example of the analysis of the phenomenal nature of responsives as speech acts and conditions for successful introduction of their communication strategy is considered; Interpretation of the pragmatic values of responses within three cooperative tactics (empathy, not sympathy, indifference) revealed certain nuances of dialogic interaction which are characteristic for English and Russian languages.

From the point of view of the theory and practice of translation of great importance is the identification of pragmatic values of responsive acts misinterpretation of which could significantly distort the original text. Tactics of speech reaction in "question-answer" dialogues developed the structural and functional models which should be taken into account in translation process.

Ключевые слова: диалог, коммуникативная стратегия, речевой акт, ответ.

Keywords: dialogue, communication strategy, speech act, the answer.

Развитие коммуникативно–ориентированных направлений теории текста, коммуникативной лингвистики, и особенно теории речевых актов, позволило по-новому взглянуть на теорию диалога. Диалогическое единство было расчленено на вопросную и ответную части. Следует отметить, что такое разделение способствовало появлению многочисленных работ, посвященных исследованию вопросительных речевых актов. Изучалась и речеповеденческая тактика, и косвенные (непрямые) вопросительные речевые акты, и типология выражаемых ими интенций. На фоне гипертрофированного интереса к вопросительным речевым актам обращает на себя внимание почти полное отсутствие интереса к ответным речевым актам. Такая вопиющая «несправедливость» по отношению к последним трудно объяснима. Вопрос и ответ в диалогическом единстве представляют собой единое целое, в пределах которого первый компонент провоцирует второй элемент.

Вопрос в процессе своей интенционализации предполагает определенную стратегию, своего рода целевую программу и имеет в конечном итоге задачу заставить собеседника выдать необходимую адресанту информацию. Естественно, что для адресанта имеет большое значение характер ответа. Необходимо отметить, что коммуникативной стратегией обладает не только вопрос, но и ответ, который представляет собой своего рода код, дешифровка которого требует определенных усилий и зачастую происходит за рамками «телесного» знака реплики.

Процесс диалогической интерпретации коммуникативного намерения собеседника является лишь одним из частных случаев интерпретации дискурса, в пределах которого само содержание диалогического текста может измениться.

Осмысление поведения диалогических единств в структуре дискурса имеет огромное значение для теории и практики перевода и предполагает, в первую очередь, осмысление природы указанного явления. Рассмотрев одну из частных разновидностей диалогического единства, – вопросно-ответные структуры, попытаемся интерпретировать их на основе эмпирического материала.

Изучение взаимодействия вопросительных (эротетических) и ответных (респонсивных) речевых актов в составе диалогического единства показало наличие у последних широкого спектра прагматических значений, в разной степени детерминированных каузирующей частью.

Анализ респонсивов дает основание выделить «собственно респонсивы « и «респонсивы-реакции». Подобное разграничение связано с тем, что первая группа соотносится с информационным типом вопроса, говоря иначе, в данном случае соблюдается классическая формула диалогического взаимодействия «вопрос-ответ», что в

логике квалифицируется как прямой ответ. «Собственно респонсивы» восполняют информацию, содержащуюся в вопросе. Фактически они представляют собой ответ на «Wh.questions».

«Респонсивы–реакции» представляют собой реакцию на каузирующую информацию. Естественно, это не исключает их связи с информацией, которую они могут подтверждать, отрицать, игнорировать и т.д. Однако, в отличие от «собственно респонсивов», на передний план выступает не информативная, а отношенческая функция. С другой стороны, и «собственно респонсивы» включают «реактивное значение», ибо представляют собой форму ответного реагирования. Однако в данном случае на передний план выступает интенция информирования. Иными словами, и у «собственно респонсивов», и у «респонсивов-реакций» имеются информирующая и отношенческая функции, однако в одном случае доминирует информативность, а в другом – более актуальным представляется последняя функция. Указанные значения находятся в диалектической связи, что обусловлено самой природой респонсивов, включающих в структуру своего значения указанные семы.

Со своей стороны «респонсивы–реакции» неоднотипны по своей структуре и значению, что особенно ярко проявляется в процессе перевода. В зависимости от характера реакции на каузирующий стимул, «респонсивы-реакции» могут выражать отношение адресата (бывшего) – а) к самой информации; б) к адресанту и с) к форме обращения или соблюдению этикетных правил, принятых в данной культуре.

Нельзя забывать, что для осуществления процесса перевода огромное значение имеет кооперативный фон, который в большинстве случаев диктует переводческую стратегию при интерпретации диалогических вопросно-ответных единств.

Конкретный эмпирический материал следует соотнести с тремя кооперативными тактиками:

а) сочувствия, б) несочувствия, с) безразличия. Особые случаи представляют собой случаи сознательного искажения информации, псевдотактики (иронии, издевательства, дезинформации), игнорирования, но как нам кажется, все указанные случаи, возможно, интерпретировать в пределах указанных кооперативных тактик. Так, например, иронию, издевательство, дезинформацию, умолчание можно рассмотреть как частные случаи несочувствия, а игнорирование как – безразличия, хотя последнее можно рассматривать и как нулевой вариант несочувствия. Мы предполагаем, что сама тактика кооперативного/некооперативного поведения носит универсальный характер, хотя и (на уровне нюансов) обнаруживает в конкретных культурах национально-специфические черты. Данное обстоятельство, как показывает опыт, имеет принципиально важное значение в практике

перевода.

Как было отмечено, кооперативная тактика диктует характер ответной реакции и определяет тип респонсивов.

Для осуществления диалогического взаимодействия необходимо, в первую очередь, наличие контакта. Желание или нежелание вступить в контакт является суверенным правом любой личности, однако, это право зачастую нарушается под действием социальных и психологических императивов, предписывающих человеку определенные нормы взаимодействия. Естественно, эта ситуация находит отражение и в выработке определенных моделей речевого поведения в процессе диалога. Применительно к нашей задаче это означает, что тактика речевого реагирования в вопросно-ответных диалогах выработала свои структурно-функциональные модели, которые необходимо учитывать в процессе перевода.

Следует отметить, что использование «собственно – респонсивов» и «респонсивов–реакций» также определяется их содержанием и характером диалогического взаимодействия и, соответственно, кооперативной тактикой, анализ которых необходим при выборе конкретного переводческого решения. Исходя из того, что наиболее типичным случаем, поддерживаемым самим этикетом, является кооперация в рамках диалогического единства, априори можно предложить, что тематическая группа, отражающее сочувственное отношение, представляет собой наиболее широко представленную. В настоящей работе нас больше интересуют помехи, возникающие при попытках наладить диалогическое взаимодействие. В этой связи мы коснемся тактик «несочувствие и игнорирование». Данные тактики могут выражаться как вербально, так и невербально, причем, характер несочувственного отношения может проявиться в широком спектре отношенческих реакций, начиная с простого неприятия, кончая открытым выражением полнейшей враждебности и даже агрессивным поведением.

Невербальной реакцией несочувственного отношения может быть молчание, соответствующий жест, агрессивное поведение и т.д., а причиной – некорректность или провокационный характер вопроса, незнание ответа, дурное настроение, неприятие адресанта или формы обращения, незнание языка и др.

Приведем некоторые интересные, с нашей точки зрения, примеры. Интересный комментарий невербальной реакции дает Дж. Джойс:

«I crammed my mouth with stir about for fear I might give utterance to my anger».

Фактически, герой рассказа – маленький мальчик подавляет свой «ответ», перенося свое несочувственное отношение вовнутрь.

Примером невербального ответа является следующий пример из произведения

«Sisters»:

«Wasn't that good of him?»

Elisa closed her eyes and shook her head slowly».

Нулевую ответную реакцию можно отметить и в следующем примере:

«I was going to reply indignantly, but I remained silent».

В функции ответа может быть представлено и действие. Так, например, герой рассказа «Two gallants» – Корли полагает, что более эффективным ответом на поставленный вопрос будет соответствующее действие – демонстрация золотой монеты на ладони. «Can't you tell us? Did you try her?

Then with a grave gesture he extended a hand towards disciple. A small gold coin shone in his palm».

Этот же немногословный герой Дж. Джойса реагирует на вопрос действием и в другом эпизоде:

«Still without answering, Corley swerved to the left and went up the side street».

Что касается вербальной стороны несочувственного отношения, то он может выражаться различными случаями, имеющими или не имеющими отношение к соблюдению этикета.

Выше мы подчеркнули то обстоятельство, что отношение адресата к адресанту, характеру самой информации или соблюдению этикетных норм общения стимулируют специфику ответного реагирования. Отрицательное отношение к одному из вышеуказанных факторов или к их совокупности может выражаться прямо или завуалировано.

Так, например, оценивая просьбу, выраженную в форме вопроса, персонаж рассказа «Agrabu», прибегает к аналогии, выражая свое несочувственное отношение:

«The people are in bed and after their first sleep now» (Добрые люди уже второй сон видят).

Несколько жестокий осуждающий «ответ» выражен во фразе Vee из произведения «Orpheus descending»:

«And if you behaved yourself better your father would not be paralyzed in bed». Фактически подобная фраза равнозначна приговору, согласно которому Кэрролл обвиняется в тяжком моральном преступлении.

Несочувственное отношение может реализоваться в форме прямой агрессии»:

I want you out of this door like a shot from a pistol-that fast! «Understand (Tennessee Williams. «Orpheus descending»); запрета: «Don't ever come here again» (реакция на вопрос); осуждения: «You don't seem to have any shame»; «Of course it's not a good behavior»;

«That's no excuse for it».

В определенных случаях эффективным средством выражения несочувственного отношения является ирония. Так, например, иронизируя по поводу провинциальных сплетниц, Lady обращается к ним: «Goon, ladies, don't stop, my ears are burning».

Несочувственное отношение может выражаться в ответных реакциях на вопрос, как в этикетной форме, так и в форме прямого оскорбления. По определенным причинам в произведениях цитируемых авторов, мы не обнаружили прямую бранную некодифицированную фразеологию, которая весьма популярна в разговорной речи и, особенно, в кинофильмах. В силу определенных соображений воздержимся от цитирования «реактивного мата», который в случае необходимости можно «домыслить» без особой сложности.

К случаям неприкрытой неприязни можно отнести следующие примеры респонсивного реагирования:

«I'll have you burned!»; «What in hell are we waiting for?»; «I'm sick of you»; «Well, more along, quite fool in»; «I'll shoot it out with him».

В определенных случаях несочувственное отношение может прикрываться этикетной формой. Так, например, ирония, содержащаяся во внешне вполне «благопристойной» фразе: «I am glad your em indedme ofit», выражается лишь интонационно и может быть совершенно непонятной как для третьего лица, так и для самого адресата.

В качестве этикетного несочувственного отношения можно расценить и следующие респонсивные значения:

«Excuse me, I have to go up», «Excuse me, I don't have time».

В подобных случаях «смягчение» несочувственного отношения достигается использованием этикетной формулы «excuse me», которая выступает формальным показателем соблюдения кооперативных максим. Однако следует отметить, что при соответствующей интонации указанная этикетная формула может приобрести противоположное значение. Совмещение в респонсive амбивалентных значений, выражающих, с одной стороны, уважение к собеседнику (в форме этикетной формулы) и несочувственное отношение – с другой может иметь большой стилистический эффект.

Особым стилистическим приемом, позволяющим не демонстрировать напрямую свое несочувственное отношение является изменение диалогической перспективы, что может выражаться в переспросе, в автореагировании на свой же вопрос, в изменении темы разговора и т.д.

Несочувственное отношение к конкретному факту коммуникации, точнее, реагирование на вопрос, помимо примеров, рассмотренных выше, в нашей картотеке представлено следующими примерами:

а) Сменой темы, зафиксированной в вопросе: «–then how d’you think they get to know each other?»

–What does anyone wait for?

В данном случае происходит только игнорирование вопроса и смена темы.

б) Широко распространенные случаи переспроса, содержащие различные оттенки отношений, в том числе и негативные:

– Where is the Temple sister?

– Wheredoyouthink? (с оттенком иронии, что подтверждается следующей фразой «shoopin» aroun «upstairs»)

В определенных случаях безразличие фактически представляет собой разновидность отрицательного отношения. Так, например, когда вопрос фактически содержит просьбу, нейтральное отношение может представлять собой нарушение этикета. Респонсивы, отражающие безразличное отношение к вопросу или к самому адресату, типичны для английского и для русского языков и могут быть проиллюстрированы следующими примерами:

1) – Can you hear what those women are saying about me?

– Play it cool!!

2) – Don’t you want them to know you are alive?

– I want to live and don’t care if they know I am alive or not.

3) – A wop boo’tlegger?

– They burnet him to death in his orchard! What about it?

4) – What?

– What people say about you don’t mean much?

5) – What thing?

– I am not interested in your perfect functions, in fact you don’t interested me no more than the air that you stand in

6) – Ask her?

– I am not going to refuse to wait on her because you all don’t like her!

7) – Gabe?

– what of it?

Как видим, «безразличие», выраженные различными формами респонсивов, может иметь различную степень проявления. Так, например, фраза: «You don’t interest me no

more than the air that you stand in» – выражает полное безразличие. Призывы не обращать на те или иные проблемы, выраженные конструкциями «don't care», «don't mean much» выражают фактически сочувственное отношение и предлагают исключить нежелательный каузатор из аксиологической области субъекта. Призыв к игнорированию в данном случае исходит от советчика, реагирующего на возникший вопрос. С другой стороны, «слабое безразличие» может реализоваться также прямой реакцией на вопрос: «that doesn't interest me», «there is no point in it», «it is not my problem», «it is no business of mine», «it doesn't refer to me», «I am not concerned», «a pretty go!» и др.

Подобная градация респонсивов, выражающих отношение безразличия, характерна и для русского языка, что подтверждается и переводом указанных выше фрагментов:

1. – Вы не слышите, что там судачат?

– пусть их

2. – А вам не хочется, чтобы знали о вашем существовании, знали, что вы живете?

– жить я хочу, а знают о том или нет, наплевать

3. – Итальяшка-бутлегер?

– да, сожгли его здесь... а вам что?

4. – Что?

– не так уж важно, что о вас думают другие

5. – О чем?

– все эти хваленые таланты – мне ни к чему. Сами вы, по совести говоря, интересуете меня не больше, чем прошлогодний снег.

6. – Спросите сами

– какое мне дело, что вам она не всем по душе?

7. – Джейб?

– ну и что.

Безразличие относиться как к самой информации (that doesn't interest me) или адресату (neither fish nor fowl см. русское «ни рыба, ни мясо»), так и к последствиям (I am not concerned «это меня мало волнует») и т.д.

Как разновидность несочувственного отношения можно рассмотреть переход адресата «в контратаку». Он пытается перехватить коммуникативную инициативу и осуществить обратное влияние на волю адресанта при помощи различных речевых и неречевых стратегий. Необходимую для достижения поставленной цели, тактику адресат выбирает исходя из конкретной коммуникативной ситуации, в зависимости от обстоятельств.

Приведем некоторые примеры использования директивных респонсивов:

Приказы

- Got that though your skull?
- Now Listen!... You got that memorized, now?
- Then go into your white jacket!”
- Так способен ли ты понять это своей башкой?
- Так слушай внимательно... Понял, теперь ты понял?
- Тогда надевай свою белую куртку.

Предупреждение

- But let's get one thing straight.
- What thing?
- It that understood well have a good working relations.

Угроза

- Can I help you?
- Let go of her, don't put your hands on my wife!
- Могут ли чем-нибудь помочь?
- Руки прочь! Не смей прикасаться к моей жене!

Таким образом, как показывает анализ прагматических значений респонсивных речевых актов, вырисовывается довольно интересная картина. С одной стороны – ее составляют значения, которые напрямую связаны с семантикой ответного реагирования, а с другой – респонсивные реакции на вопросительный по форме, но не по содержанию каузирующий стимул.

Подводя итоги отметим, что респонсивные акты непосредственным образом связаны с диалогической культурой того или иного народа, и отражают речеповеденческие тактики, принятые в соответствующих концептосферах. Необходимо разграничить «собственно-респонсивы», соотносящихся с информационным типом вопроса, и «респонсивы-реакции», представляющие собой реакцию на каузирующую информацию. Подобное разграничение учитывает прагматические нюансы, связанные с разграничением «информирующей» и «отношенческой» функций и ориентируют переводчика на выбор правильной интенции.

Интерпретация респонсивных прагматических значений на основе некооперативной тактики позволило выявить специфические нюансы диалогического взаимодействия, характерные для английского и русского диалогического дискурса.

Формируя ответный речевой ход, адресат реагирует как на содержание иницилирующей реплики, так и на отношение собеседника к содержанию. Модусные и

диктумные реакции создают многообразие речеповеденческих тактик ответного реагирования и формулируют «респонсивный фонд» соответствующей культуры.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КАК ОСНОВНАЯ ЗАДАЧА ПЕРЕВОДА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

THE INTERPRETATION AS THE MAIN TASK OF THE TRANSLATION OF THE LITERARY TEXT

В современных условиях глобализации перевод является одним из важнейших факторов создания межкультурной коммуникации, взаимопонимания между народами, возможностью культурного обмена достижениями во всех отраслях науки, искусства, техники и т.д. В связи с этим в центре внимания исследователей все чаще оказывается проблема перевода и интерпретации текста, поскольку всякий перевод так или иначе несет на себе отпечаток определенных процессов толкования, разъяснения и является «вторичным» текстом по сравнению с оригиналом. Поэтому проблемы интерпретации текста являются актуальными и своевременными. Цель нашей статьи – проблема исследования видов художественных переводов и сравнительный анализ русскоязычных вариаций английского фольклорного стихотворения «This is the house that Jack built».

На основе статьи можно сделать такие выводы. Перевод невозможен без понимания и интерпретации текста. Наиболее эффективной моделью перевода художественного текста является герменевтическая модель перевода (Э. Р. Насанбаева, 2013), при этом задача переводчика не только максимально точно передать художественно–эстетическую ценность оригинала, но и создать полноценный художественный текст на языке перевода. Перевод должен полностью передавать идеи, сохранять стиль и манеру изложения, читаться так же легко, как и оригинальные произведения (А. Тайтлер, 1790).

Что же касается перевода стихов, то здесь возможны многие варианты: от прозаического пересказа оригинального текста на другом языке до написания нового произведения по мотивам прототипа с элементами унаследования либо парафраза.

Таким образом, все зависит от знания и опыта переводчика, его стиля и цели, умения читать между строк и интерпретировать текст как единое целое.

In today's globalized world a translation is one of the most important factors in creating a cross-cultural communication and mutual understanding between nations, the possibility of cultural exchange of achievements in all fields of science, art and technology. In this regard, the importance of the role of translation and translators is increasing respectively.

For the purpose of disclosing the meaning of the translated artistic text by the way of understanding theoretical approaches of the concept of «interpretation» have been researched, a variety of art forms have been discussed and comparative analysis of the variations of Russian translations of the poem «This is the house that Jack built» have been done.

On the basis of the article we can make such conclusions: Translation is not possible without understanding and interpretation of the text. The most effective model for the translation of a literary text is a hermeneutic model of translation (E.R. Nasanbaeva 2013). The main task of a translator is to convey accurately the artistic and aesthetic value of the original and at the same time to create a full-fledged artistic text in the target language. The translation must fully define ideas, keep the style and manners of presentation, be read as easily as original works (A. Tytler, 1790).

As for the translation of poetry, there are many variations: from prose retelling the original text in another language to writing a new work based on the prototype with elements of inheritance or paraphrase.

Thus, everything depends on the knowledge and experience of the translator, his style and purpose, ability to read between the lines and interpret the text as a whole.

Ключевые слова: интерпретация, герменевтика, буквальный перевод, вольный перевод, верный перевод.

Keywords: interpretation, hermeneutics, world-for-world translation, sense-for-sense translation, faithful translation

В современных условиях глобализации перевод является одним из важнейших факторов создания межкультурной коммуникации, взаимопонимания между народами, возможностью культурного обмена достижениями во всех отраслях науки, искусства, техники и т.д. В связи с этим в центре внимания исследователей все чаще оказывается проблема перевода и интерпретации текста, поскольку всякий перевод так или иначе несет на себе отпечаток определенных процессов толкования, разъяснения и является «вторичным» текстом по сравнению с оригиналом. Поэтому проблемы интерпретации текста являются актуальными и своевременными. Цель нашей статьи – проблема исследования видов художественных переводов и сравнительный анализ русскоязычных вариаций английского фольклорного стихотворения «This is the house that Jack built».

Проблемой интерпретации текста как основной целью герменевтики занимались многие отечественные и зарубежные ученые, среди них – Ф. Шлейермахер, Г.–Г. Гадамер, В. Дильтей, Г. Богин, И. Самохина, Е. Цурганова, Э. Насанбаева, В. Комиссаров, А. Паршин и др.

Чаще всего под переводом подразумевается процесс переложения с одного языка на другой. На самом же деле, это сложная работа, направленная на переосмысление текста, соединение «максимального буквализма» и литературных вариаций. Если в библейских, научных, медицинских переводах целью является дословное понимание текста, то с переводом художественным все обстоит намного сложнее.

В исследованиях, связанных с вопросами перевода, ученые неоднозначно трактуют термин «интерпретация», поэтому и соотношение этих двух понятий также рассматривается с разных точек зрения. Так, Э. Насанбаева понимает интерпретацию как «раскрытие смысла текста во всей его полноте, (...) как основополагающий элемент герменевтической модели перевода» [Насанбаева, 2013, с. 9]. В связи с этим встает вопрос о переводчике, выступающем не только в роли реципиента текста оригинала и создателя текста перевода, но и в роли интерпретатора, которому надлежит раскрыть глубинные смыслы художественного текста, составляющие общий замысел писателя. Для решения проблем перевода художественного текста переводчику–интерпретатору нужно учитывать, что «каждое художественное произведение имеет совокупность допустимых

истолкований, из чего следует необходимость тщательного анализа художественного текста с использованием определенных моделей при его переводе» [Насанбаева, 2013, с. 9].

На основе исследований В. Комиссарова, Э. Насанбаевой, И. Самохиной можно выделить две основных задачи при переводах художественных текстов:

- 1) как не допустить дословности перевода, тем самым потеряв смысл и идею, аутентичность, манеру автора и лингвистические особенности языка оригинала;
- 2) как в процессе литературного перевода не переделать первоначальный текст полностью под свою манеру, по-своему интерпретируя его, внося непоправимые изменения, учитывая собственный опыт, возраст, манеру письма, культуру, эпоху и т.д.

Наиболее эффективной моделью перевода художественного текста является герменевтическая модель перевода.

Известно, что классическая герменевтика связана с интерпретацией и толкованием произведений поэтов и философов эпохи античности, Библии, собранием и описанием литературных памятников прошлого. Эти термины ученые понимают по-разному.

Понятия «понимание» и «интерпретация» трактуются как инстинкт и активность в самой жизни основоположником современной герменевтики Ф. Шлейермахером. «Целостность понимания произведений художника или мыслителя достигается не благодаря изучению хронологической последовательности его работ и их внешней логики, а вследствие постижения внутренней логики их единой, цельной конструкции» [Цурганова, 1994, с. 1096]. Шлейермахер всякое толкование литературного произведения связывал с самой природой понимания.

Введенное исследователем понятие «герменевтический круг» имеет, в первую очередь, философский смысл и воспринимается как бесконечный процесс, не имеющий ни начала, ни конца. В связи с этим, процесс понимания и интерпретации, по мнению ученого, неисчерпаем. Начинается процесс интерпретации с условного предварительного понимания, или предпонимания, которое «представляет собой формулирование исходного предположения с целью дать толчок процессу, направленному на более глубокое проникновение в суть вопроса» [Насанбаева, 2013, с.10].

Это означает, что переводчик, придерживающийся теории герменевтического перевода, не просто должен «слиться» с текстом, над которым работает, понять смысл, идею автора, но и работать с филологическими и лингвистическими аспектами. Иными словами, поочередно обращать внимание на словесную и смысловую плоскости, удерживать связь между текстом как набором предложений и скрытым смыслом.

Литературная герменевтика исходит из того, что произведение искусства нельзя

понять само по себе, как единичный продукт творческой деятельности. Оно является материальным воплощением эстетического опыта, фактом культуры, при интерпретации художественного текста его необходимо реконструировать, определить место в духовной истории человечества. Герменевтическое «понимание» направлено «на реконструирование, расшифровку смысла с целью осознания непрерывности развития культуры и приобщения к прошлому новых поколений» [Цурганова, 1994, с. 1097].

Неоспоримо большой вклад в развитие герменевтической модели перевода был внесен создателем Тверской герменевтической школы перевода Г. Богиним. По мнению ученого, «герменевтика – это деятельность человека или коллектива при понимании или интерпретации текста или того, что может трактоваться как текст» [Богин, 2011, с. 4]. А понимание текста – это не «акт зеркально точного переотражения информации из головы автора в голову понимающего текст человека, а момент предметно-практического отношения субъекта к объекту» [Богин, 2011, с. 5]. Исследователь рассматривает следующие типы понимания в рамках герменевтической таксономии: семантизирующее, когнитивное, смысловое. Семантика отвечает за смысловое значение языковых единиц – слов, когнитивистика исследует проблемы соотношения языка и сознания, и смысловое, так называемое, самоназвание, – познание заложенного автором смысла. В процессе интерпретации художественного текста возможны различные комбинации типов понимания, однако только сочетание всех трех уровней, по мнению Г. Богина, «может привести к полному раскрытию смыслов художественного произведения, пренебрежение же одним из типов понимания разрушительно для всех позиций герменевтической деятельности» [Богин, 2011, с. 32-33].

Еще одной сложностью перевода художественного произведения является жанровое своеобразие (проза, поэзия, фольклор), так как в них заключена взаимосвязь информационного и эстетического воздействия. В таких текстах особое значение приобретает форма изложения, и упрощение одной из задач воздействия означает трансформацию заложенной автором идеи с частичной или полной потерей индивидуальности текста, эстетической ценности, эмоционально-экспрессивного воздействия. То есть, главная задача переводчика – точно передать художественно-эстетическую ценность оригинала и при этом создать полноценный художественный текст на языке перевода. Учитывая, что художественное произведение несет в себе часть определенной эпохи и культуры, задачей истинного понимания не является самотрансплантация переводчика в дух определенного временного пространства.

Проблемы художественного перевода и пути их решения рассматривались и известным специалистом в теории перевода и методике обучения переводчиков В.

Комиссаровым. В своей книге «Современное переводоведение» он выделяет несколько главных аспектов, на которые должен обращать внимание переводчик художественного текста. По мнению ученого, «лингвистическим препятствием, которое вынужден преодолевать переводчик, является то обстоятельство, что каждый язык по-своему членит действительность, создавая своеобразную языковую картину мира» [Комиссаров, 2002, с. 19].

Возникает и еще одна трудность при переводе текстов. Заключается она в том, что в тексте оригинала могут употребляться или описываться такие явления и речевые структуры (например, диалекты или крылатые высказывания), которые отсутствуют в культуре реципиента перевода или при дословном понимании теряющие «соль высказывания». Например, назовем некоторые идиомы, взятые из текстов разных писателей и разговорной речи. Чем занималась помещица Ларина, когда она, по словам Пушкина, «брила лбы»? Как должен понимать англичанин вопрос «третьим будешь»? Что такое английское «Aunt Sally»? Как выглядят «marshes»? Какой вкус у «brown Betty»? Во всех подобных случаях переводчик «должен не только быть знакомым с фактами чужой культуры, но и уметь воспроизводить их в переводе, позаботиться о том, чтобы сделать их понятными читателям перевода» [Комиссаров, 2002, с. 20].

Рождается вполне логичный вопрос: каким же должен быть хороший перевод? Так, французский гуманист, поэт и переводчик Э. Доле считал, что переводчик должен соблюдать следующие пять основных принципов перевода:

- 1) в совершенстве понимать содержание и намерение автора переводимого текста;
- 2) безукоризненно владеть языком, с которого он переводит, и столь же превосходно знать язык, на который переводит;
- 3) избегать тенденции переводить слово в слово, ибо это исказило бы содержание оригинала и погубило бы красоту его формы;
- 4) использовать в переводе общеупотребительные формы речи;
- 5) правильно выбирая и располагая слова, суметь передать общее впечатление, производимое оригиналом в соответствующей «тональности» [Комиссаров, 2002, с. 25].

Еще в 1790 г. в книге англичанина А. Тайтлера «Принципы перевода» основные требования к переводу были сформулированы следующим образом: 1) перевод должен полностью передавать идеи оригинала; 2) стиль и манера изложения перевода должны быть такими же, как в оригинале; 3) перевод должен читаться так же легко, как и оригинальные произведения [Паршин, 1999, с. 4].

Английский исследователь Т. Сэвори попытался свести воедино основные требования, предъявляемые к художественному переводу, и получил список

взаимоисключающих принципов:

1. Перевод должен передавать слова оригинала.
2. Перевод должен передавать мысли оригинала.
3. Перевод должен читаться, как оригинал.
4. Перевод должен читаться, как перевод.
5. Перевод должен отражать стиль оригинала.
6. Перевод должен отражать стиль переводчика.
7. Перевод должен читаться, как произведение, современное оригиналу.
8. Перевод должен читаться, как произведение, современное переводчику.
9. Перевод может допускать добавления и опущения.
10. Перевод не должен допускать добавлений и опущений.
11. Перевод стихов должен осуществляться в прозе.
12. Перевод стихов должен осуществляться в стихотворной форме [Паршин, 1999, 96].

Как видим, в списке затрагивается вопрос перевода не только прозы, но и поэзии, в отношении которой автор подчеркивает возможность интерпретации, как в стихотворной, так и в прозаической формах.

Прибегая к классификации видов переводов (выделяемых по признаку характера и качества соответствия текста перевода тексту оригинала) А. Паршина, можно выделить следующие:

- 1) вольный (свободный) перевод (перевод, воспроизводящий основную информацию оригинала с возможными отклонениями – добавлениями, пропусками и т.п.);
- 2) интерпретация (вид перевода, основанный на обращении к внеязыковой деятельности, в отличие от собственно перевода, осуществляемого по заданным правилам перехода от средств выражения, принадлежащих одной языковой системе, к средствам выражения, принадлежащим другой языковой системе);
- 3) адекватный перевод (перевод, соответствующий оригиналу и выражающий те же коммуникативные установки, что и оригинал);
- 4) точный (правильный) перевод (перевод, характеризующийся свойством семантической точности, т.е. семантически полно и правильно передающий план содержания оригинала [Паршин, 1999, с. 10-11].

По мнению И. Самохиной, в процессе переводческой деятельности возникает проблема буквального («word-for-word»), вольного («sense-for-sense») и верного («faithful») переводов [Самохина, 2012, с. 5]. Под «буквальным» понимается перевод, воспроизводящий коммуникативно-нерелевантные элементы оригинала, в результате чего

либо нарушаются нормы языка перевода, либо оказывается искаженным (или не переданным) действительное содержание оригинала. Вольный перевод – это перевод, выполненный на более низком уровне эквивалентности, чем тот, которого можно было бы достичь при данных условиях переводческого акта, то есть недостаточно точный, слишком «вольный» [Самохина, 2012, с. 114]. В таком случае переводчик вправе самостоятельно выбирать, какой из видов перевода наиболее уместен в каком-либо конкретном случае, и связывать их между собой для достижения наиболее адекватного текста.

Что же касается перевода стихов, то здесь возможны многие варианты: от прозаического пересказа оригинального текста на другом языке до написания нового произведения по мотивам прототипа с элементами унаследования либо парафразы.

Художественный перевод поэтических текстов разделяют на:

– прозаический – самый простой способ, базирующийся на максимальном приближении перевода к оригиналу с передачей идеи и эстетической ценности произведения;

– поэтический – перевод, максимально приближен к лексике оригинала и содержащий стихотворную форму, но не несущий в себе рифму, иначе говоря «белый стих»;

– стихотворный (эквиритмичный) – перевод с соблюдением смысла, стиля, формы и красоты оригинала, но не всегда сохраняющий дословность.

В качестве практической реализации всего вышеизложенного предлагаем рассмотреть варианты перевода известного английского фольклорного стихотворения «This is the house that Jack built».

Самым популярным и широко известным переводом является вариант С. Маршака. Так же существует перевод Г. Березнева и С. Лузана. Эти переводы, на первый взгляд, похожи между собой, но, вместе с тем, абсолютно разные как по форме написания, так и по толкованию слов.

Разница видна уже в самом переводе названия стихотворения. С. Маршак и С. Лузан используют одинаковую формулировку «Вот дом, который построил Джек», тогда как Г. Березнев предлагает более близкий к оригиналу вариант «Вот дом, который Джек построил». Из дальнейшего сравнительного анализа можно сделать вывод, что Маршак не все слова переводит дословно, видоизменяя или заменяя некоторые из них, что частично искажает и смысл стихотворения.

Так, например, он зерно неизвестного растения заменяет пшеницей, молодую служанку – седой и строгой старушкой, молодого мужика в лохмотьях – на ленивого и

толстого пастуха. И если подобные изменения не ведут к существенному искажению сути, вызванные, скорее, стилистической потребностью, то такие модификации, как, например, замена крысы на птичку-синичку существенно меняет своеобразность целой фразы. Стоит ли говорить, что два куплета Маршак и вовсе выкидывает!

Составив сравнительную таблицу, наглядно можно убедиться в столь существенных отличиях всех трех вариантов перевода.

Таблица 1

Компаративный анализ оригинала стихотворения и русскоязычных вариаций перевода

(здесь и ниже курсив мой – Г. В.)

Оригинал	Пер. Г. Березнева	Пер. С. Лузана	Пер. С. Маршака
This is the malt That lay in the house that Jack built	Вот зерно , что Джек у печки пристроил, в доме, который сам и построил.	А вот зерно , и в доме том хранилось оно, который построил Джек.	А это пшеница , которая в темном чулане хранится, в доме, который построил Джек.
This is the rat , That ate the malt...	Вот наглый крыс , который усвоил	А вот и крыса , что ела зерно	А это веселая птица– синица , которая часто ворует пшеницу
This is the cat, That killed the rat ,...	Вот кот, что надзор за крысом устроил, ...	А вот и кот, загрызший крысу , ...	Вот кот, который пугает и ловит синицу , ...
This is the dog, That worried the cat,...	Вот пес, который кота беспокоил , ...	А вот и пес, что тревожил кота, ...	Вот пес без хвоста , который за шиворот треплет кота, ...
This is the cow with the crumpled horn , That tossed the dog,...	Вот корова, её свой же рог расстроил , и она пнула пса, ...	А вот и корова с рогом кривым , сильно боднувшая пса под дых , ...	А это корова безрогая , лягнувшая старого пса без хвоста, ...
This is the maiden all forlorn , That milked the cow with the crumpled horn,...	Вот девчонка , которую Джек устроил доить корову, ...	А вот и служанка (смирненного норова) , что по утрам доит корову, ...	А это старушка седая и строгая , которая доит корову ...
This is the man all tattered and torn , That kissed the maiden all forlorn ...	Вот парень в драных штанах , что девочку побеспокоил , ...	А вот и парень в лохмотьях–отрепьях , что целует жадно , будто ест третье , ...	А это ленивый и толстый пастух , который бранится с коровницей строгою , ...
This is the priest all shaven and shorn , That married the man ...	Вот бритый пастор , что свадьбу благоустроил парнишки и девочки , ...	А вот и пастор , что весь подстрижен и брит , что венчал парня , ...	–
This is the cock that crowed in the morn , That waked the priest all shaven and shorn ...	Вот петух , который утром настроил бритого пастора, ...	А вот и петух , кукарекнувший утром , что будил пастора, ...	Вот два петуха , которые будят того пастуха, ...
This is the farmers owing his corn ,	А вот Крестьянин , что все это устроил ,	А вот и крестьянин , что сеял зерно и	–

That kept the cock ...	поскольку держал петуха, ...	владел петухом, ...	
-------------------------------	--	----------------------------	--

Проанализировав варианты переводов, можно сделать следующие выводы. Перевод С. Маршака следует отнести к стихотворному переводу, так как автор не только сохраняет сюжет, но и преобразовывает его в более подходяемый вариант детской литературы, к которой относится оригинал. Тогда как интерпретацию Г. Березнева можно с уверенностью отнести к поэтической, а прочтение С. Лузана – к прозаической категории. Сделать такой вывод позволяет форма представления перевода.

Таблица 2

Сравнение стилистики переводов Г. Березнева и С. Лузана

(курсив мой – Г. В)

Вот дом, который Джек построил. Вот зерно, что Джек у печки пристроил, В доме, который сам и построил. Вот наглый Крыс, который усвоил, Что Джек ячмень у печки пристроил, В доме, который сам и построил. (...) Г. Березнев	Вот дом, который построил Джек. А вот – зерно, и в доме том хранилось оно, который построил Джек. А вот и крыса, что ела зерно, и в доме том хранилось оно, который построил Джек. (...) С. Лузан
---	---

Таким образом, на основе проведенного исследования можно наглядно продемонстрировать, насколько сложной и многогранной является переводческое искусство перевода. Каждый из вариантов перевода имеет свои плюсы и минусы, каждый имеет право на существование. Все зависит от знания и опыта переводчика, его стиля и цели, умения читать между строк и интерпретировать текст как единое целое.

Список литературы:

Богин Г.И. Обретение способности понимать: Введение в филологическую герменевтику [Электронный ресурс] / Г.И. Богин. – 2001. – Режим доступа – http://www.bim-bad.ru/docs/bogin_ponimaniye.pdf

Комиссаров В.Н. Современное переводоведение.: учебное пособие [Электронный ресурс] / В.Н. Комиссаров. – 2002. – Режим доступа – <http://library.durov.com/Komissarov-089.htm>

Насанбаева Э.Р. Герменевтический «круг» модальности в художественном переводе (на материале произведений Т. Драйзера и русскоязычных версий их перевода): автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. фил. наук: 10.02.20 / Э.Р.Насанбаева; Уфа, 2013. 24 с.

Паршин А. Теория и практика перевода /А.Паршин. СПб: СГУ, 1999. 202 с.

Самохина И.А. Интерпретационный потенциал культурно–исторических реалий в разных видах перевода художественного текста: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. фил. наук: 10.02.20 / И.А. Самохина; Тверь: Тверской государственный университет, 2012. 18 с.

Цурганова Е.А. Герменевтика – наука о смысле текста / Е.А. Цурганова// Вестник Российской Академии Наук, 1994. Том 64: № 12. с.1095–1099.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА В ПЕРЕВОДАХ

RUSSIAN LITERATURE IN TRANSLATION

В настоящее время перевод художественного произведения имеет большое значение в литературном процессе. В европейской культурной традиции появляется все больше имен иностранных авторов, все больше растет потребность в переводах. Мы наблюдаем эпоху многоязычия, диалога поколений. Одной из основных функций перевода является налаживание связи между народами, эпохами и пространствами, и потому очень важна его правильность и точность. Задачей переводчика является методичный и вдумчивый анализ текста, что невозможно без знания грамматических, стилистических, семантических особенностей языка-источника и характерной для него идиоматики. Немаловажны также культурный аспект, четкое определение цели и налаживание коммуникации между автором текста и его иностранным адресатом. В процессе перевода участвуют автор текста, адресат текста и переводчик, и все они тесно связаны между собой.

Nowadays the translation artistic work will matter greatly very much in a literary field of art. Our european culture, and also global is becoming more and more opened to strange literatures and the works of foreign authors. One «s bloom is surviving the dialogue of multilingual generations. Translation is a kind of communication between two dissimilar nations, which is why it becomes important that proper and accurate transfer of the translated text . The basic functions of translating is included brokering between nations, eras and spaces. The task of the interpreter is insightful , deliberate and methodical interpret and analyze the source text . This should not be carried out without knowledge of the source text, it features grammatical , stylistic, semantic , and the typical language-specific idioms, syntax.

An important element is the culture of the society who uses a particular language. It is also important concept of purpose and direction of communication between the author of the source text and its subsequent recipient. The final stage of translating has three interconnected participants: songwriter , translator and recipient / recipients of the translated text into the target language .

Ключевые слова: художественная литература, анализ текста, культурный аспект, идиоматика.

Key words: fiction literature, text analysis, cultural aspect, idiomatic.

В настоящее время перевод играет огромную роль в литературном творчестве. В европейской культурной традиции появляется все больше имен иностранных авторов, все больше растет потребность в переводах. Мы наблюдаем эпоху многоязычия, диалога поколений. Перевод текста с языка А на язык Б – это процесс, целью которого является замена языкового материала источника на языковой материал другого языка без искажения смысла и стилистики. Вне зависимости от того, какой перевод перед нами –

устный или письменный, сам процесс перевода можно разделить на два этапа: декодирование текста-источника и кодирование его смысла в переведенном тексте. Чтобы облегчить процесс понимания, переводчику необходимо разбить текст на элементы. Элементом перевода может быть отдельное слово, выражение или предложение. Задачей переводчика на первом этапе является тщательное толкование и вдумчивый анализ текста источника, что невозможно без понимания грамматических, семантических средств языка, а также знания его идиоматики. Кроме того, переводчик должен понимать исходную задачу автора текста чтобы обеспечить правильную коммуникацию между источником и его иностранным адресатом. В процессе перевода участвуют автор текста, адресат текста и переводчик, который выступает посредником между ними⁴⁷.

Одной из основных функций перевода является налаживание связи между народами, эпохами и пространствами. Перевод является способом коммуникации для двух совершенно разных наций, поэтому так важно, чтобы текст был переведен правильно и точно. Кроме того перевод можно также назвать своего рода «литературным высказыванием», которое строится на основе работы другого автора. Для автора и того, кто прочтет его текст в оригинале литературный язык – один. Переводчик в меру своих сил ищет возможность использования двух языков таким образом, чтобы обеспечить понимание иностранным читателем языка автора. При этом в каждом переводе он должен сохранить свою аутентичность и анонимность. Помимо этого переводчик обязан в своей работе опираться на этические принципы: уважать автора, быть сдержанным в языке и стиле, соблюдать общепринятые нормы в технике перевода⁴⁸.

С течением времени все больше растет потребность в исторической перспективе художественного перевода, потому как большое количество этапов в развитии литературы все еще остается неисследованным либо проанализировано фрагментарно. Все время ведутся споры о том, как такая история может выглядеть: просто как хронология переводов, то есть что и когда было переведено, или же она должна содержать субъективную оценку качества данных переводов, для того чтобы показать историю развития переводческой мысли. Такое обилие вопросов на начальном этапе развития науки о переводе показывает, насколько важным является осмысление исторического контекста в данном аспекте.

Наука о переводе часто имеет неравномерный характер, особенно когда нарушаются пропорции между составляющими самого перевода. Это проявляется,

⁴⁷ Pollak S., *Przekład artystyczny: O sztuce tłumaczenia*, księga druga, Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1975

⁴⁸ Lipiński K., *Mity przekładoznawstwa*, Egis

например, в том, что до сих пор в переводе отсутствует критика, а также не до конца осознается роль средств массовой информации и места, занимаемого переводом в литературном процессе. Случается, что читатели воспринимают текст неверно, это связано с недостатками критики, которые, в свою очередь, берут начало в слабости самой теории. Выступает определенная взаимосвязь – чем ниже качество перевода, тем меньше требований к нему предъявляют критики и читатели. Критики интересуются качеством перевода в двух случаях. Первый – когда история перевода рассматривается в отношении к истории литературы. Второй – когда исчезают основания для научного и критического анализа, то есть стирается индивидуальность литературы, она перестает быть переведенной и становится литературой вообще. До сих пор не существует единой методики для анализа переводов, отсюда – отсутствие профессиональной критики переводов, а также её лингвистической и литературоведческой функций.

В работах, касающихся истории перевода, необходимо обратить внимание на общие явления. Это связано с тем, что исторические аспекты перевода находятся в тесной связи с проблемами критики и теории перевода. Создание истории перевода в соответствии с существующими наработками науки о переводе становится методологической, а не теоретической проблемой, как это было раньше. История перевода должна обладать исчерпывающим и адекватным образом реальности. История перевода становится основой для теории перевода. Если исследование истории перевода будет соответствовать его назначению, то можно говорить о тесной связи с проблемами теории перевода. Необходимым навыком является способность устанавливать связь теории, критики и истории, чтобы увидеть и осмыслить место перевода в национальной и в мировой литературе. Появление компетентных критиков и читателей возможно только в том случае, если будут существовать качественные разработки в истории перевода. Это также позволит расширить горизонты философии.

Историей перевода занимаются социологи и историки литературы, размышления о переводах также присутствуют в литературном анализе. Таким образом, если историю перевода вписать в общий историко-культурный контекст, мы получим более широкий спектр значений. Много нерешенных методологических проблем не позволяют исследователям гармонично объединить все составляющие истории перевода. Стоит обратить внимание на два аспекта научного анализа исторической культуры перевода.

Огромное количество исследований посвящено переводам конкретных авторов и произведений. Из-за литературоведческой направленности данных исследований редко анализируется непосредственно перевод. Эти работы содержат самые общие вопросы в истории перевода и его периодизации. История перевода многогранна: хоть это и

отдельное независимое поле для исследований, неразрывно связано с исторической наукой в других областях, в том числе литературе и социологии. История перевода это прежде всего переведенные тексты и размышления вокруг переводческой деятельности. Размытые формулировки в таких размышлениях могут привести к появлению теоретических проблем. Теоретический аспект так же важен в истории перевода: хоть он и не связан с временными категориями, без него невозможно создание научной базы в истории перевода. Наряду с теоретическими данными, присутствуют также аспекты, связанные со временем: рецептивный, эволюционный и историко-культурный. Вышеуказанные аспекты тесно связаны между собой. Благодаря теоретическому аспекту, возможно ввести в исторический контекст фигуру переводчика, а также описать процесс перевода при помощи метаязыка, который характеризуется последовательностью и единообразием. Однородность такого метаязыка позволяет связать все аспекты воедино и создать универсальную историю. Переводчик, его методы перевода, традиция и сам переводческий процесс, неразрывно связанный с историей и культурой, формируют историю перевода как науку⁴⁹.

Роман Якобсон в 1959 году в своем тексте «On linguistic aspects of translation» выделил три типа перевода. Первый тип – внутриязыковой, то есть передача вербальных знаков другими знаками того же языка. В основном это интерпретация символов в пределах одного языка. Основная идея заключается в замене конкретного выражения другим, обычно синонимом. В случае, если такого слова не существует, то предпринимается попытка более распространенного, образного описания. Второй тип перевода – межъязыковой, передача вербальных знаков средствами другого языка. В этом случае используется метод, основанный на переводе, однако конкретным словам и выражениям не придается особого значения. Такой перевод охватывает большие по размеру тексты. Последним типом перевода является интерсемиотический перевод или трансмутация-передача вербальных знаков средствами невербальных знаковых систем⁵⁰.

Несмотря на то, что в настоящее время наибольшую ценность представляет английский язык, на котором говорит большая часть населения нашей планеты, русский язык и русская литература не теряют актуальности и постоянно открываются заново. Богатство русской литературы без сомнения можем оценить мы, поляки, благодаря, с одной стороны, географическому соседству, с другой стороны, схожим культурно-языковым кодам. Сегодня у нас есть прекрасная возможность обращаться к накопленному за несколько поколений польских переводчиков русскому литературному наследию.

⁴⁹ Pisarska A., Tomaszewicz T., *Współczesne tendencje przekładowe*, Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza

⁵⁰ Warmuzińska-Rogóż J., *Przekładoznastwo*

Первенство здесь принадлежит таким литературным классикам, как Александр Пушкин, Николай Гоголь, Лев Толстой, Федор Достоевский, Иван Тургенев, Антон Чехов, Иван Бунин, Михаил Булгаков, Борис Пастернак, Александр Солженицын, Василий Шукшин и другим известным писателям девятнадцатого и двадцатого веков. Также активно переводились публицистические тексты, научные и научно-популярные работы, что способствовало появлению обширной по тем временам двуязычной библиотеки, охватывающей тысячи литературных произведений. Искусство перевода с русского языка требует немалых усилий, так как часто в нем встречаются труднопереводимые выражения и грамматические конструкции, которые часто вызвали сложности даже у самых известных мастеров перевода. Наиболее трудным является перевод языковых единиц, которые содержат названия реалий материальной и духовной культуры россиян, а также многозначные идиомы. Работая над текстами, переводчики русской литературы пользуются лексикографическими источниками, главным образом русско-польскими словарями. Поэтому переводчик вынужден более глубоко и подробно анализировать существующие в языковой реальности выражения, в отличие от лексикографа, целью которого является лишь ознакомление с содержанием словаря. Результатом такого пристального внимания переводчика к тексту является отыскивание в нем слов, которые еще не были внесены в русско-польские словари и могут быть только в одноязычных словарях. Переводчик вступает в непосредственный контакт с устойчивыми выражениями, выступающими в различных лексических и синтаксических контекстах. В этом сложность переводческой деятельности и превосходство переводчика, так как автор двуязычного словаря в момент его создания мог не помнить или не знать контекстов в отдельных словарных конструкциях. Качественный перевод характеризуется достойным представлением орфографического, грамматического и лексикологического материала⁵¹.

Красоту и уникальность перевода с русского языка на славянские языки, к группе которых относится польский, показывают переводы фольклора, а именно русских сказок. Распространением культа «русских народных сказок» на польской земле занимался известный знаток прозы *Ромуальд Подберезский*⁵². Годы его наибольшей активности в переводе русских сказок – это 40-ые года девятнадцатого века. Первый сборник русских сказок в переводе на польский язык вышел в свет во Львове в 1866 г. Автором перевода был Садок Баронч, польский армянин, доминиканский монах, галицийский историк и архивист. Русская сказка – это народное произведение, где нельзя усмотреть приметы

⁵¹ Wawrzyńczyk J., *Rosyjsko- polskie relacje przekładowe w praktyce leksykograficznej i w dziełach tłumaczy*, Uniwersytet Warszawski Katedra Lingwistyki Formalnej, Warszawa 1997, s. 5-16.

⁵² Rzepnikowska I., *Specyfika tłumaczenia tekstów folklorystycznych. Na materiale polskich przekładów rosyjskiej bajki magicznej*, Wydawnictwo Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, Toruń 1997, s. 5.

времени, в котором жил автор, однако в ней есть сюжетные временные показатели. Время в народной сказке организовано в рамках поэтики фантастического произведения и басни⁵³.

После Второй мировой войны наиболее часто переводимыми были адаптированные тексты в обработке фольклористов, а также знаменитых русских писателей, таких как Алексей Толстой и Ирина Карнаухова. В послевоенные годы популярностью пользовались тексты волшебных сказок. Гораздо реже переводились бытовые сказки и сказки о животных. Волшебную сказку можно определить как «искусное произведение, характеризующееся богатым словесным орнаментом»⁵⁴. Людовик Фляшен, польский театральный критик, писатель, эссеист, театровед и режиссер, в 1962 году опубликовал том «Русских сказок», в который включил переводы записей Александра Афанасьева. В своей книге Фляшен сосредоточился на нескольких видах сказочной прозы, в том числе бытовых сказках, которых в сборнике больше всего⁵⁵. Семидесятые и восьмидесятые года – это период дальнейшей популяризации русских сказок в польском обществе. Александр Барщевский, автор сборника сказочной прозы под названием «Mocarnczarodzieje», также подчеркивает богатство этого жанра в литературном наследии россиян. Сборник Барщевского включает в себя главным образом бытовые, волшебные и героические сказки, взятые из собраний традиционных текстов, а также одну современную сказку⁵⁶. Джоанна Миецугов, автор сборника мультфильмов под названием «Czarodziejskiebaśnie», использует в переводе материал фантастических сказок, что является своего рода новостью в переводе русского фольклора. Стоит отметить, что в сфере перевода русских сказок самыми опытными являются именно польские переводчики. Народная сказка принадлежит к тем фольклорным жанрам, которые переводятся чаще всего, так как она является одним из видов художественной прозы, где в полной мере представлено языковое и стилистическое богатство. Дополнительное преимущество сказки – это то, что она берет свое начало в народных обычаях и многочисленных традициях локальной культуры. Кроме того, сказка чудесным образом объединяет различные расы, обычаи, народности и страны, она является своего рода универсальным жанром, легко читаемым на любом языке⁵⁷.

Перевод текстов с первичного (оригинального) языка на вторичный – это процесс долгосрочный, требующий огромных усилий и знаний, и, что самое важное,

⁵³ Rzepnikowska I., *Specyfika...*, s.13.

⁵⁴ Rzepnikowska I., *Specyfika...*, s.8.

⁵⁵ *Tamże*, s. 6-8.

⁵⁶ *Tamże*, s. 10.

⁵⁷ *Tamże*, s.12.

индивидуального вовлечения со стороны переводчика. Что понимается под индивидуальной вовлеченностью? Это вовсе не означает, что переводчик интерпретирует текст, как хочет, но переводит его в соответствии со значением и главной идеей текста, используя элементы и методы, которые характеризуют именно этого переводчика. Следует учитывать также лексикографические, грамматические и стилистические аспекты, чтобы не потерять первичного смысла текста. Автор перевода должен тщательно анализировать оригинальный текст, чтобы в переводе суметь передать первоначальную мысль автора. Лишь перевод, сделанный с уважением к художественным ценностям авторского языка и с сохранением всех грамматических и лексикографических аспектов, характерных только для данной культуры, возымеет действие над будущими адресатами и сможет им понравиться. Необходимо, чтобы появлялись новые переводы уже известных текстов, а не только использовались самые популярные из них. Это придаст свежесть текстам, которые насчитывают сотни лет, и наделит их новыми значениями. Ведь текст – не что иное, как сокровищница знаний и художественного мастерства, которые смогут остаться в веках лишь в том случае, если будут передаваться от человека к человеку, от народа к народу.

Список литературы:

Rzepnikowska I., Specyfika tłumaczenia tekstów folklorystycznych. Na materiale polskich przekładów rosyjskiej bajki magicznej, Wydawnictwo Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, Toruń 1997.

Wawrzyńczyk J., Rosyjsko– polskie relacje przekładowe w praktyce leksykograficznej i w dziełach tłumaczy, Uniwersytet Warszawski– Katedra Lingwistyki Formalnej, Warszawa 1997.

Legeżyńska A., Tłumacz i jego kompetencje autorskie, Wydawnictwo Naukowe PWN, Warszawa 1999.

Sujkowska– Siniawska T., Adekwatność funkcjonalna przekładu a sygnały meta komunikacyjne na materiale przekładów prozy rosyjskiej XX wieku na język polski, Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, Gdańsk 2008.

Drawicz A. (red.), Antologia wolnej literatury rosyjskiej, Polska Akademia Nauk– Instytut Sławistyki, Warszawa 1992.

Pollak S., Przekład artystyczny: O sztuce tłumaczenia, księga druga, Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1975

Lipiński K., Mity przekładoznawstwa, Egis

Pisarska A., Tomaszewicz T., Współczesne tendencje przekładoznawcze, Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza

Warmuzińska-Rogóż J., Przekładoznawstwo

СЕТЕВОЙ СЛЕНГ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ СЕГМЕНТАХ ИНТЕРНЕТА

NETWORK SLANG IN CHINESE AND RUSSIAN SEGMENTS OF THE INTERNET

Интернет-сленг широко используется не только на китайском, но и на русском языке, особенно часто его использует молодёжь. В общении с людьми интернет-сленг представляет собой модный и простой вариант общения, чтобы людям было интереснее и удобнее контактировать. Исследование интернет-сленга является актуальной проблемой в сфере языкознания не только в Китае, но и в России. Начинается оно со сбора и обработки отдельных слов и символов, затем выходит на уровень исследования словосочетаний и стилистики. Кроме того, для анализа интернет-сленга необходимо привлекать знания, полученные в области социологии, психологии, техники, культуры и других сфер.

Internet slang is widely used not only in China but also in Russian, most often it is used by young people. In dealing with people online Slang is a fashionable and easiest option to communicate to the people it was more interesting and easier to contact. Investigation of Internet slang is an urgent problem in the field of linguistics, not only in China but also in Russia. It begins with the collection and processing of individual words and characters, then goes on to study the level of phrases and style. In addition, analysis of Internet slang is necessary to attract the knowledge gained in the field of sociology, psychology, technology, culture and other spheres.

Ключевые слова: сленг, интернет, общение, язык интернета

Keywords: slang, internet, communion, language of the Internet

По мере развития общества и постоянно меняющихся сетевых технологий интернет стал неотъемлемой частью жизни. Развитие общества, прогресс науки и техники привели к тому, что языки мира также претерпели изменения в определённой степени. И к тому же появилось совершенно новое языковое явление, называемое сетевым сленгом, которое можно считать новорождённым в ряду мировых языков. Сленг сразу привлёк широкое внимание благодаря своей оппозиции по отношению к традиционному языку, поэтому в последние годы исследования в области сетевого сленга приобрели важное значение.

Языковая культура Китая и России имеет глубокие корни, поэтому и в сленге имеется много сходств, но вместе с тем существует и много различий. Сегодня, когда общение в интернете с каждым днём становится всё оживлённее, русистам необходимо знать, каким образом можно избежать барьеров во время сетевого общения, как можно понять идеи, психологию и социальную культуру России. Использование сетевых ресурсов для эффективного изучения языка сегодня стало актуальным вопросом.

Сетевой сленг – это сленг, используемый при общении через компьютерные сети, в первую очередь через самую большую из них – Интернет. По мнению китайского автора Юй Генюана: «сетевой язык – это сетевые термины» [Юй, 2008, с. 11]. Сетевой язык включает в себя компьютерные термины и термины, описывающие компьютерные сети, аудиторию для общения, эмоциональные знаки, стиль языка и т. д.

В настоящее время учёные разделяют сетевой язык на две категории, то есть сетевой язык в широком значении и в узком.

В сетевой язык в широком смысле входят три части:

1. Технические термины

а) компьютерные детали: например, жесткий диск, материнская плата, звуковая карта, видеокарта и ускоритель, мышь, графика

б) компьютерные аксессуары: например принтер, мультимедиа, видеоигры, цифровые фотоаппараты;

в) компьютерные операции: например вырезать, вставлять, рисовать, настройка и сканирование.

г) сетевые детали: например, модем, кабель, шнур, оптическое волокно, роутер.

д) сетевые операции: например, поиск, просмотр, скачивание и т. д.

2. Сетевые культурные термины, например, паук, интернет-бар, хакер, совершать покупку в интернете, сетевые игры, сетевая коммуникация и т. д.

3. Словосочетания или знаки, используемые паукам в социальных сетях, например,

土豪：通常指缺乏理性消费的人。 – богатый, но необразованный человек;

чайник – человек, не владеющий компьютером;

= =: минуту (稍等);

мама – розетка;

88 – до свидания (再见);

СПС – спасибо.

Сетевой язык в узком смысле представляет собой сетевой сленг, который не только имеет свой собственный стиль, но и постоянно изменяется, дополняется. Именно благодаря существованию сетевого сленга сетевой язык становится совершенно новым социально–культурным явлением, привлекающим внимание учёных.

Сленг отличается не только от сетевого технического языка, но и от сетевого культурного языка. Сетевой сленг специально используется в болтавне и в свободном выражении мнения и эмоций.

Русский сетевой сленг – это сетевой сленг, ставший модным в русской сети в конце 20–ого – начале 21-ого веков, он очень отличается от грамматических и фонетических правил традиционного русского языка. Такой сленг широко используется молодыми людьми на форумах, в социальных сетях и блогах. Как правило, вопросы и ответы, которые можно встретить на этих сетевых платформах, имеют определенную форму, характерную для сленга, и отличаются трудностью понимания для тех, кто не владеет азами интернет-общения.

Состав китайского и русского сетевого сленга в основном одинаков, кроме некоторых слов, на пример “给力” (супер) , “蛋定” (успокоиться) и д.т., в том числе и цифры, буквы, символы и д.т, например, «687» (извините), «584» (я клянусь), «4ё» (что), «<3» (любовь). Эти цифры и символы являются важными составными частями для сленга. Они используются для демонстрации своих чувств и обмена эмоциями, также они обладают образностью и наглядностью.

Как новейшему языковому явлению, сетевому жаргону уделяется внимание многими учёными. Сетевой сленг связан как с сетевой техникой, так и с сетевой экономико–культурной обстановкой. В этой связи можно выделить несколько важных свойств, характерных для сленга.

1. Сетевой сленг представляет собой модную речь, характеризующуюся своевременностью и спонтанностью.

2. Сетевой сленг содержит в себе большое количество неологизмов, более того, сам является плодотворной почвой для рождения неологизмов [Цуй, 2008, с. 39].

3. Сетевой сленг – это социолект (социальный диалект), который используется в особой социальной группе [Лю, 2010, с. 56].

Автор согласен с тем, что сетевой сленг – это один из социальных диалектов. Социальный диалект представляет собой вариационное явление языка, характерное для разного возраста, пола, социального статуса, людей разных профессий. Социальный диалект включает в себя профессиональную лексику (профессионализмы) и жаргон. Профессиональная лексика используется в речи людей, объединенных общей профессией. Примером профессиональной лексики в сетевом жаргоне могут служить слова: «модем», «кабель» и т. д. Эти термины необходимы для успешной коммуникации в IT–отрасли. А жаргон – это речь какой–либо социальной или иной объединённой общими интересами группы, содержащая много отличных от общего языка, в том числе искусственных, иногда условных слов и выражений, отражающих вкусы и потребности данной группы. Мы полагаем, что свойства жаргона более приближены к свойствам аргю. Тот, кто хорошо знает сеть, предпочитает использовать аргю.

Русский жаргон (сленг) впервые появился на сайте «ЖЖ» (блог платформа). Дмитрий Соколовский и его последователи на своих независимых сайтах «fustr.ru» и «udaff.ru», собирая разнообразные нетрадиционные тексты и символы, произвольно реформировали русскую лексику. Собранный лексика отличалась удобством в коммуникации, жизнеспособностью и заразительностью, благодаря чему она быстро была принята интернет-сообществом и распространилась в рунете. На сегодняшний день войдя в любую социальную сеть и общаясь там с друзьями, следует использовать «новояз» (new speak). Одной фразой «Хай, как оно?» сразу можно показать свою принадлежность к группе – «свой человек».

Сетевой сленг родился в эпоху стремительного развития сетевых научных технологий, он считается особым языком, используемым пауками в сетевом вымышленном пространстве. Такой язык отличается новым, творческим способом мышления и выражения мысли, в котором воплощается индивидуальность паука. Таким образом, автор полагает, что сетевой сленг представляет собой особый социальной диалект.

Существует целый ряд причин, повлиявших на появление сетевого сленга.

Язык является одним из социальных явлений, поэтому он тесно связан с развитием общества.

На возникновение сетевого сленга в первую очередь повлиял прогресс сетевой техники. Прогресс научной техники является материальной основой для возникновения сленга. Кроме того, возникновение сетевого сленга оказалось возможным благодаря творческой инициативе молодых пауков. Новая сетевая лексика соответствует вкусу молодёжи. В целом возникновение сетевого сленга является ответом на общественный запрос для реализации общения в новом сетевом пространстве, что соответствует современному этапу исторического развития.

В социальном смысле сетевой сленг обогащает и развивает традиционный язык, учитывая технический и социальный прогресс.

Список литературы:

Беликов В. И. Социоллингвистика. Учебник / В. И. Беликов, Л. П. Крысин. Москва: РГГУ, 2001. 440 с.

Ваулина Е. Ю. Информатика. Толковый словарь / Е. Ю. Ваулина. М.: ЭКСМО, 2005. 480с.

Долженко П.С. Лексические особенности языка интернет-общения // Магистр. Научный студенческий альманах. Ставрополь, 2010.

Ли Л. Характер и свойства сетевых слов / Л. Ли. М., 2005. 311 с.

Лю Х. Сетевой язык / Х. Лю. Иркутск, 2010. 202 с.

Непомнящий Э. Русский язык, Россия и Интернет // Русский язык за рубежом. 2001. №2.

Сидорова М. Ю. Интернет–лингвистика: вымышленные языки / М. Ю. Сидорова, Шувалова О. Н. М.: 1989,ру, 2006. 185 с.

Сун Ч. Китайская лексика / Ч. Сун. М.,1956. 291 с.

Цуй М. Сопоставительное исследование китайско-корейского сетевого жаргона. М., 2008. 142 с.

Юй Г. Общее описание сетевых языков / Г. Юй. М., 2008. 282 с.

ФОРМА И СМЫСЛ В ТВОРЧЕСТВЕ Б.Л. ПАСТЕРНАКА–ПЕРЕВОДЧИКА

FORM AND MEANING IN THE TRANSLATIONS BY BORIS PASTERNAK

Б.Л. Пастернак – не только талантливый поэт и писатель, но и выдающийся переводчик художественной литературы. Его переводческая манера, его взгляды на проблемы перевода до сих пор вызывают споры и получают противоречивые оценки: от восхищения умением понять и передать замысел автора исходного произведения до полного и категорического неприятия его работ и достаточно серьезных обвинений в переписывании сюжетов. Но все исследователи творчества отмечали, что переводы Пастернака стали важным событием в русской и мировой литературе. В переводческих работах он совершенствовал поэтическое мастерство и выражал собственные взгляды на перевод как на средство общения веков и культур. Стремясь сохранить дух подлинника, Пастернак одновременно пытается вписать свои переводы в культурный контекст русской словесности.

Boris Pasternak was a talented writer and poet as well as an outstanding literary translator. His style of translation and opinions on translation still arouse discussions and get controversial assessments: some admire his capacity to understand and render the source text message whereas the others fully and radically reject his works and accuse him of reinventing the plots. However, all the researchers of his works point out that they have become a significant benchmark in Russian and world literature. In his translations Pasternak perfected his poetry and voiced his opinions on translation as a means of communication between centuries and cultures. Aspiring to render the spirit of the original at the same time Pasternak sought to place his translations into the Russian literary context.

Ключевые слова: Пастернак, перевод, отход от буквализма, творческая интерпретация и адаптация к национальной действительности читателя-реципиента.

Key words: Pasternak, translation, avoiding literalism, creative interpretation and adaptation to the target reader «s national reality.

В русской литературе можно найти множество примеров, когда известные и состоявшиеся поэты и прозаики становятся не только переводчиками произведений зарубежных авторов, но и теоретиками в области перевода. Пушкин, Гумилев, Набоков, Цветаева, Чуковский и др. В эту плеяду талантливых мастеров слова входит и Б.Л. Пастернак, знавший несколько иностранных языков: английский, немецкий и французский и др. Хорошо известны его переводы с английского (Рэли, Шекспир, Байрон, Шелли, Китс, Суинберн), немецкого (Сакс, Гете, Клейст, Гервенг, Гейм, Бехер, Рильке, Верфель), французского (Верлен, Верхарн), испанского (Альберти), польского (Словацкий, Лесьмян, Броневский), чешского (Незвал), венгерского (Петефи) и даже

грузинского (Табидзе, Яшвили, Бараташвили) языков. Поэтому вполне закономерно, что писатель размышлял над проблемами перевода: что и как переводить. Его размышления вылились в небольшие, но достаточно интересные статьи о переводе (см. Б. Пастернак «Заметки переводчика»).

Сын поэта Евгений Пастернак, известный литературовед, писал, вспоминая о своем отце: «Передавая в своей работе над переводами мысли и чувства подлинника, а не только слова его текста, Пастернак вывел перевод из узких границ филологических упражнений. Избегая какой бы то ни было стилизации или несвойственной ему лексики и сохраняя самое главное в оригинале – силу его художественного воздействия, Пастернак сделал свои переводы событием русской литературы. Сумев подчас достичь в них высшего совершенства своей собственной лирики, он обогатил нашу поэзию великими образцами мирового гения» [Пастернак Е.Б., 1997].

Многие исследователи творчества Б. Пастернака отмечают, что «в переводческой деятельности Пастернака все было необычным, начиная с его особых взглядов на цель поэтического перевода. Пастернак, скорее всего, бессознательно, как бы подхватывал известную мысль Жуковского о том, что «переводчик в прозе – раб, переводчик в стихах – соперник» [Ратгауз Г., электронный ресурс].

В основе переводческой стратегии Пастернака лежит особенный подход к иностранному тексту: главная цель переводчика, по мнению знаменитого писателя, состоит не в дословном калькировании зарубежного текста, а в его творческой интерпретации и адаптации к национальной действительности читателя–реципиента. Пастернак утверждал, что дословный перевод не может в полной мере передать чувства и эмоции, размышления автора текста-оригинала. Именно поэтому многие литературоведы считают, что переводы Пастернака, прежде всего, являются его собственными текстами.

По словам Е.Б. Пастернака, его отец начал переводить уже в 1910-х годах и переводческий опыт стал для него «школой мастерства с высокой производительностью, пожалуй, более полезной, чем его недолгое участие в молодых авангардных литературных группах «Лирики и Центрифуга»» [Пастернак Е.Б., «Борис Пастернак и Шекспир: к истории перевода «Гамлета»].

В 1918 – 1921 годах, как отмечают многие исследователи творчества Б. Пастернака, писатель вплотную начинает заниматься переводческой деятельностью, прежде всего, из-за нехватки денег. В это время он переводит поэзию Гёте Ш., Ван Лербарга и немецких импрессионистов, стихотворные драмы Клейста и Бена Джонсона, интермедию Ганса Сакса. Пастернак был убежден, что с переводом художественного текста никто не справится лучше поэта, поэтому вполне закономерно, что переводил он в первую очередь

лирические произведения. В те тяжелые для России годы литературный перевод становится единственно возможным средством выражения внутреннего мира поэта и способом преобразования действительности через художественный образ.

По мнению Г. Ратгауза, «переводы были той крепостью, где Пастернак мог укрыться в тяжкие времена. Общество Гёте и Шекспира, вне сомнения, нравилось ему больше, чем, например, общество В. Киршона или позднее – В. Ставского, довоенных руководителей Союза писателей» [Ратгауз Г., электронный ресурс].

В дальнейшем на протяжении всей своей жизни писатель неоднократно обращался к переводческой деятельности, которая была для него средством к существованию и единственной возможностью представить свой взгляд на мир и художественное творчество.

Как уже было отмечено, Б. Пастернак за годы творческой деятельности перевел много произведений с разных языков. Однако наибольший интерес у литературных критиков, переводчиков и читателей вызвали его переводы «Гамлета», «Отелло», «Короля Лира» «Ромео и Джульетты», «Антония и Клеопатры» и др. произведений У. Шекспира, а также «Фауста» И.В. Гете.

К творчеству Шекспира Пастернак обратился по совету Р. Ролана. По свидетельству сына поэта, перевод произведений английского драматурга У. Шекспира, в частности перевод «Гамлета», становится для поэта средством выхода из тяжелого душевного кризиса [см.: Е.Б. Пастернак, «Борис Пастернак и Шекспир: к истории перевода «Гамлета»].

В письме двоюродной сестре О. Фрейденберг писатель следующим образом говорит о своих ощущениях, вызванных работой над переводом «Гамлета»: «Перевод не заслуга даже если он хорош...но каким счастьем и спасением была работа над ним!» [Пастернак Е.Б., электронный ресурс].

Следует отметить, что работу над переводом «Гамлета» Б. Пастернак вел в течение 30 лет, он переделывал получившийся перевод более 12 раз. В статье «Борис Пастернак и Шекспир: к истории перевода «Гамлета» Е.Б. Пастернак, описывая работу отца над переводом «Гамлета», пишет: «...еще при жизни переводчика, «Гамлет» переиздавался восемь раз, и это всегда сопровождалось списком исправлений, «необходимых», по мнению издательских редакторов, среди которых были и профессора, и девицы, только что окончившие институт». Обесценивалась первоначальная цель перевода – свобода поэтического слова, без которой невозможно приближение к гениальным произведениям, созданным на другом языке». По свидетельству сына, Б.Л. Пастернак с усердием каждый раз перерабатывал первоначальный текст, «находя новые варианты, одновременно

стараясь сгладить возникающие шероховатости легкими для восприятия строками. Так возникло около 12 вариантов текста» [там же], но работа эта ни приносила поэту удовлетворения, так как нарушались те основные переводческие принципы, которым Пастернак придерживался, работая над переводом произведений – «свобода поэтического слова, без которой невозможно приближение к гениальным произведениям, созданным на другом языке» [там же]. И в последние годы жизни он с грустью замечал, что, если бы у него было «время и силы, надо было бы заново перевести «Гамлета» для себя самого» [там же].

По мнению исследователей переводов поэта, именно в этот период Б. Пастернак стремится «к внутреннему, а не внешнему сходству» [Морозов М.М., электронный ресурс]. Создается впечатление, что Б. Пастернак идет по пути «вольного перевода» (см. там же). «Склонение на наши нравы», исправление непонятного, устранение из текста оригинала всего чужого неоднократно провозглашались переводчиками и критиками в качестве принципов правильного, хорошего, перевода. Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить перевод «Гамлета», выполненный в XVIII в. Сумароковым, «Ленору» Бюргера в переводах Жуковского и Катенина и др. Однако, по словам М. Морозова, «это не просто возвращение к старым традициям «вольного перевода». Пастернак не пересказывает Шекспира своими словами. Не создает он и некоего условно-романтического стиля, соответствующего распространенному представлению о «трагедиях Шекспира». Пастернак строит свой перевод и не на тексте подлинников. Он идет от созданных Шекспиром действующих лиц <...> в его переводе они живут, дышат, движутся перед нами. У каждого есть свое движение, свое дыхание и, естественно, своя речь» [Морозов М.М, электронный ресурс].

Сам поэт, полемизируя с теорией «объективного» перевода, созданной М.Л. Лозинским и его последователями в советское время, писал, что: «дословные переводы всегда бывают тяжелы и в редких случаях понятны. Идея буквального перевода представляет хроническое, постоянно изживаемое и постоянно возвращающееся заблуждение» [Пастернак Б.Л., 2003–2005, с. 402 / цит. по В. Поплавский].

Особенностью перевода шекспировского текста явилось то, что поэт стремится вписать произведение английского драматурга в культурный контекст русской словесности, «сделать русские стихи» [Пастернак Е.Б., 1997, с. 605], приблизить язык произведения к живому, «естественному», разговорному языку. «Работу надо судить как русское оригинальное драматическое произведение, потому что, помимо точности, равнострочности с подлинником и прочего, в ней больше всего той намеренной свободы,

без которой не бывает приближения к большим вещам» [Пастернак Б. «Предисловие к журнальному изданию трагедий» / цит. по Е.Б. Пастернаку, электронный ресурс].

По мнению, Г. Ратгауза, «Пастернак, как поэт, ставит перевод прежде всего в контекст родной литературы, где он должен выдерживать сопоставление с образцами отечественной словесности. Это – его ключевое соображение» [Ратгауз Г., электронный ресурс]. «Чем значительнее оригинал, тем чаще почти перед каждым переводчиком встает вопрос, как лучше перевести: ближе к подлиннику или художественно выразительнее? Благо тому, кому удастся совместить то и другое. Если в подобных случаях у Пастернака возникали сомнения, он делал решительный выбор в пользу художественной выразительности» [там же].

Подобный переводческий метод вполне объясним, так как именно «литературоведческий подход к переводу позволяет взглянуть на перевод как на искусство, но не на искусство в широком смысле слова как на высокий уровень мастерства в любой области деятельности, а на искусство как на способ воспроизведения действительности, в основе которого лежит ее образное освоение» [Гарбовский Н.К., 2007, с. 179].

Таким образом, Б. Пастернак придерживался собственной концепции в осмыслении проблемы литературного перевода и его целей. Он утверждал, что перевод должен быть самостоятельным художественным произведением. «Подобно оригиналу, перевод должен производить впечатление жизни, а не словесности», – пишет он в «Замечаниях к переводам Шекспира». Мелочное сходство с оригиналом не привлекало Пастернака. «Такие переводы не оправдывают обещания. Их бледные пересказы не дают понятия о главной стороне предмета, который они берутся отражать, – о его силе» [цит. по Е. Морозовой].

Неоднократно «переводческие работы писателей и поэтов рассматривались литературной критикой в одном ряду с их оригинальными творениями, сравниваясь с ними» [Гарбовский Н.К., 2007, с. 179]. Именно так и расценивал свои перевод Б. Пастернак: перевод для него был частью его собственного творчества.

Переводческие взгляды Пастернака, его стиль и своеобразная «вольность» при передаче содержания оригинала, создающее впечатление, что поэт как бы переписывает оригинал, заново воссоздает сюжет⁵⁸, вызывали и вызывают до сих пор полемику. С критикой переводов Пастернака выступали такие исследователи, как академик М.

⁵⁸ Так, всем исследователям творчества Шекспира известно, что в подлиннике трагедии «Отелло» главный герой, Отелло, задушил Дездемону. Пастернак переделывает финал: его Отелло закалывает Дездемону.

Алексеев, А. Смирнов, Е. Эткинд, Ю. Левин, В. Комарова, В. Николаев. Н. Никифоровская и др.

Е. Эткинд, анализируя перевод 73-го сонета Шекспира, писал, что этот перевод не соответствует стилистической модели оригинала и даже «переходит ту грань, за которой перестает быть переводом» [Эткинд Е., 1968. с. 146].

В. Комарова, комментируя переводы Шекспира Пастернаком, говорила о том, что поэт допускал не только смысловую, но и грамматическую неправильность строк [см. Комарова В.П., 1959, с. 71-84.]

В. Николаев, соглашаясь с предшественниками, подвергает критике и выбор переводчиком лексических средств. Так, в «Ромео и Джульетте» после первой брачной ночи героиня говорит возлюбленному: «Уже светает. Шел бы ты подальше». «Хохот зрительного зала обеспечен: побольше таких находок – и пьесу можно было бы ставить как комедию. <...> Пастернак, ратовавший за живой, естественный язык, бытовой разговорной речью не владел абсолютно»⁵⁹ [Николаев В., электронный ресурс]. Заканчивает исследователь статью следующими словами: «Необходимо понять, что громкое имя Пастернака – вовсе не гарантия высокого качества перевода» [там же].

Мы, скорее, склонны разделить мнение Г. Ратгауза, полагавшего, что Б. Пастернак «открыл для поэзии живую народную речь, народную песню» [Ратгауз Г., электронный ресурс].

Важное место в творчестве Б. Пастернака занимают переводы немецких поэтов, среди которых самым любимым поэтом был ИоганнВольфганг Гете. «Ни один из русских поэтов XX столетия не сделал для Гёте в России больше, чем Пастернак». Русские поэты, превосходно переведившие Гёте еще в прошлом веке (Жуковский, Тютчев, А.К. Толстой, Мей и другие), все же прошли мимо этих открытий. Пастернаку предстояло восполнить существенный пробел <...> нигде переводческий дар Пастернака не проявлялся с такой многогранностью: здесь с необычайной силой переданы и колоритные народные сцены, и философские прения, и лирические монологи Фауста. <...> Щедрые языковые находки из кладезей народной или обиходной речи рассыпаны по всему тексту пастернаковского «Фауста», что выгодно отличает его от всех прежних переводов « [Ратгауз Г., электронный ресурс].

Работая над переводом «Фауста» Гёте, Б. Пастернак придерживался тех же принципов, что и в работе над переводами Шекспира. Он «существенно преобразил поэтическую стилистику «Фауста» <...> Сделав упор на лирические сцены, Пастернак

⁵⁹ Только в последних изданиях (уже после смерти поэта) эта строчка была изменена редакторами.

перевёл их лёгким, блестящим, «немецким « стихом, виртуозно передал гётевские юмор и афористичность» [Морозова Е., электронный ресурс].

Как отмечают исследователи, работа над переводом «Фауста» Гете была одним из основных событий в жизни поэта. В январе 1954 года в письме к О.М. Фрейденберг он писал: «Но как мне рассказать тебе, что этот Фауст был в жизни, что он переведен кровью сердца, что одновременно с работой и рядом с ней были и тюрьма, и прочее, и все эти ужасы, и вина, и верность» [цит по Г. Ратгауз, электронный ресурс]

Однако надо отметить, что стратегия перевода «Фуста» Пастернаком также сильно отличался от тех переводческих тенденций, которые существовали в то время, т.е. от стратегий соцреализма. Поэтому и «Фауст» был подвергнут «жесточайшей критике, в его переводах находят политическую неблагонадёжность. При этом целенаправленно оставляется не раскрытым вопрос художественной ценности» [Морозова Е., электронный ресурс].

Таким образом, переводческая манера Б. Пастернака неоднозначна и своеобразна.

В своих переводах автор следует собственным взглядам на теорию перевода. В статье «Заметки переводчика» (1944 год) поэт пишет о том, что «переводы либо не имеют никакого смысла, либо их связь с оригиналами должна быть более тесною, чем принято. <...> Перевод должен исходить от автора, испытавшего воздействие подлинника задолго до своего труда. Он должен быть плодом подлинника и его историческим следствием» [см. Б. Пастернак, «Заметки переводчика», 1944 г.].

В той же работе автор утверждает, что осуществить перевод художественного текста невозможно «...потому что главная прелесть художественного произведения в его неповторимости. Как же может повторить ее перевод?».

Для Пастернака перевод – это «не способ ознакомления с отдельными произведениями, а средство векового общения культур и народов» [см. Б. Пастернак, «Заметки переводчика», 1944 г.].

Таким образом, перевод художественного произведения – это диалог «творцов», который в разных эпохах и в разных ситуациях способен познакомить читателей иной культуры с автором оригинала. Именно, познакомить, но не более того. Но главное в художественном переводе – создание нового текста, который, отрываясь от переводчика, начинает жить собственной жизнью в принимающей культуре, подобно, **НО НЕ ТОЖДЕСТВЕННО**, тому, как живет оригинал в исходной культуре.

Список литературы:

Гарбовский Н.К. Теория перевода, М.: Издательство МГУ, 2007 г., с. 179

Комарова В.П. К вопросу о трактовке трагедии Шекспира «Юлий Цезарь» - Вестник ЛГУ, 1959, № 14, Серия истории языка и лит-ры, вып. 3, с. 71–84.

Морозов М.М. Шекспир в переводе Бориса Пастернака / электронный ресурс: http://knigolubu.ru/russian_classic/morozov_mm/shekspir_v_perevode_borisa_pasternaka.10075/?page=4

Морозова Е. Художественный перевод в творчестве Пастернака / электронный ресурс: <http://www.rustranlater.net/>

Николаев В. О переводах Б. Пастернака / интернет–библиотека В. Николаева / электронный ресурс <http://pasternak.niv.ru/pasternak/kritika/nikolaev-o-perevodah-pasternaka.htm>

Пастернак Б.Л. Заметки переводчика. М.: «Знамя», 1944, № 1–2.

Пастернак Б.Л. Полное собрание сочинений, т. 4, М.: Слово, 2003–2005.

Пастернак Е.Б. Борис Пастернак и Шекспир: к истории перевода «Гамлета» / электронный ресурс: <http://www.w-shakespeare.ru/library/shekspirovskie-chteniya-2004-22.html>

Пастернак Е.Б. Борис Пастернак. Биография. [Текст] / Е.Б. Пастернак. // – М.: «Цитадель», 1997.

Поплавский В.Р. Я сам не знаю, какую из этих версий выбрать // «Гамлет» Б. Пастернака: версии и варианты перевода шекспировской трагедии «, М.–Спб, Летний сад, 2002.

Ратгауз Г. О переводах Бориса Пастернака / электронный ресурс: <http://magazines.russ.ru/inostran/1996/12/radgauz.html>

Эткинд Е. Об условно-поэтическом и индивидуальном (Сонеты Шекспира в русских переводах) // Мастерство перевода: 1966. М.: Сов. писатель, 1968.

**АДЪЕКТИВНЫЕ СОЧЕТАНИЯ С ЛЕКСЕМОЙ «ЧЕЛОВЕК» В «ПРИДВОРНОМ
ЧЕЛОВЕКЕ» СЕРГЕЯ ВОЛЧКОВА (1741) И ИХ СООТВЕТСТВИЯ ВО
ФРАНЦУЗСКОМ И ИСПАНСКОМ ОРИГИНАЛАХ**

**THE ATTRIBUTES FOR «CHELOVEK» IN SERGEJ VOLCHKOV'S «PRIDVORNYJ
CHELOVEK (THE COURTLY MAN)» (1741) IN RELATIONSHIP WITH ITS FRENCH
AND SPANISH SOURCES**

«Придворной человек» (1742) был переведен С. С. Волчковым с французского оригинала, в свою очередь переведенного с испанского барочного трактата эпохи Siglo de Oro – «Oráculo manual, y arte de prudencia» Бальтасара Грасиана (1647). Язык перевода, как и переводов Волчкова вообще, остается до настоящего момента неизученным. В статье анализируются адъективные сочетания с лексемой «человек» (одно из которых представлено в заглавии книги), представляющие собой перевод французских адъективных и предложно-субстантивных сочетаний с «homme» (как например, само заглавие «L'Homme de cour»). Рассмотрены также испанские соответствия. Рассмотрена возможная фразеологизация во французском тексте значительной части адъективных и предложно-субстантивных сочетаний с «homme». Отмечена ключевая роль концептов «ум», «умный» в русском тексте на фоне общей тенденции к сокращению лексической вариативности оригинала.

«Pridvornoj Chelovek (The Courtly Man)» (1742) was translated by Serghey Volchkov from the french original, that was in its turn translated from the Spanish Baroque tractatus «Oráculo manual, y arte de prudencia» by Baltasar Gracian (1647). The linguistic form of this translation, so as of the other Volchkov's translations, have never been examined. The article treats the NP constructions with the noun «chelovek» (one of them appears in the book's title) translated from the French NP-constructions modified by adjectives or by another noun preceded by the preposition «de» («of»). The Spanish matching constructions are involved in the analysis. We approach the possible idiomatic use of most of this NP-constructions in the French text, together with the highly important role of the concept of «um/umnyj» in the Russian text that generally tends to diminish its original's lexical variety in this camp.

Ключевые слова: переводная литература XVIII в., переводческая техника, русско-французские литературные связи, лексическая семантика.

Key words: literary translations in the XVIIIth cent., translation techniques, Russian–French literary contacts, lexical semantics.

В сложении лексического фонда русского литературного языка переводные тексты XVIII века сыграли немаловажную роль. Изучение стратегий отдельных переводчиков при работе с лексикой позволяет отследить динамику формирования общеязыкового лексического тезауруса, складывавшегося в сложном взаимодействии с лексикой отдельных европейских языков. Настоящая статья представляет собой исследование одного из аспектов переводческой техники С. С. Волчкова. Его «Придворный человек»,

изданный в 1741 г.⁶⁰ и переизданный в 1760, относится к широкому пласту дидактической литературы для «благородных особ», распространявшейся в XVIII веке.

Секретарь Академии Наук Сергей Саввич Волчков (1707–1779)⁶¹ в свободное от работы время занимался переводами с французского и немецкого языков преимущественно нравоучительной литературы⁶². «Придворной человек» представляет собой перевод французского текста, озаглавленного «L'Homme de cour»⁶³ и переведенного в свою очередь с испанского языка. Испанский оригинал книги принадлежит перу арагонского иезуита Бальтасара Грасиана (1601–1658), одного из ключевых и самых сложных литераторов испанского Siglo de Oro. Текст трактата «Oráculo manual, y arte de prudencia»⁶⁴ был переведен – и продолжает переводиться – на множество языков, как европейских, так и азиатских, и распространялся в XVII–XVIII веках преимущественно через посредство перевода, выполненного в 1684 г. французским дипломатом Николя Амелотом-е-ля-Уссей (1634–1706), близким к Людовику XIV.

Сложнейшая языковая ткань «Оракула», вызвавшая немалые трудности у французского переводчика, в чем он признается в предисловии к изданию «L'Homme de cour», была им во многом упрощена, лишена барочной энигматичности в синтаксисе и перенесена на язык «божественной ясности», воспеваемой французскими грамматистами и лексикографами. Определение характера работы с французской лексикой трактата, проведенной Волчковым в процессе перевода на русский язык, – одна из задач нашего исследования. В данной работе мы сосредоточимся на адъективных сочетаниях с лексемой «человек». Во французском оригинале адъективные и предложно-субстантивные (с предлогом «de») сочетания с «homme» крайне распространены: речь идет соответственно о 98 и 45 употреблениях против 50 и 31 в испанском оригинале⁶⁵.

⁶⁰Грасиан Придворной человек с французского на русский язык переведен канцелярии Академии наук секретарем Сергеем Волчковым. ... Санкт-Петербург, 1741. Первый тираж книги с изменением посвящения был допечатан в 1742 г.

⁶¹Единственным исследованием, касающимся биографии Волčkова, можно считать статью [Биржакова]. Отдельные сведения содержатся также в [Языков, 1838].

⁶²Общий обзор тематики выполненных им переводов см. в [Попкова, 2007].

⁶³L'Homme de cour de Baltasar Gracian, traduit et commenté par le Sieur Amelot de La Houssaie, ci-devant Secrétaire de l'Ambassade de France à Venise. Paris, 1684.

⁶⁴Baltasar Gracián. Oráculo manual, y arte de prudencia. Sacada de los aforismos que se discurren en la obras de Lorenzo Gracian, publicala D. Vincencio Ivan de Lastanosa. Huesca, 1647. Именем родного брата, не входившего в религиозные ордены, Грасиан подписывал свои произведения светского характера, публикация которых не одобрялась иезуитами.

⁶⁵В оригинале речь идет о сочетаниях с конкурирующими в значении человек лексемами «hombre» и «vaçón». Интересно распределение этих лексем в конструкциях разного типа: в адъективных сочетаниях «vaçón» отмечается 22 раза, «hombre» – 25, в предложно-субстантивных сочетаниях на «vaçón» приходится всего 4 употребления против 24 для «hombre», к которым следует добавить 4 предложно-субстантивных сочетания с лексемой «gente», не используемой в адъективных конструкциях. По-видимому, сочетания с «de» в тексте более фразеологизованы. Следует отметить, что о работах, анализирующих данные типы сочетаний в тексте Грасиана, нам не известно. Количество исследований, посвященных техническим аспектам стиля Грасиана, весьма невелико: здесь можно назвать [Alonso, 1981; Heger, 1982; Hinz, 1995;

Одно из таких сочетаний находим непосредственно в заглавии французской версии – а затем и в русской. Такая частотность конструкции, ее расширение по сравнению с испанским оригиналом и вынесение в заглавие, опять же, вопреки испанской версии – все это указывает ее на ключевое место в понятийной системе французского варианта трактата. Изучение наиболее частотных и, в то же время, значимых лексических элементов позволяет приблизиться к наиболее осознанным, программным стратегиям переводчика.

Исследованное нами ранее⁶⁶ лексическое поле «мудрости» относилось к той же сфере: речь шла о ключевом концепте испанского текста, отраженном в заглавии («arte de prudencia»), исключенном из французского заголовка, но более широко отраженном во французском тексте. Анализ лексического поля «красоты»⁶⁷, напротив, проводился в не-программной области текста: концепты эстетической оценки малозначимы для трактатов Грасиана, а потому их использование окказионально и отражает механизмы более автоматические. В обоих полях, однако, проступают сходные тенденции. Прежде всего – отсутствие строгого терминологического соответствия. Ни Амелот, ни Волчков не стремятся к единообразному переводу отдельных лексем: «разум» может переводить «esprit», «raison» и другие лексемы, но в то же время «esprit» может быть переведено не только как «разум», но и как «ум». Кроме того, в обоих лексических полях как при переходе от испанского варианта к французскому, так и в последующем переводе французской версии на русский язык, наблюдается сужение лексической вариативности. Так, например, «cordura», «consejo», «discreción» передаются Амелотом через «prudence»; в свою очередь, «prudence» наряду с «sagesse» в версии Волčkova объединяются в концепте «мудрость».

Отсутствие стремления к терминологической точности в переводе указывает на феномен восприятия трактатов Грасиана как во Франции, так и в России. Изменение Амелотом множества ключевых характеристик «Оракула» (так, переводчик замещает полностью заглавие, вводит разбиение на 300 «максим», вносит в текст фрагменты из других трактатов Грасиана, снабжает издание комментариями, направляющими чтение текста в русло традиции «тацитизма», и т.д.) в последние годы все более полно освещается в исследовательской литературе, где наблюдается постепенный переход от

Romera-Navarro, 1946], но все они сконцентрированы на отдельных элементах синтаксиса и риторических конструкциях. К сожалению, нам пока недоступна работа [Kremers, 1951].

⁶⁶Результаты этих исследований были представлен в форме доклада: *Благоразумие и мудрость С. Волčkova*: Наблюдения над переводом лексемы «prudence» в «Придворном человеке» (1741) // Пятые кирилло-мефодиевские чтения. Рим, 5 февраля 2015;

⁶⁷Представлены в форме доклада: «La semantica del «bello» nelle traduzioni dell'Oráculo manual» di Baltasar Gracián // Rome International Graduate Colloquium 2015 «Il Bel Paese: identità italiana e culto della bellezza». Roma, Reale Istituto Neerlandese, 22 maggio 2015.

резко негативной оценки его работы ко все большему интересу к стратегиям приспособления сложного сочинения испанского концептиста к французскому интеллектуальному контексту конца XVIII в. [Bouillier, 1933; Mestrallet Guerre, 1976; Viallon-Schoneveld, 2003]. Общая оценка переводческой работы С. Волчкова пока остается делом будущего.

В своих недавних исследованиях французский литературовед Марк Фумароли анализирует идеологический контекст предшествовавших публикации «L'Homme de Cour» лет и то место, которое этот и другие тексты, переведенные или изданные Амелотом, занимают в современных им полемиках. Отказ от буквального перевода заглавия и выбор совершенно не связанного ни с «карманным оракулом», ни с «искусством благоразумия» названия, указывающего на представителя близкой королю аристократии, показывают, что аудиторией, к которой Амелот обращался, были прежде всего придворные. Грасиан, опыт придворной жизни которого был недолгим и отрицательным, не испытывал к такому типу читателей никакого специального интереса и скорее обращался к выпускникам (действительным и будущим) иезуитских колледжей, в которых проходила его преподавательская деятельность [Fumaroli, 2010, 57]. Кроме переориентирования на иной тип адресата, данный Амелотом заголовок указывал на литературную традицию практических руководств для представителей аристократии — главным образом, на трактат «L'Honnête Homme ou l'Art de plaire au cour» Николя Фаре (1630), представляющий собой перевод сочинения «El Cortegiano» Бальдассаре Кастильоне.

Интересно, что заголовок, использованный Амелотом, ближе к оригиналу Кастильоне, чем перевод, предложенный Фаре: сочетание «homme de cour» могло бы рассматриваться переводом термина «cortegiano» в большей степени, чем «honnête homme» — в плане, по крайней мере, этимологическом (и «cour», и «corte» происходят от латинского «cors, cortis»). В плане концептуальном «honnête homme» приближалось к значению высокого социального положения, благородства внутреннего и внешнего, но, по видимости, указывало скорее на репутацию, чем на происхождение: «loüable, & de vertu, de bonne reputation», свидетельствует «Thresor de la langue francoyse ancienne que moderne» [Tresor, 1606, 338]. Придворную коннотацию термина энциклопедия Larousse связывает напрямую с традицией, ведущей отчет от перевода Фаре⁶⁸. Амелот, возможно, вообще избегал употребления этого термина: всего один раз в его переводе встречается «honnête-homme» (22, «честные люди» в переводе Волчкова); три раза — сочетания с «mal-honnête» (116, 235, 243; «злой» в версии Волчкова). Употребление дефиса между прилагательным и

⁶⁸http://www.larousse.fr/encyclopedie/divers/honn%C3%AAte_homme/58661

существительным в трех вхождениях (22, 116, 243) из четырех свидетельствует о высокой степени связанности сочетания – даже если допустить вмешательство работников типографии. Вопрос о связанности адъективных сочетаний с *homme* во французской версии – немаловажный аспект при рассмотрении ее отличий как от испанского оригинала, так и от русского переложения. В качестве косвенного показателя связанности может рассматриваться, кроме наличия дефиса между компонентами, также и препозиция прилагательного. Рассмотрим положение прилагательного в обоих текстах. В испанском видим почти исключительно постпозицию: за исключением случаев с прилагательным, осложненным зависимыми словами, речь идет о 36 случаях против 8 случаев препозиции, 4 из которых приходятся на прилагательное «grande». Впрочем, эта лексема употребляется и в постпозиции (4 вхождения). Дефис для связи прилагательного с существительным в тексте не употребляется⁶⁹. В «L'Homme de Cour» видим относительное преобладание постпозиции (52 на 33 случая препозиции) и широкое употребление дефиса для связи двух элементов (53 случая) – как при пре-, так и при постпозиции. Отдельное рассмотрение наиболее употребляемых лексем среди прилагательных выявляет, впрочем, определенную закономерность в распределении дефисов относительно порядка слов.

лексема	положение относительно «homme»	наличие дефиса
<i>grand</i>	только препозиция	13 из 14 употреблений
<i>habile</i>	только препозиция	7 из 8 употреблений
<i>prudent</i>	только постпозиция	9 из 15 употреблений
<i>sage</i>	только постпозиция	3 из 7 употреблений

Таб. 1. Определение связанности сочетаний по порядку слов и употреблению дефиса

Из этих данных видно, что лексем, закрепленные в препозиции, требуют дефиса (*habile-homme*), в то время как закрепленные в постпозиции или демонстрируют относительное предпочтение дефиса или, напротив, отказ от него (*homme sage*). Таким образом, вскрывается тяготение прилагательных в препозиции к дефисному употреблению, что указывает на большую связанность сочетаний такого типа. Наиболее связанными по значению предстают следующие сочетания: *habile-homme*, *grand-homme*, *homme-prudent* и *homme sage*.

Насколько их употребление отражает узус испанского оригинала? Как мы уже указывали, в переводе Амелота не наблюдается сколько-нибудь явной тенденции к закреплению определенного типа перевода за отдельными лексемами исходного текста. Это касается в том числе случаев крайне близкого соответствия терминов между двумя языками: так, *juicioso* передается как лексемой *judicieux*, так и лексемой *prudent*.

⁶⁹Насколько можно констатировать по первому изданию.

Французский перевод	Испанский оригинал, с указанием количества вхождений
intelligent	esento 1
judicieux	juicioso 2
prudent	juicioso 1, de obligaciones 1, prudente 1, discreto 1, cuerdo 4, atento 4
adroit	discreto 1, atento 1, advertido 1
sage	cuerdo 2, atento 1, sabio 1, cordura ⁷⁰ 1
habile	atento 1, sabio 2, grande 1

Таб. 2. Прилагательные лексического поля «умный» во французском тексте и их испанские соответствия⁷¹

Некоторые из испанских прилагательных, употребляемых в качестве модификатора при *homme* и относящихся к тому же лексическому полю, отражены во французском переводе через конструкцию «*homme + de + существительное*». Поскольку такая конструкция даст в русском переводе, опять же, адъективные сочетания, считаем необходимым привести данные по их употреблению.

Французский перевод	Испанский оригинал, с указанием количества вхождений
de jugement	discreto 1
d «entendement	atento 1
de-bien	de bien 5, constante 1, de lei 1
d «esprit	sagaz 3, atento 2, juicioso 1, discreto 1, cuerdo 1

Таб. 3. Прилагательные лексического поля «умный» в испанском тексте, переведенные предложно-субстантивной конструкцией.

В случае с *homme-de-bien* и *hombre de bien* намечается тенденция к терминологическому соответствию, хотя *homme-de-bien* все-таки используется для перевода других испанских лексем. Лексемы *cuerdo* и *atento*, как кажется, представляли для переводчика наибольшую трудность – судя по разнообразию использованных при передаче вариантов. Со своей стороны, лексемы *prudent*, *d «esprit*, *sage* находят крайне широкое применение в работе Амелота, выступая в качестве соответствий значительному количеству лексем оригинала.

В этом смысле можно говорить о несомненном удалении от лексической стилистики Грасиана. Испытывая определенное недоверие к философским системам рационалистического типа и к строгим определениям, испанский иезуит опирался на

⁷⁰Здесь речь идет о субstantиве: соответствие в данном случае лишь лексическое, но не грамматическое.

⁷¹Именно к этому полю относится подавляющее большинство употребленных с *homme* прилагательных. За его пределами единственное прилагательное с множественными вхождениями – *grand/grande*.

определенный набор концептов, проходящих через его сочинения относительно сплоченным рядом, где один элемент используется для определения другого элемента — понимается, такое определение никогда не бывает достаточным, а потому точное наполнение терминов не только остается загадкой, но и намеренно затемняется автором, считавшим, что поистине важное должно быть сокрыто от неспособных к пониманию. Преимущественно эти концепты затрагивают сферу моральных, интеллектуальных и поведенческих аспектов человека. *Prudencia*, *agudeza*, *ingenio*, а также *discreto* и *héroe* вынесены в заглавия трактатов; другие — такие, как *sagacidad*, *cordura*, *juicio*, — встречаются с повышенной частотностью собственно в текстах. Нарушая эту систему, Амелот, несомненно, значительно отдалял текст своего перевода от авторского замысла. В отличие от «*Oráculo manual*», «*L'Homme de Cour*» не имеет никакого отношения к испанскому барочному концептизму, сближаясь, напротив, с поздними французскими моралистами вроде Ла Брюйера и Ларошфуко (последнего Амелот издавал в собственной редакции, поэтому сближение, как уже отмечалось в исследовательской литературе, не случайно). Интересно, что трактат Грасиана такую смену контекста с достоинством выдержал.

Что же происходит при перенесении созданного таким образом на базе иезуитской барочной прозы французского сочинения о нравах эпохи позднего морализма на русскую почву? Волчков вел работу над текстом в конце 1730–х годов и по завершении преподнес его Анне Иоанновне (о чем свидетельствует предисловие к первому изданию). В отличие от своего французского коллеги, прекрасно усвоившего диктат «прекрасной ясности», русский переводчик не всегда смог обеспечить своему читателю легкость в понимании трактата. Приведем один из множества примеров: фраза «Лишение большую нужду терпеть, нежели принуждение» из Регулы 189 совершенно непонятна без обращения к французскому оригиналу, в котором говорится о том, что лишение, если оно обращается в стремление к лучшему, способно подвигнуть человека на большее, чем принуждение⁷². Русская литература первой половины XVIII века многому училась у немецкого барокко — судя по набору переведенных в дальнейшем текстов с немецкого, не слишком далеко от него был и Волчков, в послужном списке которого — работа с 1730 по 1735 при русском посольстве в Берлине.

Набору определений, сопровождающих лексему *homme* в тексте Амелота, секретарь российской Академии Наук противопоставляет по-спартански краткий набор лексем.

⁷²Si la privation passe jusqu'au desir, c'est la plus efficace des contraintes [189].

habile	искусной 3, искуснейший 1, умной 3
adroit	искусной 5
sage	умной 2, разумной 2, премудрейший 1
prudent	умной 5, разумной 3, мудрой 4, премудрой 1
judicieux	мудрой 1, благоразумной 1

Таб. 4. Прилагательные лексического поля «умный» во французском тексте и их соответствия в русском переводе.

«Умной» и «искусной» использованы также для перевода определений *universel* и *intelligent*; таким образом, 7 этимологически не связанных между собой лексем французского текста получают в русском тексте соответствия, отражающие всего три корня. Морфемное разнообразие в оформлении лексем свидетельствует, как кажется, о стремлении Волчкова к определенному лексическому разнообразию. Однако широкая экспансия лексемы «умный» заметна и при анализе передачи предложно-субстантивных сочетаний.

d «esprit	разумной 2, умной 6
d «entendement	умной 1
de bien	умной 2, честной 4, доброй 4
de tête	мудрой 1
de jugement	премудрой 1
de bon goût	умной 1
de négociation	умной 1

Таб. 5. Предложно-субстантивные сочетания с лексемой *homme* во французском тексте и их передача в русском переводе.

Сочетание *homme de bien*, неоднократно (и удачно) переведенное через «честной» и «доброй», оказывается включено в набор лексем, переданных в русском тексте через «умной». Разнообразие ментальных качеств человека, представленное во французском тексте, сводится в русском варианте практически однозначно к базовому «умный».

Концепт «ума» занимает в тексте Волчкова ключевую роль как в форме прилагательного, так и в роли существительного (что было выявлено нами ранее). При этом обращает на себя внимание практически полное отсутствие как галлицизмов, присутствие которых было бы ожидаемо в переведенном с французского поведенчески-психологическом трактате, как и церковнославянизмов. На уровне лексики отражается стремление Волчкова к созданию светского, нейтрального языка на собственно-русском материале.

Список литературы:

Биржакова Е. Э. Волчков Сергей Саввич // Словарь русских писателей XVIII века [Электронный ресурс]⁷³ / Ред. А. М. Панченко. — Режим доступа: <http://www.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=663>.

Попкова Н. А. Сергей Саввич Волчков – переводчик XVIII века // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. Вып. 13. Межвуз. сб. науч. тр. / Самарск. гос. ун-т. Самара: НТЦ, 2007. С. 473 – 481.

Языков Д. И. Волчковы // Энциклопедический лексикон («Лексикон Плюшара»). Т. 11 / Ред. Н. И. Греч. СПб, 1838. С. 445–446.

Alonso, Santos. Tensión semántica (lenguaje y estilo) de Gracián / S. Alonso. Zaragoza: Institución Fernando el Católico, 1981. 194 p.

Bouillier, Victor. Notes critiques sur la traduction de l'«Oráculo manual par Amelot de la Houssaie // Bulletin Hispanique. XXXV (1933). Pp. 126–140.

Fumaroli M. 1684 // Baltasar Gracián. L «Homme de cour / M. Fumaroli. Paris: Gallimard, 2010. С. 7–246. 654 p.

Heger, Klaus. Baltasar Gracián: estilo lingüístico y doctrina de valores: estudio sobre la actitud literaria del conceptismo / K. Heger. Zaragoza: Institución Fernando el Católico, 1982. 230 p.

Hinz, Manfred. Due strategie per la lingua di Corte // Repubblica e virtù. Pensiero politico e Monarchia Cattolica fra XVI e XVII secolo / Ed. C. Continisio, C. Mozzarelli. Roma: Bulzoni, 1995. Pp. 377–391. 611 p.

Mestrallet Guerre, Renée. Contribution à l'«étude de la traduction: étude de deux traductions françaises de l'«Oráculo Manual de Baltasar Gracián: tesis doctoral / R. Mestrallet Guerre. Barcelona, 1976. 237 p.

Kremers, Dieter. Die Form der Aphorismen Graciáns. Tesis doctoral / D. Kremers. Freiburg, 1951.

Romera-Navarro, Miguel. Estudio del autógrafo de “El héroe « graciano: ortografía, correcciones y estilo / M. Romera-Navarro. Madrid, 1946. 232 pp.

Thresor de la langue francoyse ancienne que moderne. Paris, 1606. – Режим доступа: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k50808z>

Viallon-Schoneveld, Marie. Amelot, traducteur engagé? // AA. VV. Formes littéraires du théologico-politique de la Renaissance au XVIIIe siècle. Angleterre et Europe. Actes du Colloque international (19–21 septembre 2002) / Ed. J. Pironon, J. Wagner. Clermont-Ferrand, 2003. Pp. 333–352.

БЕРНС СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ⁷⁴

BURNS OF THE SOVIET ERA

В статье впервые целостно характеризуются особенности освоения творческого наследия Роберта Бернса русскими переводчиками советского времени – от Э.Г.Багрицкого и Т.Л.Щепкиной-Куперник до С.Я.Маршака и С.В.Петрова. Отмечается влияние на переводчиков и осмысливавших результаты их работы литературных критиков идеологических представлений эпохи, приводивших к искаженному соотношению жизни самого поэта с крестьянским бытием, а его произведений – исключительно с народной песенностью, к приписыванию Бернсу классовой ненависти, презрения к королям и знати. Целой эпохой в судьбе русского Бернса стала деятельность С.Я.Маршака, благодаря которой шотландский поэт стал известен в России не только интеллигенции, ценителям английской литературы и культуры, но и простым обывателям. Отмечается значение работ К.И.Чуковского для формирования в общественном мнении представлений о высоких достоинствах переводов С.Я. Маршака и низком качестве переводов В.М.Федотова, попытавшегося в 1963 г., в период абсолютного доминирования маршаковских интерпретаций, представить собственное видение многих произведений Бернса. В условиях «идеологизации» представлений о Бернсе, сочетавшейся с поляризацией отечественной литературной среды, В.М.Федотовым была разыграна «руссофильская» карта: сборник переводов из Бернса был передан в издательство «Советская Россия», имевшее державно-патриотическую направленность и издавшее книгу в противовес С.Я.Маршаку, сотрудничавшему с «Новым миром». Отдельное внимание обращено на судьбу выполненного С.В.Петровым перевода кантаты Бернса «Развеселые нищоброды» («The Jolly Beggars»), в котором мастерское использование просторечий способствовало удивительно точной передаче богатства красок и образов английского подлинника.

This article for the first time completely characterizes the features of development of the creative heritage of Robert Burns done by Russian translators of Soviet time – from E.G.Bagritsky and T.L.Shchepkina-Kupernik up to S.Y.Marshak and S.V.Petrov. It refers to the impact of literary critics, who were under the influence of ideological notions of the epoch, on the works of translators that led to distortion of the correlation of the life of the poet and the life of peasants and connected his works exclusively with folk songs, with class hatred and his contempt for kings and nobles. The literary activity of S.Y.Marshak, owing to which the Scottish poet became known in Russia not only to intellectuals, lovers of English literature and culture, but also to simple townsmen, became the real epoch in the life of Russian Burns. The author notes the importance of the work of K.I. Tchukovsky to form public opinion concerning the perception of high advantages of translations done by S.Y.Marshak and poor quality of translations by V.M.Fedotov, who dared in 1963, during the period of absolute domination of Marshak's interpretations, to present his own vision of many works of Burns. In the context of «ideologization» of representations about Burns combined with polarization of national literary environment, V.M. Fedotov played the «Russophile» card. He transferred his collection of translations of Burns to «Soviet Russia» publishing house, which had a great-power patriotic orientation and published the book as opposed to S. Y. Marshak, who cooperated with «New World». Special attention is

⁷⁴Исследование осуществлено в рамках реализации проекта №2232 «Междисциплинарные социально-гуманитарные исследования в контексте инновационного развития и международных связей» базовой части государственного задания Министерства образования и науки РФ.

paid to the fate of the executed by S.V.Petrov translation of Burns cantata «The Jolly Beggars», in which the masterful use of the vernacular facilitated the amazingly accurate translation of rich colors and images of the English original.

Ключевые слова: Роберт Бернс, поэтический перевод, русско-английские литературные связи, традиция, межкультурная коммуникация.

Key words: Robert Burns, poetical translation, Russian–English literary relations, tradition, intercultural communication.

Этап осмысления творчества Бернса советскими переводчиками условно может быть подразделен на два периода: ранний, связанный с деятельностью Э.Г. Багрицкого, Д.С.Усова, А.П. Глобы, Т.Л. Щепкиной-Куперник⁷⁵, и маршаковский, в который ощутимо доминировали переводы С.Я. Маршака, но также были созданы новые переводы С.В. Петрова [Бернс, 1981, с. 215 – 223; Бернс, 1982а, с. 441 – 448; Бернс, 1988, с. 64 – 71], В.М. Федотова [Бернс, 1959а; Бернс, 1963], С.Б. Болотина и Т.С. Сикорской [Бернс, 1982а, с. 231, 511]⁷⁶, Игн.М.Ивановского [Бернс, 1976, с. 51 – 62], В.В. Рогова [Бернс, 1982а, с. 21 – 23], В.Е.Васильева [Бернс, 1987а, с. 145, 148; см. также: Бернс, 2014, с. 189], С.А. Орлова [Бернс, 1939, с. 246 – 251; Бернс, 1959б, с. 25 – 36; Бернс, 1972, с. 110 – 111; Бернс, 1980, с. 104 – 109], Д. Баянова [Бернс, 1982а, с. 518] и др.⁷⁷

К 1920-м гг. относятся вольные переводы Э.Г. Багрицким «Джона Ячменное Зерно» [Багрицкий, 1923, с. 2] и «Веселых нищих» [Багрицкий, 1928, с. 5 – 11], созданные не как результат знакомства с английскими оригиналами, а как следствие переосмысления известных переводов М.Л. Михайлова и П.И. Вейнберга. Годы спустя, вспоминая об Э.Г. Багрицком в «Книге скитаний» (впервые увидевшей свет в №№10 и 11 журнала «Новый мир» за 1963 г. шестой, заключительной книге «Повести о жизни»), К.Г. Паустовский характеризовал его как прирожденного романтика, у которого даже граница между «своим» и «чужим» в творчестве оказывалась условной: «Мне даже казалось, что, например, стихи Блока о Командоре, или «Веселые нищие» Бернса, или сказание Де Костера о Тиле Уленшпигеле – все это он считал как бы написанным не только Блоком, Бернсом и Де Костером, но и им, Багрицким. Все это принадлежало ему хотя бы по той причине, что он

⁷⁵ Помимо названных, в ранний период к творчеству Р. Бернса обращались и другие переводчики, результаты работы которых остались неопубликованными. В частности, сохранилось письмо сотрудника издательства «Academia» Л.А. Ческиса Г.Г. Шпету от 27 октября 1933 г., с которым он направлял на отзыв пять стихотворений Бернса в переводах Б.Н. Лейтина [Густав Шпет, 2012, с. 265].

⁷⁶ Переводы впервые опубликованы в 1954 г. в книге С. Болотина и Т. Сикорской «Песни простых людей» [Болотин & Сикорская, 1954, с. 357–358].

⁷⁷ Увлечение Бернсом в те годы пережили и другие переводчики. В частности, Н.Ю.Ванханен вспоминала, что в середине 1960-х гг., обучаясь в английской спецшколе, под влиянием преподавательницы английской литературы «начала переводить тех, кого проходили: Бернса, Китса, Байрона, Шелли» [Калашникова, 2008, с. 106]. Д.В. Коваленин, известный переводчик с японского, выросший на Сахалине, вспоминал конец 1970-х – начало 1980-х гг.: «Южносахалинская библиотека состояла из лоскутков, чего там только не было. Помню английское издание Бернса начала девятнадцатого века. На руки такие книги не давали, и я сутками просиживал в читальном зале» [Калашникова, 2008, с. 256].

умел открыть в нем незамеченные богатства звуков, образов, красок и очарований... Чужие стихи как бы расцветали в руках у Багрицкого» [Паустовский, 2002, с. 436]. Поэт М.С. Голодный в своих воспоминаниях «Из записной книжки» называл Бернса в числе любимых Э.Г.Багрицким английских поэтов, стихи которых он знал наизусть: «Из старых поэтов он прочел мне стихи Соути, Попа, Бернса. Из новых Кипплинга. Читал он стихи неповторимо – как никто» [Э. Багрицкий, 1936, с. 268]. И.Л. Волгин усматривает особое достоинство переложений Э.Г. Багрицкого из Бернса в том, что в них «“плебейство” изображаемой жизни удивительным образом сочетается с тонким эстетизмом изображения» [Волгин, 2008, с. 720–721].

В 1933 г. Д.С. Усов, активно сотрудничавший с Музсектором ГИЗ, выполнил перевод для издания нот Р.Шумана «Прощание горца. Для голоса с ф.-п. Соч. 25» [см.: Шуман, 1933]. В издании указывалось «перевод с немецкого», что свидетельствует об обращении Д.С.Усова не к английскому оригиналу, а к тексту на немецком языке-посреднике. Удачным сочетанием социальных и лирических мотивов характеризуются вольные переводы «Прощальной песни Макферсона» и «Воспоминания» («Как могут берега цвести...») А.П.Глобы, вошедшие в его сборник «Запад», изданный в 1936 г. [Глоба, 1936, с. 21 – 23, 48 – 49], причем первый из них – без указания на Бернса.

Наиболее весомыми были достижения Т.Л. Щепкиной-Куперник, подготовившей и опубликовавшей в 1936 г. сборник «Избранной лирики» Р. Бернса, включавший 74 стихотворения [Бернс, 1936]⁷⁸. Именно появление переводов Т.Л. Щепкиной-Куперник побудило С.А. Орлова, впоследствии известного ученого, а в то время автора кандидатской диссертации «Социальный вопрос в поэзии Роберта Бернса» (1940), высказать уверенность, что «имя Бернса в самом недалеком будущем станет в нашей стране именем столь же популярным и близким, каким уже ныне является, например, имя Беранже» [Орлов, 1940, с. 7]. В 1974 г. в пятом выпуске межвузовского сборника «Литературные связи и традиции» увидела свет статья С.А. Орлова «Т.Л. Щепкина-Куперник – переводчица Бернса», в которой проанализирована творческая манера переводчицы, систематизированы отклики на выпущенный ею сборник, отмечены достоинства и недостатки проделанной работы [Орлов, 1974, с. 110 – 129]. Основным упреком переводчице, высказанным еще в рецензии А.И.Старцева «Бернс в новом переводе» в «Литературной газете» от 11 ноября 1936 г., было то, что «слишком часто

⁷⁸ О своей работе над переводами Бернса Т.Л. Щепкина-Куперник упоминала в шутивном стихотворении «Итак, у Вас колхоз “Тревога”...» (5 августа 1935), сохранившемся в РГАЛИ (ф. 571, оп. 1, ед. хр. 98, л. 61) и впервые опубликованном в 2008 г. Д. Рейфилдом: «Весь сад с утра в седой вуали, / Как будто в облако попали, / А в довершение – у нас / Свет электрический погас! / И, проклиная тьму ночную, / Я в десять шла на боковую. / Мой Бернс от этого страдал, / Но сон тревожнее не стал» [Щепкина-Куперник, 2008, с. 223].

безыскусственная живая отзывчивость Бернса, представляющая великую прелесть его поэзии», воспринималась и передавалась как «условная поэтическая чувствительность» [Старцев, 1936, с. 4]. М.Н. Гутнер критиковал Т.Л. Щепкину-Куперник за «пренебрежение к точному воспроизведению ритмической структуры подлинника», приводившее к утрате песенного ритма, замене «задорного и веселого хорей <...> тягучим ямбом», произвольному увеличению количества стоп в строке и, в конечном итоге, к стремлению уложить «удалые ритмы шотландского поэта <...> на прокрустово ложе традиционных метров, характерных для русской поэзии середины XIX века» [Гутнер, 1937, с. 170].

Если С.А. Орлов, видя заслугу Т.Л. Щепкиной-Куперник в раскрытии черт демократизма и народности Бернса, «близости к идеям и “правам человека” Томаса Пейна, идеям французской революции» [Орлов, 1974, с. 128], не шел по пути прямого соотнесения ее переводов с переводами С.Я. Маршака и явного предпочтения последним, то Е.С.Белашова выстраивала на сопоставлении результатов работы двух переводчиков концепцию, призванную подчеркнуть уникальность заслуг С.Я. Маршака. В частности, в ее статье «Роберт Бернс в переводах С. Маршака» (1958) на примере перевода Т.Л. Щепкиной-Куперник стихотворения «O my Luve's like a red, red rose...», опубликованного под названием «Любовь моя...» [Бернс, 1936, с. 21], отмечалось, что «соблюдая буквальную близость к подлиннику, переводчица игнорировала одно из основных звеньев песни – ее музыкальный ритм» [Белашова, 1958, с. 73 – 74]. Автор делала вывод, что стихи С.Я.Маршака звучат «так искренно и задушевно, как и бернсовские, чего вовсе нельзя сказать о переводе Т.Л. Щепкиной-Куперник, высокопарные восклицания которой создают лишь условную, поверхностную поэтичность» [Белашова, 1958, с. 74]. Рассуждая о переводах шуточной песенки Бернса «The Joyful Widower» (у Т.Л. Щепкиной-Куперник – «Веселый вдовец», у С.Я. Маршака – «Счастливый вдовец»), Е.С. Белашова указывала, что «Маршак здесь слился с самим Бернсом», что его русские стихи «ближе по духу к подлиннику, чем <...> внешне точные, но громоздкие строки Т.Л. Щепкиной-Куперник» [Белашова, 1958, с. 76 – 77]. Сравнивая переводы песни «For a' That and a' That» («Честная бедность»), Е.С. Белашова усмотрела, что Т.Л. Щепкина-Куперник «навязывает Бернсу чуждые настроения» [Белашова, 1958, с. 80], сохраняя лишь внешнее соответствие оригиналу.

С большим вниманием к переводам Т.Л. Щепкиной-Куперник отнесся Ю.Д. Левин, признавший умение русской переводчицы по достоинству оценить у Бернса «демократизм и жизнелюбие, народно-песенный строй его лирики» [Левин, 1982, с. 553]. Несомненные успехи в переводах сатир, политических стихотворений, отдельных песен сочетались с провальными интерпретациями любовной лирики, в которых утрачивалась безыскусственность. Впрочем,

последнее Ю.Д. Левин считал не ошибкой переводчицы, а качественным различием в ее поэтическом темпераменте и в поэтическом темпераменте Бернса.

Отдельный период русского осмысления творчества Бернса связан с деятельностью С.Я.Маршака, переведшего в конце 1930-х – начале 1960-х гг. 215 произведений [см.: Маршак, 1969, с. 187–510]. В последующие десятилетия (вплоть до начала 1990-х гг.), несмотря на кончину переводчика и появление ряда новых переводов, маршаковский период продолжался, характеризуясь тотальным доминированием переизданий С.Я. Маршака. Неизменно высокая оценка маршаковских переводов сопровождалась в советские годы характеристикой их идеологической выверенности. Советское понимание Бернса противопоставлялось буржуазному, призванному принизить талант поэта, объявить его «непонятным», «имеющим лишь узко ограниченное, “региональное” значение» в границах Южной Шотландии [см.: Белашова, 1958, с. 69]. Е.С. Белашова указывала на роль переводов С.Я. Маршака в решительном опровержении утверждений дореволюционной и ранней советской критики (В.Д.Костомарова, С.Р. Бабуха и др.) о непереводимости Бернса, однако признавала при этом, что «переводить Бернса значительно труднее, чем каких-либо других поэтов» [Белашова, 1958, с. 69]. Критикой традиционно отмечалось, что, лишённые буквальной близости к подлиннику, переводы С.Я. Маршака характеризовались исключительной поэтической верностью. Ю.Д.Левин, видя у русского переводчика отступления от Бернса едва ли не в каждой строке, в то же время подчеркивал его умение верно воссоздать, согласно законам русской речи, «поэтическое целое, и не только его вербальное содержание, но его стиль, образную систему, эмоциональную настроенность, простоту и драматизм, движение стиха, музыкальность, – словом, те черты, благодаря которым перевод обретает обаяние оригинального произведения» [Левин, 1982, с. 554 – 555]. Среди особенностей переводов С.Я. Маршака отмечались «высветление» бернсовских образов и эмоций, становившихся более ясными и четкими, смягчение, «облагораживание» резкости и грубости шотландского поэта [см.: Левин, 1982, с. 556]⁷⁹.

Бернс входил в круг постоянных литературных интересов К.И. Чуковского, что подтверждается, в частности, тем обстоятельством, что он нередко упоминался русским писателем «к слову» в самых разнообразных контекстах [подробнее об этом см.: Жаткин, 2014, с. 225 – 241]. И все же основная часть материалов о Бернсе в произведениях и

⁷⁹ Успеху изданий переводов С.Я. Маршака из Бернса способствовали иллюстрации В.А. Фаворского, стоящие в одном ряду с другими его выдающимися произведениями – портретом Ф.М. Достоевского, иллюстрациями к «Слову о полку Игореве». «“Многоголосными” по содержанию их не назовешь, – писал В.М.Крастинь. – В этих работах обычно передано одно эмоциональное состояние, по убеждению художника наиболее характерное для героя или для ситуации. Но зато какая целеустремленность, лаконичность и сила в передаче этого состояния!» [Крастинь, 1978, с. 190].

эпистолярной К.И. Чуковского была связана с деятельностью отечественных поэтов-переводчиков, прежде всего, С.Я. Маршака. О своем намерении провести сравнительно-сопоставительный анализ бернсовских прочтений С.Я. Маршака и более ранних переводов его произведений, выполненных О.Н. Чюминой и другими интерпретаторами, К.И. Чуковский сообщал в письме к С.Я. Маршаку от 24 июня 1957 г., отдельно указывая, что результаты исследования планируются к опубликованию как отдельной статьей, так и в книге «Большое искусство» [см.: Чуковский, 2009, т. 15, с. 440–441]. Однако в итоге появился лишь небольшой абзац в названной книге, в котором практически отрицались заслуги дореволюционных переводчиков («Бернс, огражденный от переводчиков очень крепкой броней, больше ста лет не давался им в руки, словно дразня их своей мнимой доступностью – “вот он я! берите меня!”, – и тут же отшвыривал их всех от себя» [Чуковский, 2001, т. 3, с. 191]) и акцентировалась «мертвая хватка» С.Я. Маршака, который «победил-таки этого непобедимого гения и заставил его петь свои песни на языке Державина и Блока» [Чуковский, 2001, т. 3, с. 191].

Первые упоминания о С.Я. Маршаке как переводчике Бернса можно встретить еще в довоенном эпистолярном Чуковских. Так, в письме К.И. Чуковского к дочери Л.К. Чуковской, датированном концом ноября 1939 г., сообщалось, что «3-го дня был <...> Маршак, обедал у нас и читал маме <жене К.И. Чуковского М.Б. Чуковской> свои переводы из Бернса» [Чуковский, 2003, с. 253]. Несколько ранее, 8 апреля 1939 г., в письме Л. Пантелееву Л.К. Чуковская, интересуясь возможностью встречи адресата с С.Я. Маршаком и чтения последним новых переводов из Бернса, характеризовала их как «ослепительные» [Чуковская, 2011, с. 23], после чего приводила особенно поразившее ее двустишие из переводного стихотворения «Макферсон перед казнью», впервые опубликованного в №4 «Молодой гвардии» за 1939 г.:

Так весело,

Отчаянно

Шел к виселице он –

и делала помету – «от этих строк мне становится холодно» [Чуковская, 2011, с. 23].

По прошествии лет К.И. Чуковский в определенный момент ощутил творческое увядание С.Я. Маршака, вызванное старением и болезнью. В дневниковой записи от 21 февраля 1957 г. он признавал, что у поэта-переводчика нет уже «ни вдохновения, ни дарования, одна сухая и мертвая виртуозность»: «Стихи Бернса, переведенные им теперь, как небо от земли отличаются от стихов, переведенных лет 20 назад: в них бывает по 4 рифмы в строфе, рисунок в них четкий, но и только» [Чуковский, 2007, т. 13, с. 230]. Впрочем, пессимистическое восприятие К.И. Чуковским позднего С.Я. Маршака было

недолгим. Уже в конце 1957 г. (см. дневниковую запись от 3 декабря 1957 г.) К.И. Чуковский с интересом принял предложение А.Т. Твардовского выступить с содокладом о С.Я. Маршаке на юбилейном вечере, для чего в течение двух недель изучал Бернса, Блейка, сонеты Шекспира [см.: Чуковский, 2007, т. 13, с. 246]. В записи от 31 декабря 1958 г. К.И. Чуковский рассказывал, как накануне, на импровизированном литературном вечере у С.Я. Маршака, он вместе с А.К. Кнорре читал переводы С.Я. Маршака из Бернса – «превосходные, на высочайшем уровне» [Чуковский, 2007, т. 13, с. 277].

В письме С.Я. Маршаку от 15 июля 1963 г. К.И. Чуковский рассказывал о своей новой статье «В защиту Бернса», в которой резко осуждалась книга переводов В.М. Федотова из Бернса «Песни и стихи», выпущенная издательством «Советская Россия» в 1963 г. Попытка В.М. Федотова впервые после С.Я. Маршака перевести на русский язык произведения Бернса была признана К.И. Чуковским абсолютно провальной, а его книга оценивалась как «постыдный» факт появления «халтурной работы дилетанта» на фоне общего высокого уровня развития художественного перевода («Как будто среди великолепных певцов вдруг выступил безголосый заика» [Чуковский, 2001, т. 3, с. 205]). Метод переводчика он находил вульгарно-русификаторским, в самих же переводах были выявлены многочисленные текстуальные ошибки. Делясь с С.Я. Маршаком своими впечатлениями от переводов В.М. Федотова, К.И. Чуковский просил посоветовать, в каком издании, не находящемся «в стачке с публикаторами этой книжонки» [Чуковский, 2009, т. 15, с. 542], можно было бы поместить отзыв, а также сообщал о намерении включить написанное в книгу «Высокое искусство». К.И. Чуковский признавался, что писал статью «В защиту Бернса» «недели две, не отрываясь, т. к. трудно доказать пошляку, что он пошляк, и мерзавцу – что он мерзавец» [Чуковский, 2009, т. 15, с. 542].

В телеграмме от 23 июля 1963 г. и в письме от 26 июля 1963 г. из Дома творчества Литфонда в Ялте С.Я. Маршак в целом характеризовал статью К.И. Чуковского как «прекрасную – умную, убедительную, молодую» [Маршак, 1972, с. 487], предлагая лишь заменить слово *лютая* / *жестокая* при характеристике зимы в южной Шотландии эпитетом *суровая* и простить В.М. Федотову использование лексемы *версты*, поскольку *мили* не всем известны. «Соперничество бездарного переводчика, – писал С.Я. Маршак К.И. Чуковскому, – мне ничуть не страшно, хоть книга его появилась накануне выхода нового издания моего Бернса (на этот раз в двух книгах). Но грустно видеть неразборчивость издательства, да и читателей, – впрочем, далеко не всех» [Маршак, 1972, с. 487 – 488]. Особое неприятие вызвала и у К.И. Чуковского, и у С.Я. Маршака поддержка «бездарного» В.М. Федотова целым рядом влиятельных в то время писателей, в частности, написавшим предисловие к его книге С.А. Васильевым.

В качестве места для публикации статьи С.Я. Маршак рассматривал «Литературную газету» и «Известия». Однако на деле ситуация оказалась намного сложнее. По наблюдению критика В.А. Козаровецкого, активно поддержавшего выход сборника В.М. Федотова, державно-патриотическое издательство «Советская Россия» «пошло на это издание скорее в пику ненавистному “Новому миру”, чем из любви к Бернсу или Федотову» [Козаровецкий, 2008]. Этому событию предшествовал и другой эпизод: со слов В.М.Федотова, переданных В.А. Козаровецким, «после выхода в Архангельске его первой книжечки переводов из Бернса в 1959 году Маршак добился решения коллегии Министерства культуры РСФСР запретить областным издательствам публиковать переводы иностранной классики без согласования с министерством (под предлогом контроля за качеством)» [Козаровецкий, 2008], поэтому В.М. Федотову ничего не оставалось как обратиться в «Советскую Россию», не принимавшую либеральных ценностей «Нового мира» А.Т. Твардовского и близкого этому изданию С.Я. Маршака.

В свете сказанного понятно, почему и «Литературная газета», и «Известия», не пожелав ввязываться в идеологические распри, отказались от публикации статьи К.И. Чуковского, сообщившего 26 июля 1963 г. С.Я. Маршаку: «<...> дал статью в “Известия”. Аджубея нет, он уехал на Кубу. Его заместитель говорит: “боюсь, что для нашей газеты это слишком специально”. <...> В «Литгазете» она <статья> была. Возвратили. “Мы предпочитаем теоретические ваши статьи о переводе”» [Чуковский, 2009, т. 15, с. 543]. В итоге «неуклюжими попытками» напечатать статью К.И. Чуковский достиг лишь того, что «федотовская партия уже знает, что такая статья существует и примет свои контрмеры» [Чуковский, 2009, т. 15, с. 543]. Однако публикация вскоре все же состоялась – на страницах сентябрьского номера «Нового мира» за 1963 г. [Чуковский, 1963, с. 224 – 227].

В настоящее время, когда острота споров прежних лет существенно сгладилась, следует признать, что К.И. Чуковский был не всегда объективен: некоторые переводы В.М.Федотова из числа вошедших в два подготовленных им бернсовских сборника, вполне заслуживают не только доброжелательного внимания, но и повторной публикации. Существенные шаги на пути реабилитации В.М.Федотова как переводчика были сделаны Б.И. Колесниковым, который при подготовке «Избранного» Бернса в издательстве «Московский рабочий» в 1982 г. включил в него как переводы С.Я. Маршака, так и 90 переводов В.М. Федотова, среди которых и такие объемные, как «Святочная ночь», «Видение» (дуаны первый и второй), «Святой базар» [см.: Бернс, 1982б, с. 95 – 143, 174 –

186, 199 – 222]⁸⁰; отдельные переводы В.М. Федотова продолжают переиздаваться и в наши дни [Бернс, 1999, с. 504, 540; Бернс, 2003, с. 176, 179, 214, 221, 230 – 231, 246].

Несомненной творческой удачей стала кантата «Развеселые нищоброды» («The Jolly Beggars») в переводе С.В. Петрова, характеризующаяся мастерским использованием просторечий, позволяющих удивительно точно передать богатство красок и образов английского подлинника. Только в последние годы перед русским читателем в полную силу раскрылись масштаб дарования С.В. Петрова, значение его наследия для развития отечественной переводческой мысли. С.В. Петров долгое время не мог опубликовать свой перевод, вынужден был пойти на компромиссы с редакторами и издателями, внести в текст существенные коррективы, в результате чего появилась вторая, цензурная редакция, существенно отличающаяся в худшую сторону от первой. Однако и это не помогло – при жизни переводчика увидели свет только отрывки из второй редакции под названием «Голь гулящая». В новейшее время благодаря усилиям Е.В. Витковского сначала состоялась публикация второй редакции [Бернс, 1999, с. 39 – 53], а затем были обнаружены черновики и устранена правка, на которую шел переводчик ради опубликования своего произведения; белой вариант, освобожденный от цензуры, увидел свет в 2007 г. [Бернс, 2007, с. 264 – 275; републикацию с некоторыми уточнениями см.: Бернс, 2012, с. 267 – 282].⁸¹ Работая в конце 1990-х гг. над собственными переводами из Бернса, вдова переводчика А.А. Петрова обратила внимание, насколько внутренне, духовно близки оказались Бернс и С.В. Петров, – именно в этой близости и был залог успеха перевода «Развеселых нищобродов»: «Чтобы передать по-русски его <Бернса> мусоргскианскую красочность, надо было быть Петровым. Но зато Бернс и дал мне громадную радость встретиться под одной обложкой с Петровым» [Калашникова, 2008, с. 389]⁸².

Творчество Бернса привлекало и отдельных представителей Русского Зарубежья. Так, в вышедшей в 1974 г. в Лондоне книге Я.И. Бергера «Английские и другие поэты» было помещено два перевода из Бернса – «Парафраза 1-го псалма» («Какой бы куш тут на земле...») и «Баллада» («Собравшись как-то три царя...») [Бернс, 1974, с. 11 – 12]. Известны факты обращения к творчеству Бернса эмигрировавшего в 1973 г. из СССР Г.Е. Бена, который перевел эпиграммы «Критику, угрожающему мне разгромной рецензией»,

⁸⁰ В 1987 г. переводы В.М. Федотова были переизданы еще в одной книге, подготовленной Б.И. Колесниковым [Бернс, 19876].

⁸¹ Отметим, что в позднейших изданиях опубликован и другой перевод С. Петрова из Бернса – баллада «Джон Ячменное Зерно» [см., например: Бернс, 2007, с. 291 – 293].

⁸² В том же интервью А.А. Петровой отмечена причина, которая, по ее мнению, более других осложняет задачу русских переводчиков Бернса: «<...> для Бернса в русской поэзии нет готового стилистического пространства, у нас не было великого поэта, который был бы столь же грубопростонароден и одновременно изысканно-литературен, как он» [Калашникова, 2008, с. 389].

«Эпитафия Джеймсу Гриву», «Надпись на могиле старухи Гризель Гримм» [Бернс, 1996, с. 149 – 150].

Яркой особенностью маршаковского периода стало появление множества оригинальных произведений русских поэтов, посвященных Бернсу, написанных «на мотив Бернса», содержащих упоминания его имени и т. д. Среди авторов этих произведений – Самуил Маршак [Маршак, 1959, с. 139], Николай Асеев [Асеев, 1962, с. 4], Татьяна Гнедич [Гнедич, 2008, с. 67 – 68], Новелла Матвеева [Матвеева, 1959]... Одна за другой публиковались статьи советских поэтов В.И. Лебедева-Кумача [Лебедев-Кумач, 1938], М.А. Зенкевича [Зенкевич, 1946], А.Е.Адалис [Адалис, 1959, с. 132–138], в которых раскрывалось их восприятие личности и творческого наследия Бернса.⁸³ Такое многообразие имен (а среди обращавшихся к Бернсу были, помимо названных известных поэтов, и малозначительные авторы) свидетельствовало о колоссальной популярности творчества великого шотландца, той самой, которую еще на рубеже 1930-х – 1940-х гг., в самый канун Великой Отечественной войны, предвидел С.А. Орлов.

Список литературы:

Адалис А.Е. Народный поэт / А.Е. Адалис // Октябрь. 1959. №6. С. 132 – 138.

Асеев Н.Н. В конце концов (На мотив Р. Бернса) / Н.Н. Асеев // Литературная газета. 1962. 20 февр. С. 4.

Багрицкий Э.Г. Джон Ячменное Зерно (Р. Бернс) / Э.Г. Багрицкий // Известия Одесского губисполкома, губкома КП(б)У и губпрофсовета. 1923. 5 мая. Литературное приложение к №1025. С. 2.

Багрицкий Э.Г. Веселые нищие (Р. Бернс) / Э.Г. Багрицкий // Новый мир. 1928. №9. С. 5 – 11.

Белашова Е.С. Роберт Бернс в переводах С. Маршака / Е.С. Белашова // Ученые записки Черновицкого государственного университета. Т. XXX. Серия филологических наук. Вып. 6. Черновцы, 1958. С. 69 – 108.

Бернс Р. Избранная лирика / Р. Бернс; пер. с англ. Т.Л. Щепкиной-Куперник; редакция, предисловие и комм. С.Р. Бабуха. М.: Гос. изд-во «Художественная литература», 1936. 160 с.

Бернс Р. Джон Ячменное Зерно («Раз на Востоке три царя...»); Робин («Наш парень в Кайле был рожден...»); Джон Андерсон, мой друг («Джон Андерсон, мой милый Джон...»); Веселый вдовец; Среди колосьев ячменя; Когда бы вихрь промчался вдруг... <ранняя редакция перевода>; Прощание Макферсона / Р. Бернс; пер. С.А. Орлова // Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. А.И. Герцена. Т. 26. Кафедра всеобщей литературы. Л.: ЛГПИ, 1939. С. 246 – 251.

Бернс Р. Стихи и песни. В переводах В. Федотова / Р. Бернс. Архангельск: Архангельское кн. изд-во, 1959. 123 с.

⁸³ Практически всегда знакомство с поэзией Бернса давало русским поэтам новые поводы к размышлениям о жизни и литературе. Впрочем, существует и пример иного порядка, – советский поэт А.А.Сурков, автор знаменитой песни «В землянке» (1941), ставший функционером Союза писателей, в начале 1950-х гг. сетовал, что чтение поэзии Бернса и других великих поэтов привело его к нерешительности, осознанию ничтожности собственного творчества: «Сурков как-то неожиданно перешел к поэзии, прочитал вслух по памяти что-то из Бернса в переводе Маршака, заговорил о своих литературных затруднениях, о потере мужества писать новые стихи. Все чаще, сказал он, после того, как прочитаешь Шекспира, Пушкина или того же Бернса, не решаешься писать свое. Оно кажется таким малым, необязательным, уже написанным другими и много лучше. В молодости все воспринималось иначе...» [Борщаговский, 1991, с. 328].

Бернс Р. Честная бедность; Джон Ячменное Зерно («Три короля далеких стран...»); Песня негра; Робин («В деревне парень был рожден...»); Джон Андерсон («Джон Андерсон, давным-давно...»); Джин; Когда бы вихрь промчался вдруг...; Сельские красавицы; Веселый вдовец; Раненый заяц / Р. Бернс; пер. С.А. Орлова // Орлов С.А. Народный поэт Шотландии (к 200-летию со дня рождения Р. Бернса). Горький: Горьковское отделение Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний, 1959. С. 25 – 36.

Бернс Р. Песни и стихи / Р. Бернс; пер. с англ. В.М. Федотова. М.: Сов. Россия, 1963. 232 с.

Бернс Р. «Джон Андерсон, мой милый Джон...» / Р. Бернс; пер. С.А. Орлова // Литературные связи и традиции: межвузовский сборник. Горький: Изд-во Горьковского гос. ун-та, 1972. Вып. 3. С. 110 – 111.

Бернс Р. Парафраза 1-го псалма («Какой бы куш тут на земле...»); Баллада («Собравшись как-то три царя...») / Р. Бернс; пер. Я.И. Бергера // Бергер Я.И. Английские и другие поэты. Лондон: Multilingual Printing Services, 1974. С. 11 – 12.

Бернс Р. Логан Брас; Жалоба шотландской вдовы; Крестьянский парень; Любовь – как роза красная; Пегги Монтгомери; «Грустит душа моя тайком...»; Эпитафия («Прочти короткий мой рассказ...»); Теленок / Р. Бернс; пер. Игн. Ивановского // Дерево Свободы: Стихи / пер. Игн. Ивановского. Л.: Детская литература, 1976. С. 51 – 62.

Бернс Р. Благочестивая ярмарка / Р. Бернс; пер. С.А. Орлова // Литературные связи и проблема взаимодействия: межвузовский сборник. Горький: Изд-во Горьковского гос. ун-та, 1980. С. 104 – 109.

Бернс Р. Голь гулящая. Кантата (Отрывки) / Р. Бернс; пер. С.В. Петрова // Английская поэзия в русских переводах (XIV – XIX века) / сост. М.П. Алексеев, В.В. Захаров, Б.Б.Томашевский. М.: Прогресс, 1981. С. 215 – 223.

Бернс Р. Стихотворения / Р. Бернс. М.: Радуга, 1982. 704 с.

Бернс Р. Песни и баллады; Политическая поэзия и сатира; Поэмы / Р. Бернс; пер. В.М.Федотова // Бернс Р. Избранное. М.: Московский рабочий, 1982. С. 95 – 143, 174 – 186, 199 – 222.

Бернс Р. Мысль, рожденная в таверне «Глобус»; Эпитафия Джеймсу Гриву, бывшему владельцу шотландского поместья Богхед / Р. Бернс; пер. В.Е. Васильева // Английская классическая эпиграмма / пер. с англ. С.Я. Маршака и В.Е. Васильева. М.: Художественная литература, 1987. С. 145, 148.

Бернс Р. Стихотворения и песни / Р. Бернс; пер. с англ. С.Я. Маршака, В.М. Федотова; сост., вступ. ст. и комментарии Б.И. Колесникова. М.: Детская литература, 1987. 174 с.

Бернс Р. Голь гулящая. Кантата (Отрывки) / Р. Бернс; пер. С.В. Петрова // Прекрасное пленяет навсегда: Из английской поэзии XVIII – XIX веков / сост. А.В.Парин, А.Г.Мурик. М.: Московский рабочий, 1988. С. 64 – 71.

Бернс Р. Критику, угрожающему мне разгромной рецензией; Эпитафия Джеймсу Гриву; Надпись на могиле старухи Гриззель Гримм / Р. Бернс; пер. Г.Е. Бена // Бен Г.Е. Последнее песнопение: Избранные переводы (1977–1994). СПб.: изд. журнала «Звезда», 1996. С. 149 – 150.

Бернс Р. Голь Гулящая. Кантата. Перевод С.В. Петрова; Объяснение («А что, в твой дом, а что, в твой дом...»); Тонкий намек («Когда на улице темно...»). Перевод В.М. Федотова / Р.Бернс // Бернс Р. Собрание поэтических произведений / сост. Е.В. Витковский. М.: Рипол-классик, 1999. С. 39 – 53, 504, 540.

Бернс Р. Робин жал овес; В долине девушка жила; Хорошая новость; Ленивый туман; Когда б я на Парнасе жил; Соловью / Р.Бернс // Шотландская поэзия / сост. Л.И. Володарская. М.: ТЕРРА–Книжный клуб, 2003. С. 176, 179, 214, 221, 230 – 231, 246.

Бернс Р. Развеселые нищоброды. Кантата; Джон Ячменное Зерно / Р. Бернс; пер. С.В.Петрова // Семь веков английской поэзии: Англия. Шотландия. Ирландия. Уэльс: в 3 т. / сост. Е.В. Витковский. М.: Водолей Publishers, 2007. Т. 2. С. 264 – 275, 291 – 293.

Бернс Р. Любовь и свобода [Развеселые нищоброды]. Кантата / Р. Бернс; пер. С.В. Петрова // Бернс Р. Стихотворения и поэмы / предисловие, сост. и комментарии Е.В. Витковского. М.: Эксмо, 2012. С. 267 – 282.

Бернс Р. Капитан Уильям Роддик, известный фат из Корбистона / Р. Бернс; пер. В.Е.Васильева // Не плачь, что нет меня на свете. Двести англоязычных эпитафий / сост. В.Е.Васильев, Г.Е. Бен. СПб.: ИД «Петрополис», 2014. С. 189.

Болотин С. Песни простых людей / С. Болотин, Т. Сикорская. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1954. 404 с.

Борщаговский А.М. Записки баловня судьбы / А.М. Борщаговский. М.: Сов. писатель, 1991. 400 с.

- Волгин И.Л. Эдуард Багрицкий / И.Л. Волгин // Русская литература 1920–1930-х годов. Портреты поэтов: в 2 т. / ред.-сост. А.Г.Гачева, С.Г.Семенова. М.: ИМЛИ, 2008. Т. 1. С. 713 – 733.
- Глоба А.П. Прощальная песнь Макферзона; Воспоминание (Из Бернса) / А.П. Глоба // Глоба А.П. Запад: Песни. М.: Гос. изд-во «Художественная литература», 1936. С. 21 – 23, 48 – 49.
- Гнедич Т.Г. Роберт Бёрнс / Т.Г. Гнедич // Гнедич Т.Г. Страницы плена и страницы славы / сост. Г.С.Усова. СПб.: Genio Logi, 2008. С. 67 – 68.
- Густав Шпет: Философ в культуре. Документы и письма / комментарии, археографическая работа, вступительная статья Т.Г. Щедриной. М.: РОССПЭН, 2012. 676 с.
- Гутнер М.Н. <Рец.:> Роберт Бернс. Избранная лирика. Пер. Т.Л. Щепкиной-Куперник. Гослитиздат. Москва. 1936 г. / М.Н. Гутнер // Литературный современник. 1937. №9. С. 168 – 170.
- Жаткин Д.Н. Русские переводы Р.Бернса и У.Блейка в восприятии К.И.Чуковского / Д.Н.Жаткин // Художественный перевод и сравнительное литературоведение. II: сб. научных трудов / отв. ред. Д.Н.Жаткин. М.: Флинта; Наука, 2014. С. 225 – 241.
- Зенкевич М.А. Шотландский песенник / М.А. Зенкевич // Литературная газета. 1946. 3 августа.
- Калашникова Е. По-русски с любовью: Беседы с переводчиками / Е. Калашникова. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 608 с.
- Козаровецкий В.А. Двойной удар. В защиту художественного перевода... от Маршака и Чуковского [Электронный ресурс] / В.А. Козаровецкий. – Режим доступа: <http://telyonok.narod.ru/01.htm>
- Крастинь В.М. Бах в интерпретации М.В. Юдиной / В.М. Крастинь // Мария Вениаминовна Юдина. Статьи. Воспоминания. Материалы / сост., подг. текста и примечания А.М. Кузнецова. М.: Сов. композитор, 1978. С. 189 – 195.
- Лебедев-Кумач В.И. Великий песенник шотландского народа / В.И.Лебедев-Кумач // Литературная газета. 1938. 15 августа.
- Левин Ю.Д. Бернс на русском языке / Ю.Д. Левин // Бернс Р. Стихотворения. М.: Радуга, 1982. С. 535 – 558.
- Маршак С.Я. Роберту Бернсу / С.Я. Маршак // Новый мир. 1959. №1. С. 139.
- Маршак С.Я. Из Роберта Бернса / С.Я. Маршак // Маршак С.Я. Собрание сочинений: в 8 т. М.: Художественная литература, 1969. Т. 3. С. 187 – 510.
- Маршак С.Я. Письмо К.И. Чуковскому от 26 июля 1963 г. / С.Я. Маршак // Маршак С.Я. Собрание сочинений: в 8 т. М.: Художественная литература, 1972. Т. 8. С. 487 – 489.
- Матвеева Н.Н. Роберт Бернс («Переплетается туман в лощинах поутру...») [Электронный ресурс] / Н.Н.Матвеева. – Режим доступа: <http://www.bards.ru/archives/part.php?id=8850>
- Орлов С.А. Социальный вопрос в поэзии Роберта Бернса: дис. ... канд. филол. наук / С.А.Орлов; Ленинградский гос. пед. ин-т им. А.И. Герцена. Л., 1940. 258 с.
- Орлов С.А. Т.Л. Щепкина-Куперник – переводчица Бернса / С.А. Орлов // Литературные связи и традиции: межвузовский сборник. Горький: ГГУ им. Н.И. Лобачевского, 1974. Вып. 5. С. 110 – 129.
- Паустовский К.Г. Собрание сочинений: в 7 т. / К.Г. Паустовский. М.: Терра-Книжный клуб, 2002. Т. 6. 532 с.
- Старцев А.И. Бернс в новом переводе / А.И. Старцев // Литературная газета. 1936. 11 нояб. (№63). С. 4.
- Чуковская Л.К. Письмо Л. Пантелеву от 8 апреля 1939 г. / Л.К. Чуковская // Пантелеев Л., Чуковская Л.К. Переписка. 1929 – 1987 / предисловие П. Крючкова; подготовка текста и комментарии Е.Ц. Чуковской. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 22 – 24.
- Чуковский К.И. В защиту Бернса: (Роберт Бернс. Песни и стихи. Перевод с английского Виктора Федотова. «Советская Россия». М. 1963. 232 стр.) / К.И. Чуковский // Новый мир. 1963. №9. С. 224 – 227.
- Чуковский К.И. Собрание сочинений: в 15 т. / К.И. Чуковский; сост., подготовка текста и комментарии Е.Ц. Чуковской. М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2001 – 2009. Т. 1 – 15.
- Чуковский К.И. Письмо Л.К. Чуковской от конца ноября 1939 г. / К.И. Чуковский // Чуковский К.И., Чуковская Л.К. Переписка. 1912 – 1969 / вступ. ст. С.А.Лурье, комментарии и подготовка текста Е.Ц.Чуковской, Ж.О.Хавкиной. М.: Новое литературное обозрение, 2003. С. 252 – 253.
- Шуман Р. Прощание горца. Для голоса с ф.-п. Соч. 25. Слова Р. Бернса; пер. с нем. Д.С. Усова / Р. Шуман. М.: Государственное музыкальное издательство, 1933. 6 с.
- Щепкина-Куперник Т.Л. «Итак, у Вас колхоз “Тревога”...» / Т.Л. Щепкина-Куперник // Щепкина-Куперник Т.Л. Избранные стихотворения и поэмы. М.: ОГИ, 2008. С. 223 – 224.

Багрицкий Эдуард Альманах / под ред. Вл. Нарбута. [М.]: С[ов.] п[исатель]; типолит. им. Воровского, 1936. 385, [2] с.

**ГЛАГОЛЬНАЯ ПРЕФИКСАЦИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: К ВОПРОСУ ОБ
ОБУЧЕНИИ ПОЛЬСКОЯЗЫЧНЫХ УЧАЩИХСЯ НА ПРОДВИНУТОМ УРОВНЕ.**

**VERBAL PREFIXATION IN THE RUSSIAN LANGUAGE: ON THE TEACHING
POLISH STUDENT AT ADVANCED LEVEL**

Предлагаемая статья на отдельных примерах употребления в языке префиксальных глаголов дает общее представление об особенностях префиксальной системы двух славянских языков, а именно русского и польского. Приводятся отдельные возможные корреляции, существующие между глагольными префиксами в двух сравниваемых языковых системах: значение, продуктивность, сочетаемость префиксов с глаголами, а также стилистическая окраска и синтаксические особенности префиксальных дериватов. Указывается на необходимость целенаправленной работы над русской глагольной префиксацией в польскоязычной аудитории на продвинутом этапе обучения и предлагаются основные направления оптимизации процесса обучения.

The article shows some features of of prefixed verbs in two cognate Slavic languages, Russian and Polish.

It gives some possible correlations between the verbal prefixation in the two languages as regards: meaning, productivity, compatibility of prefixes with verbs, as well as stylistic and syntactic features of prefixed derivatives. In the conclusions it stresses the necessity of the systematic work on the Russian verbal prefixation in Polish-language audience at an advanced level and offers basic methods of optimizing the learning process.

Ключевые слова: славянские языки, префиксы, глаголы, префиксация, сравнительное языкознание, методика РКИ.

Key words: Slavic languages, prefixes, verbal prefixation, comparative linguistics, Russian as a foreign language

Русский и польский языки принадлежат к славянским языкам. Близкородственность языковых систем играет существенную роль при обучении русскому языку в Польше, поскольку во многом определяет процессы обучения и овладения языком. Схожесть языковых систем имеет как положительную, так и отрицательную направленность. Первая характеризуется, например, тем, что овладение некоторыми лексическими единицами (дом – dom, газета – gazeta, веселый – wesoly, ты – ty), усвоение определенного грамматического материала (глаголы однонаправленного и разнонаправленного движения), выработка практических умений (употребление форм глаголов НСВ и СВ) и т.д. происходят практически автоматически и требуют минимальных усилий со стороны учащихся благодаря положительному переносу ранее приобретенных знаний и навыков. Отрицательная направленность проявляется в

появлении достаточно большого числа ошибок, имеющих устойчивый и неявный (для учащихся) характер. Причиной возникновения ошибок выступает явление интерференции, под которой понимается «*взаимодействие языковых систем, воздействие системы родного языка на изучаемый язык в процессе овладения им*», выражающееся «*в отклонениях от нормы и системы второго языка под влиянием родного*» [Азимов, Щукин, 2009, с. 87]. Явление интерференции встречается на всех уровнях овладения языком: от начального до продвинутого.

На продвинутом уровне владения русским языком частым явлением выступает привнесение глагольного префикса из системы родного (польского) языка в языковую систему осваиваемого русского языка. Такое перенос характерен в равной степени как для устной, так и для письменной речи польскоязычных учащихся. Будет ли этот перенос положительным или отрицательным, зависит от того, в каких отношениях находится отдельно взятый префикс в родной и присваиваемой языковых системах.

Общие особенности глагольной префиксации, определяющие сходства и различия в сравниваемых языках, можно свести к следующему: *значения / оттенки значений префикса; продуктивность префикса; сочетаемость с отдельными глагольными группами / глаголами; стилистическая окраска префикса; синтаксические особенности префиксальных глаголов, образованных при помощи данного префикса.*

Значения / оттенки значений префикса.

При семантическом анализе приставочного глагольного деривата в близкородственных языках, в нашем случае русском и польском, можно говорить

— о полном совпадении значений глагольного префикса с его формальным эквивалентом;

— о частичном совпадении значений глагольного префикса с его формальным эквивалентом (напр., отсутствует определенное значение / оттенок значения);

— об отсутствии формального эквивалента префикса.

Полное совпадение значений.

К глагольным префиксам, имеющим полное совпадение значений, по мнению И. Марыняковой, можно отнести приставки *w-/wo-* и *w-/we-*: «*Derywaty z prefiksem w- w obu językach wykazują analogię w zakresie łączliwości i semantyki*» [Maryniakowa, 1993, с.197].

Вшить — «*пришивать что-либо внутрь, с внутренней стороны чего-либо, вставляя во что-либо (о частях одежды)*»⁸⁴ [БАС, т.2, с.936].

⁸⁴ Здесь и далее толкование значений слов дается по *Словарю современного русского литературного языка* под ред. В.И. Чернышева (далее БАС) – для русского языка.

(1) Для усиления в заднюю кромку паруса с внешней стороны желательно **вшить** тонкую капроновую тесьму шириной около 2 см. [Михаил Гохберг. Надежные крылья: дерзание плюс расчет // «Техника – молодежи», 1976]⁸⁵.

Wszyc — «*połączyć szwem co (część ubrania), szyjąc wstawić, wprawić*»⁸⁶ [SJP, т.9, с.1367].

(2) *W ścianie przedniej 5, jeszcze przed przystąpieniem do zaszywania boków, należy wszyc dwa długie zamki błyskawiczne 5–b i 5–c (rys. 6). Zamki otwierają się od góry ku dołowi i dzięki temu możemy otworzyć klapę 5–a umożliwiającą wygodny dostęp do wnętrza szafki.* [Adam Słodowy, 1972].⁸⁷

Частичное совпадении значений глагольного префикса.

Примером частичного совпадения значений в двух сравниваемых языковых системах может выступать префикс над- в русском языке и его польский эквивалент nad-. Общим для указанных префиксов является значение «добавление/ увеличение ч-л. при помощи действия, выраженного мотивирующим глаголом».

Надстроить — «пристройкой увеличить что-нибудь в высоту» [БАС, т. 7, с.177].

(3) *Общие выводы заключения неоднозначно дают понять, что в доме, где нагрузка на перекрытия больше допустимой в 2–3 раза, прогибы балок превышают предельные в 3, 5 раза, полы гниют, а стены трескаются, нельзя не то что надстраивать лишний этаж, а и просто жить без опасения, что дом не сегодня–завтра развалится!* [Ирина Александрова. Жизнь на стройплощадке (1999) // «Адвокат», 1999.01.18].

Nadbudować «*wybudować nową część nad jakąś wykończoną budową, dobudować wzwwyż*».

(4) *Na domu mama postanowiła nadbudować piętro. Tam: łazienka i sześć pokoi – dla każdego z synów i najstarszej siostry.* [Wojciech Tochman. Niebieskie spodenki wzięłem do krów// Gazeta Wyborcza. 1998–10–09].

Однако польский префикс nad- может придавать производному глаголу значения, которые отсутствуют у русского глагольного префикса над-. К таким значениям относится, напр., значение «*realizacja bliskości przestrzennej z uwydatnieniem tego, że się to dzieje w danym (np. korzystnym, pożądanym lub niekorzystnym, niepożądanym) momencie*» [SJP, т.4, с. 990].

⁸⁵ Здесь и далее примеры употребления приводятся из Национального корпуса русского языка – для русского языка. <http://www.ruscorpora.ru>.

⁸⁶ Здесь и далее толкование значений слов дается по Словарю польского языка под ред. В. Дорошевского (*Słownik języka polskiego*, red. W. Doroszewski) (далее- SJP) – для польского языка.

⁸⁷ Здесь и далее примеры употребления приводятся из Национального корпуса польского языка (Narodowy Korpus języka Polskiego) – для польского языка. <http://www.nkjp.pl>.

Б. Круцка это значение определяет как «*niezupelne zbliżenie się przedmiotu do punktu końcowego (docelowego)*» и отмечает дополнительный оттенок значения «*oczekiwania przez obserwatora na zbliżający się przedmiot*» [Kruczka, 2006, с.233].

Отсутствие указанного значения *приближения* у русского эквивалента приводит к использованию иных русских префиксов, которые имеют подобное значение: при-, под-, на-.

(5a) *Fortuna kolem się toczy. Antychryst, mówią, **nadchodzi**. A o Łucku na Wołyniu słyszeliście?* [Andrzej Sapkowski. *Lux Perpetua* (2006)].

(5б) *Удача идет по кругу. Антихрист, говорят, **приходит**. А про Луцк на Волыне – слышали?* [Андрей Сапковский. *Свет вечный* (В. Фляк, 2009)].

(6a) *A to, że **nadchodzi** Trzeci Wiek, a zanim nadejdzie, stary świat musi zginąć w ogniu.* [Andrzej Sapkowski. *Wozy bojownicy* (2004)].

(6б) *Дескать, **надвигается** Третий Век, а прежде чем он начнется, старый свет должен погибнуть в огне.* [Андрей Сапковский. *Божьи воины* (Е. Вайсброт, 2006)].

(7a) *Trzeba było odejść, **nadchodziła** bowiem wczesna dla dzielnicy żydowskiej godzina policyjna.* [Bohdan Czeszko. *Pokolenie* (1951)].

(7б) *Пора было уходить, **приближался** комендантский час, который наступал в гетто раньше, чем в остальной части города.* [Богдан Чешко. *Поколение* (С. Свяцкий, 1965)].

(8a) *Uciekajcie, ludzie! Śmierć **nadchodzi!** –Są tuż, tuż!* [Andrzej Sapkowski. *Wozy bojownicy* (2004)].

(8б) *Бегите, люди! Смерть **близится!** Они уже здесь, здесь!* [Андрей Сапковский. *Божьи воины* (Е. Вайсброт, 2006)].⁸⁸

Приведенные примеры отражают некоторые возможные корреляции, существующие в префиксальной системе двух языков:

– замена префикса *nad-* для передачи значения *приближения* другим глагольным префиксом, не являющимся формальным эквивалентом указанного польского префикса, но имеющим аналогичное значение *приближения*, а именно префикса *при-*, с сохранением аналогичной производящей основы (5а и 5б);

– одновременная замена префикса и производящей основы (6а и 6б, 7а и 7б);

– употребление вместо префиксального глагола, передающего значение *приближения* с помощью префикса *nad-*, русского беспрефиксального глагола с семантикой, выражаемой польским префиксом (8а и 8б).

⁸⁸ Примеры взяты из Параллельного корпуса (подкорпус Национального корпуса русского языка) <http://ruscorpora.ru/search-para-pl.html>.

Отсутствие формального эквивалента префикса.

Отсутствие формальных эквивалентов некоторых русских префиксов приводит к «перераспределению» значений этих префиксов среди других префиксов, которые составляют префиксальную систему польского языка. В качестве примера можно привести префикс **из-/ изо-**, значения которого «*realizowane są przez czasowniki o wielu przedrostkach, wśród których przewagę osiąga przedrostek wy-*» [Maryniakowa, 1993, с.199].

Исписать: 1) *заполнить листы, страниц и т. п. чем – либо написанным;*

2) *истратить, израсходовать при письме* [БАС, т.5, с.481].

(9) *Теперь все не так, как раньше, когда он мог за ночь **исписать** кипу бумаги, ответить на все письма, подготовить речь* [Екатерина Панина. Одна ночь Робеспьера // «Знание – сила», 2003].

(10) **Исписал** последний карандаш.⁸⁹

Wypisać – (в т.ч.) «*pisząc zużyć co (np. atrament, ołówek)*» [SJP, т.9, с.151].

(11) *Mogłabym **wypisać** całą kartkę A4 o osobach, które dopiero co poznałam, natomiast o sobie nic*⁹⁰.

(12) *Przez dwie godziny **wypisałem** cały atrament z zatankowanego pod korek pióra, ale nikogo chętnego nie zostawiłem z gołą książką.*⁹¹

В приведенных примерах польский префиксальный глагол *wypisać* передает второе значение глагола *исписать*. Значение *заполнения листов / страниц чем – либо написанным* передается часто польским глаголом с префиксом *za-* (13а и 13б).

(13а) *Alicja wyciągnęła z kieszeni kilka drobno **zapisanych** kartek.* [Joanna Chmielewska. *Wszyscy jesteśmy podejrzani* (1966)].

(13б) *Алиция вынула из кармана несколько мелко **исписанных** листков.* [Иоанна Хмелевская. *Мы все под подозрением* (Вера Селиванова, 1993)].

Кроме того, эквивалентами «*w polszczyźnie oprócz derywatów z przedrostkim wy- są formacje z przedrostkami z-, przez-, a dla znaczenia dystrybutywnego po- lub ob-*» [Maryniakowa, 1993, с.200].

(14а) *Prażanie stali twardo, nie dali się **przestraszyć*** [Andrzej Sapkowski. *Boży bojownicy* (2004)].

(14б) *Пражане стояли твердо, не дали себя **испугать*** [Анджей Сапковский. *Божьи воины* (Е. Вайсброт, 2006)].

(15а) *В руке Иван Николаевич нес зажженную венчальную свечу. Правая щека Ивана Николаевича была свежее изодрана. Трудно даже **измерить** глубину молчания,*

⁸⁹ Источник: Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова.

⁹⁰ Источник: <http://www.photoblog.pl/majdzioshek/profil#>.

⁹¹ Источник: <http://rafalkosik.com/po-krakowskich-targach>.

воцарившегося на веранде. Видно было, как у одного из официантов пиво течет из покосившейся набок кружки на пол [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита (ч. 1) (1929–1940)].

(156) *Iwan trzymał w dłoni zapaloną świeczkę, a na jego prawym policzku widniało świeże zadrapanie. Wprost trudno **zmierzyć** głębię ciszy, która zaległa na werandzie. Jednemu z kelnerów przechylił się kufel i widać było, jak piwo leje się na podłogę.* [Michaił Bułhakow. Mistrz i Małgorzata (cz 1) (Irena Lewandowska, Witold Dąbrowski, 1969)].

Продуктивность префикса.

Продуктивность префикса не всегда совпадает в двух языковых системах. К аффиксам, демонстрирующим высокую продуктивность в обоих языках, относится, напр., русские префиксы *до-*, *за-* и их формальные польские эквиваленты *do-*, *za-*⁹². Расхождения в продуктивности префикса наблюдаем на примере префикса *вз-*, который характеризуется большей продуктивностью в русском языке, нежели в польском [Maryniakowa, 1993, с. 197].

Сочетаемость с отдельными глагольными группами / глаголами.

Префиксы *за-* в русском языке и *za-* в польском языке имеют общее для двух языковых систем значение «*начала действия*»: заболеть – *zachołować*, заплакать – *zapłakać* и др.

Однако могут встречаться определенные расхождения в сочетаемости данного префикса с указанным выше значением с отдельными глаголами и даже глагольными группами. Напр., так такое значение *начала действия* в польском языке не всегда может передаваться префиксом *za-* у глаголов разнонаправленного (неодноправленного) движения⁹³: *забегать* – *zacząć biegać*. Иногда значение может передаваться иными префиксами или конструкциями.

(16a) *Далеко внизу **забегали** люди по тротуару, из двух стоявших у подъезда машин одна загудела и отъехала.* [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита (ч. 2) (1929–1940)].

(16b) *Daleko w dole na trotuarze **rozbiegali się** przechodnie, jeden z dwóch stojących przed bramą samochodów zatrząbił i odjechał.* [Michaił Bułhakow. Mistrz i Małgorzata (cz 2) (Irena Lewandowska, Witold Dąbrowski, 1969)].

(17a) *Мотоциклист передал телеграмму предревкома Долиннику. И **забегали** люди. Выстраивалась особая рота.* [Н. А. Островский. Как закалялась сталь (ч. 1) (1930–1934)].

⁹² Кроме значения *выполнение следующего действия сразу же после окончания предыдущего*: заесть, запить (Maryniakowa).

⁹³ Здесь мы опираемся на классификацию, используемую в методике обучения русскому языку как иностранному (глаголы типа идти - ходить, бежать - бегать, ехать - ездить, лететь – летать и т.д.).

(176) *Motocyklista wręczył telegram przewodniczącemu rewkomu Dolinnikowi. Zaczęła się bieganina. Stawała w szyku kompania specjalna.* [Nikołaj Ostrowski. *Jak hartowała się stal* (cz 1) (Wacław Rogowicz, 1954)].

(18a) *Залл сорвал людей с бетонного пола, поставил их на ноги, но, когда залетали на комнатам жуткие сверчки, страх повалил людей обратно на пол. Падали друг на друга.* [Н. А. Островский. *Как закалялась сталь* (ч. 2) (1930–1934)].

(18b) *Salwa poderwała ludzi z betonowej podłogi, stawiając ich na nogi, lecz gdy groźne świetliki zaczęły latać po pokojach, strach z powrotem powalił ludzi na podłogę. Padali jeden na drugiego.* [Nikołaj Ostrowski. *Jak hartowała się stal* (cz 2) (Wacław Rogowicz, 1954)].

Кроме того, в польском языке наряду с приставочными глаголами с префиксом *za-*, передающими значение *начала действия*, достаточно широко представлены параллельные описательные конструкции (по сравнению с русским языком): *заоплодировать* – *zaklaskać /zacząć klaskać*, *забарабанить* – *zabębnić /zacząć bębnić*, *заболтать (руками)* – *zamaczać (rękoma) /zacząć maczać (rękoma)*, *завертеть* – *zakręcić /zacząć kręcić* и др.⁹⁴

(19a) *Тут он заоплодировал, но в совершенном одиночестве, и на лице при этом у него играла уверенная улыбка, но в глазах этой уверенности отнюдь не было, и скорее в них выражалась мольба.* [М. А. Булгаков. *Мастер и Маргарита* (ч. 1) (1929–1940)].

(19b) *I zaczął klaskać, ale klaskał w zupełnym osamotnieniu. Jego śmiech wyrażał pewność siebie, ale w oczach nie miał tej pewności za grosz, patrzyły one raczej błagalnie.* [Michał Bułhakow. *Mistrz i Małgorzata* (cz 1) (Irena Lewandowska, Witold Dąbrowski, 1969)].

(20a) *Koniuchy i zbrojni z eskorty zaklaskali w dłonie.* [Andrzej Sapkowski. *Narrenturm* (2002)].

(20b) *Конюхи и кнехты из эскорта захлопали в ладоши.* [Анджей Сапковский. *Башня шутов* (Е. Вайсброт, 2004)].

Стилистическая окраска префиксального глагола.

Префикс *у-* в русском языке способен *иногда* придавать производным глаголам оттенок разговорности и тем самым относить нейтральный до префиксации глагол к разговорному стилю речи: *угнуть* – *загнуть, согнуть, подогнуть* подо что-н. (простореч.); *уездить* – *укатать, утрамбовать* ездой(простореч.); *уесть* – *схватить зубами, укусить, съесть* (простореч.); *ужать* – *сжимая, утискать, уменьшить* в объеме (простореч.); *улежать* – *пробыть в лежачем положении* какое-н. время, *вынести терпеливо лежанье* где-н. (разг.); *улить* – 1) *полить, облить* сплошь, 2) *отлив, убавить* (простореч.)⁹⁵

⁹⁴ Примеры взяты из *Большого русско – польского словаря*/ А. Миревич, И. Дулевичова и др.

⁹⁵ Примеры приведены по *Толковому словарю русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова.*

Польский эквивалент префикса «*daje derywaty charakterystyczne dla języka książkowego*» [Maryniakowa, 1993, с.206].⁹⁶ Следствием этого является то, что «*wiele czasowników rosyjskich z prefiksem y- ma odpowiedniki w języku polskim z innymi prefiksami*» [Maryniakowa, 1993,с.206].

Синтаксические особенности префиксальных глаголов, образованных при помощи конкретного префикса.

Польский префикс *prze-* имеет в качестве своих эквивалентов ряд русских аффиксов, регулярностью употребления среди которых характеризуются следующие два: *про-* и *пере-*. Так глаголу *przeczytać* соответствуют по крайней мере 2 русских глагола – *прочитать* и *перечитать*.

(21a) *Uбедившись в том, что Луиза ушла восвояси, я забрался в постель Лолиты и **перечел** письмо.* [В. В. Набоков. Лолита (1967)].

(21б) *Upewniwszy się, że Louise już sobie poszła, położyłem się w tym łóżku i **raz jeszcze przeczytałem** list.* [Vladimir Nabokov. Lolita (Michał Kłobukowski, 1997)].

(22a) *Я уже прочла ее, но с тобой с удовольствием **перечту**.* [Н. А. Островский. Как закалялась сталь (ч. 1) (1930–1934)].

(22б) *Już ją przeczytałam, ale z tobą **przeczytam ponownie** z przyjemnością.* [Nikołaj Ostrowski. Jak hartowała się stal (cz 1) (Wacław Rogowicz, 1954)].

(23a) *Какая-то произошла путаница, она в свое время плохо **прочла** дату в путеводителе, и Пляски в Волшебной Пещере давно кончились!* [В.В. Набоков. Лолита (1967)].

(24б) *Zaszło nieporozumienie, źle **przeczytała** datę w Przewodniku i obrzędy w Pieczarze Czarów już się skończyły!* [Vladimir Nabokov. Lolita (Michał Kłobukowski, 1997)].

(25a) *С целью заполнить паузу, я предложил ему **прочитать** собственный приговор—в той ямбической форме, которую я ему придал.* [В. В. Набоков. Лолита (1967)].

(25б) *Chcąc wypełnić czymś pauzę, zaproponowałem, żeby **przeczytał** wyrok na siebie— w poetyckiej formie, jaką mu nadałem.* [Vladimir Nabokov. Lolita (Michał Kłobukowski, 1997)].

Приведенные выше примеры ясно свидетельствуют о возможности разграничения смысла указанных ранее глаголов только в контекстном употреблении: глагол *przeczytać* для передачи значения глагола *перечитать* требует распространителей *ponownie*, *jeszcze* *raz* и др., тогда как без указанных распространителей данный глагол передает значение русского глагола *прочитать*. Контекст для правильного понимания выражаемого глаголом смысла необходим достаточно большому количеству глаголов, поскольку

⁹⁶ Следует отметить, что в русском языке префикс *у-* также способен придавать глаголам оттенок *книжности*.

польский префикс *prze-*, соединяясь с одними глаголами передает то значение префикса *пере-*, то значение префикса *про-*, то эти два значения одновременно: *przemoczyć* – 1) *промочить*, 2) *перемочить* (*nadmiernie*); *przepiec* – 1) *перепечь*, пережарить, 2) *пропечь* прожарить (*dobrze wypiec*).⁹⁷

Существующие внешние сходства и глубинные различия в двух языковых системах, видимые только при внимательном рассмотрении, способны создавать у учащихся ложное представление об идентичности префиксальной системы родного (польского) и осваиваемого (русского) языков. Результатом такого ложного представления и приобретенных ранее навыков употребления глагольных префиксов становятся многочисленные ошибки польскоязычных учащихся в устной и письменной речи на русском языке. Явление интерференции способствует тому, что ошибки сохраняются длительное время и практически не осознаются самими учащимися. Особенно перенос префиксов становится заметен на продвинутом уровне овладения языком, поскольку к данному уровню максимально возрастает число используемых приставок, расширяется объем их значений, вследствие чего увеличивается количество префиксальных глагольных дериватов в речи учащихся. Согласно требованиям к третьему сертификационному уровню владения русским языком учащийся должен знать семантический потенциал глагольных префиксов (как формообразующих, так и словообразующих): *в-*, *вы-*, *за-*, *до-*, *из-/ис-*, *на-*, *над-*, *о-*, *об-*, *от-*, *пере-*, *по-*, *под-*, *при-*, *про-*, *раз-/рас-*, *с-*, *у-* (а также словообразовательных моделей: *до-...-ся*, *в-...-ся*, *на-...-ся*, *при-...-ся*, *пере-...-ся*, *рас-...-ся*).⁹⁸

Различия в префиксальных системах двух языков и довольно частые ошибки указывают на необходимость целенаправленной работы по снижению влияния интерференции и облегчению процесса обучения. Такая специальная работа должна быть направлена на

– повышение уровня осознаваемости существующих в двух языковых системах расхождений по средством приобретения дополнительных теоретических знаний. Для решения такой задачи целесообразным представляется создание дополнительных теоретических пособий и учебного польско-русского / русско-польского словаря глагольных префиксов⁹⁹;

⁹⁷ Примеры приводятся по Большому польско – русскому словарю / Д. Гессен, Р. Стыпула.

⁹⁸ Государственный образовательный стандарт по русскому языку как иностранному. Третий уровень. Общее владение / Иванова Т.А. и др. — М. — СПб: “Златоуст”, 1999. Стр.16.

⁹⁹ Попытка создания подобного учебного словаря для языковой пары – русский и болгарский язык - была предпринята ещё в 1987. См Найденова, Катя Живкова. Система глагольных приставок русского языка в прикладном рассмотрении. Дисс. на соискание уч. ст. канд. филолог. наук. Словарь служебных морфем русского языка (в сравнении с украинским) был составлен Г. П. Цыганенко в 1982г.

– выработка практических умений и навыков правильного употребления глагольных префиксов. Достижение указанной цели возможно путем создания специально разработанной системы упражнений для наиболее употребительных префиксальных глаголов русского языка с учетом особенностей родного языка учащихся.

Подводя итоги, следует отметить, что приведенные в статье примеры и выводы дают только *общее представление* о системе глагольной префиксации в двух сравниваемых языках в упрощенном виде, поскольку корреляции, существующие в двух языковых системах, представляют собой крайне сложное явление. Представление в обобщенном виде основных взаимосвязей в двух языковых системах должно было показать направление работы над глагольными префиксальными дериватами при обучении польскоязычных учащихся на продвинутом уровне владения русским языком.

Список литературы:

Азимов Э. Г. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) / Э.Г. Азимов, А.Н. Шукин. М.: Издательство ИКАР, 2009. 448 с.

Государственный образовательный стандарт по русскому языку как иностранному. Третий уровень. Общее владение / Т.А. Иванова и др. М. – СПб: Златоуст, 1999. 44 с.

Найденова К.Ж. Система глагольных приставок русского языка в прикладном рассмотрении: дис... канд. филолог. наук: 10.02.01 / К.Ж. Найденова; Ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина. Москва, 1987.

Словарь современного русского литературного языка / ред. В.И. Чернышев [и др.]. В 17 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948-1965.

Толковый словарь русского языка / ред. Д.Н. Ушаков. В 4т. М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935–1940.

Цыганенко Г. П. Словарь служебных морфем русского языка / Г. П. Цыганенко. К.: Рад. школа, 1982. 240с.

Krucka B. Kontrasty polsko-rosyjskie w zakresie morfologii a zjawiska interferencji: na podstawie języka polskich studentów ze Wschodu / B. Krucka. Łask – Warszawa: Leksem, 2006. 563 s.

Maryniakowa I. Gramatyka konfrontatywna rosyjsko – polska: morfologia ze słowotwórstwem / I. Maryniakowa. Warszawa: Polska Akademia Nauk, Instytut Sławistyki, Omnitech Press, 1993. 239 s.

Saloni Z. Słownik gramatyczny języka polskiego / Z. Saloni, M. Woliński, R. Wołosz, W. Gruszczyński, D. Skowrońska. – Wydanie 2. Warszawa.: Wiedza Powszechna. 2012. Электронный носитель (CD).

Słownik języka polskiego / red. W. Doroszewski. Т. 1–11. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1958–1969.

Wielki słownik polsko-rosyjski / D.Hessen, R.Stypuła. Т.1–2. Warszawa: Wiedza Powszechna, Moskwa: Russkij jazyk, 1979.

Wielki słownik rosyjsko-polski / A.Mirowicz, I. Dulewiczowa, I. Grek-Pabisowa, I. Maryniakowa.Т. 1–2. Warszawa: Wiedza Powszechna, Moskwa: Russkij jazyk, 1986.

Ресурсы удаленного доступа Национального корпуса русского языка
<http://www.ruscorpora.ru>.

Параллельный корпус (польский) <http://ruscorpora.ru/search-para-pl.html>.

Narodowy Korpus języka Polskiego <http://www.nkjp.pl>.

<http://www.photoblog.pl/majdzioshek/profil#>.

<http://rafalkosik.com/po-krakowskich-targach>.

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИМПЕРАТИВОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ СОВРЕМЕННОГО КАЗАХСТАНА

PECULIARITIES OF FUNCTIONING IMPERATIVES OF RUSSIAN LANGUAGE IN MODERN KAZAKHSTAN

В данной статье рассматривается использование императивов, являющихся универсальным компонентом во всех языках мира, в речи билингов и влияние языковой ситуации, сложившейся в Республике Казахстан, на функционирование данных единиц. В речи императивы представляются в виде высказываний, поэтому их особенности употребления описываются через характеристику контекста (лингвистического и прагматического).

In this article is analyzed the use of imperatives, which is universal component of all languages in all over the world, the speech of bilinguals and the influence of language situation in the Republic of Kazakhstan, and the functioning of these units. In speech imperatives presented in a form of utterance, so their features are described through the use of contextual characteristics (linguistic and pragmatic).

Ключевые слова: императивное высказывание, речь, билингв, ситуация (речевая), адресант, адресат, прагматическое значение, приказ, требование, предложение.

Key words: imperative utterance, speech, bilinguals, situation (speech situation), addressant, addressee, pragmatical meaning, order, demand, supply.

Под влиянием экстралингвистических факторов русский язык Казахстана приобрел свои особенности: на данной территории сложился билингвизм, как результат высокой русской языковой компетенции казахов, который носит «массовый характер» [Сулейменова 2011, Сабитова 2013, Алтынбекова 2010]. Массовое двуязычие влияет на широкое распространение лексики, отражающей реалии казахстанской действительности, а также стимулирует потоки онимов из языка в язык, стирая по многим направлениям границы казахского и русского онимикона [Сулейменова, 2011, с. 96-97]. Помимо лексических особенностей употребления русского языка, на территории Казахстана имеются прагматические особенности. Эти особенности связаны не только с языковыми единицами, передающими реалии казахстанской действительности, которые определяют специфику лексического уровня, русского языка Казахстана, но и с единицами языка, на употребление которых влияют язык и культура титульной нации. Казахи–билингвы

употребляют русский язык в своей речевой практике каждый день, руководствуясь особым мировосприятием.

Во всех языках мира имеется универсальный компонент – обязательные категории и языковые единицы, составляющие эти категории. В силу потребностей, продиктованных условиями и образом жизни, во всех языках мира существуют языковые единицы, обозначающие побуждение к действию и включенные в обыденный язык. В данной работе анализу подвергаются языковые единицы, являющиеся универсальным компонентом во всех языках мира, и рассмотрение влияния их употребления на языковую ситуацию, сложившуюся в Республике Казахстан. В этой связи особый интерес вызывает изучение специфики использования билингвами императивных средств воздействия. Под императивным высказыванием мы понимаем высказывание, которое содержит волеизъявление, «исходящее от субъекта волеизъявления, обращенное к субъекту–исполнителю и направленное на преобразование ирреальной ситуации, которая по замыслу говорящего должна стать реальной в презентно–футуральной перспективе» [Бондарко и др., 1990, с.80–81], т.е. побуждение к действию, выступает в качестве «продукта « речевого акта и произносится в особом виде речевых актов в директиве.

Процесс преобразований в Казахстане наиболее полно и всесторонне отражается в СМИ [Калкабекова, 2010, с. 7]. СМИ «определяют языковую, социально–психологическую и культурную ситуации в обществе» [Володина, 2008, с.8], а также фиксируют все изменения в языке, связанные с его употреблением. Среди средств массовой информации особое место занимают газеты, которые являются «одной из самых распространенных форм общения» [Калкабекова, 2010, с.7]. Газеты отличаются своей яркостью и доступностью всем слоям населения. В качестве источника исследования функционирования императивных высказываний были взяты республиканские («Караван», «Экспресс К», «Мегаполис», «Казахстанская правда») и региональные («Огни Алатау», Талдыкорган) газеты.

С целью выявления прагматических особенностей использования императивных высказываний рассматривались статьи 12-ти журналистов-билингвов генетических казахов, пишущих на русском языке и владеющих русским и казахским языками свободно. Всего было проанализировано 2228 примеров употребления императивных высказываний в 5298 статьях. Хронологически охвачена деятельность журналистов и события, освещаемые в статьях, с 2006 г. по 2014 г.

Описывая особенности употребления императивных высказываний, мы прежде всего остановимся на характеристике контекста (лингвистического и прагматического).

Итак, императивные высказывания используются фактически во всех сферах жизни человека. Основной формой речи, в которой произносятся императивные высказывания является диалог.

Доминирующей сферой, где используются императивные высказывания, является полуофициальная сфера (43%), которая охватывает ситуации регионального и республиканского масштабов. Здесь не обязателен регламент, строгость. Однако языковые средства разговорной речи здесь используются реже, чем в быту. Для описания полуофициальных ситуаций избирается нейтральная лексика.

К полуофициальным ситуациям относятся интервью с общественными деятелями, деятелями искусства, специалистами в различных сферах (финансистами, экологами, экономистами, психологами, врачами, представителями правоохранительных органов), культурные и спортивные мероприятия, статьи, посвященные различным историческим событиям (воспоминаниям и историческим справкам о Великой Отечественной войне), юбилеям. Например:

1) Ж: *«– Расскажите, пожалуйста, о своей больнице»* (курсив и подчеркивание во всех примерах далее наше – Ж.А. и Ш.А.)

Сонг Иль – глава клиники в Сеуле: *«– Это специализированная клиника, имеющая международную аккредитацию JCI. Это означает, что мы соответствуем всем международным стандартам. Тому есть официальное подтверждение министерства здравоохранения нашей страны...»* (Айдар Ермеков, «Доктор Улыбка», «Экспресс К», 06.10.2012) (курсив наш – Ж.А. и Ш.А.)

После полуофициальных ситуаций по количеству использования императивных высказываний следуют бытовые (или неофициальные) ситуации (35%). К бытовым относятся ситуации в семье, ограбления, хулиганство, ситуации на улицах, в транспорте, в магазинах, в школах (при общении детей) и т.д.). Языковые средства выражают непринужденность, неподготовленность общения, неофициальность. Речь участников речевого акта изобилует междометиями, просторечиями, жаргонизмами и выражениями, которые подчеркивают эмоциональность.

Наиболее регламентированной сферой, где действуют строгие нормы этикета, является официальная сфера (21%), императивные высказывания здесь используются реже. Это, как правило, ситуации, связанные с политикой, правительством (обсуждение законов, постановлений, программ главы государства, заседания парламента, судебные заседания, правительственные собрания, пленумы, формы и т.д.), дипломатией (международные отношения Казахстана с другими странами).

Как показал анализ материала, официальные ситуации охватывают международный (заголовок статьи *«Сиам-Сиам, откройся»* (Рустем Омаров, «Экспресс К», 13.02.2010, *«МИД Казахстана объявил о завершении злключений казахстанских летчиков, задержанных в Таиланде. Вчера ночью пилоты, наконец-то, вернулись на родину»*), республиканский (заголовок статьи *«Показать и наказать!»* (подзаголовок: *«Президент Казахстана: Указания надо выполнять»*) (Жанар Канафина, «Караван», 08.11.2013, *«Градус событий этой недели просто бил все рекорды! В понедельник, 4 ноября, объектом критики главы государства Нурсултана Назарбаева стало руководство его администрации»*) и региональный уровни (заголовок статьи *«Господин полицейский, проявите уважение»* (Жанар Канафина, «Караван», 16.11.2012, *«В № 45 от 9 ноября 2012 года («Зоркий глаз» пока не видит) «Караван» пригласил начальника управления дорожной полиции ДВД Алматы Юрия Александровича Редько на «прямую линию» с нашими читателями...»*).

Статьи этого типа характеризуются насыщенностью элементами официально-делового стиля: лексика (в частности, политическая: *официальный запрос, спикер парламента, премьер-министр*), цепи родительного падежа (*начальник управления дорожной полиции, общественный фонд охраны здоровья и физической культуры, заседание научно-экспертного совета Ассамблеи народа Казахстана под председательством государственного секретаря Каната Саудабаева*), предлоги (с учетом возможных погашений основного долга, в соответствии со всеми международными стандартами), осложненные предложения (*Источником финансирования могла бы послужить разница, образовавшаяся при повышении акцизов на алкоголь и табак; Депутат предложила объединить женщин, задействованных на политическом поприще, не только на республиканском, но и региональном уровне*) и др.

В отношениях между участниками императивных ситуаций в большинстве случаев сохраняется субординация «начальник – подчиненный». Там, где на коммуникацию влияет субординация и зависимость адресанта от адресата, в общении избираются обращения на «Вы» и используются такие прагматические значения как предложения, просьбы, советы, предложения. *«Наша газета поздравляет Ивана Васильевича с наступающим праздником – Днем Победы и желает крепкого здоровья и долгих лет жизни! Оставайтесь всегда ярким примером мужества и отваги, чести и героизма!»* (Асет Калымов, «Характер, закаленный в боях», «Казахстанская правда», 19.04.2014).

В ситуациях, когда адресаты зависимы от адресантов, используются приказы, угрозы, запреты и формы и обращения на «ты», например: заголовок статьи *«Берегись высокого давления»* (Жамиля Атибаева, «Огни Алатау», 15 мая 2014): *«Во вторую*

субботу мая ежегодно по инициативе Всемирной Организации здравоохранения проводится Всемирный день борьбы с артериальной гипертонией. Повышенное артериальное давление или артериальная гипертония – самый грозный фактор развития инфаркта миокарда и ишемического инсульта» (прагматическое значение заголовка – предупреждение).

Императивные высказывания используются чаще в конфликтных ситуациях (55% случаев), тогда как высказывания, произнесенные в неконфликтных ситуациях, встречаются меньше (45% случаев). Данный показатель относится к императивным высказываниям, которые встречаются в тексте статьи. Императивные заголовки в одинаковой степени используются как в конфликтных, так и в неконфликтных ситуациях, поэтому не являются показателем только конфликтной ситуации.

Конфликты происходят в бытовых ситуациях (51% случаев) и реже в полуофициальных ситуациях и являются экономическими (78% случаев) (промышленность, производство, технологии, строительство, жилищно–коммунальные услуги, коррупция), социальными (20%) (образование, воспитание детей, семейные отношения), этическими. В официальных ситуациях конфликты чаще политические.

Пример бытового конфликта:

«Как-то вечером Саша возвращался домой с работы. Едва открыв дверь подъезда, он увидел молодых парней, распивающих дешевый портвейн. Александр не мог равнодушно пройти мимо пьяных, набросавших сигаретные окурки и оплевавших весь пол. Тем более что жил он на первом этаже. Сделав замечание, Троицкий попросил ребят найти для своего занятия более подходящее место.

– Слышь, мужик, – услышал он в ответ. – Пошел бы ты на...

– Ребята, я не хочу с вами ссориться, – сказал Александр. – Я просто сейчас зайду домой. А если через минуту вы не уйдете, вызову милицию.

– Да пошел ты!

Александр вскипел, но удержал себя в руках. Прекрасно понимая, что в противном случае ему прямая дорога в тюрьму, он спокойно зашел домой, умылся и сел ужинать. Из подъезда продолжали доноситься пьяные разговоры и громкий хохот. Терпеть это безобразие было уже невозможно, и Александр набрал «02».

– Ждите, сейчас придем наряд, – ответили на том конце провода.

Но время шло, а милиционеров все не было. Постепенно стали возмущаться соседи, которым нужно было отдыхать после трудового дня. Но парни все никак не хотели уgomониться. «Попробую еще разок поговорить, может, поймут», – подумал Александр и вышел в подъезд:

– Ребята, я прошу вас, идите куда-нибудь в другое место. Людям спать надо, завтра на работу.

– Мужик, тебе раз сказали, неужели непонятно? Запрись в своей конуре, а не то мордой пол здесь будешь вытирать.

Такое уже мало кто может стерпеть, и Александр дал волю эмоциям.

– Так, слушайте меня, уроды. Если через секунду не испаритесь, я вас всех в один почтовый ящик затолкаю.

– Мужик, ты нам надоел. Придется тебя мало-мало проучить.

С этими словами самый наглый из парней повернулся и попытался нанести удар. Бедолага сам не понял, как оказался на ступеньках головой вниз. Ему на помощь кинулись остальные. Еще удар – и второй негодяй так же очутился в беспомощности. Третий попытался достать нож, но ощутил своей челюстью железный локоть Александра и «уснул» (Айдар Ермаков, «Убрать сэнсея», «Экспресс К», 13.11.2009).

Адресантами императивного высказывания являются участники ситуации (61,2% случаев), описываемой журналистом либо сам журналист (38,8%), например: «Поэтому мы призываем всех поработать среди меценатов, чтобы можно было помочь больным людям» (Жанар Канафина, «Как остановить рак?», «Караван», 12.11.2010) Адресатами императивного высказывания в широком понимании являются все читатели газет, однако в узком понимании адресатами могут быть участники описываемой ситуации (61,2% случаев).

Адресантами императивных высказываний чаще всего являются мужчины: 53% высказываний были произнесены мужчинами («– Верните мне обращение «товарищ», – просит бывалый полковник, впрочем, не открывая своего имени. – Ну не господа мы, а друзья боевые» (Рустем Омаров, «Господин солдат», «Экспресс К», 23.02.2008); 29% – женщинами («Пожалуйста, небо!» (Сауле Кусаинова, «Казахстанская правда», 30.01.2013). В остальных 18% случаев авторами императивных высказываний является группа людей (рабочие заводов, жители сел, родители, коллективы рабочих и др.). Данный факт связан с позициями, которые занимают мужчины в обществе. В основном адресанты императивных высказываний – это руководители предприятий, правительственные сотрудники, политики, депутаты, начальники различных организаций, объединений, видные политические и культурные деятели, которые обращаются к своим подчиненным. Чаще адресатами-исполнителями действий, о которых сообщается в императивных высказываниях, являются мужчины (48% высказываний), лишь в 12,5% случаев адресатами императивных высказываний явились женщины. В 319 случаях

адресатами императивных высказываний явились группы (коллективы, жители поселков и городов) или народ в целом.

Среди средств выражения побуждения доминируют высказывания с императивными формами (78,5%), из которых наиболее частотны глагольные формы 2-го лица ед.ч. и мн.ч. (52,5%), используемые для всех императивных прагматических значений, например: *«Люди! Оглянитесь вокруг и задумайтесь о своем поведении, отношении к другим!»* (Жамиля Атибаева, «Жестокая правда жизни», Огни Алатау, 25.11.2013). Менее употребительными оказались высказывания с глагольными императивными формами 3-го лица (ед.ч. и мн.ч.) (5,2%) (например, *«– Можно понять, когда тюнингуют крутые тачки: деньги есть – пусть делает, что хочет. Но часто встречаются и далеко не первой свежести машины, подвергшиеся этому явлению...»* (Айдар Ермеков, «Завгар Михалыч: тюнинг по–советски», «Экспресс К», 31.07.2009) и совместного действия (3%) (например, аким (мэр) г. Талдыкорган о социальных проблемах): *«– Давайте вначале разберемся с понятием «социальные проблемы»* (Жанар Мыктыбаева, «Динамизм – примета времени», «Огни Алатау», 04.10.2012). Инфинитивные конструкции (10,8%) используются для выражения приказов и советов, например: *«Встать, суд зрителей идет!»* (Рустем Омаров, «Экспресс К», 08.04.2009). Эллиптические конструкции преимущественно – для приказов (7%) в режиме экономии времени, например: *«Марш–марш, левой!»* (Рустем Омаров, «Экспресс К», 20.08.2009). Прямые эксплицитные средства выражения – перформативные высказывания (4,2%) в роли заголовка в основном выражают просьбы (например, *«Прошу вас разъяснить важный вопрос, который, думаю, волнует многих...»* (Жанар Канафина, «Караван», 29.08.2008), в текстах газет используются для советов, приказов, требований, призывов и др. Косвенные эксплицитные средства выражения побуждения – предложения с модальными глаголами (8,5%) (например, заголовок статьи *«Не надо мне диктовать!»* (Жанар Канафина, «Караван», 18.12.2009) и индикативные предложения (4,5%) используются реже в основном в высказываниях, выявленных из текста статьи (например, заголовок статьи *«Рассекретить списки новоселов»* (Алия Ахмедиева, «Мегаполис», 15.02.2012). Косвенные имплицитные средства вопросы и намеки в заголовках не используются, поскольку являются неэкспрессивным средством, а в императивных высказываниях, которые встречаются в текстах газет в основном выражают просьбы (*«Может быть, стоит, особенно в преддверии ЭКСПО–2017, городским властям и инвесторам обратить внимание на его идеи и поддержать этот нестандартный проект? В качестве эксперимента и ради оздоровления ситуации с загрязнением*

городского воздуха» (Асемгуль Бакытова, «О чем рычат моторы?», Казахстанская правда, 30.10.2013).

В текстах печатных СМИ доминируют императивные высказывания, имеющие прагматическое значение совета (25%), затем по количеству употреблений следуют предложения (15,4%), на третьем месте по функционированию находятся приказы (14,1%) и далее требования (10,1%), просьбы (9,6%), призывы (7,3%), запреты (6%), предупреждения (5,4%), пожелания (4,7%), разрешения (2,7%).

В газетном дискурсе используются императивные высказывания на казахском языке; заголовок статьи *«Түзел! Тік тұр!»* (Темурлан Куандык–ұлы, «Мегаполис», 18.02.2013) – каз. = *Ровняйся! Смирно!*). Это вполне закономерное и нередкое явление для казахстанских газет. Казахский язык является государственным языком Казахстана, и многие казахстанцы, помимо билингвов и этнических казахов, владеют казахским языком и говорят на нем.

Императивные высказывания содержат лексику, отражающую реалии казахстанской действительности (*Наурыз, бауырсақ, қуырдақ, «Болашақ», бала, жиен* и др.): *«Но наши же журналисты, не все, конечно, порой стараются выставить меня в неприглядном свете... Та же история с высказыванием о болашаковцах: я ведь не только о пивбарах говорил, но вырезали только это и показали... Среди болашаковцев немало и хороших ребят. Но зачастую бывает так: окончит «Болашақ» чей-то балашка, күйеу-балашка или жиенчик – и сразу, без заслуг, подавай ему должность! Потому и топчемся на месте!»* (Талгат Мусабаев в интервью Жанар Канафиной, «Караван», 15.11.2013); *«Меруерт Жусупова из Уральска рассказала нам, что каждый год в Наурыз кроме коже, баурсаков и қуырдака готовит еще и казахский салат»* (Жанар Канафина, «Накройте щедрый дастархан», «Караван», 20.03.2009). В приведенных примерах имеются слова, обозначающие реалии казахстанской действительности *«Болашақ»* («государственная образовательная программа: после окончания кандидаты подают документы, если проходят конкурс, обучаются в зарубежных вузах, в основном Англии, США, после окончания обучения они приезжают и начинают работать в ведущих национальных компаниях»), *балашка* (от *бала* – каз. ребенок, дитя + *-шк-* – уменьш.-ласк. суффикс), *күйеу-балашка* (каз. *күйеу-бала* – зять + *-шк-* – уменьш.-ласк. суффикс), *жиенчик* (*жиен* – племянник, родственник по линии матери, *чик-* уменьш.-ласк. суффикс), *Наурыз* (День весеннего раноденствия, праздник), *коже* (каз. суп), *баурсак* (каз. выпеченный на масле из продукт теста), *қуырдақ* (национальное блюдо, которое готовится из внутренностей (сердце, печень, почки, легкие)).

Кроме того, при обращении к младшим допускаются ласковые обращения. Такие обращения являются показателем казахского менталитета, в соответствии с которым принято выражать уважение и почет к старшим и быть опорой и защитой для младших:

а) «Ты, Тураржан, не волнуйся. Как только придет ответ из Москвы, вызовем тебя», – сказал мне потом замминистра» (Галия Шимырбаева, «Турар Кукеев: Секрет долголетия? Я дружу с головой», «Казахстанская правда», 22.11.2013);

б) «– А, балакайлар, проходите, с чем пожаловали? – живо заинтересовался он» (Жанар Канафина, «Отправили на пенсию – и забыли...», «Караван», 28.11.2008).

Таким образом, в условиях казахско-русского билингвизма функционирование императива в русском языке Казахстана приобретает специфические черты. Это – включение лексики, отражающей реалии казахстанской действительности, обращений, а также целых высказываний на родном носителям языке. Но самой главной прагматической особенностью является предпочтение определенных прагматических директивных значений. В силу культурно-национальных особенностей билингвы предпочитают «более мягкие», не выражающие категоричное волеизъявление прагматические значения побуждения – советы и предложения. Кроме того, в силу социокультурных особенностей, императивы используются преимущественно в речи мужчин и старших по возрасту людей.

Список литературы:

Алтынбекова О.Б. Языковая ситуация в Казахстане: макро– и микросоциоллингвистическая парадигма / О.Б. Алтынбекова. Алматы: Қазақ университеті, 2006. 46 с.

Бондарко А.В. Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность / А.В. Бондарко, Е.И. Беляева, Л.А. Бирюлин, Е.Е. Корди, Г.Г. Сильницкий, В.С. Храковский, С.Н. Цейтлин, М.А. Шелякин. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1990. 264 с.

Володина М.Н. Язык СМИ – основное средство воздействия на массовое сознание // Язык средств массовой информации / под ред. М.Н. Володиной. М.: Академический проект; Альма Матер, 2008. С.6–24.

Калкабекова Д.Б. Метафора персонификации в публицистическом дискурсе (на материале СМИ): автореф. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Д.Б. Калкабекова; Алматы, 2010. 30 с.

Сабитова З.К. Лингвокультурология: учебник / З.К. Сабитова. М.: Флинта: Наука, 2013. 528 с.

Сулейменова Э.Д. Языковые процессы и политика: монография / Э.Д. Сулейменова. Алматы: Қазақ университеті, 2011. 117 с.

ПОВЫШЕНИЕ МОТИВАЦИИ В ИЗУЧЕНИИ РКИ В НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЕ КАК ИСХОДНАЯ ТОЧКА ПОПУЛЯРИЗАЦИИ РУССКОГО ЯЗЫКА В СЕРБИИ

INCREASING MOTIVATION IN LEARNING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE IN ELEMENTARY SCHOOL AS THE INITIAL POINT OF RUSSIAN LANGUAGE POPULARIZATION IN SERBIA

В данной статье рассматривается вопрос мотивации учеников начальной школы как отправной точки популяризации русского языка в Сербии. Работа основывается на исследовании, которое проводилось среди учеников двух начальных школ в Белграде. Её цель – сформировать понятие о факторах, формирующих мотивацию на начальном этапе изучения русского языка, а также об их развитии и трансформации с возрастом. В результате были получены данные, которые в дальнейшем помогут сформировать программу действий по повышению мотивации среди учащихся. Подчеркивается значимость возраста учащихся, так как на учеников именно в этом возрасте и на этом уровне изучения языка можно оказать целенаправленное влияние, которое может привести к значительным результатам. Делается акцент на специфике организации изучения РКИ именно в Сербии как инославянской среде.

This article treats the issue of motivation referring to the pupils of elementary school as the initial point in popularization of Russian language in Serbia. The article is based on the research carried out among pupils of two elementary schools in Belgrade. Objective of the research is comprehension of those factors which form motivation at the first stage of Russian language learning as well as their development and transformation with age. As a result, there has been obtained information which would, in the further stage of action, contribute to the formation of program consequently increasing motivation among pupils. The age of pupils is specifically emphasized given that at such age and at that stage of foreign language learning a targeted influence may be realized which may lead to important results. Particular emphasis is in the learning of Russian as a foreign language in Serbia as in non-Russian environment.

Ключевые слова: мотивация, исследование, начальная школа, популяризация русского языка.

Key words: motivation, research, elementary school, popularization of Russian language.

Сегодня вопрос мотивации учащихся к изучению русского языка исключительно актуален не только в рамках методики преподавания РКИ, но и в целом в практической деятельности людей, занимающихся популяризацией русского языка. Этим вопросом стоит заниматься с самого начала изучения, т.е. с возраста начальной школы (в Сербии это 1–8 классы), так как именно тогда у учеников развиваются постоянные навыки и интерес к учебе в дальнейшем.

Что касается изучения русского языка в Сербии, то сейчас он, в отличие от XX века, когда изучение русского языка являлось составной частью образования,

предлагается в школе или навязывается родителями. Поэтому в итоге, при отсутствии адекватной мотивации, получается, что по окончании учебы и завершении обязательного курса, ученики не продолжают изучать русский язык, и, следовательно, забывают его.

Таким образом, в связи с изучением русского языка в Сербии как инославянской среде возникает широко распространенная проблема мотивации учеников к началу изучения русского языка и, в особенности, к продолжению его изучения. В Сербии интерес к изучению русского языка снижается: в большинстве школ русский язык либо не изучается вообще, либо ученикам (их родителям) в пятом классе начальной школы предоставляется выбор между русским, немецким и французским языками (только в нескольких школах русский изучается как второй иностранный язык без права выбора между другими языками). В данной ситуации большинство школьников останавливается на двух других языках, считая изучение русского языка менее перспективным. В связи с вопросом выбора, на наш взгляд, самым серьезным препятствием является распространённое среди родителей и в обществе в целом мнение о том, что русский язык достаточно похож на сербский, и нет необходимости изучать его намеренно. По словам В. Николич, школьники в Сербии относятся к русскому языку не как к иностранному языку, а как к довольно понятному, легкому и похожему на их родной. В результате образуется так называемая нулевая, или даже негативная мотивация.¹⁰⁰

Среди прочего, создавать помехи мотивации школьников может также языковая интерференция, из-за которой появляются устойчивые ошибки, потенциально снижающие самооценку и стремление к прогрессу у школьников. Они, по В. Раичевичу, классифицируются следующим образом:

- 5) отождествление произношения/артикуляции некоторых иностранных и сербских звуков, т.е. нарушение фонетических норм и правил;
- 6) отсутствие семантической дифференциации иностранных словообразовательных элементов и их эквивалентов в сербском языке;
- 7) деформация и неправильное употребление грамматических форм склонения под влиянием родного языка (замена иностранных морфем сербскими);
- 8) нарушение норм иностранного глагольного управления;
- 9) нарушение норм склонения и спряжения;
- 10) отождествление лексических значений как следствие межъязыковой омонимии и паронимии;

¹⁰⁰ Николич В., Методика наставе руског језика, Завод за уџбенике и наставна средства, Београд, 1996., с.25

11) неадекватная интонация вопроса и восклицательного предложения (нарушение системы отдельных иностранных интонационных конструкций и просодии);

12) неадекватное понимание устойчивых иностранных выражений и фразеологизмов и их неправильное соотнесение с формально схожими в сербском языке;

13) более и менее существенные отклонения от норм иностранного речевого этикета¹⁰¹ (перевод мой – Т.Й.).

Таким образом, учащиеся при первой более серьезной попытке заниматься русским языком встречаются с проблемами, и вследствие этого их интерес к изучению русского языка угасает. В целях повышения интереса у учащихся, именно в этом возрасте нужно работать над мотивацией, формировать понятие о русской культуре среди школьников, используя сходства и различия между двумя культурами, и, таким образом, повлиять на общепринятые представления. В связи с этим стоит иметь в виду, что повлиять на формирование или, в некоторых случаях, на усиление внутренних факторов у детей школьного возраста можно лишь через внешнюю мотивацию. Некоторые ученые считают, что внешнюю мотивацию нужно использовать ограниченно, а влиять необходимо на внутреннюю мотивацию, ибо она более долгосрочная и продолжает влиять на сознание учащихся. Л. Шипелевич об этом говорит следующее: «...Представляется необходимым рассматривать интеллектуальный потенциал, интересы, как неотъемлемые компоненты интеллектуально–содержательного мира учащихся определенного возраста, поскольку интеллектуальный потенциал представляет собой базу для развития личности, а интересы – развивающий компонент этой базы».¹⁰²

Мы указывали, что возраст учащихся начальной школы в Сербии является исходной точкой в процессе повышения мотивации, и, в частности, популяризации русского языка в инославянской среде. Также в этом возрасте ученики способны получать информацию постепенно и воспринять ее адекватным способом. Кроме этих причин, существуют также факторы физиологической природы, характерные для этого возраста. К. Кончаревич в своей работе приводит следующие аргументы в поддержку того, что начинать изучать язык нужно с самых ранних лет:

- Физиологическое развитие речевых органов. В раннем возрасте, пока артикуляция еще не зафиксирована, дети пользуются имитационными способностями. Они легко усваивают произношение, ударение, интонацию,

¹⁰¹ Раичевич, В., Општа методика наставе словенских језика у инословенској средини, Београд, 2007., с. 214

¹⁰² Шипелевич Л. Реализация принципов коммуникативности в учебнике иностранного языка /Быдгощ-1998, с.43

особенно в условиях устной работы, т.е. пока еще обучение подразумевает подражание преподавателю, обучение через игру, без перехода на чтение и письмо, без теоретических комментариев и контрастирования.

4) Социальность детей, высокое развитие воображения и драматических способностей, которые позволяют легко овладеть навыком коммуникации на иностранном языке, изучая язык через игру.

5) Структура и функционирование интеллекта. До начала периода переходного возраста, когда конкретные операции замещают формальные, и начинается развитие абстрактного мышления, ребенок изучает язык эмпирически, т.е. через имитацию. Он еще не проводит аналогий в сознании, не ищет различий в сравнении с родным языком. Но с 12 лет, по окончании периода позднего детства, ученики проявляют желание сравнивать иностранный язык с родным, анализировать языковые элементы, начинают переносить структуры своего языка на новый языковой материал – другими словами, становятся более восприимчивы к межъязыковой интерференции.

6) Общее отношение к познанию и изучению. Период позднего детства, с 9 до 11–12 лет, характеризуется общим развитием интеллекта, ростом сознательных потребностей, мотивов, появлением первых форм самостоятельной интеллектуальной работы (чтение, создание коллекций, альбомов, написание литературных сочинений и т.д.). Это период эмоционально–социальной стабилизации ребенка. Однако с началом переходного возраста нарушается баланс предыдущего периода, меняется сфера мотивации и интересов, эмоциональное и социальное отношение к окружающей среде, а столкновение с авторитетами переносится на отношение к школе и обучению. Сознательные интересы, доминировавшие в предыдущий период, переходят на второй план¹⁰³ (перевод мой – Т.Й.).

Данная тема в первую очередь подразумевает определение формирующих мотивы факторов – внутренних и внешних, потому мы провели исследование, призванное продемонстрировать текущие результаты и очертить возможности дальнейших действий в этой сфере. В результате получена информация, с учетом которой можно сформировать адекватную методику, скорректировать мотивацию учеников и в целом повлиять на результаты изучения русского в начальных школах в Сербии. Исследование основывается на данных анкеты, содержащей десять целенаправленных вопросов о мотивирующих факторах у учеников разного возраста. В анкетировании участвовало 146 учеников

¹⁰³ Кончаревич К., Савремена настава руског јесика. Садржаји, организација, облици, Славистичко друштво Србије, Б., 2004.

старших классов (в Сербии это 5, 6, 7 классы) двух начальных школ в Белграде. В итоге были получены данные, которые основываются на ответах школьников как различного возраста, так и обучающихся у разных преподавателей. В данном исследовании особое значение имел возраст учеников, поэтому результатам анкеты дают реальное представление о возрастной динамике отношения к изучению русского языка. С целью получения максимально информативных ответов в анкете тематически выделены вопросы, которые направлены на разделение влияния внутренних и внешних мотивов, а также демонстрируют отношение к языку и способы его изучения.

Вопросы разделены на тематические подгруппы:

- вопросы, связанные с общими навыками учеников в отношении к изучению русского языка;
- вопросы, связанные с отношением школьников к учебнику;
- вопросы, связанные с внешними факторами, касающимися самих уроков;
- вопросы, связанные с интересами учеников в отношении к русской культуре и возможности совершенствования самих уроков
- полузакрытый вопрос, в котором предлагалось выбрать между русским и другими языками в плане перспективы продолжения изучения языка.

По результатам ответов на вопросы, касавшихся формирования навыков учеников при изучении русского языка, мы выяснили, что ученики вне школы практически не занимаются русским языком. Тут особенно показательны ответы учеников седьмого класса, на основе которых видно, что увеличивается число тех, кому вообще не интересно заниматься русским языком. Детям интереснее всего заниматься русским языком в школе, на уроке, и большинство из них работе в группе предпочитают самостоятельную работу. Также интересно, что мало кого из школьников привлекают внеклассные мероприятия. Нам представляется, что возможной причиной этого может быть недостаточно разработанная программа внеклассных мероприятий или их отсутствие в принципе.

Что касается получения информации вне школы, то стоит отметить следующее: с возрастом уменьшается и интерес к информированию по вопросам русского языка. В то время как ученики пятого класса все еще выбирают информирование в школе, старшеклассники либо получают информацию через Интернет, либо совсем теряют к ней интерес.

Ответы на вопросы, связанные с содержанием учебников, показали, что с возрастом уменьшается мотивирующая функция иллюстраций. На основании этого можно предложить увеличение числа других видов упражнений в учебнике. Похожая ситуация

по вопросу с дополнительными упражнениями: ученики пятого класса более положительно реагируют на эту часть учебника (33 %), чем ученики шестого класса (23 %), и, тем более, седьмого, где интереса к дополнительным упражнениям почти нет (15 %).

Ответы на вопрос, связанный с действием внешних факторов на самих уроках, показали, что больше всего мотивирует учеников к изучению русского языка оценка, и с этим согласна треть от общего числа анкетированных независимо от возраста. Второй по значимости мотивирующий фактор – преподаватель, в то время как учебник, дополнительные материалы и внешкольные мероприятия играют роль всего лишь для 9% опрошенных. Самой интересной частью урока большинство считает чтение текстов, и это касается учеников всех классов, затем следуют альтернативные ответы, а именно викторины, пение русских песен, дополнительные материалы и упражнения, придуманные самим преподавателем. В связи с ролью преподавателя в учебном процессе В. Молчановский и Л. Шипелевич упоминают, что «мотивационно–стимулирующая функция отражает ориентированность деятельности преподавателя на второго участника учебного процесса и состоит в преобразовании учащегося из объекта педагогического воздействия в активного субъекта учебного взаимодействия партнеров, исполняющих собственные ситуативно обусловленные роли».¹⁰⁴

Следующие данные были получены по вопросу, связанному с получением информации о самой интересной части русской культуры: ученики пятого класса выбирают географию и историю России, но с возрастом интерес к этому уменьшается, и большинство учеников стремится узнать больше о русских традициях (русская кухня, обычаи, образ жизни). В связи с этим можно организовать тематические мастерские в рамках внеклассной работы, в которых ученики могут принять участие и, таким образом, больше узнать об упомянутых определенных сферах русской культуры. Кроме того, ученики пятого класса хотят видеть в учебнике больше текстов и диалогов, так как отдают предпочтение коммуникативной части урока, ощущая свою роль в них. Ученики старших классов, наоборот, предлагают увеличить число заданий, связанных с русской культурой: просмотр фильмов и мультфильмов, пение русских песен и т.д.

На вопрос, касающийся возможности выбора между русским и другими языками, школьники дали следующие ответы. Среди учеников пятого класса бытует мнение, что русский язык несложный, и его изучение дается им легко. Среди детей старшего возраста, с увеличением объема новой информации на уроках, уменьшается количество тех, кто

¹⁰⁴ Молчановский В.В.: Преподаватель русского языка как иностранного. Введение в специальность/ В.В. Молчановский, Л. Шипелевич. М.:Рус яз. Курсы.-2002. с.87.

выбирает русский по этим причинам. Всё больше школьников, которые считают, что русский язык им не нужен: он слишком трудный, а на уроках недостаточно интересно. Все-таки большинство учеников решают продолжить изучение русского языка по причинам, среди которых самыми популярными являются три: они уже привыкли; «русские и сербы – братья»; нравится преподаватель. Причин, по которым некоторые ученики отказываются от дальнейшего изучения русского, тоже три: русский недостаточно перспективен; среди учеников старших классов – сложность русского языка, вернее, его грамматика, а также недостаточно интересные уроки. Таким образом сразу видно, что внешние факторы проявляют самое большое влияние на школьников, в то время как внутренняя мотивация почти отсутствует.

В результате проведенного анализа мотивирующих факторов мы получили результаты, с помощью которых можно усилить заинтересованность учеников в изучении, и, что еще важнее, в продолжение изучения русского языка. В итоге мы получили линейные результаты, демонстрирующие, каким образом с возрастом меняются мотивирующие факторы у учеников. Опираясь на них, можно более эффективно повлиять на сознание учащихся определенного возраста в связи с продолжением изучения русского языка и его популяризацией. На основе этого можно адаптировать учебники и учебный процесс в целом, повысить мотивацию у учеников.

По итогам данного исследования мы выяснили, что внимание учеников младшего возраста привлекают интерактивные части уроков, т.е. применение преподавателем коммуникативного подхода в виде особых целенаправленных игр, которые способствуют активному усвоению речи и спонтанному употреблению конструкций. В связи с этим Т.М. Балыхина в свое время отметила: «Педагогический потенциал игры для детей с разными языками состоит в том, чтобы при обучении новому языку использовались те типы спонтанных игр, которые в действительности происходят между детьми и ведут к усвоению речи»¹⁰⁵. Благодаря этому ученики смогут проще, эффективнее расширять свои знания, так как новая информация, передаваемая через игру, не будет казаться настолько сложной.

В конечном счете, становится понятным, что с возрастом увеличивается процент школьников, который отказывается от изучения русского языка. Данное явление касается учащихся из городской среды в Сербии, и оно частично обусловлено межкультурной интерференцией, а также стереотипами в обществе. Учитывая то, что на начальном этапе изучения русского языка мотивация и интерес присутствуют, нужно найти адекватный

¹⁰⁵ Балыхина, Т.М. Методика преподавания русского языка как неродного, нового/ М.: Изд-во Российского университета дружбы народов, 2007, с. 30

способ формирования плавного перехода к новым формам обучения в старших классах, и, что важно, повлиять на сознание учеников старших классов посредством других форм школьной и внешкольной деятельности.

Данная тема подразумевает поиск новых решений и введение инноваций, но для этого необходимо сперва определить пути их разработки. Этой темой также занимается И.Н. Попова, и в своей работе она упоминает, что нужно сначала продумать возможную стратегию инновационных преобразований, условия (материальные, кадровые) успешной деятельности, предвидеть последствия успеха, а также неудачи при реализации проекта. Так что в целях долгосрочного влияния на процесс обучения, а также ради популяризации русского языка, сначала надо заняться этапной разработкой данной темы, учитывая при этом происхождение данных и их направление к актуальным вопросам и потребностям в данном обществе.¹⁰⁶ Учитывая то, что у сербской культуры с русской много общего, упрощается процесс знакомства данной темы учащимся. Надо принять во внимание близость обеих культур и использовать это в целях повышения мотивации. В связи с этим, мы предлагаем повышать мотивацию через знакомство сербских учеников с русской культурой, причем не только работая в рамках материала учебника, который, как показывают результаты исследования, не является привлекательным для учеников, но и организуя определенные внешкольные мероприятия, которые могли бы способствовать тому, чтобы русская культура стала для школьников близкой. Об этом, среди прочих, пишет Л. Шипелевич, упоминая о следующем: «Практика работы с различными по возрасту и уровню образования учащимися показывает, что для успешного усвоения учебный материал должен не только соответствовать требованиям новизны, информативности, легкости, доступности, но и непременно обладать достаточным уровнем интеллектуальной сложности»¹⁰⁷.

Также нельзя не упомянуть значимость потенциального сотрудничества школ с учреждениями русской культуры в Сербии, где можно, например, организовать мастерские, литературные клубы и просмотры фильмов, выбранных в соответствии с возрастом учеников.

И учитывая то, что личность преподавателя является крайне важной составляющей процесса изучения языка и формирования мотивации, мы бы хотели особо подчеркнуть важность именно этой составляющей в процессе обучения преподавателей. Необходимо работать над тем, чтобы повышение мотивации в изучении русского языка и его популяризация не были лишь идеей, а стало реальностью в инославянской среде, которая

¹⁰⁶ Журнал «Народное образование», Издательский дом «Народное образование», Москва, №5, с. 111

¹⁰⁷ Шипелевич Л.: Реализация принципов коммуникативности в учебнике иностранного языка / Быдгош: Изд-во ВПШ, 1998, с.35

является благодатной почвой для достижения поставленных задач популяризаторов русского языка.

Список литературы:

Балыхина, Т.М. Методика преподавания русского языка как неродного, нового/ М.: Изд-во Российского университета дружбы народов, 2007. 185 с.

Молчановский В.В.: Преподаватель русского языка как иностранного. Введение в специальность/ В.В. Молчановский, Л. Шипелевич. М.:Рус яз. Курсы, 2002. 320 с.

Попова И. Н.: Как эффективно управлять инновационными процессами? Журнал «Народное образование», / М.: Изд. дом «Народное образование», 2014. №5

Шипелевич Л.: Реализация принципов коммуникативности в учебнике иностранного языка / Быдгощ: Изд-во ВПШ, – 1998. 195 с.

Раичевич, В., Општа методика наставе словенских језика у инословенској средини: Завод за уџбенике, Б., 2007. 303 с.

Кончаревич К., Савремена настава руског језика. Садржаји, организација, облици, Славистичко друштво Србије, Београд, 2004. 440 с.

Николич В., Методика наставе руског језика / В. Николич, М. Межински. Београд: Завод за уџбенике и наставна средства, 1996. 212 с.

«УМНЫЙ» ИЛИ «ДУХОВНЫЙ»? ПЕРЕВОД ОДНОГО ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО И КОНЦЕПТ «ДУХОВНОСТЬ»

«INTELLIGENT» OR «SPIRITUAL»? THE TRANSLATION OF ONE ADJECTIVE AND THE CONCEPT OF «SPIRITUALITY»

В статье рассматривается перевод прилагательного *geistig* с немецкого языка на русский в книге австрийского философа и писателя, бывшего узника Освенцима Жана Амери. Поскольку концепт «Духовность» является одним из ключевых концептов в русской культуре, мы подробно останавливаемся на понимании этого понятия русскоязычным читателем и автором немецкоязычного оригинала. В статье доказывается, что перевод прилагательного «духовный» не способствует адекватному пониманию интенций автора. Неверующий Ж. Амери (по его собственному признанию) придает понятию *geistig* исключительно светский характер, рассматривая его как синоним прилагательного «интеллектуальный». Соответствует ли такая картина мира менталитету русскоязычного читателя? В статье дается отрицательный ответ на этот вопрос.

The article deals with the German to Russian translation of *geistig*, an adjective used in the book by the Austrian philosopher and writer Jean Amery, the former prisoner of Auschwitz. As the concept «Spirituality» presents a key concept in the Russian culture, we are focusing in detail on the understanding of this concept by the Russian reader and by the author of the German original. It has been suggested that the translation of the adjective «spiritual» does not contribute to an adequate understanding of the author's intent. The non-believer Jean Amery (by his own admission) gives to the concept of *geistig* an exclusively secular character, namely, it as an adjective synonym of «intellectual». Does this world view correspond to the Russian reader's mentality? This question is answered negatively in the article.

Ключевые слова: культурный концепт, духовность, духовный, интеллектуальный, светский компонент, религиозный компонент, перевод прилагательного.

Key words: cultural concept, spirituality, ecclesiastic, intellectual, secular part, religious part, translation of an adjective.

Объектом настоящего исследования явилась книга австрийского философа и писателя, бывшего узника Освенцима, Бухенвальда и Берген-Бельзенна Жана Амери «Jenseits von Schuld und Sühne» [Améry, 2014] («По ту сторону преступления и наказания») [Амери, 2015], написанная им в середине 1960-х годов. В обобщенном цикле эссе автор рассказывает о своем личном опыте существования интеллектуала в концлагере, о физических пытках, о праве на месть, о невозможности прощения и о крушении национальной самоидентификации.

Книга написана настолько пронзительно и откровенно, что у нас нет желания анализировать перевод на неточности. Оставим их на совести переводчика

русскоязычного издания, совершенно при этом не собираясь умалять достоинств перевода. Одно то, что книга вышла на русском языке и стала доступной массовому читателю, – безусловная заслуга переводчика и издателей.

Книга отвергает любую форму беллетризации [Зебальд, 2015, с. 174], жестко повествуя о моральных и физических переживаниях одного конкретного человека, хотя, по сути, речь идет не о трагедии одного человека, а о трагедии целого поколения. Ж. Амери остался единственным, кто открыто описал непристойность психически и социально деформированного общества и позорный факт, что после этого история как ни в чем не бывало смогла почти без помех продолжать свой ход [Зебальд, 2015, с. 176].

Мы рассмотрим главу «На рубежах духа» («An den Grenzen des Geistes»), в которой Ж. Амери описал свою жизнь узника Освенцима. К переводу названия вопросов нет, они появляются позже.

Первоначально цель главы – описание пребывания интеллектуала в Освенциме. Но один «благонамеренный друг» рекомендовал автору как можно меньше говорить об Освенциме и как можно больше – о духовных вопросах [Амери, 2015, с. 19]. Употребленное в заголовке главы существительное *Geist* имеет два основных значения – «дух» и «ум». Соответственно образованное от него прилагательное *geistig* также имеет два основных значения – «духовный» и «умный». Если перевод заголовка главы – «На рубежах духа» – возражений не вызывает, то совет посвятить главу духовным вопросам кажется по меньшей мере странным. Здесь следует обратить внимание на отношение к концепту «Духовность» в русской языковой картине мира. Ю.С. Степанов определяет культурный концепт как отпечаток, слепок, сгусток культуры в сознании человека, посредством которого формируется менталитет и с помощью которого человек входит в мир культуры и может влиять на неё [Степанов, 2001, с. 46]. Обратимся к пониманию языковой картины мира Л. Вайсгербером: «Словарный запас конкретного языка включает вместе с совокупностью языковых знаков также и совокупность понятийных мыслительных средств, которыми располагает языковое сообщество; и по мере того, как каждый носитель языка изучает этот словарь, все члены языкового сообщества овладевают этими мыслительными средствами; в этом смысле можно сказать, что возможность родного языка состоит в том, что он содержит в своих понятиях определённую картину мира и передаёт её всем членам языкового сообщества» [Радченко, 2006, с. 250].

Как и в западной языковой культуре, которую представляет Ж. Амери, в русской языковой культуре концепт «духовность» слагается из светского и религиозного компонентов.

С.М. Алейникова отмечает, что первоначально понятие духовности оформилось в русском языке в рамках светской традиции как противопоставление материальной, телесной природе человека. Религиозный смысл данному понятию придали представители русской религиозной философии – Н.А. Бердяев, В.С. Соловьев и др. [Алейникова].

Общепризнано, что краеугольным камнем русской культуры является православное христианское вероучение, оставившее неизгладимый след в русском языке [Петрухина, 2007, с. 7]. Христианская духовность неразрывно связана с нравственностью. Она предполагает в первую очередь стяжание Духа Святого, следование евангельским заповедям, принятие во всем воли Божией, постоянное предстояние перед Господом [Гостева, 2013, с. 45]. Хотя светское понятие духовности связано с интеллектуальной природой человека, с высоким уровнем его нравственных и интеллектуальных потребностей, светское понятие духовности в русской культуре изначально вырастает из религиозного, считает И.В. Гостева в отличие от С.М. Алейниковой.

Ж. Амери, употребляя слово *geistig*, подразумевал под ним прежде всего светское понимание, т.е. высокий уровень своих интеллектуальных и эстетических потребностей, тем более учитывая тот факт, что он являлся, по его собственному признанию, неверующим человеком. Более того, Ж. Амери говорит, что неважно, *духовны* ли верующие в принятом им смысле или нет, полностью отрекаясь от религиозного значения прилагательного [Амери, 2014, с. 36]. Для неверующего автора существительное *Geist* («дух») в контексте материалистической традиции и науки – это функция высокоразвитой материи – мозга [Харсеева]. Быть духовным, в контексте Ж.Амери, не означает «быть религиозным». Это означает испытывать интерес к нематериальным ценностям и иметь более широкий и глубокий взгляд на жизнь. При переводе на русский язык слова «дух» и «духовный» теряют свое светское значение, и читатель, не знакомый с жизнью Ж. Амери и не знающий немецкий язык, благодаря переводу может сделать совсем неправильные выводы.

Авто употребляет прилагательные «духовный» и «интеллектуальный» как синонимы:

Коль скоро речь пойдет об интеллектуале, или, как сказали бы раньше, о «человеке <i>духовном</i> », оказавшемся в Освенциме, необходимо, пожалуй, для начала дать определение моему объекту, а именно интеллектуалу. Кто такой, в моей трактовке, интеллектуал или человек <i>духовный</i> ? (перевод частично мой – Е.К.)	Wenn ich über den Intellektuellen, oder, wie man früher gesagt hätte: über den « <i>geistigen Menschen</i> » in Auschwitz sprechen will, habe ich wohl meinen Gegenstand, eben jenen Intellektuellen, zuvor einmal zu definieren. Wer ist in dem von mir angenommenen Wortsinn ein Intellektueller oder ein <i>geistiger Mensch</i> ? [Améry, 2014, S. 20].
--	---

Проанализируем русскоязычное повествование А. Викторова о директоре Института физиологии АН СССР Лине Штерн, которая много лет работала в Швейцарии, в марте 1925 года переехала в Москву, а после войны была арестована. Автор пишет, что знавшая почти все европейские языки, интеллигентная Лина Штерн, вспоминая допросы следователя, состоящие из нецензурной брани, говорила: «Я плохо понимала, что следователь хочет от меня услышать, в чем я должна ему признаться. Но что меня больше всего удивляло, так это непрерывное упоминание о моей матери, которая умерла более 30 лет назад» [Викторов, 2015, с. 10]. Обратим внимание на прилагательное «интеллигентная». Мы полагаем, что Жан Амери употреблял прилагательное *geistig* именно в значении «интеллигентный». Можно ли в приведенном русскоязычном контексте заменить «интеллигентная» на «духовная»? Это выглядело бы по меньшей мере странно.

Ж. Амери противопоставляет себя, интеллектуала, «не слишком *духовным* представителям так называемых интеллигентных профессий» [Амери, 2014, с. 21] (*nicht weiter geistigen Trägern der sogenannten Intelligenzberufe* [Améry, 2014, S. 21]). Себя и таких же, как он сам, автор называет «образованными и высококультурными» [Амери, 2014, с. 24] и отмечает, что «в лагере существовала проблема между *духовным* человеком и большинством его товарищей» [Амери, 2014, с. 24]. Также Ж. Амери называет *духовной* позицию своего голландского друга и товарища по несчастью, писателя Нико Роста, который считал, что в лагере нужно «ещё больше читать, ещё больше и интенсивнее учиться» [Амери, 2014, с. 25]. В отличие от Ж. Амери, Нико Рост находился не в Освенциме, а в Дахау. Ж. Амери указывает на разницу между духовностью в Дахау и духовностью в Освенциме: «в Дахау заключенные имели возможность противопоставить эсэсовскому государству, эсэсовской структуре собственную *духовную* структуру, иными словами, у *духа* там была социальная функция, хотя, в основном, она выражалась в политической, религиозной, идеологической форме и лишь в редких случаях, как, например, у Нико Роста, в философской и эстетической. В Освенциме же *духовный* человек находился в изоляции, предоставленный исключительно самому себе. В Освенциме *дух* был сам по себе, отсутствовала всякая возможность привязать его к какой-нибудь социальной структуре, пусть даже убогой, подпольной. Интеллектуал оставался наедине со своим *духом*, то есть с содержимым собственного сознания, и *дух* этот не мог распрямиться и окрепнуть в социальной реальности» [Амери, 2014, с. 26-27] (*grundsätzlich bestand in Dachau für die Häftlinge die Möglichkeit, dem SS-Staat, der SS-Struktur eine geistige Struktur entgegenzustellen: damit aber hatte dort der Geist eine soziale Funktion, auch wenn*

дiese wesentlich politisch, religiös, ideologisch in Erscheinung trat und nur in seltenen Fällen, wie etwa bei Nico Rost, zugleich auch philosophisch und ästhetisch. In Auschwitz aber war der *geistige* Mensch isoliert, war ganz auf sich selbst gestellt. In Auschwitz war der *Geist* nichts als er selber, und es bestand keine Chance, ihn an eine auch noch so unzulängliche, noch so verborgene soziale Struktur zu montieren. Der Intellektuelle stand also allein mit seinem *Geist*, der nichts war alsbarer Bewußtseinsinhalt und sich nicht aufrichten und erhärten konnte an einer gesellschaftlichen Wirklichkeit“ [Améry, 2014, S. 27]).

Ж. Амери делает вывод, что «всё *духовное* в Освенциме потихоньку приобретало двойственную новизну: с одной стороны, психологически становилось чем-то совершенно нереальным, с другой, если применять социальные понятия, превращалось в такую непоозволительную роскошь» « [Амери, 2014, с. 27] (So nahm langsamerhand in Auschwitz alles *Geistige* eine zweifach neue Gestalt an: Es wurde einerseits, psychologisch, zu etwas ganz und gar Irrealem und andererseits, sofern man es in sozialen Begriffen definiert, zu einer Art von unerlaubtem Luxus [Améry, 2014, S. 28]).

Ушедших в себя интеллектуалов Ж. Амери характеризует как людей, которые больше не верили в реальность *духовного* мира [Амери, 2014, с. 29] (der Mann glaubte einfach nicht mehr an die Wirklichkeit der *geistigen* Welt [Améry, 2014, S. 29]).

Автор переживает по поводу того, что «всё *духовное* и эстетическое достояние – от мерзбургских заклинаний до Готфрида Бенна, от Букстехуде до Рихарда Штрауса – перешло в бесспорную и неоспоримую собственность врага» [Амери, 2014, с. 29] (von den Merseburger Zaubersprüchen bis Gottfried Benn, von Buxtehude bis Richard Strauss war das *geistige* und ästhetische Gut in den unbestrittenen und unbestreitbaren Besitz des Feindes übergegangen [Améry, 2014, S. 29-30]).

Ещё один смысл – антоним прилагательного *духовный*: *бездуховный*. Ж. Амери пишет: «Человек, оказавшись на грани смерти от голода и истощения, не просто становится *бездуховным*, но в буквальном смысле теряет человеческий облик» [Амери, 2014, с. 30] (das Subjekt, unmittelbar vor dem Hunger- und Erschöpfungstod stehend, ist nicht nur *entgeistet*, sondern im eigentlichen Wortsinn entmenschet [Améry, 2014, S. 31]). В отличие от прилагательного «*духовный*» прилагательное «*бездуховный*» в русском языке имеет только одно значение, причем с явно отрицательной коннотацией: «характеризующийся отсутствием нравственных идеалов, духовных ценностей или пренебрежением ими». В немецком оригинале употреблено причастие, образованное от глагола «*entgeisten*» со значениями «лишить рассудка, лишить разума». Мы считаем, что более адекватный перевод первоисточника был бы таким: «оказавшись на грани смерти от голода и истощения, человек не только теряет рассудок, но и в буквальном смысле человеческий

облик». Кстати, прилагательное «бездуховный» в свете русской языковой культуры относится к безэквивалентной лексике в немецком языке. Лишь словосочетанию «бездуховный обыватель» можно найти эквивалент в виде разговорного существительного «Kulturbanause». Как далек русскоязычный перевод понятий от смыслов Жана Амери!

В переводе можно встретить ещё один антоним прилагательного «духовный» - *недуховный*. Автор в контексте оригинала также употребляет антонимичную пару – *geistig/ungeistig*: «Духовный человек, если только он уже не был физически совершенно разрушен, не становился *недуховным* и не терял способность мыслить» [Амери, 2014, с. 46] (es war ja nicht so, dass der *geistige* Mensch, sofern er nicht schon physisch vollkommen zerstört war, nun *ungeistig* oder zum Denken unfähig geworden wäre [Améry, 2014, S. 47-48]).

Ж. Амери вспоминает, как однажды санитар в лазарете дал ему тарелку подслащенной манной каши, которую он жадно проглотил, после чего погрузился в состояние невероятной *духовной* эйфории. Им завладела безумная *духовная* жажда, сопровождавшаяся пронзительной жалостью к себе, от которой на глаза навернулись слезы. Причем не до конца затуманенным краем сознания он полностью отдавал себе отчет в иллюзорном характере такого минутного *духовного* подъема [Амери, 2014, с. 31] (Ich denke daran, wie mir einmal ein Pfleger des Krankenbaues einen Teller mit gesüßtem Grieß schenkte, den ich gierig verschlang, wobei ich in den Zustand einer außerordentlichen *geistigen* Euphorie geriet. Ein wildes *Geistverlangen* ergriff Besitz von mir, das begleitet war von durchdringendem Selbstmitleid und das mir Tränen in die Augen trieb. Dabei war ich mir aber in einer klar gebliebenen Bewußtseinsschicht des Pseudocharakters dieser nur Minuten währenden *geistigen* Erhebung voll bewußt [Améry, 2014, S. 31, 32]).

В конце главы Ж. Амери однозначно употребляет прилагательные «духовный» (*geistig*) и «интеллектуальный» (*intellektuell*) как синонимы. «Духовно не очень развитой узник обычно принимал издёвки с известным хладнокровием. Интеллектуал же бунтовал, разум отказывался ему служить. Таким образом, принципиальная *духовная* толерантность и методическое сомнение интеллектуала становились факторами саморазрушения. Каждый, какова бы ни была его *духовная* конституция на воле, здесь становился гегельянцем» [Амери, 2014, с. 33, 34, 35] (Der *geistig* nicht weiter geübte Lagerhäftling nahm diese Umstände meist mit einem gewissen Gleichmut zur Kenntnis. Der Intellektuelle aber revoltierte dagegen in der Ohnmacht des Gedankens. Die grundsätzliche *geistige* Toleranz und der methodische Zweifel des Intellektuellen wurden so zu Faktoren der Autodestruktion. Jedermann, es mochte es *geistig* draußen gehalten haben wie auch immer, wurde hier zum Hegelianer [Améry, 2014, S. 33, 34, 36]).

Продолжая противопоставление интеллектуала и неинтеллектуала, Ж. Амери пишет: «*Духовный* человек всегда и всюду находился в полной зависимости от власти. Испокон веков он привычен подвергать её *духовному* сомнению, критическому анализу – и одновременно, в ходе того же умственного процесса, перед нею капитулировать» [Амери, 2014, с. 35] (der geistige Mensch hat sich immer und überall in völliger Abhängigkeit von der Macht befunden. Er war und ist es gewohnt, sie geistig anzuzweifeln, sie seiner kritischen Analyse zu unterwerfen – und doch im selben intellektuellen Arbeitsgang vor ihr zu kapitulieren [Améry, 2014, S. 36]).

В.Г. Борботько отмечал, что в разных языках наблюдаются случаи несовпадения концептов применительно к одной и той же идее [Борботько, 2012, с. 6].

С точки зрения русскоязычной культуры немецкоязычный автор сильно сузил значение прилагательного *geistig*, перевод которого даже одним словом «*духовный*» подразумевает «нравственный», «гуманный», «милосердный», «свободный», «верующий», «интеллигентный», «начитанный». В русскоязычном варианте присутствуют все перечисленные смыслы, т.е. синтез всех этих качеств человека.

Перевод книги способствует тому, что мы зачастую балансируем на грани непонимания того, что же хотел сказать автор оригинала на самом деле. Словосочетания «*духовная структура*», «*духовная эйфория*», «*духовная жажда*», «*духовный подъем*», «*духовная толерантность*», «*духовная конституция*», «*духовное сомнение*» в приведенных выше примерах практически непонятны русскоязычному менталитету. «*Духовная структура*» – это, скорее всего, «образ жизни интеллигентного человека», «*духовная эйфория*» – это «эйфория свободы», «*духовная жажда*» – это «жажда свободы», «*духовный подъем*» – это «вера в лучшее», «*духовная толерантность*» – это «терпимость к менее образованным и менее интеллигентным людям», «*духовная конституция*» – это, скорее всего, «уровень интеллигентности», «*духовное сомнение*» – это «высокомерие образованного человека». Стремление переводчика одно и то же прилагательное *geistig* всегда переводить одинаково (прилагательным «*духовный*») оправдано с точки зрения законов переводоведения, но не оправдано с точки зрения понимания. Мы считаем, что переводчик должен смотреть на произведение глазами автора и доносить до читателя истинные авторские интенции.

Список литературы:

Алейникова С.М. К понятию «духовности»: религиозное, нравственное или политическое? [Электронный ресурс] / С.М. Алейникова. – Режим доступа: <http://zdravomyslie.info/cat/8-articles/251-spirituality>

Амери Ж. По ту сторону преступления и наказания: Попытки одоленного одолеть / Жан Амери, пер. с нем. И. Эбаноидзе. М.: Новое издательство, 2015. 200 с.

Борботько В.Г. Формы концептуализации идей как ценностей культуры в языковом сознании / Жизнь языка в культуре и социуме–3. Материалы международной научной конференции. Москва, 20–21 апреля 2012 года. М.: Институт Языкознания РАН, РУДН, 2012. С.5–7

Гостева И.В. Концепт «Духовность» в русской языковой картине мира: светские и религиозные компоненты / Вестник Челябинского государственного университета. Серия Филология. Искусствоведение. 2013. № 20. Вып. 79. С. 44–48

Викторов А. Таблетка для Сталина / ЕС. № 17. 2015. С. 10

Зебельд В.Г. Глазами ночной птицы. О Жане Амери. Пер. с нем. Н.Н. Федоровой / Жан Амери, пер. с нем. И. Эбаноидзе. М.: Новое издательство, 2015. С. 168–188

Петрухина Е.В. Русская языковая картина мира и православное сознание / Виноград: православный педагогический журнал. 2007. № 3. С. 6–11

Радченко О.А. Язык как мирозидание: Лингвофилософская концепция неогумбольдтианства / О.А. Радченко. Серия «История лингвофилософской мысли». М.: Едиториал УРСС, 2006. 312 с.

Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. М.: Академический проект, 2001. 990 с.

Харсеева А.В. Интерпретация понятия «Духовность» в философии [Электронный ресурс] / А.В. Харсеева. – Режим доступа: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2006/2/harseeva.pdf

Améry J. Jenseits von Schuld und Sühne: Bewältigungsversuche eines Überwältigten / Jean Améry. Stuttgart: Klett–Gotta, 2014. 173 S.

КУЛЬТУРНАЯ СЕМАНТИКА ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

CULTURAL SEMANTICS OF COLOUR NAMING IN CROSS-CULTURAL COMMUNICATION

Статья посвящена описанию феномена цветообозначений как элемента национального мировидения в разных лингвокультурах, в которых наиболее ярко проявляется их знание и опыт определенного народа. На примере сопоставительного описания цветовой символики в казахской и русской лингвокультурах прослеживаются различия, обусловленные историей народов, их жизненной философией и менталитетом. В статье приводятся интерпретации традиционных языковых формул и выражений, представляющих собой культурные символы. При этом такое описание позволило автору соотнести культурную семантику цветообозначений не только с социально-историческими фактами, но и установить образно-ассоциативные связи концептов цвета, обусловленных субъективно-психологическими и эмоциональными факторами. Особое внимание обращается на различие этнокультурных стереотипов в межкультурном общении, в процессе которого проявляются особенности национального характера и этническая принадлежность его участников. В связи с этим в статье приводятся контексты переводческих трансформаций, позволяющих определить различия и сходства не только в сопоставляемых культурах, но и установить образно-ассоциативный потенциал символики цвета.

Article is devoted to the description the colour naming phenomenon as element of a national mentality (world view) in different linguocultures in which their knowledge and experience of certain nation is most brightly demonstrated. In the example of the comparative description of color symbolics in Kazakh and Russian the linguocultures the distinctions caused by history of the people, their vital philosophy and mentality are traced. In article it is given interpretations of the traditional language formulas and expressions representing cultural symbols thus such description allowed the author to correlate cultural semantics of colour naming not only to the sociohistorical facts, but also to establish figurative and associative connection of the concepts of color caused by subjective and psychological and emotional factors. Special attention is paid on distinction of ethnocultural stereotypes in cross-cultural communication in the course of which features of national character and an ethnic origin of its participants are shown. In this regard in article contexts of the translation transformations allowing to define distinctions and similarities not only are given in the compared cultures, but also to establish the figurative and associative potential of symbolics of colour.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, цветообозначения, культурная семантика, культурные символы.

Key words: cross-cultural communication, colour naming, cultural semantics, cultural symbols.

Основы межкультурной коммуникации как междисциплинарной и интегрированной науки были заложены американской школой культурной антропологии и коммуникативистики, а также синтезом знаний в области европейской и отечественной прагмалингвистики, социальной психологии и этнологии. Теория межкультурной

коммуникации восходит к трудам по теории речевой деятельности (Выготский 1982; Жинкин 1998; Леонтьев 1969; Лурия 1998; Пиаже 1983). Основопологающими для становления и развития теории межкультурной коммуникации стали работы М. Беннета, В.С. Библера, В.П. Кузовлева, С.Г. Тер-Минасовой, М. Хупса и др.

Основной научной проблемой современных межкультурных исследований становится новое теоретическое осмысление феномена межкультурной коммуникации в условиях современной антропоцентрической лингвистики, что активно разрабатывается в исследованиях последних десятилетий (Бергельсон 2005; Грушевицкая, Попков, Садохин 2002; Гудков 2003; Донец 2004; Клюканов 1999; Красных 2002; Леонтович 2002; Тер-Минасова 2000; Bennet 1998; Dahl 1998; Hall 1976; Hofstede 1980; Jandt 1995; Klopff 1998; Lewis 1998; Samovar, Porter 1995; Ting-Toomey 1999). Антропоцентризм, по Е.С. Кубряковой, характеризуется такими параметрами, как интегративность, экспланаторность, комплементарность [Кубрякова, 1994, с.5]. В связи с этим языковые феномены в рамках межкультурного диалога изучаются с учетом человеческого фактора, согласно которому человек признается главной категорией и базисной методологией для многих гуманитарных наук. В современных теориях межкультурное взаимодействие трактуется как деятельность и представляет собой динамическую систему взаимодействия субъекта с окружающим миром, синтез внутренней (концептуализация и категоризация) и внешней (предметность специальной сферы) деятельности в процессе которого возникает множество культурных кодов, под которыми понимаются «вторичные знаковые системы, использующие разные материальные и формальные средства для кодирования одного и того же содержания, сводимого в целом к картине мира, к мировоззрению данного социума» [Гудков, 2007, с. 8].

В условиях современного динамично развивающегося мира и расширения границ культурного пространства межкультурная коммуникация решает такую глобальную проблему, как компромиссное решение конфликтов культур, порождаемых процессами межкультурного диалога. Именно различие этнокультурных стереотипов является одной из причин непонимания в процессе межкультурной коммуникации. Изучение культурной семантики языковых знаков различных лингвокультур имеет особое значение для межкультурного общения, в процессе которого проявляются особенности национального характера и этническая принадлежность его участников. Материал, представленный в настоящей статье основан на сопоставлении казахской и русской взаимодействующих лингвокультур, поскольку изучение национально-маркированных языковых единиц возможно только при контрастивном (сопоставительном) описании языков и культур, т.е. в рамках теории межкультурной коммуникации.

Современная антропоцентричная парадигма научного знания актуализировала значимость изучения языковых явлений с позиции их лингвокультурологического осмысления в связи с чем возрос интерес к культурному компоненту содержания языковых знаков и их влияние на межкультурную коммуникацию.

Языковые знаки как носители культурной информации определяются как: «национально-культурная реалья» (С. Влахов, С. Флорин); «национально-культурный компонент и культурные семы» (Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров); «фоновые знания» (Ю.А. Сорокин); «культурная коннотация» (В.Н. Телия); «лингвокультурема» (В.В. Воробьев); «логоэпистема» (В.Г. Костомаров, Н.Д. Бурвикова).

Культурная семантика слова определяется сходством языка и культуры, которые выполняют одинаковые функции: коммуникативную, кумулятивную, рефлексивную, трансимиссионную. Именно в языке отражается образ жизни, менталитет, национальный характер, культурные установки и ценности народа. «Культура – это своеобразная историческая память народа. И язык, благодаря своей кумулятивной функции, хранит ее, обеспечивая диалог поколений не только из прошлого в настоящее, но и из настоящего в будущее» [Телия, 1996, с. 226].

Согласно разработанной И.В. Приваловой таксономией языковых маркеров национально-культурного сознания, все «национально-маркированные единицы подразделяются на три типа: лингвоструктурные, лингвокультурные и лингвокогнитивные [4, с. 70]. При этом особый интерес для нашего исследования представляет таксон лингвокультурного типа как следствие несовпадения образов сознания, отражающих предметы и понятия в сравниваемых лингвокультурах. К такому языковому феномену, в котором наиболее ярко проявляются элементы национального мировидения относится цветообозначения, отражающие знание и опыт определенной этнолингвокультуры и обладающие культурно обусловленной семантикой. «Этнический «цветовой взгляд», как языковой маркер национально-культурного сознания, определяя его «цветовую палитру», которая, будучи воспринимаемой индивидом, в свою очередь, обуславливает его оценки, стереотипы, установки. Односторонние лакунизированные цветоименования детерминированы спецификой региональной фауны (*buff, peacock blue, dun, periwinkle*), флоры (*avocado, heather, heliotrope, mistletoe*) и особенностями жизни (*moccasin, maple syrup, pop-corn white*) определенной этнолингвокультуры» [Привалова, 2005, с. 73].

Национально-культурная специфика наиболее ярко выражена в символике цвета, особенно в ее контрастных, противоположных описаниях. Так, в цветовой символике казахского народа доминируют два цвета – *ақ* (белый) и *қара* (черный), обладающие

широким ассоциативным полем. Эпитет *ақ* (белый) имеет множество значений и ассоциируется с чистотой и невинностью, безупречной красотой, честностью, преданностью, а также изобилием национальных продуктов, сделанных из молока. Кроме того, этот эпитет встречается в названиях персонажей в фольклорных и художественных произведениях, национальных песнях и стихах, названиях местностей и др. Так, частотное употребление эпитета *ақ* (белый) встречается еще в поэзии акынов-жырау: *ақ мамығын таранган, аппақ мәрмәр інжіні* («Асан қайғы»); *ақ желкен, ақ қағаз, ақ ала тау, ақ ала жылқы, ақ киік* («Шалкиіз»); *ағала ордам қонған жұрт* («Қазтуған»); *ақ білегін жастанып, ағарып атқан таңды деп, Ақ Жайық, ақ балта, ақ найза, «ақ шымылдық»* («Доспамбет»); *ақ табан ару торы ат* («Ер Шобан») и др.

Компонент семантики языковых единиц, связанный с их «культурной памятью» включает в себе смысловые характеристики языкового знака, связанные с его исконным предназначением и системой духовных ценностей носителей языка и культуры. Своеобразие построения национально-культурного дискурса отчетливо проявляется в традиционных языковых формулах. Так, при праздновании общего для всех тюркских народов Наурыза «новый день» – дня весеннего равноденствия и Нового года по восточному календарю основным событием праздника являются пожелания, одним из которых является выражение «Ақ мол болсын!» («Пусть в изобилии будут продукты, сделанные из молока»), в котором ключевое слово *ақ* (белый) служит обобщенным названием всех национальных продуктов, сделанных из молока.

Кочевой образ жизни и традиции казахского народа нашли непосредственное отражение в образной системе казахского языка. Так, устойчивые выражения с эпитетом *ақ* символизируют благие начинания, событийную торжественность, достаток и изобилие. Выражение *ақ киіз* (белая кошма) связано с описанием обряда инаугурации казахских ханов: «*Ақ киіз қайтадан жерге түскенде, Ораз-Мұхамедтің үстіне алтын, күміс ақшалар жаңбырдай жауды. Жаңа ханды жақынырақ жерден көрмек болып, жапырлай ұмтылған халық үстіне де шашу шашылған*» (М. Магауин. Аласапыран).

Выражение *ақ түйенің қарны жарылды* означает: «пришло счастье, наступили хорошие времена». Перевод подобных культурных смыслов, в которых заложен глубокий историко-культурный код предполагает его адекватное воссоздание с помощью описательного перевода или подстрочных комментариев. Рассмотрим пример неудачного перевода из исторической трилогии И. Есенберлина «Кочевники»: «... *он жеті жасар Әбілқайырды азулы тілектестері Дешті Қыпшаққа хан етіп ақ кигізге көтерді. Бақ құсы басына қонып, ақ түйенің қарны жарылды*». В переводе М. Симашко читаем: «Семнадцати лет от роду был поднят на белой кошме Абулхаир, в знак правозглашения

его ханом. Птица счастья опустилась на его голову и в жертву был принесен белый верблюд». Безусловно, дословный перевод искажает символический для казахского народа смысл выражения *ақ түйенің қарны жарылды* и культурную коннотацию текста перевода.

Примечательно, в казахской культуре эпитет *ақ* (белый) обозначает не только «цвет» как результат зрительного восприятия, но и имеет и другие смысловые коннотации, связанные с историко-культурными фактами, своеобразием менталитета и кочевого образа жизни, а также образно-ассоциативными связями концептов цвета и эмоций. Наиболее ярко это отразилось в онимах как этнокультурных феноменах – антропонимах, топонимах, гидронимах и т.д.: *Ақерке, Ақжол, Ақтілек, Ақторе, Ақтобе, Ақтау, Ақмола, Ақтерек, Ақсу* и др. Кроме того, эпитет *ақ* (белый) встречается во многих национальных литературно-художественных образах, народных песнях и сказаниях: *Аққайын, Аққасқа, Ақбаян* и др.

Белый цвет как абсолютно положительное начало противостоит мраку, дает надежду на светлую радость. Так, в русской языковой картине мира эпитет *белый* связан преимущественно со светом, являющегося символом чистоты и святости: «*Радостные, белые, белые цветы*» (З. Гиппиус) Белый цвет имеет ассоциативную связь с концептами таких эмоций, как счастье, радость и печаль: «*Рождество, праздник детский, белый, Когда счастливы самые несчастные*» (З. Гиппиус); «*Белыми светлыми крыльями веют и реют во мгле*» (К.Бальмонт). Для белого цвета в качестве одного из прототипов выступает снег как атрибут русской зимы, порождающий цепочку представлений о холодности, пустоте, одиночестве и бескрайними снежными просторами. Кроме того, такие устойчивые сочетания, *белая ворона, белые люди* и др, имеют коннотации, не связанные с цветовыми характеристиками, это, как правило, собирательный образ, используемый идиоматическим образом для качественного обозначения определенных лиц людей. В связи с этим прослеживается мысль о том, что цвет выступает источником эмоциональных переживаний: «В основе эмоциональных реакций на цвет находятся прежде всего ассоциации, обусловленные прототипами цвета – его типичными носителями. На основе ассоциаций формируются психосемиотические представления о цвете, которые осложняются символикой, принятой в той или иной культуре. Когнитивное единство цвета и эмоций осознается носителями русского языка и культуры, особенно творческими личностями, поэтами» [Григорук, 2006, с. 289].

Известно, что во многих лингвокультурах черный цвет – это символ печали, горя, отчаяния и ненависти. Такие негативные эмоции, выраженные в оде «Вольность» А.С. Пушкиным, воссоздаются в переводе эпитетом *қара*, который порождает ряд образно-ассоциативных связей:

... *Читают на твоём челе*
Печать проклятия народы,
Ты ужас мира, стыд природы,
Упрек ты богу на земле.

... *Қара бетің қарғыс таңба басылған,*
Халық сені қарғап қойған жасыңнан,
Бұл дүниенің құбыжығысың сұмтайы,
Тәңірге де келтірген антұрған.

(А.С. Пушкин. Вольность; пер. К. Аманжолова).

В этой оде наиболее ярко выражены вольнолюбивые взгляды поэта и его гражданская позиция и для того, чтобы передать весь спектр чувств, испытываемых поэтом, пафосность и патетичность произведения, переводчик в качестве контекстуального эквивалента использует образное сочетание *қара бет* (букв. черное лицо в значении «ненавистное лицо, переполненное злобой»), имеющее отрицательную эмоциональную окраску.

Вместе с тем в образной системе казахского языка и казахской лингвокультуре прилагательное *қара* является не только эпитетом цвета, но и выражает национально-культурный образ мышления при описании красоты глаз девушки с помощью таких сравнений, как *қара көз* (глаза как уголь), *қарақат көз* (глаза как смородина), *бота көз* (глаза, как у верблюжонка) и т.п. Как правило, подобные устойчивые сравнения обладают культурно обусловленной семантикой, большим образным потенциалом, а также множеством ассоциативных типов.

Эпитет цвета *қоңыр* (коричневый) – один из самых распространенных в культурной традиции казахского кочевого народа, который ассоциируется со степными пейзажами, природными явлениями приятной, свежей прохлады: *қоңыр күз* (метафорическое обозначение осени, ее прохлада, осенний пейзаж в коричнево-желтой палитре цветов), *қоңыр жел* (прохладный, свежий ветерок), *қоңыр кеш* (прохладный вечер), *қоңыр салқын* (прохлада).

В русской лингвокультуре особое место занимает слово *красный*, которое в древнерусском языке имело значение «красивый». Так, устойчивые фольклорные словосочетания *красна девица* и *добрый молодец* являются синкретичными обозначениями, включающими в себя как наименование действующих лиц, так и их положительную оценку. Необходимо отметить, что слово *красный* реализует в конкретных контекстах различные коннотативные значения: «приятный», «нарядный», «радостный», «почетный», «сладостный», «пышный», «цветущий» и др. Первые фиксации прилагательного *красный* как обозначения цвета относятся к XIV–XVI вв. и зафиксированы в «Материалах для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» И.И. Срезневского.

Таким образом, цветовые характеристики позволяют определить историко-культурные различия народов, прошедших разный исторический путь, установить образно-ассоциативные смыслы в национальных картинах мира, а также в глубже осмыслить представления об эмоциональных концептах, существующие в разных лингвокультурах.

Список литературы:

Григорук С. Ассоциативная связь цветовых и эмоциональных концептов (на материале русской лирики начала XX в.) // Славянские языки в свете культуры: Сб. научн. ст. / С. Григорук. М.: ООО «А Темп», 2006. С. 289–295.

Гудков Д.Б. Телесный код русской культуры: материалы к словарю / Д.Б. Гудков, М.Л. Ковшова. М.: ИТДГК «Гнозис», 2007. 288 с.

Кубрякова Е.С. Парадигмы научного знания в лингвистике и ее современный статус // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. М., 1994. Т. 53. № 2. С. 5.

Привалова И.В. Интеркультура и вербальный знак (лингвокогнитивные основы межкультурной коммуникации): Монография / И.В. Привалова. М.: Гнозис, 2005. 472 с.

Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. М.: Языки русской культуры, 1996. 228 с.

КОГНИТИВНАЯ СХЕМАТИЗАЦИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ОПЫТА И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ПЕРЕВОД

COGNITIVE SCHEMATIZATION OF HUMAN EXPERIENCE AND ITS INFLUENCE ON INTERPRETATION

В статье раскрывается понятие «когнитивная схематизация человеческого опыта» и показывается ее влияние на процесс перевода с английского на русский язык. Данное понятие является базовым в когнитивной лингвистике, так как основано на понятии «образная схема» М. Джонсона. Применительно к переводу с английского языка, где эксплицируются образная схема КОНТЕЙНЕР и ИСТОЧНИК – ПУТЬ – ЦЕЛЬ, те же схемы использованы в русском языке, но разница состоит в их социокультурном и когнитивно-семантическом наполнении.

The article reveals the notion of «cognitive schema of human experience» and its impact on interpretation from English into Russian. This particular notion is basic in Cognitive Linguistics, based on «image schema» introduced by M. Johnson. Corresponding to the translation from English in which image schemas CONTAINER and SOURCE – PATH – GOAL are explicated, into the Russian language, where the same notions are also used, the difference lies in the sociocultural and cognitive–semantic embodiment.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, когнитивная теория перевода, перевод с английского на русский, образная схема, когнитивная схематизация, когнитивная область.

Key words: Cognitive Linguistics, Cognitive theory of Translation and Interpretation, translation from English into Russian, image schema, cognitive schematization, cognitive domain.

Специалистами в области когнитивной и функциональной лингвистики отмечается тот факт, что при описании речемыслительной деятельности человека формирование значения складывается не только на основе знания отдельного слова и его семантических характеристик. Эта же мысль звучит и в трудах переводоведов, когда они пытаются описать единицу перевода. В частности, как подмечено Т.А. Казаковой, суть ошибки начинающего переводчика «состоит в подмене представлений о характере переводимых знаков: вместо речевых единиц, которые собственно и подлежат переводу, переводчик механически подставляет языковые единицы, в то время как в разных языках состав той или иной речевой единицы может не совпадать» [Казакова 2006: 27]. Единица перевода, будучи категорией переменной, может рассматривать слово в зависимости от описываемой ситуации с разных сторон, учитывая принадлежность к уровням языка [Бархударов 1975: 189]. Но такой подход больше подходит как один из этапов подготовки будущих лингвистов и переводчиков, но не устраивает специалистов, рассматривающих

переводческий процесс, под которым понимается «процесс сохранения и частичного, но неизбежного преобразования системы смыслов», заключенного в знаках исходного языка при ее передаче знаками языка перевода [Гарбовский 2007: 257]. То есть получается, что человек, участвующий в коммуникативной деятельности, а переводчик участвует именно в таком процессе, нам необходимо учитывать то, что происходит сначала в его сознании, когда формируется и происходит создание внешнего речевого высказывания. При этом рождение личностных смыслов и поиски соответствующих им языковых форм происходит на основе трех основных процессов: получение информации и создание ее первичного образа в сознании, понимание с выделением основных семантико–синтаксических звеньев осмысленного и интерпретация, ведущая к созданию внешнего речевого высказывания [Манерко 2014]. Все эти этапы связаны с единицей «ментальных или психических ресурсов сознания и той информационной структурой, которая отражает знание и опыт человека» [Кубрякова 1996: 90], причем это знание и опыт могут быть выражены как вербально, так и невербально, что говорит о многообразии человеческого знания. Оно указывает на то, что «индивид знает, предполагает, думает, воображает об объектах мира» [Павиленис 1983: 101–102] и об окружающем пространстве. Кроме этого, в сознании человека представлены знания о «коммуникативном событии, лингвистические знания и предполагаемые знания адресата» [Манерко 2014 (1): 392]. Указанные «кванты» знания получили название концепта – основополагающего термина в когнитивной лингвистике и когнитивной теории перевода.

Попытаемся показать, какую именно семантическую нагрузку несет одна и та же языковая единица в составе высказывания. В качестве примера использован исконный английский глагол *to spring*:

- (1) *He sprang to his feet and rushed after her* (= stood up suddenly «вскочить на ноги»).
- (2) *Tom sprang out of bed and ran downstairs* (= leap out of «вскочить с кровати»).

Глагол *spring* чаще всего употребляется в прошедшем времени с наречием или предложением, как в наших примерах (1) и (2) и является фразовым глаголом движения. То значение, которое представлено в предложениях, в словарных источниках фиксируется первым по списку, ср.: *to move suddenly and quickly in a particular direction, especially by jumping* [Longman Exams Dictionary 2009: 1494], то есть «подпрыгнуть», «подскочить» [АРС 1980: 657] и что чрезвычайно важно – продолжить движение в определенном направлении. Данный глагол можно отнести к особому классу глаголов, он предполагает действие, не отличающееся преднамеренностью (изначальным замыслом), зависимым от ситуации и

события. Ср. другие глаголы с интенциональной (3) или неинтенциональной семантикой (4):

(3) *I run / jog a mile every day to keep fit;*

(4) *The car (time) is running fast* [Голубкова 2002: 22].

Это еще раз подтверждает мысль о том, что смысл отдельного речевого комплекса может раскрываться в зависимости от окружения языковой единицы, в рамках репрезентации «грамматического кодирования» на уровне глагольной фразы или сложного номинативного комплекса [Pechman 1994], участвующих в создании семантики предложения. При этом нельзя не согласиться с точкой зрения Н.К. Гарбовского, который указывает, что «в некоторых случаях понимание наступает только после восприятия группы предложений» посредством выделения определенных «единиц ориентирования» [Гарбовский 2007: 258, 263], которые в свою очередь опираются на конкретный контекст.

В нашей статье попробуем раскрыть, как происходит процесс перевода на основе понятия «схемы» и схематизации человеческого опыта, которое уже раскрывалось в ряде статей по когнитивной лингвистике [Манерко 2014 (1), 2014 (2)], с тем, чтобы применить его к описанию того, что происходит в мозгу переводчика, когда он восприняв смысл прочитанного или услышанного высказывания, создает его первичный образ в своем сознании и выделив особую единицу ориентирования на уровне предложения или небольшого связного целого (абзаца, сверхфразового единства), способен подобрать необходимую языковую единицу, выведя ее на уровень речевого высказывания и создав свой перевод на переводящем языке.

Предложения (1) и (2) получают несколько разное воплощение в концептуальной системе человека. Эти предложения показывают сильную зависимость от пространственного восприятия человеком наблюдаемого. В первом предложении: *He sprang to his feet and rushed after her* он резко вскочил на ноги (неинтенционально) и столь же быстро побежал (кинулся бежать) за ней. Действие начинается с какой-то точки (на кресле, диване, стуле, скамейке и т.д.), то есть воображение понявшего данное высказывание рисует образную схему, достаточно известную из работ М. Джонсона: ИСТОЧНИК – ПУТЬ – ЦЕЛЬ, где профилируются первые два элемента схемы – источник, то есть (резко) встать вертикально на ноги и путь – бежать за девушкой. В оригинале и переводе мы находим полное совпадение смысла оригинала и переведенного предложения, указывающего своей морфологической структурой (приставка *в-*) и сопоставлением *feet* («нога, ступня» во множественном числе).

Во втором примере *Tom sprang out of bed and ran downstairs* некто Том также подскочил с кровати и побежал вниз по лестнице. Картинка, связанная с предлогом *out of*,

предлагает нам также неожиданное (неинтенциональное) движение под влиянием некоторых событий из некоторого контейнера (вместилища) в английском языке, которым выступает кровать, то есть здесь происходит наложение схемы контейнера на образ ИСТОЧНИК – ПУТЬ – ЦЕЛЬ. В примере фиксируется источник (кровать) и есть схематизация пути вниз – *ran downstairs*. В русском языке мы можем перевести «подскочил (вскочил) с кровати», сохранив резкое и неожиданное движение вверх, но потеряв образное представление контейнера (кровать в русскоязычной картине мира не связана с объемом). При переводе «Том вскочил с постели» мы также теряем схематический образ, связанный с контейнером, заменяя объем на двухмерную плоскость (постель), которая в сознании русскоязычного говорящего связана с глаголом «стелить», но сохраняется соприкосновение с плоскостным объектом.

Раз уж была затронута этимология слова «постель» от «стелить», то следует напомнить и о происхождении слова *to spring*: в древнеанглийском языке глагол *springan* относился к сильным глаголам 3 класса (past tense *sprang*, past participle *sprungan*) в значении «to leap, burst forth, fly up», а также обладает другим значением – «spread, grow». Этот глагол имел родственные связи в древнеисландском, древнефризском *springa*, древневерхненемецком *springan*, в свою очередь, восходя к протоиндоевропейскому **sprengh* – «to move, hasten, spring» [Online Etymological Dictionary//http://etymonline.com/index.php?allowed_in_frame=0&search=spring+verb&search_mode=none].

Данная история развития глагола в языке и его второе значение также представлено и в современном состоянии языка. Неожиданно, читая статью Ж. Фоконье, посвященную описанию методов в когнитивной лингвистике [Fauconnier 1999: 96], я натолкнулась на следующий пример, который интересен не только в плане построения схематизированного образа, но и участия метафоры:

(5) Did it all just spring up in the fertile mind of cognitive linguists, giving them an unlimited supply of new notions to draw from in order to explain some linguistic facts that they wish to talk about? («Разве все это не прорастает (появляется) на плодородной почве сознания когнитивных лингвистов, предоставив им неисчерпаемый источник новых понятий для объяснения языковых фактов, о которых они жаждут рассказать?»).

В английском предложении опять упоминается английский фразовый глагол *spring up*, указывающий на движение вверх (у М. Джонсона представлена образная схема ВЕРХ–НИЗ), но здесь речь идет о значении глагола «прорасти, давать ростки», и в сочетании с наречием *up* «расти, появляться (о цветах, почках и т.п.)» [APC 1980: 657]. Может показаться, что здесь забыто исходное и одновременно прототипическое значение в

концептуальной структуре глагола *to move suddenly and quickly in a particular direction*, но «прорастать, давать ростки» также связано с движением вверх, усиленного частицей *up*. По мнению Е.Е. Голубковой, «конфигурация процесса, задаваемого при помощи глагола» для частицы *up* представляет собой проекцию пути на вертикальную ось, что задает «область ориентированного физического пространства, канонически совпадающего с вертикальным положением человеческого тела» [Голубкова 2002: 66]. Тогда зачем английскому языку необходим постпозитивный элемент *up*? Ответить на этот вопрос можно, вспомнив, что в английском языке существуют более частотно употребляемые существительные, которые и привели к тому, что изначальное значение глагола, от которого посредством конверсии они были образованы, например: 1) *spring* «источник, ключ, родник» («source of a stream or river, flow of water rising to the surface of the earth from below»), родственное древневерхнемецкому *sprung* «source of water»), которое поначалу употреблялось в древнеанглийском языке в составе сложных слов – *wyllspring* «wellspring», *esprung* «water spring», содержащие в своем схематическом образе неинтенциональное движение по траектории вверх. В среднеанглийский период (в 13 в.) существительное *spring* приобрело новые оттенки, указывающие на источник чего-либо «source or origin of something»; 2) *spring* в значении «весна» [АРС 1980: 657] употреблено впервые в 1520 году, потому что до этого, вплоть до конца XIV века использовалась фраза *springing time* «season following winter», которое в свою очередь возникло от *spring of the leaf* или *spring of dai* «sunrise»). Появление слова *spring* «весна», а также «начало, расцвет» привело к вытеснению лексики *Lent* «великий пост», которая также выступала в качестве синонима к *springing time* [Online Etymological Dictionary // <http://etymonline.com>].

Когнитивная схематизация образа на основе восприятия пространства оказывается важным фактором, способным раскрыть взаимоотношения между прототипическим значением концептуальной структуры, где глагольная семантика влияет на развитие значения существительного, и знание и понимание данных процессов необходимо в процессе переводе.

Не менее интересным оказывается существительное *mind* (12 в.), которое изначально имело отношение к древнеанглийскому *gemund* «memory, remembrance, state of being remembered». Это слово, указывавшее на память или воспоминание, используется в сочетании с прилагательным, например: «conscious mind» или его противопоставлением: *subconscious mind* «бессознательный разум», ср.:

(6) *To start with, you might have to go through the whole exercise in order to relax again... and, because the link is permanently there in your subconscious mind, you will immediately begin to feel more peaceful, both mentally and physically* [British National Corpus].

Семантика описания качеств мыслительной деятельности сознания расширяется до указания на бессознательность процесса. Слово *mind* начинает использоваться с метафоризированным атрибутивным компонентом для репрезентации оценочного смысла, как в примере (5) Ж. Фоконье: *in the fertile mind of* – «на плодородной почве сознания». Кроме того, в предложении (5) происходит сопоставление двух областей знания, с одной стороны, сферы деятельности когнитивистов – когнитивная лингвистика и методы анализа, используемые в ней, а с другой стороны, эта область интересов сравнивается посредством участия метафоры со знанием человека о сельскохозяйственной сфере, где плодородная почва помогает взрастить полноценный урожай. Вследствие этого, единицей ориентирования может выступать некая концептуальная область функционирования знания.

Мы можем наблюдать, что все чаще и чаще существительное *mind* указывает на концептуальную схему КОНТЕЙНЕР, связанную с телом человека, причем рядом с атрибутивным компонентом, который способствует усилению необходимого смысла. Ср. пример

(7) *As for the future, Clayton hopes to produce a book of selected work and is trying to convince his superiors to let him cover sport full time for the SMH, though he keeps an open mind* [British National Corpus]. В данном примере «он сохраняет открытым свой ум» схема КОНТЕЙНЕР подразумевает, что голова как некоеместилище открывается для новых идей и информации. Происходит не только расширение значения основного элемента *mind*, как результата мыслительной деятельности («your thoughts or your ability to think, feel, imagine things») в виде сформированной совокупности взглядов. Ориентиром для объекта оценки выступает знание об открытости пространства. В переводе схематический образ также находит отражение.

(8) *My mind is full of dark thoughts and evil yearnings, terrible images which move me to wickedness, as if to some obscure crime which perhaps I have committed already...* [British National Corpus]. В описании все той же головы в данном примере указывается на заполненностьместилища («Мой разум полон темных мыслей»), причем образная схематизация представлена и в переводе на русский язык.

Интересным также представляется пример, также встреченный в Британском национальном корпусе английского языка:

(9) *Put yourself into an elevated frame of mind and listen to the year passing away bell by bell, five minutes earlier than anywhere else in the time zone.* В этом примере следует обратить внимание на две вещи. Первая связана с пространственной семантикой слова *elevated*, которое указывает на протяженность по вертикальной оси вверх («raised off the

ground or higher up than other thing»), то есть в примере показывается схематическое представление о движении вверх, а сочетание *frame of mind* репрезентирует настроение как ментальное состояние. Знание о вертикальной оси геометрической плоскости инкорпорировано в семантику прилагательного на основе нижней границы этой линии. Вторая особенность употребления слова *mind*, замеченная в этом примере – это то, что в нем эксплицируется соотнесенность с категорией времени, которая подчеркнута следующими фразами из предложения *the year passing away, bell by bell, five minutes earlier, the time zone*, что позволяет воспринимать весь смысл этой фразы через когнитивную область – «время».

Примеры со словом *mind* дают представление о нескольких интересных положениях как для специалиста в области когнитивной лингвистики, так и в плане перевода с английского на русский язык. Схематизация человеческого опыта на основе существительного говорит о том, что каждое последующее его значение представляет собой развитие предыдущего опыта, новое мыслится на основе имеющего у человека социокультурного опыта и некоторого когнитивно-семантического знания области. Эти знания имеют некое основание, как и в данном случае, таким основанием выступает понятие КОНТЕЙНЕР, который затем приобретает новые смыслы, перестраивая на новый лад существующие стереотипные схемы. Еще один момент, на который следует обратить внимание – это то, что в случае метафорического переноса, область источник может проецироваться на области мишени (термины Дж. Лакоффа), при этом неоднократно фиксируются фразы в предложении, отсылающие к области источника и давая тем самым проекцию в новую область знания.

В целом, в статье была сделана попытка подчеркнуть связь о том, что изначально существует в нашем опыте – это концептуальная схематизация восприятия объектов, их движений и признаков в пространстве. Они могут быть представлены образными схемами – КОНТЕЙНЕР, ИСТОЧНИК – ПУТЬ – ЦЕЛЬ, ВЕРХ – НИЗ. Этот опыт закрепляется в виде знаков в языке. При переводе с английского языка на русский некоторые из элементов схематизации получают развитие в языке, постепенно приводя к расширениям значения и метафорическим переносам, при этом «организация знания находит проявление в виде специфических способов построения высказываний в английском и русском языке» [Хайруллин 2010: 28]. Сопоставление концептуальных схем в двух разных языках позволяет сказать, что большинство схем сохраняется, но меняется их наполнение за счет переводящих средств в русском языке.

Список литературы:

- Бархударов Л.С.* Язык и перевод. М., 1975.
- Гарбовский Н.К.* Теория перевода: Учебник, 2007. 2-е изд. М.: Изд-во Моск. Ун-та, 2007.
- Казакова Т.А.* Практические основы перевода: English ⇔ Russian. Учеб. Пос. СПб: Союз, 2006.
- Краткий словарь когнитивных терминов / Под ред. Е. С. Кубряковой. М., 1996.
- Манерко Л.А.* Модели перевода современности через призму социообусловленности и мультимодальности знания в теории дискурса // Вестник МГЛУ. Серия: Языкознание и литературоведение. (6) 717: Дискурс как социальная деятельность: Приоритеты и перспективы: Материалы 2-ой междунар. научной конференции 16–17 ноября 2014 г. М.: Изд-во МГЛУ, 2015. С. 389–400 // <http://vestnik-mslu.ru/Vest-2015/Vest15-717z.pdf>
- Манерко Л.А.* «Воплощенность» и схематизация человеческого опыта как основание методологического инструментария когнитивной лингвистики // Когнитивные исследования языка. Вып. XVII: Актуальные проблемы взаимодействия мыслительных и языковых структур: Сб. науч. трудов / отв. ред. вып. Л.А. Фурс. М.: Ин-т языкознания РАН, Тамбов: ТГУ имени Г.Р. Державина, 2014. С. 92–101.
- Павиленис В.И.* Проблема смысла. М.: Прогресс, 1983.
- Хайруллин В. И.* Перевод и фреймы: Учебн. пос. М.: Либроком, 2009.
- British National Corpus // <http://www.natcorp.ox.ac.uk/>
- Longman Exams Dictionary. Pearson Press, 2009.
- Online Etymological Dictionary // <http://etymonline.com>
- Pechmann Th. The Sprachproduction. Wiesbadener Verlag, 1994.

ПЕРЕКЛЮЧЕНИЕ ЯЗЫКОВОГО КОДА В СИТУАЦИЯХ ДВУЯЗЫЧИЯ

CODE-SWITCHING IN BILINGUAL SITUATIONS

Переключение языкового кода – предметная область контактной лингвистики, изучающей речь билингвов. В стилистике речи представлены разнообразные стилистические функции иноязычных высказываний в тексте и дискурсе: эмотивная, комическая, образная, референциальная, символическая, а также ментальная и пр.

Знаковая теория языка основывается на учении Ф. де Соссюра о двусторонности языкового знака. Означающее и означаемое – две стороны языкового знака. Они находятся в центре внимания лингвиста и переводчика. В ситуации билингвизма двусторонность языкового знака актуализируется в удвоенном лексическом варианте. Ассимиляция такого языкового знака связана с переключением языкового кода.

Language code switching is the object of contact linguistics that studies bilinguals « speech. In terms of speech stylistics foreign language insertions fulfill various stylistic functions in a text and discourse: emotive, comical, imaginative, referential, symbolic as well as mental and others.

The sign theory of language is based on Ferdinand de Saussure «s bilateral–sign theory. Linguistic signs contain the signifier and the signified which are the focus of linguists and translators. In the situation of bilingualism the two–sidedness of the linguistic sign is realized in the doubled lexical variant.

The assimilation of such linguistic sign is associated with code–switching.

Ключевые слова: двусторонность языкового знака, ситуации двуязычия, переводной дискурс, контактная лингвистика, социолингвистика, диглоссия, пиджин, социальная группа.

Keywords: the two–sidedness of the linguistic sign, bilingualism, translation discourse, contact linguistics, sociolinguistics, pidgin, diglossia, social group.

Билингвизм – весьма распространённое явление в современном мире. По данным ряда исследователей, билингвов (двуязычных) в мире больше, чем монолингвов.

Билингвизм стал одним из самых ярких явлений межкультурной коммуникации, определяемой как «общение людей, представляющих разные культуры». [Вишневская, 1997, с. 173]. Потребности общения заставляют говорящих на одном языке вступать в непосредственный или опосредованный контакт с говорящими на соседних и культурно доминирующих языках.

Билингвизм различают по количеству осуществляемых действий. *Рецептивный* (воспринимающий) билингвизм существует тогда, когда человек довольствуется приблизительным пониманием иноязычной речи. Сам человек при этом почти не говорит и не пишет. *Репродуктивный* (воспроизводящий) билингвизм позволяет билингу не

только воспринимать (пересказывать) тексты иностранного языка, но и воспроизводить прочитанное или услышанное. *Продуктивный* (производящий) билингвизм позволяет билингу не только понимать и воспроизводить иноязычные тексты, но и производить их. Иными словами, при продуктивном билингвизме человек может более или менее свободно говорить и писать на другом языке [Вишневская, 1997].

Прогнозы, касающиеся развития двуязычия и многоязычия в отдельных странах, которые привлекают трудовых мигрантов, подтвердились в первом десятилетии XXI – го века. В Европе эта тенденция усиливается процессами перемещения беженцев и, как следствие, формированием иноязычных и инокультурных диаспор внутри принимающего государства.

Современная ситуация способствовала формированию профессионального интереса к изучению лингвокультуры новых социальных групп. Это привело к формированию самостоятельного раздела языкознания – контактной лингвистики, предметная область которой выделяется из социолингвистики, приобретая при этом новые методики исследования смешанных языков. История смешанных социумов связана с социальными потрясениями, перемещением больших групп людей в другие страны. Исследования языков в смешанных социумах закреплены в терминах, отображающих социокультурные, этнопсихологические и языковые/речевые явления. К ним относятся:

- билингвизм (двуязычие, двуязычная ситуация коммуникации);
- мультилингвизм, полилингвизм (употребление нескольких языков гражданами государства), при этом различают «индивидуальное» и «национальное» многоязычие, последнее служит объектом контактной лингвистики;
- пиджины – (от искажённого англ. business – дело) – средство межэтнического общения в смешанном социуме; этот тип языков не имеет исконных носителей и обладает функциональный характер.

Пиджинизация, как процесс формирования подобного языкового феномена, проявляется прежде всего в разрушении и упрощении сложных грамматических моделей языка-источника и пр. Как пишет В.А. Виноградов в статье Лингвистического энциклопедического словаря, в настоящее время зарегистрировано около 50 пиджинов и пиджинизированных форм языков Юго-Восточной Азии, Океании, Африке, Америке¹⁰⁸.

По характеру лексико-грамматической системы различаются пиджины, базирующиеся на одном языке или родственных языках определённого ареала, и пиджины, возникшие в результате взаимодействия разных неродственных языков, общим

¹⁰⁸Лингвистический энциклопедический словарь (ЛЭС). [Эл. ресурс. Режим доступа: <http://tapemark.narod.ru/les/303a.html>; <http://tapemark.narod.ru/les/374b.html>. 22.09.2015]

для них является значительное упрощение именных классных систем и глагольного формообразования. Известны пиджины на основе английского (*пиджин-инглиш*), англо-африканские пиджины, португальский пиджин, французские пиджины в бывших колониях Франции. В условиях многоязычия коммуникативные формы (языки, диалекты, говоры, социальные и профессиональные жаргоны и т. п.) образуют функциональную иерархию:

- 1) узколокальные средства внутри группового общения («домашние» языки);
- 2) локальные средства межгруппового бытового общения (так называемый язык «базара» в разноплеменных сельских сообществах Азии и Африки);
- 3) язык административной (или национальной) области;
- 4) язык многонационального региона;
- 5) общегосударственный язык (может быть и «надгосударственным», то есть международным).

Если языки первых двух ступеней служат преимущественно целям неформального устного общения, то для последующих, наряду с названной функцией, всё более возрастают функции массовой и формальной (в значительной части письменной) коммуникации – это языки (подязыки) средств информации, литературы, культуры, науки. Языковая действительность как предметная область германской социолингвистики ограничивается 4 государствами (ФРГ, Австрия, Швейцария, Лихтенштейн), соседними с ними европейскими государствами и так называемыми «языковыми островами» (*Sprachinseln*) во всех частях света. В целом, различные варианты немецкого языка как языка общения используют более 100 млн. человек [Миронова, 2009, с. 44–54].

Вместе с тем, ситуации двуязычия все более характерны для современного мира. Немецкий язык – не исключение: билингвизм (полный, остаточный или частичный), диглоссия, пиджин (*Pidgin-Deutsch*)¹⁰⁹, как новый социолект, характеризуют ситуации двуязычия (и многоязычия) в коммуникативном дискурсе. Последний может быть представлен в виде многообразия коммуникативных ситуаций, объектами лингвистического описания которых следует считать их типологические признаки. Пиджин – язык мигрантов – реализует «модель языкового перехода»: от социолекта к литературному языку.

Отметим, что влияние общественно-исторических условий на языковую деятельность в социумах отражается на динамике языковой нормы национального языка.

¹⁰⁹Heidelberger Forschungsprojekt «Pidgin-Deutsch»: Sprache und Kommunikation ausländischer Arbeiter//Analysen, Berichte, Materialien. – Kronberg/Ts., 1975.

Коммуникативные варианты в их историко-социальной обусловленности проявляются в зависимости от языковых контактов, это:

- диглоссия, мультязыковая и мультикультурная коммуникация;
- языковая дифференциация и языковая норма;
- (микро) языковые изменения;
- языковая и речевая интеграция.

В переводе, как ситуации двуязычной коммуникации, в основе которой лежит билингвизм [Гарбовский, 2007, с. 316], в различной степени актуализируются функции, названные выше.

Изучение смешанных языков мигрантов последней волны (1990-ых гг.) в Германии привлекает и славистов и германистов, когда речь идёт о паре языков немецкий – русский. Формируется метаязык контактной лингвистики (лингвистики смешанных языков – *Mischsprache, mixed language*) немецко-русского языка в Германии¹¹⁰. В русскую речь мигрантов «вкрапливается немецкая лексика, в результате чего (на русской основе) возникает немецко-русский русский идиом»¹¹¹ [Kusse, Sharlay, 2013, p. 197].

Основным знаком является слово. «Слово ... есть единица, неотступно представляющая нашему уму как нечто центральное в механизме языка», – подчёркивал Ф. де Соссюр [Соссюр, 1977, с. 143]. Описываемый тип русско-немецкого пиджина подтверждает эту дефиницию. Но одновременно, этот знак выступает и в роли символа, так как русско–немецкий вариант слова в тексте на русском языке *символизирует* сам языковой факт. На эту особенность совпадения знака и символа обратил внимание Н.В. Иванов [Иванов, 2002, с. 70–72].

Пиджин, в котором немецкая лексика изменяется по правилам русской грамматики характерен для таких стилей разговорной речи, как «бытовой диалог» (устная форма общения), «чат, форум» (письменная форма общения в интернете). Оба вида сопровождаются комичным фольклорным эффектом:

- а) ... «Я себе в Германии так много геданков делаю. « (думаю, размышляю – нем. *sich Gedanken machen*); «Дох, тебе холодно» (всё–таки, нем. *doch*);
- б) «ну *dann tschüss* пока» (тогда до свидания – нем. *dann tschüss*);
- в) беруфы (вместо: профессии, нем. *Berufe*), шатцкаммер (вместо: сокровищница, нем. *Schatzkammer*) и др.

Подобный социолект встречается сегодня не только в речи многонациональных

¹¹⁰ Некоторые из вопросов немецко-русского и эстонско-русского языков рассмотрены в публикациях Тартуского университета серии «Славистика в Эстонии и за её пределами», 2013. (См. в списке литературы)

¹¹¹ Именно в такой последовательности сформулирован объект исследования социолекта: двойное употребление обозначения русского языка.

социальных групп русскоязычных мигрантов из России, но и русских студентов, и детей из смешанных браков. В письменной форме эта форма речи закрепляется в интернет-общении, с одной стороны, и в художественной литературе, с другой стороны.

Сайты www.strannik.de, www.forums.germany.ru, www.talks.guns.ru, www.partner-inform.de, www.it-ru.de, www.turism-miras.ru изобилуют речевыми (окказиональными по своей сути) оборотами на русском языке с немецкими лексемами в русской или немецкой графике с выраженной парадигматикой и синтагматикой русской языковой системы.

Что касается художественной и публицистической литературы, то чаще всего читатель встречается в тексте на немецком языке прецедентную лексику, которая была подвергнута лексическому калькированию, либо транслитерации/транскрипции при передаче имён собственных. Ярким примером художественного творчества русского мигранта в Германии считают Владимира Каминера, который с 90-х годов XX века проживает в ФРГ. Он – известный писатель-билингв, публицист, радиожурналист. Сборник рассказов «Russendisko» – книга, состоящая из 50 рассказов, в которых повествование ведется от первого лица, рассказывает о повседневной жизни русского эмигранта, его друзей, родственников и знакомых в Берлине. Книга, впервые изданная на немецком языке в 2000 году [Kaminer, 2000], в 2001 году появилась в русском переводе, которым автор был весьма недоволен. Однако, «переводить самому – это написать новую книгу». Но в 2005 году «новая» «старая» книга была издана в новой версии. Сегодня «Руссендиско» («Русская дискотека») помимо обычного формата книги издана еще как аудио-книга и книга в электронном варианте.

Выражение «Russendisko» зафиксировано в базах данных немецкой лексики. Приведём статистические данные его употребления в немецких медийных источниках (в последней колонке приводится количество словоупотреблений):

01.05.1997–31.04.1998	1
01.05.1998–31.04.1999	0
01.05.1999–31.04.2000	1
01.05.2000–31.04.2001	46
01.05.2001–31.04.2002	56
01.05.2002–31.04.2003	90
01.05.2003–31.04.2004	121
01.05.2004–31.04.2005	104
01.05.2005–31.04.2006	115
01.05.2006–31.04.2007	111
01.05.2007–31.04.2008	137
01.05.2008–31.04.2009	147 [Datenbank LexisNexis] ¹¹²

¹¹²Эти данные опубликованы в статье проф. Б. Хенн-Меммесхаймер [Henn-Memmesheimer, 2010]. Отметим, что корпус СМИ охватывает как надрегиональные издания (Agrarzeitung Ernährungsdienst, AHGZ-Allgemeine Hotel- und Gastronomie-Zeitung, Allgemeine FleischerZeitung, Die Presse, Der Spiegel, Stern, Der Tagesspiegel,

Первое употребление словосочетания относится к 1997 году [Der Spiegel, 16/1997, S. 78], оно использовалось для актуализации пейоративного значения для выражения негативной оценки русских мигрантов – фольксдойче – из Сибири и Казахстана, которые говорили по-русски, не скрывая своей индентичности. После 2001 года семантика понятия «русская дискотека» меняется на мейоративную, происходит двойное переключение аксиологического значения. «Russendisko», как неологизм 90-х годов с отрицательным значением, позже было вытеснено синонимами «russische Disko» и «Russkaja Diskotheka», обладающие нейтральным значением. Языковеды и журналисты ФРГ называли лексему «Russendisko» инновативной, так как она несла информацию о новой социальной группе, чужеродной по своей культуре¹¹³.

Таким образом, переключение языкового кода имеет и стилистический характер.

Данные о частотности употребления языковых единиц наглядно иллюстрируют динамику лексем в мультикультурном социуме. Они помогают понять, как развивается семантика слова в малых социальных группах (на материале региональных СМИ, включая радио и телевидение). От дальнейших временных факторов зависит переход лексемы от окказионального значения в узуальное, общепринятое. Это же относится к невербальным знакам.

Изучение регионального состояния языка малых групп весьма важно для социолингвистических и этнолингвокультурологических исследований. Этот феномен представляет интерес и для переводчиков: динамический слой языка в пиджинах (и др. вариантах речи билингвов) относится к подвижным когнитивным структурам, поэтому варианты переводческих решений весьма зависимы от фоновых знаний переводчика.

Список литературы:

Гарбовский Н.К. Перевод – особый случай билингвизма // Теория перевода: Учебник. 2-е изд. М.: Изд-во Московского университета, 2007. С. 316–324.

Вишневская Г.М. Билингвизм и его аспекты. Учебное пособие. Иваново: Изд-во ИГУ, 1997. 198 с.

Иванов Н.В. Проблемные аспекты языкового символизма (опыт теоретического рассмотрения). Минск: Пропилеи, 2002. 176 с.

Каминер В. Russendisko. Рассказы. Новое литературное обозрение. 2005.

Лингвистический энциклопедический словарь (ЛЭС). [Эл. ресурс. Режим доступа: <http://tapemark.narod.ru/les/303a.html>; <http://tapemark.narod.ru/les/374b.html>. 22.09.2015]

taz, die tageszeitung, Telecom Handel, TextilWirtschaft, Transport, Deutsche Verkehrszeitung, Die Welt, Die Welt am Sonntag), так и региональные (Aachener Nachrichten, Aachener Zeitung, Berliner Kurier, Berliner Morgenpost, Hamburger Abendblatt, HandelsZeitung, Handling, Haymarket, Hochheimer Zeitung (Germany), Oberhessische Zeitung (Germany), Wiesbadener Kurier (Germany), Wiesbadener Tagblatt) и мн. др.

¹¹³ В статье Б. Хенн-Меммесхаймер и Г. Альберта приведён список литературы по этому вопросу. (См. список литературы)

Миронова Н. Н. Немецкий язык в глобальном языковом пространстве // Материалы VIII ежегодной международной конференции «Языки в современном мире»: МГУ им. М. В. Ломоносова. – М., 2009. – С. 44–54.

Соссюр Ф.де. Курс общей лингвистики // Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. С. 31–285.

Acta Slavistica Estonica III. Slavistica Tartuensia X. // Slavic studies in Estonia and outside it. Ed. Alexandr Dulichenko. Tartu: University of Tartu Press, 2013.

Eichinger, L. (Hrsg.) Handbuch der deutschen Sprachminderheiten. Tübingen, 2008.

Heidelberger Forschungsprojekt «Pidgin-Deutsch»: Sprache und Kommunikation ausländischer Arbeiter//Analysen, Berichte, Materialien. – Kronberg/Ts., 1975.

Henn-Memmesheimer, B., Albert, G. „Russendisko“. Motive und Effekte eines innovativen Tauschs (Das Russische in den deutschen Diskursen, das Deutsche in den russischen Diskursen. Sammelband zur russisch-deutschen Tagung am 27.Juni–3.Juli 2009). Tomsk, 2010.

Heine, M. Wie US-Serien die deutsche Sprache verändern [<http://m.welt.de/kultur/article147671892/Wie-US-Serien-die-deutsche-Sprache-veraendern.html>]. Эл. ресурс. Режим доступа: 17.10.2015].

Kaminer W. Russendisko. Wilhelm Goldmann Verlag, München. 2002

Karu K. The language of diaspora or the interference in the translation? // Acta Slavistica Estonica III. Slavistica Tartuensia X. // Slavic studies in Estonia and outside it. Ed. Alexandr Dulichenko. Tartu: University of Tartu Press, 2013. p. 211–220.

Kusse H., Sharlay M. German-Russian Russian – from the play to the language? // Acta Slavistica Estonica III. Slavistica Tartuensia X. // Slavic studies in Estonia and outside it. Ed. Alexandr Dulichenko. Tartu: University of Tartu Press, 2013. p. 197–210.

**ГРЕЦИЗМЫ В ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОМ ПЕРЕВОДЕ ЛАТИНСКОГО ТЕКСТА
XVII ВЕКА КАК ЭТАП СТАНОВЛЕНИЯ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ШКОЛЫ
ЕПИФАНИЯ СЛАВИНЕЦКОГО**

**GREEK BORROWINGS IN CHURCH SLAVONIC TRANSLATION OF THE XVII
CENTURY LATIN TEXT AS AN EPOCH IN THE DEVELOPMENT OF EPIPHANY
SLAVINETSKY'S SCHOOL OF TRANSLATION**

В статье обсуждаются методы перевода, реализованные на самом первом этапе формирования техники переводческой школы Епифания Славинецкого в 50–70-х гг. XVII в. При переводе с латинского языка новых по жанровому содержанию текстов (а именно текстов научного характера) вырабатывается одна из самых ярких особенностей этой школы. Данной переводческой находкой становится сознательная грецизация, которую традиционно считают «формально-семантической трансляцией» оригинала в перевод. Исследование переводов с латинского языка позволило скорректировать прежние взгляды и выдвинуть предположение о введении механизма грецизации как способа модернизации церковнославянского языка позднего периода. Расширение сферы применения книжного языка в сторону языка науки потребовало от Славинецкого и его соратников выработки новых приемов. В ходе анализа других переводных сочинений того же времени (конца XVII в.), было обнаружено, что ряд впервые введенных Славинецким грецизмов оказались востребованы русским литературным языком конца XVII в., в первую очередь языком формирующейся науки.

The article presented above looks over methods of translation, realized at a very early stage of forming technology of the translation school by Epiphany Slavinetsky (50–70-ties XVII century). When new genre texts (namely, the texts of a scientific nature) were translated from Latin, one of the most interesting features of this school has arisen. This translation windfall becomes conscious Greek borrowings, which is traditionally considered to be «formal-semantic translation» of the original text. Study of translations from Latin language to the Church Slavonic allowed adjusting previous views. We look over the Greek borrowings as a way of modernizing the Church Slavonic language of the late period. The trend of book language toward language of science demanded Slavinetsky and his companions develop new translation techniques. Other bills in the analysis of compositions of the same time (late 17th century), it was discovered that a number of first imposed Greek borrowings were claimed by Russian literary language at the end of 17th in the language of science first of all.

Ключевые слова: поздний церковнославянский язык, школа Славинецкого, грецизмы, язык науки XVII века.

Key words: late Church Slavonic language, Greek borrowings, Slavinetsky's school, science language of the 17th century.

В середине XVII века в Москве начинает работать группа южно-русских книжников – знатоков

греческого и латинского языков – во главе с Епифанием Славинецким. С 1652 г. Епифаний пребывает в патриаршем Чудовом монастыре, где с товарищами начинает вести

обширную переводческую деятельность. Начинается она с составления лексиконов и работы над переводами с латинского языка светских авторов, среди которых всеми исследователями выделяется «Большой Атлас» известных голландских картографов Блау [Кузьмина, Литвинюк 2008: 552; Панченко 1992: 312; Румянцева 2012: 276]. Итогом книжной деятельности старца Епифания станет работа над новым переводом Библии, которая закончена не была - сохранился лишь текст Нового Завета, найденный в рукописях греческой части Синодального собрания (Син. 472 и 473 [Исаченко 2004]).

Переводческая деятельность «еллино-славенской» школы, к которой относят самого Епифания, его киевских соратников и московских учеников, и их отношение к работе над сакральными текстами в рамках никоновской и иоакимовской книжных справ в целом изучена. Отмечается обилие текстуальных заимствований (в первую очередь грецизмов), которые оказываются формообразующим фактором высокого стиля; увеличение дистанции между книжным и некнижным языком рассматривается как результат влияния греческого компонента в грамматике и лексике; проанализированы филологические размышления переводчиков, приводящие к разным лингвистическим решениям [Виноградов 1982: 16-28; Исаченко 1999; Успенский 1988: 433-471].

Нельзя не отметить, однако, что принципы работы «еллино-славенской» школы, точнее, технические параметры этих переводов – «способы калькирования, контекстуальная синонимия, иноязычные вкрапления, глоссирование, избыточная вариативная лексика» [Исаченко 2002: 85-86] – оказываются разобраны именно в применении к церковнославянскому языку второй половины XVII в. как к сакральному языку. Грекоориентированная модель языка, формируемая справщиками «еллино-славянской» школы, рассматриваются как результат грекоориентированной церковной реформы Никона: «установка на унификацию обрядов по греческому образцу определила установку книжной справы богослужебных книг», стремление к «формально-семантической трансляции греческого языка» [Запольская 2001: 63-64]. Переводы Епифания и его учеников «обозначают очередной период в развитии церковнославянского языка, отличающийся склонностью к языковому эксперименту, необходимому для выбора дальнейшего пути языка духовной литературы» [Николаева, Кузьмин 2015: 137-138].

Очевидно, что механизм перевода с греческого источника с древнейших времен был связан с включением в создаваемый текст неперевоенных лексем наряду с использованием славянизмов, при этом разные переводы могут ориентироваться либо на использование грецизма, либо на славянское слово [Пентковская 2003: 134-136]. Однако исследование «латинских» переводов Епифания и его школы показывает, что основные языковые тенденции намечаются уже при работе над ранними переводами.

Церковнославянский язык в трудах кружка Славинецкого расширяет сферу функционирования, именно поэтому он оказывается объектом лингвистических экспериментов. А поскольку работа идет над текстами несакрального содержания, то переводчик чувствует себя более свободным, предлагая различные инновации. Рассмотрим переводческие приемы, которые становятся характерными для Славинецкого уже на раннем этапе его деятельности, на примере первой части Атласа Блау.

Работа над церковнославянским переводом географического сочинения велась во второй половине 50-х годов XVII века. Латинский оригинал был разделен между Епифанием Славинецким, Арсением Сатановским и Исайей Чудовским. Они перевели текст в черновом варианте (рукописи Син. 779, 781, 780 и 41). Черновые экземпляры переписаны набело – соответственно Син. 19, 112 и 204, а белой экземпляр последнего тома сделан не был. Объем перевода – более 1700 листов. Обе белых рукописи Син. 19 и Син. 112 имеют на первых листах вкладную патриарха Никона (собственноручную) в Ново-Иерусалимский монастырь с датой 1661. Беловик Син. 204 на лл. 1-9 содержит вкладную в Ново-Иерусалимский монастырь от 1666.

Полный текст перевода, попав в личное собрание Никона [Никон 2004: 918-919, Николенкова 2010: 88], остался неизвестен современникам, однако начальный фрагмент – «Введение в Космографию» - оказался весьма распространен в рукописных списках XVII и начала XVIII вв. [Казакова 1987; Николенкова 2013], повлияв, по нашим наблюдениям, на развитие русского языка географии как науки.

В данной работе мы обратимся лишь к первой части - переводу Епифания Славинецкого (Син. 779 и беловик Син. 19). Оба текста практически идентичны – беловик, выполненный московским книжником, копирует текст авторитетного киевского переводчика, внося лишь орфографическую правку в соответствии с великомосковскими нормами¹¹⁴. При работе над переводом латинского источника складывается основной прием Епифаниевского кружка - обильная грецизация текста. Ожидаемо было бы фиксировать наличие большого числа латинизмов, как, к примеру, в «латинских» частях Геннадиевской Библии 1499 г. или в переводах кружка князя Курбского [Калугин 2004: 24-25]. Однако Славинецкий, напротив, не стремится к отображению языковых особенностей оригинала, а придает новому в жанровом отношении переводу грецизированный характер. Мы считаем, что целью Славинецкого было включить

¹¹⁴ Все примеры будут приведены по беловику Син. 19 – в московской орфографии; как несущественная для данной работы будет опускаться диакритика.

научный текст в сферу функционирования церковнославянского языка¹¹⁵. Для этого необходимо было ввести большое число терминологических употреблений, свойственных греческому как языку науки. Югозападнорусская книжная традиция имела опыт формирования терминологической лексики при создании первых церковнославянских грамматик. В великомосковской письменности это было реализовано лишь в 1648 г. – при издании грамматики Смотрицкого. Славинецкий, переводя географическое сочинение, вводит терминологию новой науки и выбирает грецизмы как ядро этой новой сферы.

На факт грецизации обращает внимание еще А.И.Соболевский в своем первом описании Атласа Блау [Соболевский 2003: 61]. Однако ученый зафиксировал только такую одну особенность, внешнюю - орфографическую: передачу латинского *b* как «в» (*Ворей, гиперворейский*)¹¹⁶. Сплошной анализ текста показал, что в процессе работы Славинецкий трансформирует этот принцип. Особенно ярко это проявляется в передаче имен собственных: так, грецизированный облик выбирается переводчиками для передачи названий «старых» территорий, связанных с описанными еще в средние века в географиях и хрониках землями: *Bosphor* = Восфоръ, *Babylone* = Ваввонъ, а корень *Arab-* всегда встречается в варианте Арав- (нѣдро Аравѣтское), иногда такие написания сопровождают описания славянских земель: *Obii amnis* на листе 21 – Овѣи рѣки. Реже встречаются колебания: так, Балтийское море в тексте «Ввождения в космографию» несколько раз записывается как Валѣтское (л. 10), хотя далее, в основном тексте, *b* последовательно заменяется на «б»: *Balthici* = Балѣтское (последовательно с листа 27об.). Через «в» передаются и слова, связанные с церковной сферой: Анавапѣт#не (л.22), Авватство, Венедѣкъ Папа (л.113об). Названия, не связанные с территорией исторического влияния Византии, регулярно пишутся с «б»: Бакалао (*Bacalao*); Берга (*Berga*); Тунберги (*Tunbergam*); Селбое (*Selboe*); Буѣнесъ (*Buynes* 27об); Бременскѣ# (*Bremenesc*) и т.д. Такая дифференциация онимов демонстрирует не стихийный, а продуманный подход, сформированный принцип.

Наш анализ позволяет говорить, что есть еще два других способа введения грецизмов в текст, относящихся к лексическому уровню. Во-первых, намеренное сопоставление грецизма и латинизма в переводе. Так, в качестве терминологического вводится лексема «горизонъ» (первое употребление в письменности), но с указанием «[^]грекѡвъ нареченъ орізонъ» [Николенкова 2013: 599]. Во-вторых, перевод латинского

¹¹⁵ Работа переводчиков Посольского приказа над географическими сочинениями в первой половине XVII века была иного рода: тексты перерабатывались с обильным включением русизмов, то есть не включались в стандартный регистр книжного языка [Глускина 1954].

¹¹⁶ Соболевский отмечает еще такую грецизацию: употребление «к» на месте латинского *c* (*кентр*). Однако наше исследование показало, что здесь ситуация гораздо более сложная. В рамках настоящей статьи не представляется возможным коснуться этой темы.

слова грецизмом, как вошедшим в церковнославянский язык, так и редко используемым (иногда впервые вводимым именно Славинецким).

Сам этот прием декларируется Епифанием позже, при работе над Новым Заветом. На лл. 5-8 рукописи Син. 472 размещен словарь Реченія евреїская, еллис^нкая и латинская вбрhtaюща^яся в новомъ завѣтѣ не преведенная на славенскій діалектъ, за свойство и лѣпоту онѣх діалектвѣвъ. В перечне этих «речений» мы находим многие лексемы, употребленные в переводе Атласа Блау. Да и само слово «диалект» впервые употреблено именно в этом переводе (л.22об: #зыки ложесна нарицати може^м, из нихже мнози діалекти, аки ^расли изведени суть), в [СлРЯ XI-XVII 1977, 4: 242] зафиксировано более позднее употребление, хотя также связанное с патриархом Никоном.

Приведем часть грецизмов, введенных Славинецким в перевод без опоры на латинское слово. Лист 12: нѣсть чюжде на семь мѣстѣ хвалы сочинити плаваніи, древнихже и новѣишихъ въ ихже познаніе прѣѣнѣ из#щнѣишихъ навклірвѣвъ (подчеркнуто мной¹¹⁷ – Н.Н.) искиствомъ чюд#щес# и аки во изступленіи приводими есмы (non alienum fuerit ab hoc loco laudes celebrare Navigationum, cum Veterum, tum recentiorum: in quaum notitiam quotidie peritissimorum Navarchorum industria, stupentes velut ac attoniti deducimur [Blaeu 1645: VII¹¹⁸], греческое «ναύκληρος»). Это словоупотребление отмечено во вступлении и не используется далее в основном тексте, переводчик пробует разные словообразовательные варианты с корнем «корабл-». Лист 25: Фула Бергіискому [злѣ оу Мели есть Белгіискому] брегу противоположенна есть, Греческими и нашими прославленна стихами (Thule Bergorum (male apud Melam est Belgarum) littori opposite est, Grajis & nostris celebrate carminibus. (8b), греческое στίχος). Лексема была освоена церковнославянским языком и активно использовалась в текстах, славянский аналог отсутствовал. Заметим, что сам Славинецкий, по-видимому, не считал слово славянским: в «Лексиконе латинском» «carmen» переведено как «стих, песнь», но в «Лексикон словено-латинский» составители слово «стих» не включают [Німчук 1973].

Такие вошедшие в церковнославянский язык грецизмы известны и встречаются в том числе в переводах с латинского. Скажем, в переводах кружка Курбского отмечаем хвротонисань на месте «initiaretur» [Калугин 2003: 62] Интереснее всего использование подобных грецизмов в новом терминологическом значении. Так, грецизм «херсонис» (χερσόνησος) заменяет у Славинецкого латинское «peninsula» во всех без исключения употреблениях: Еврѣпы страни ^части сиши суть, ^части Херсониси, и Острови (л. 21об); в соответствии с «Europæ regions partim Continentes sunt, partim Peninsulæ & Insulæ» (5b)

¹¹⁷ Здесь и далее все подчеркивания введены автором (Н.Н.), курсивные выделения копируются по изданию.

¹¹⁸ Все цитаты даются по указанному изданию, далее будут указаны номера листов и столбцов.

или Гради ему подтвержденны сить Мастрандъ вХерсоніч скалистомъ положень (27), латинское «Oppida ei subjecta sunt *Mastrand* in peninsula scopulosa situm» (8b). В «Лексиконе латинском», составленном, по мнению большинства исследователей, ранее перевода Атласа Блау, Славинецкий переводит «peninsula» как «островъ, водами обточенъ» [Німчук 1973: 305], то есть не подбирает еще однословного эквивалента, которым и оказывается в итоге грецизм.

В ряде случаев использование Славинецким грецизма отмечается как яркая особенность его версии новозаветного перевода. В докладе «Новый Завет в переводе Епифания Славинецкого – Евфимия Чудовского: к вопросу о славянских источниках текста» Т.В.Пентковская¹¹⁹ показала, что в Мф. 21:23 во всех известных редакциях использована лексема «столпъ», и только в Епифаниевом Новом Завете читается «и созда пвргъ» [Исаченко 2004: 65]. Употребление варианта «пирг/а» в соответствии с «turris» начинается с лексикона латинского, где, кроме «пиргъ», предложен вариант «твержа, твердиня» [Німчук 1973: 405], далее грецизм широко использован в Атласе: Ибо камъ либо очесь остроту ^верзеши, или Пирги превысокі#, или кровь Слѣнци сі#ющи, аки злато, блищащис# (л. 31); Стѣною крѣпчаишею, и твержами, и пиргами густыми, острогомъ непобѣдимымъ (л. 31об); Лѣта ,аѣтм, начать назидатис# пирга с: Стефана, и ѣк наконецъ потомъ лѣта совершис#, Храмъ вградѣ пространнъ, с пиргою доволнѣ крѣпкою (л. 80об). В словаре Син. 472 «пвргъ» отмечается со ссылкой на Мк 12:1 (то же чтение, л. 118).

Интересно, что к варианту «пирга» Славинецкий приходит не сразу. Первоначально переводчик выбирает югозападнорусизм, который потом заменяет грецизмом. Латинское «aut per Topographium vero propria & particularis description partium Chorographiæ, ut Urbis cujusdam, Pagi, Arcis, Turris, aut alterius particulæ» в первой главе «Вводения в Космографию» переведено как Топографією же собственное и частное вписаніе частей Хорографіи: "коже есть града нѣкоегѡ, села, града, вежи, или ины# частицы (л.1). Лексема «вежа» имеет значение 'башня' в западнорусских диалектах, в этом значении слово известно и украинскому языку¹²⁰. По данным [СРЯ XI-XVII 1975, 2: 51] значение 'башня' встретилось также в Проскинитарии Арсения Калуды, переведенном в 1686 году учеником Славинецкого Евфимием Чудовским, причем с объяснением «вежами, сиречь башнями». Замена югозападнорусской лексемы на грецизм также свидетельствует о сознательной выработке описываемого приема.

¹¹⁹ Доклад сделан на конференции «Политическая/ конфессиональная/ национальная/ языковая карта Восточной Европы» в г.Вильнюс (Литва), прошедшей 5-10.11.2012 г.

¹²⁰ Происхождение Епифания Славинецкого – дискуссионный вопрос, его считают или белорусом, или украинцем.

Отметим, что этот грецизм получил самостоятельную историю в книжном языке XVII века. По данным [СРЯ XI-XVII 1989, 15: 48] наличие лексемы «пирга» в переводах с греческого сначала можно считать экзотизмом: *съ краа моря [в Царьграде] стена камена и пиргове высоци* в тексте Хождения Игнатия Смольянина по списку XVI в.. Еще один указанный в словаре пример (*тамо къ западной двери быху пирги, на яже восхождаху левити въ двема сребренными трубами и трубящее*) взят из того же перевода Проскинитария Арсения Калуды.

Однако нам удалось установить, что в конце XVII в. лексема стала употребляться очень широко. Во-первых, мы находим ее в словарях иностранных слов в азбуковниках. Так, в рукописи Син.353 (Азбуковник, алфавит толковый) читаем: пиргъ, столпъ каменный (л. 121об). Во-вторых, лексема употребляется именно в сделанных в конце XVII в. переводах сочинений географического содержания. К примеру, в Син. 745 (История иудейской войны с добавлением «Хорографии и топографии... земли святыя», переведенной с латинского и польского) «пирга» используется очень широко, к примеру: *есть мѣсто еже пѣргъ чреды* (гlossa - твержа) на л. 183об; *тамо^ж недалече ^ пѣрга* (гlossa - башни тве^ржи) *градскагw*, *есть істочникъ іаковль* (л. 196) и т.д. Необходимо подробно изучить географические сочинения конца XVII века и их источники, чтобы установить механизм вхождения лексемы и степень влияния переводов Славинецкого.

Грецизмы заменяют у Славинецкого не вошедшие в церковнославянский язык латинизмы, называющие чуждые реалии. К примеру, регулярно используется Сигклить (греч. Σύγκλητος) на месте латинского «Senatus»: *и ^негwже къ Царю и Свгклиту Царства нарицаніе взаимъ ^носитс#* (л. 30) на месте латинского «& à quo ad Regem & Senatum regni appellation virtutissim devolvitur» (10a); *и сегw чина Свгклитици Царства избираютс#*, *ихже число кѣи рѣдцѣ преходить* (лл. 29об-30) в соответствии с «Ex hoc ordine Senatores regni eliguntur, quorum numerus XXVIII raro excedit» (10a). Использование латинизма «сенат» зафиксировано в переводах Курбского [Калугин 2003; Калугин 2004] и в его оригинальных сочинениях [СлРЯ XI-XVII 2000, 24: 62]. Грецизм «синклит» распространен гораздо шире, в том числе отмечен в оригинальных великомосковских текстах, к примеру в «Степенной книге», в значении ‘совокупность придворных, знать’ [там же: 152]. И это словоупотребление постепенно входит в книжный язык, так, в сочинении Спафария зафиксировано *сенать или сигклить римскии* [там же].

Возможность широкого использования грецизмов в тексте связана, безусловно, с наличием в латинском источнике большого числа греческих лексем: диаметръ (Diameter, от Διάμετρος); сфера (Sphaera, от Σφαῖρα); тропіки (Tropici, от Τροπικός); параллели (Paralleli, от Παράλληλος); архіпел#гъ (Archipelagus, от Αρχιπέλαγος); тітла (Titulus, от

Τίτλος) и многие другие. В целом ряде случаев и такие грецизмы фиксируются в нашем памятнике впервые, однако они выступают на фоне уже усвоенных церковнославянским языком слов («планета», «зодия» и т.д.). Иногда мы не можем с уверенностью говорить, что при транслитерации Епифанию известно греческое происхождение слова, ведь редких грецизмов в тексте много. К примеру, в главе «Исландия» перечисляются разнообразнейшие рыбы, которые водятся у берегов страны, из их костей даже строят опоры для домов. Здесь же читаем: К симъ спіни, спондули, и великі# главны# двокрестныя квсти (л.26) в соответствии с *Prætereā spinæ, spondyli, atque vasti capitis bifurcate ossa...* (f. 8c). Грецизм «spondylus» в тексте («позвонок») транслитерирован вслед за латинизмом «spina» («рыбья кость; хребет, позвоночник»).

Делая выводы, отметим, что наши наблюдения позволяют несколько по-иному взглянуть на известные рассуждения книжников Епифаниевского круга о близости греческого и славянского языков и различии их с латинским (его они называют «козлище инородное») [Виноградов 1982: 13]. Во многом, как нам думается, такая позиция является обоснованием для того переводческого приема, который книжники вводят в церковнославянский язык. Необходимость трансформации церковнославянского языка во второй половине XVII в., думается, была связана в первую очередь с необходимостью расширить границы употребления книжного языка стандартного регистра, распространить его использование на новые жанры письменности.

Список литературы:

Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков. / В.В.Виноградов. М.: Высш. школа, 1982. 528 с.

Глускина С.М. «Космография» 1637 года как русская переработка текста «Атласа» Меркатора / С.М.Глускина // Географический сборник АН СССР. Т. III. История географических знаний и географических открытий. М.–Л.: Наука, 1954. С.79–99.

Запольская Н.Н. Проблема трансляции/элиминации культурно доминирующего литературного языка / Н.Н.Запольская // Языковая система и ее развитие во времени и пространстве: сб. научн. трудов к 80-летию проф. К.В.Горшковой. М.: Изд-во МГУ, 2001. С. 59–79.

Исаченко Т.А. Перевод и толкование в «еллино–славенской школе Чудова монастыря (вторая половина XVII века) / Т.А.Исаченко // Traduzione e rielaborazione nelle Letterature di Polonia Ucraina e Russia XVI–XVIII secolo. Milano, 1999. С. 92–107.

Исаченко Т.А. Новый Завет «перевода и стяжания» иеромонаха Чудова монастыря Епифания (Славинецкого) посл. трети XVII в. / Т.А. Исаченко // Вопросы языкознания. 2002. № 4. С. 73–92.

Казакова Н.А. Русский перевод XVII в. труда Блау «Theatrum Orbis Terrarum» sive Atlas Novus / Н.А.Казакова // Вспомогательные исторические дисциплины, 1978. Т.17. С. 161–178.

Калугин В.В. «Житие святителя Николая Мирликийского» в агиографическом своде Андрея Курбского / В.В.Калугин. М.: Языки славянской культуры, 2003. 240 с.

Кузьминова Е.А. Епифаний (Славинецкий) / Е.А. Кузьминова, Е.Е. Литвинюк // Православная энциклопедия [Электронный ресурс] Т. 18, М., 2008. С. 552–556. – Режим доступа: <http://www.pravenc.ru/text/print/190087.html>

«Лексіконъ латинский « Є. Славинецького. «Лексикон словено–латинський « Є. Славинецького та А. Корецького. Сатановського. Підгот. до вид. В. В. Німчук / В.В.Німчук. Київ: Изд–во АН УССР, 1973. 540 с.

Николаева Н.Г. «Богословие « Иоанна Дамаскина в церковнославянской традиции и рецепции XVI–XVIII вв. / Н.Г.Николаева, С.И.Кузьмин. Казань: Центр инновационных технологий, 2015. 321 с.

Николенкова Н.В. Церковнославянский перевод Атласа Влаеу: нерешенные вопросы / Н.В.Николенкова // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2010, № 6. С. 86–98.

Николенкова Н.В. Стратегии формирования церковнославянского языка как языка науки в XVII в. (на примере перевода Атласа Влаеу) / Н.В.Николенкова // Славянское языкознание. XV Международный съезд славистов. Минск, 21–27 августа 2013 г. Доклады российской делегации. М.: Индрик, 2013. С. 590–609.

Никон, Патриарх. Труды. Научное исследование, подготовка документов к изданию, составление и общая редакция В.В.Шмидта. / Никон. М.: Изд–во Моск. ун–та, 2004. 1260 с.

Панченко А.М. Епифаний Славинецкий / А.М.Панченко // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.) Часть 1 (А–З). СПб.: Дмитрий Буланин, 1992. С. 309–313.

Пентковская Т.В. Лексический критерий в изучении древнеславянских переводов: проблемы локализации и группировки / Т.В.Пентковская // Русский язык в научном освещении. № 1 (5), 2003. С. 124–140.

Румянцева В.С. Епифаний Славинецкий в Москве / В.С. Румянцева // Православие Украины и Московской Руси в XV–XVII веках. М.: Индрик, 2012. С. 270–281.

Святой Георгий Победоносец в агиографическом своде Андрея Курбского. Сост., предисл. и правила изд. В.В.Калугина / В.В.Калугин. М.: Языки славянской культуры, 2004. 288 с.

Словарь русского языка XI–XVII вв. / СлРЯ XI–XVII. М. Наука, 1975 — наст.вр.

Соболевский А.И. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков / А.И.Соболевский, СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1903. 484 с.

Успенский Б.А. История русского литературного языка (XI–XVII вв.) / Б.А.Успенский. Будапешт, 1988. 321 с.

Neues Testament in der Übersetzung des Priestermönchs Jepifanij Slavynec «kij. Faksimile. [Новый Завет в переводе иеромонаха Чудова монастыря Епифания Славинецкого (посл.треть XVII в.): Четвероевангелие, Деяния Свв. Апостолов, Послания Свв. Апостолов, Апокалипсис. Факсимиле)]. Herausgegeben von Tat «jana A. Isačenko. / Т.А. Исаченко // Biblia Slavica. Serie III: Ostslavische Bibeln. Band 2. Paderborn; München; Wien; Zürich, 2004. С. 624.

Theatrum orbis terrarium, sive Atlas novus in quo tabulae et descriptions omnium Regionum. Editae a Guiljele et Ioanne Blaeu / G.Blaeu, I.Blaeu. Amsterdami. Anno 1645.

ЛЕКСИКА ДРЕВНЕСЛАВЯНСКОГО ПЕРЕВОДА АПОСТОЛА: В ПОИСКАХ ОБРАЗА И СМЫСЛА

OLD CHURCH SLAVONIC APOSTLE TRANSLATION VOCABULARY: IN SEARCH OF FORM AND SENSE

В статье обсуждаются пути реализации различных переводческих приемов в диахронии древнеславянского перевода Апостола с целью поиска семантических оснований интерпретации текста. Сопоставляются показания архаичной группы списков Апостола, которая объединяет древнейшие, восходящие к кирилло–мефодиевской традиции, переводческие решения с преславскими, Чудовской и афонской редакций текста. Выясняется, что в разновременных версиях Апостола реализуются все переводческие техники, характерные для древнеславянской книжности: заимствование, калькирование, поиск эквивалента. Последнее нередко приводит к появлению феноменов перевода, т.е. таким отношениям между единицей / фрагментом оригинала и соответствующей единицей / фрагментом перевода, при которых возникает несоответствие выразительных средств переводящего и исходного языка. Отмечаются четыре основные тенденции варьирования: выбор между различными лексическими основами в структурных кальках; между калькой и эквивалентом; между заимствованием и эквивалентом; между различными эквивалентами. Рукописи – представители архаичной группы указывают на свободную интерпретацию исходного текста, в ходе которой возникают феномены дополняющего и замещающего перевода, в то время как афонская редакция предпочитает структурно–семантическое калькирование. В ряде случаев переводческие находки, демонстрирующие отход от семантической строгости в пользу автономных смыслов, сохраняются на протяжении столетий и инкорпорируются в печатный текст.

The article focuses on translation techniques in Old Church Slavonic Acts and Epistles in order to explore a semantic basis of the text interpretation. Readings of archaic manuscripts uniting the oldest Cyrillo–Methodian tradition with Preslav changes are being compared to those of Chudov and Athos redactions. It is found out that all techniques, peculiar to Old Slavonic literature, are detected in various versions of Apostle: borrowing, calquing, searching for an equivalent. The latter frequently makes translation phenomena to appear. That means a correlation between according units / fragments of original text and translation, wherein a certain mismatch of expressive means occurs. There are four main tendencies of variation to be spoken of: a choice between different lexical stems in structural calques; between a calque and an equivalent; between a loan word and an equivalent; between various equivalents. The manuscripts representing the archaic group demonstrate free interpretation of the original text, which causes supplying and substituting translation phenomena, whereas Athos redaction prefers calquing of word structure and semantics. In some cases interpreters « inventions favouring independent meanings survive centuries, and get incorporated in printed versions.

Ключевые слова: Древнеславянский Апостол, разновременные версии, семантика, заимствования, кальки, эквиваленты, феномены перевода.

Key words: Old Church Slavonic Apostle, various versions, semantics, loan words, calques, equivalents, phenomena of translation.

Данная статья представляет фрагмент исследования¹²¹ средневековых славянских переводов Деяний и Посланий апостолов, принадлежащих традиции *Slavia Orthodoxa*. Определив, вместе с Евангелием, содержание кирилло-мефодиевских переводов, Апостол явился одним из наиболее важных заимствованных текстов, давших начало развитию славянской – в том числе русской – книжности и культуры. Своеобразие и богатство лексики древнеславянских версий Апостола неоднократно отмечалось в научной литературе (см., например, работы [Ефимова, 2002; Камчатнов, 2005]), однако лексический фонд данного текста во всем многообразии разновременных версий перевода изучен далеко не полностью. Ниже предлагается обсудить ряд контекстов из Деяний и Посланий в герменевтическом ключе – то есть проанализировать пути поиска смысла, по которым двигались создатели различных версий Апостола, на фоне показаний греческого первоисточника.

Вопрос о древнеславянских источниках исследования требует краткого обзора текстологии Апостола, которая, благодаря общности истории древнеславянского перевода Нового Завета, а также из-за отсутствия достаточного числа древних источников, строится по аналогии с текстологией Евангелия, хотя последние исследования указывают на проблематичность прямой проекции одной текстологической модели на другую (ср. [Алексеев, 2013]). В настоящее время выделяют до шести редакций Евангелия и Апостола [Пентковская, 2009, с. 15-16], среди которых наиболее значимыми для лексической истории Апостола представляются четыре: древняя (восходящая к деятельности Кирилла и Мефодия «первая редакция», или редакция А, по типологии Г.А. Воскресенского [Воскресенский, 1879]), «преславская» (возникшая в Восточной Болгарии в X в. «вторая редакция», или редакция Б, по Воскресенскому), Чудовская («третья редакция», представленная в нашем исследовании Чудовским Новым Заветом) и афонская редакция («четвертая редакция» Воскресенского), появившиеся на рубеже XIII-XIV вв. и отличающиеся склонностью к грецизации на различных уровнях текста. Между двумя древнейшими редакциями не существует четкой границы, поскольку в большинстве основных сохранившихся списков Апостола, которые не старше XII в.¹²², достаточно интенсивно происходит соединение лексических пластов, характерных, с одной стороны, для древнейшей кирилло-мефодиевской традиции, с другой – для преславского перевода.

¹²¹ Исследование проводится при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 15-04-00213а «Древнерусские списки Апостола XII-XIV вв.: лингвистическое исследование и электронная публикация»).

¹²² Единственный список, входящий в корпус старославянских памятников, Энинский Апостол XI в., содержит сильно поврежденный текст краткого апракоса.

Особую роль в этом процессе играет толковый тип Апостола, на пространстве которого и происходит лексический «синтез» (см. [Алексеев, 1999, с. 33-34]).

В рамках лексикологического исследования мы считаем возможным сопоставление архаичной группы списков Апостола, объединяющей древнейшие переводческие решения с преславскими, и афонской редакции, которую отличает интенция сделать стандартизировать литургический текст, а также стремление «...максимально приблизиться к структуре греческого текста на уровне словообразования и синтаксиса словосочетания» [Алексеев, 1999, с. 188]. Архаичная (доафонская) традиция перевода предполагает свободную интерпретацию первоисточника (об этом подробнее [Верещагин, 1982; Максимович, 2007]). Последнее обстоятельство вызывает особый интерес, поскольку ставит перед исследователем задачу поиска семантических оснований интерпретации текста.

В центре нашего внимания находятся древнерусские списки: Христинопольский Апостол XII в. (Львовский исторический музей, № 37, далее *Христ*¹²³), толковый список галицко-волынского происхождения, содержащий «древнюю редакцию Апостола, осложненную преславскими чтениями» [Пентковская, 2009, с. 19], и служебный Толстовский Апостол конца XIV в. (РНБ, Q.п.I.5, далее *Толст*) – яркий представитель преславской редакции. К анализу привлекаются также манускрипты восточно- и южнославянского происхождения, изданные либо целиком (среднеболгарский Слепченский апракос XII в., далее *Слепч* [Ильинский, 1912]; сербский полный апракос 1324 г. (Белград, Патриаршая б-ка, № 322, далее *Шшии*) [Apostolus, 1853]; Чудовский Новый Завет, далее *ЧНЗ* [Новый Завет, 1892]), либо частично, в коллациях [Амфилохий, 1885-1888; Воскресенский, 1906-1908; Христова-Шомова, 2004]. Матичин Апостол (сербский служебный список конца XIII в., Нови-Сад, Б-ка Матицы Сербской, № 184, далее *Мат*) приводится по электронному изданию¹²⁴, также как четыре афонских списка XV–XVI вв. из собрания РГБ ТСЛ (ф. 304. I, №№ 71, 72, 79, 80 – списки группы *ТСЛ*)¹²⁵. Ссылки на листы рукописей даются в случаях прямого цитирования по цифровым копиям.

По мере необходимости рассматриваются печатные версии Апостола – издание Ф. Скорины 1525 г. (далее *Скор*, приводится по [Амфилохий, 1885-1888]), текст Апостола, входящий в состав Острожской Библии 1581 г. (далее *ОБ*), и церковнославянский текст, использующийся для богослужения и келейного чтения в настоящее время (далее *ЦНЗ*)¹²⁶.

¹²³Цифровая копия памятника размещена на сайте Львовского исторического музея: http://www.lhm.lviv.ua/proekty/krystynopolskyu_apostol.html

¹²⁴Библиотека Матице српске // Дигитална БМС, URL: <http://digital.bms.rs/ebiblioteka/pageFlip/reader/index.php?type=publications&id=743&m=2#page/76/mode/1up>.

¹²⁵ Фотокопии размещены на сайте Троице-Сергиевой Лавры: <http://www.old.stsl.ru/manuscripts>.

¹²⁶ *ОБ* и *ЦНЗ* цитируются по [Цитата из Библии].

Греческий текст Апостола приводится по [The Greek, 1998] и [Цитата из Библии]. Значения греческих лексем, если нет специальных оговорок, приводятся по [Alpha, 2005].

В разновременных версиях Апостола реализованы все переводческие техники, характерные для древнеславянской книжности: заимствование, калькирование, поиск эквивалента. Последнее нередко приводит к появлению феноменов перевода, т.е. таким отношениям «между фрагментом (синтагмой, лексемой) оригинала и соответствующим фрагментом перевода, при котором можно говорить о несоответствии выразительных средств переводящего языка средствам исходного языка» [Максимович, 2007, с. 53]. При анализе феноменов перевода мы используем классификацию, предложенную в указанном исследовании [Максимович, 2007].

Обращаясь к проблеме переводческого выбора в диахронии текста Апостола, можно отметить следующие четыре тенденции: выбор лексической основы в структурной кальке; выбор между калькой и эквивалентом; между заимствованием и эквивалентом; между различными эквивалентами. Рассмотрим подробнее каждую из них.

1. Словообразовательные кальки присутствуют во всех версиях, при этом в списках архаичной редакции, восходящих к кирилло-мефодиевскому переводу, преобладают нестрогие кальки. Лексическое «наполнение» славянских копий греческих производных может быть различным, при общности словообразовательной модели, и это касается не только разновременного варьирования, но отношений внутри одной редакции. Ср., например, славянские параллели, предлагаемые только в рамках редакции А, к греческому сложению εὐ-σχημοσύνη ‘благопристойность; благородство, изящество; красота’ в 1Кор.12:24: **бл̃гообразьньство** (*Христ*, л. 160об.), **бл̃гокоуцьньство**, **бл̃гопотрѣвьство**, **бл̃гоу̀крашеньство**, **бл̃гоо̀украшеник**, **бл̃гоо̀устрожник**, **бл̃гоо̀угоднок**. Представители редакции Б также не остаются в стороне, предлагая варианты **бл̃гоо̀укѣтаник** (*Толст*, л. 16в), **благоразоумьство**, **бл̃гоо̀устрожник** [Воскресенский, 1906, с. 142-143].

Обращает на себя внимание, во-первых, различие основ и, следовательно, внутренней формы каждого из приведенных образований, свидетельствующей о выявлении того или иного аспекта в семантике слова: это может быть указание на внешний вид (**-образ-**), скрытость (**-коуц-** ← *kutati / kōtati [Этимологический, 12, с. 69-70]), упорядоченность (**-строи-**), необходимость (**-трѣв-**), уместность (**-год-**); это может быть, наконец, эстетическая характеристика (**о̀украш-**). Во-вторых, приведенные славянские образования принадлежат к разным словообразовательным типам – мы видим среди них как nomina abstracta, так и nomina actionis, а также субстантиват, близкий по семантике к именам со значением отвлеченного признака, и выбор того или иного образования также определяет различие семантических нюансов. Все это свидетельствует

о напряженном поиске адекватного выражения на раннем этапе становления древнеславянского литературного языка и о том, что в данном случае перед нами совмещение словообразовательного калькирования (как воспроизведения структуры греческого сложения) с интерпретацией семантики одной из основ переводимого слова. Так, можно заметить, что варианты **БЛГОКОУЦЬНЬСТВО** и **БЛГОУКУТАНІЕ** лучше всего отвечают общему содержанию контекста о покровении членов тела одеждой, хотя далек от точного следования внутренней форме греческой основы (σχήμα ‘вид, образ’). С течением времени «цветущая сложность» уходит из данного контекста, уступив место унифицирующей строгой кальке **БЛГООБРАЗИЕ** в *ЧНЗ* и фонских списках.

Подобную ситуацию можно наблюдать в 1Тим.3:6, где форма словосложения νεόφυτος ‘вновь насажденный, *перен.* новообращенный’ имеет славянские соответствия **новохръщенѸ** (*Христ*, л. 290, а также южнославянские списки архаичной группы, ряд фонских рукописей, *ОБ* и *ЦНЗ*), **новооукѸ** (*Толст*, л. 38г), **новосадноѸ** (*ЧНЗ*, л. 136г, фонские списки). Как видим, ранняя и преславская редакция представляют интерпретацию второй основы, далекую от этимологии греческой параллели (и этот подход унаследован печатным текстом Апостола), в то время как *ЧНЗ* и часть фонских списков предпочитают строгую кальку. При этом образование **новохръщенѸ** содержит семантическое указание на таинство крещения (и, судя, по жизнеспособности данного переводческого выбора, именно этот момент был воспринят как определяющий качество новообращенного христианина), образование же **новооукѸ** отсылает к концепту учения.

2. Садоводческая метафорика, вообще не чуждая греческому тексту апостольских посланий, далеко не всегда поддерживается славянскими переводчиками. Так, в греческом тексте Иак.1:21 встречается выражение δέξασθε τὸν ἔμφυτον λόγον, буквально ‘примите всажденное (насаждаемое) слово’. Прилагательное ἔμφυτος было известно уже античной литературе, где употреблялось в значении ‘врожденный, естественный, природный’; последнее было усвоено впоследствии и христианской литературой [Alpha, 2005; Lampe, 1961-1969, p. 459]. Однако в данном новозаветном контексте присутствует и другой смысл, ‘посаженный, привитый извне’, на который указывают библеисты: «Имеется в виду, что оно не дается с рождения, а прививается позже. Это метафора того, что заложено в человека, или того, что должно вырасти из него» [Роджерс, 2001, с. 846]. У. Баркли в своем «Комментарии к Новому Завету» поддерживает это мнение, но отмечает: «Вполне возможно, что нам не нужно выбирать между этими двумя значениями: ведь, может быть, Иаков подразумевает, что знание истинного Слова Божия люди получают сразу из двух источников: из глубин нашего существа, а также, от Духа

Божия через проповеди людей. И изнутри и извне идут к нам голоса, указывающие нам путь истинный» [Цитата из Библии, 2006]. Так или иначе, в рукописях архаичной группы эти смыслы проигнорированы. Контекст переосмыслен в пользу выражения концепта истины, и данное решение остается востребованным на протяжении веков, объединяя списки архаичной и афонской группы. Ср.: **примѣсите исток слово** в *Христ* (л. 45), то же в *Слєч* и *Шши*; *Мат* – **примѣте истовок слово** (л. 36); в *Толст* читаем **истинно слово** (л. 51б). То же замещающее решение сохраняется и в *ЧНЗ* (**исток слово**, л. 21а), и в афонских списках группы *ТСЛ*. Калька **всажденное слово** появляется лишь в печатных версиях (*ОБ*, *ЦНЗ*). Таким образом, можно констатировать, что в данном случае всей традицией перевода предпочтение было отдано замещающему эквиваленту, привносящему новый смысл в контекст.

3. Следующие несколько случаев представляют «конкуренцию» описательных эквивалентов с заимствованиями. Описательными эквивалентами мы, вслед за К.А. Максимовичем, считаем славянские словосочетания, передающие одноосновное греческое слово. Их наличие в языке древнеславянских переводов «с одной стороны, ... доказывает отсутствие в славянском языке того времени необходимых терминологических эквивалентов, а с другой – большое значение, которое переводчик придавал возможно более точной передаче смысла исходных греческих терминов» [Максимович, 2007, с. 71].

1Кор.6:9-10: **ни малаки ни мужележници ... цръствиа не наслѣдаты** (*Христ*, л. 146об., и др.) vs. **творяще блудъ рѹкою** (*Толст*, л. 13б) – греч. *μαλακοὶ*.

Преславские списки демонстрируют предельную прямоту, в то время как все остальные рукописные и печатные версии текста предпочитают эвфемизирующий грецизм. Интересно, однако, что ап. Павел имел в виду иной вид сексуального поведения. Как свидетельствуют Е.А. Софоклес и много позднее К.Л. Роджерс, речь здесь идет о пассивном гомосексуализме (при семантической флуктуации *μαλακός* ‘мягкий’ → ‘женственный, женоподобный’ → ‘имеющий сексуальные отношения с мужчинами’), тогда как значение ‘one that practices onanism’ появляется у слова *μαλακός* лишь в IX веке у Феодора Студита [Роджерс, 2001, с. 573; Greek Lexicon, 1914, p. 730]. (Примечательно, что это время, весьма недалекое от начала преславской редакции.) Святоотеческие толкования солидарны с современными данными: «Малакиями называет тех, над которыми совершают постыдное, а потом перечисляет и совершающих постыдное (мужеложники)», – отмечает блж. Феофилакт [Цитата из Библии]. Так или иначе, перед нами снова описательный эквивалент, который, прочем, не оказывается жизнеспособным в истории перевода Апостола.

1Кор.11:19: ПОДОВАКТЬ БО И ЕРЕСЬМЪ ВЪ ВАСЪ БЫТИ ДА ИСКОУШЕНИИ ГВѢ
БОУДОУТЬ ВЪ ВАСЪ (*Христ*, л. 157об., и прочие списки ранней и афонской редакций;
также *ОБ*, *ЦНЗ*) vs. ЕСТЬ БО БЫТИ ВЪ ВАСЪ ИСКАЗѢ ВѢРНѢИ (*Толст*, л. 15г), ЗЛОВѢРНЮ
ИСКАЗѢ ВѢРНѢИ (древнерусские и старорусские списки XIV–XVI вв. редакции Б
[Воскресенский, 1906, с. 127]), ПОДОВАИѢ БО И ЕРЕСЕМЪ ВЪ ВАСЪ БЫТИ И ЗЛОВѢРЬЮ
ИСКАЗА ВѢРѢ (*ЧНЗ*, л. 112г) – греч. δεῖ γὰρ καὶ αἱρέσεις ἐν ὑμῖν εἶναι.

Гал.5:19-20: ѢВѢ ЖЕ СЖТЪ ДѢАНИѢ ПЛѢТЪСКАѢ: ... ѢРОСТИ РАЗДРАЖЕНИѢ
РАСПРА : ЕРЕСИ (*Слепч*; *Шши* и др. списки ранней и афонской редакций; также *ОБ*, *ЦНЗ*)
vs. ИЗВОЛЕНИИ ИЗЛИХА (*Толст* и др. списки группы Б [Воскресенский, 1908, с. 224-225]) –
греч. αἱρέσεις.

«Преславские» списки обращают на себя внимание передачей греческого αἱρέσεις
двумя различными словосочетаниями. Очевидно, это связано с тем, что контекст
1Кор.11:19 имеет догматическое звучание, тогда как чтение Гал.5:20 ориентировано
этически. Семантика греческого слова позволяет эту дифференциацию в силу того, что
αἱρέσεις может означать как ‘направление, школа, учение’, так и ‘свобода выбора, выбор’.
Таким образом, в обоих случаях налицо сочетание описательного перевода с контекстно-
семным, или, по Е.М. Верещагину, ментализацией [Максимович, 2007, с. 60].

Тот же контекстно-семный принцип перевода соблюдается в тех контекстах *Толст*,
где требуется экспликация момента «свое / чужое»: там, где упоминаются учение
саддукеев (Деян.5:17) либо искажения внутри христианства (2Пет.2:1), в *Толст*
наблюдается эквивалент (и)сказъ, а когда речь идет о христианстве (Деян.24:14) или о
«вере отцов» ап. Павла (Деян.26:5), употребляется слово ИЗВОЛЕНИЕ. Остальные древние
версии текста не дают столь тонкой дифференциации. Ср., например, в Деян.26:5: ПО
ИСТИНѢ О ЕРЕСИ НАШЕИ ВѢРЪИ ЖИХЪ ФАРИСЕНСКЪИ (*Христ*, л. 34; *ЧНЗ*, л. 77г) vs. ПО
ИСТОВОМУ ИЗВОЛЕНИЮ НШЕИ ВѢРЪИ (*Толст*, л. 81г).

ЧНЗ занимает особую позицию в чтении 1Кор.11:19, представляя как
займствование, так и описательный эквивалент, и обращаясь тем самым к древнейшей
практике употребления двуязычных дублетов (см. [Чернышева, 1994]), с целью
максимально прояснить содержание контекста.

4. Выбор между различными эквивалентами можно проиллюстрировать целым
рядом случаев. Остановимся на некоторых.

а) 2Пет.1:9: СЛѢПЪ ЕСТЬ МИЗАИ (*Толст*, л. 56а; *Шши мѣже*; *ЧНЗ* и *ТСЛ71 не*
вида; *ТСЛ79 мѣжа*, *ТСЛ80 мѣжа*; *ОБ мжа*; *ЦНЗ мжай*) vs. СЛѢПЪ ЕСТЬ ПОВЪЛЧЕНАМА
ОЧИМА (*Христ*, л. 63об.) – греч. τυφλός ἐστιν μωπάζων.

Подчеркнутое греческое причастие представляет собою новозаветный *hara*, неизвестный античным авторам и Септуагинте. «Это слово может означать произвольное прищуривание близорукого, чтобы лучше видеть» [Роджерс, 2001, с. 882]. Как видим, большинство списков дают полный эквивалент, входящий затем и в печатные версии – причастие от глаголов *μιζατι* либо *μζιτι* ‘мигать; зажмуривать, щурить глаза’ [Срезневский, II, с. 134, 225]. Совершенно особую позицию занимает список *Христ*, содержащий словосочетание *повълченама очима* (ср. *повълъци* ‘покрыть, затянуть; затуманить’ [Slovník, III, 1, s. 73]). Такой выбор влечет за собой семантический сдвиг в контексте, поскольку речь идет уже не о прищуривании близорукого, но о человеке с бельмом на глазах. По-видимому, перед нами результат дополняющего перевода, который «представляет собой своеобразное сочетание (описательного) перевода и (со)авторского творчества» [Максимович, 2007, с. 64]. Своеобразным продолжателем применения данного приема является Ф. Скорина, уходящий еще дальше от смысла оригинала и существенно увеличивающий количество лексических единиц перевода: *слѣпъ есть и рѹкою пѹтѣ цѹпаетъ*.

б) Иак.2:19: *и вѣси вѣроують и нцазаютъ* (*Христ*, л. 47, так же *Сленч*, *Шии*) vs. *трасътъ сѧ* (Карпинский Апостол XIV в., среднеболгарский полный апракос), *оѹжасають сѧ* (*Скор*), *трепещють* (*ЧНЗ*, афонские списки XV-XVII вв., *ОБ*, *ЦНЗ*) – греч. φρίσσοουσιν.

Ряд списков архаичной группы представляет нетривиальную параллель *нцазаютъ* / φρίσσοουσιν, зафиксированную в «Старославянском словаре» со знаком (!) [Старославянский, 1999, с. 276]. И.И. Срезневский цитирует в словарной статье «*исчазати*» чтение Иак.2:19 по толковому списку XVI в. [Срезневский, I, с. 1165]. Каковы семантические основания для передачи славянским *нцазати* (*исчезати*) греческого глагола, который означает сильные проявления страха?¹²⁷ На функционирование глагола *исчезати* в эмоциональной сфере указывает употребление Синайского Патерика XI в., где присутствует параллель *исчезъ* (*исчазъ*, *нцазъ*) / ἔκστασις [Срезневский, I, с. 1165-1166], а также данные современных южнославянских языков – ср. болг. *чезна* ‘чахнуть, изнывать’, диал. *чезнем* ‘тосковать по чем или по ком’, макед. *чезнее* ‘тосковать’; сербохорв. *чезнути* ‘жаждать, испытывать зависть; стремиться, тосковать’ [Этимологический, 4, с. 100-101]. Кроме того, возможны индоевропейские параллели со значениями ‘пугаться, съеживаться от страха, вздрагивать’ [Черных, I, с.

¹²⁷ «Это слово обозначает физические проявления страха, особенно когда волосы встают дыбом. Часто это слово обозначает просто высокую степень ужаса или трепета» [Роджерс, 2001, с. 851].

361]. Таким образом, можно заключить, что в обсуждаемом контексте **нѣцазѣють** означает ‘бояться’ и является результатом обобщающего перевода, называющим само чувство страха, а не конкретные его проявления, в отличие от эквивалентов **трасѣтъ сѧ** и **трепещютьъ**. В этом плане близко к описанному и переводческое решение **оужасаютъ сѧ**, воспринятое печатной версией Ф. Скорины.

в) Деян.19:11: **силы же не простыѧ твораше бѣ роукою павлю** (*Христ*, л. 17об., так же *Мат* (**не простиѧ**, л. 16), *ЧНЗ*, л. 72б, служебные списки группы *ТСЛ*, *ОБ*, *ЦНЗ*) vs. **не хѣдыѧ** (*Толст*, л. 76в) – греч. $\delta\upsilon\nu\acute{\alpha}\mu\epsilon\iota\varsigma$ τε οὐ τὰς τυχοῦσας ‘чудеса же не случайные (не какие угодно)’.

Данное чтение представляет случай замещающего перевода, при котором семантика первоисточника практически не принимается во внимание. Возможно, форма $\tau\upsilon\chi\omicron\upsilon\sigma\alpha\varsigma$, аористное причастие женского рода от глагола $\tau\upsilon\chi\acute{\alpha}\nu\omega$ ‘попадаться, случаться’, представляла определенную лексико-семантическую трудность для переводчика. В рамках семантического замещения наблюдается содержательная вариация. Большая часть списков актуализирует смысл **не просты(ѧ)** ‘не профанные, имеющие божественное происхождение’, ср. словарные значения в [Slovník, III, 2, s. 382]. *Толст*, со своей стороны, представляет весьма распространенную в древнеславянской переводной книжности интерпретацию **хѣдѣ** «малый, незначительный» – соответственно, **не хѣдѣ** ‘немалый, значительный’ (ср. словоупотребление Супрасльской рукописи XI в., Изборника 1073 г., Слов Григория Назианзина XI в., зафиксированное словарями [Срезневский, III, 1418; Slovník, IV, 3, s. 803]). Интересно, что некоторые поздние переводы Апостола на русский язык наследуют именно последнюю интерпретацию: «немалые чудеса» (перевод Российского Библейского общества первой трети XIX в.), «великие чудеса» (перевод Института перевода Библии в Заокском 2000 г.). Решение синодального перевода 1860-х гг. XIX в. «немало чудес» представляется совершенно неудовлетворительным, поскольку искажает семантическую перспективу контекста [Цитата из Библии, 2006].

Подведем итоги. В истории церковнославянского Апостола обнаруживается целый ряд феноменов перевода, отражающих творчество древнеславянских книжников в процессе свободной интерпретации и дополнения исходного текста. Несмотря на общее историческое движение от разнообразия к унификации, лексический уровень текста нередко сохраняет переводческие решения, демонстрирующие отход от семантической строгости в пользу дополняющих либо замещающих эквивалентов.

Список литературы:

- Алексеев А.А. Текстология славянской Библии / А.А. Алексеев. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. 254 с.
- Алексеев А.А. Соображения о критическом издании славянского Апостола / А.А. Алексеев // Славянский Апостол: история текста и язык; сост. Марина Бобрик. Verlag Otto Sagner. München – Berlin – Washington, D.C., 2013. С. 197–206.
- Амфилохий (Сергиевский), архим. Древне-славянский Карпинский апостол XIII в. с греческим текстом 1072 года, сличенный по древним памятникам славянским XII–XVII вв. с разночтениями греческими, заимствованными из Нового Завета, изданного Рейнекцием в 1747 г. / Архим. Амфилохий (Сергиевский). 4 т. М., 1885–1888.
- Верещагин Е.М. У истоков славянской философской терминологии: ментализация как прием терминотворчества / Е.М. Верещагин // Вопросы языкознания. 1982. № 6. С. 105–114.
- Воскресенский Г.А. Древний славянский перевод Апостола и его судьбы до XV в.: Опыт исследования языка и текста славянского перевода Апостола по рукописям XII–XV вв. / Г.А. Воскресенский. М.: Университетская типогр., 1879. 341, IV с.
- Воскресенский Г.А. Древнеславянский Апостол. Вып. 2–5 / Г.А. Воскресенский. Сергиев Посад, 1906–1908. 2 т.: Вып. 2. Послание святого апостола Павла к Коринфянам 1–е. 1906. 209 с.; Вып. 3. Послания святого апостола Павла к Коринфянам 2–е, Галатам, Ефессянам. 1908. 328 с.
- Ефимова В.С. К характеристике книжной лексики в первом литературном языке славян (роль перевода Апостола) / В.С. Ефимова // Роль переводов Библии в становлении и развитии славянских литературных языков. М., 2002. С. 249–288.
- Ильинский Г.А. Слепченский апостол XII в. / Г.А. Ильинский. М.: Типогр. Г. Лисснера и Д. Совко, 1912. 135 с.
- Камчатнов А.М. Об истолковании лексики древнеславянских переводов (На материале переводов посланий св. апостола Павла) / А.М. Камчатнов // Византиноведение. 2005. № 3. С. 212–216.
- Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа. Труд святителя Алексия, митрополита Московского и всея Руси / фототипическое издание Леонтия, митр. Московского. М.: Университетская типогр., 1892. 339 с.
- Максимович К.А. Паннонские юридические памятники в древнерусской книжности : дис... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Максимович К.А. М., 2007. 639 с.
- Пентковская Т.В. Восточнославянские и южнославянские переводы богослужебных книг XIII–XIV вв.: Чудовская и афонская редакции Нового Завета и Иерусалимский Типикон : дис... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Пентковская Т.В. М., 2009. 497 с.
- Роджерс К.Л. Новый лингвистический и экзегетический ключ к греческому тексту Нового Завета / Роджерс К.Л.; [пер. с англ.]. СПб.: Библия для всех, 2001. 1007 с.
- Срезневский И.И. Материалы для Словаря древнерусского языка по письменным памятникам / И.И. Срезневский. Т. I–III. СПб.: Типогр. Имп. Академии наук, 1893–1912.
- Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. 2-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1999. 842 с.
- Христова-Шомова, И. Службеният Апостол и славянската ръкописна традиция. Том I. Изследване на библейския текст / И. Христова-Шомова. София, 2004. 831 с.
- Цитата из Библии / Софт-твари: бесплатный христианский софт [Электронный ресурс] // JesusChrist.ru – сервер христианского общения. – Режим доступа: <http://jesuschrist.ru/software/#.UjHx3MbQmt0>.
- Черных П.Я. Историко-этимологический словарь русского языка / П.Я. Черных. Изд. 3–е, стереотип. В 2 т. М.: Русский язык, 1999.
- Чернышева М.И. К вопросу об истоках лексической вариантности в ранних славянских переводах с греческого языка: переводческий прием «двуязычные дублеты» / М.И. Чернышева // Вопросы языкознания. 1994. № 2. С. 97–107.
- Этимологический словарь славянских языков. Праoslavянский лексический фонд / под ред. акад. О.Н. Трубачева. Т. 1 –. М., 1974 –.
- Alpha. Древнегреческо-русский словарь И.Х. Дворецкого [Электронный ресурс] // Version: 3.0. Release: 1 May, 2005. Alpha. Copyright 2005 Sergey Gurin: [программное обеспечение]. – Режим доступа: <http://www.gurin.tomsknet.ru/alpha.html>.

Apostolus e codice monasterii Šišatovac palaeo–slovenice / edidit F. Miklosich. Vindobonae : Apud G. Braumüller, 1853. 267 p.

Lampe, G. W. H., D. D. A Patristic Greek Lexicon / G. Lampe. Oxford: Clarendon Press, 1961–1969. 1557 p.

Slovník jazyka staroslověnského – Lexicon linguae palaeoslovenicae / red. J. Kurz, Z. Hauptová. – Sv. I–IV. – Praha: Nakladatelství Československé Akademie Věd, 1960–1997.

Greek Lexicon of the Roman and Byzantine Periods / by E.A. Sophocles. Cambridge – Harvard University Press – London: Humphrey Milford – Oxford University Press, 1914. 1188 p.

The Greek New Testament / fourth revised edition ed. by B. Aland, K. Aland, et al. 3rd printing. Deutsche Bibelgesellschaft, D–Stuttgart, 1998. 918 p.

**АДАПТАЦИЯ РЕКЛАМНЫХ СООБЩЕНИЙ К НАЦИОНАЛЬНЫМ
ОСОБЕННОСТЯМ РЕГИОНА (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ И
РУССКОЯЗЫЧНОЙ АВТОМОБИЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ)**

**ADAPTATION OF AD COPIES TO NATIONAL PECULIARITIES OF A REGION
(BASED ON THE MATERIAL FROM GERMAN AND RUSSIAN CAR
ADVERTISEMENTS)**

В статье речь идет о специфике адаптации оригинальной автомобильной немецкоязычной рекламы к национальным особенностям спроса различных стран: Германии, Австрии, Швейцарии, России, Беларуси и Украины. Доказано, что для достижения эффективности воздействия рекламного сообщения в определенной стране или регионе зачастую требуется обработка как вербальной, так и невербальной составляющей оригинального сообщения. Изображения, графические элементы, равно как и тексты, также подвергаются локализации. На одном и том же языковом пространстве (немецкоязычном или русскоязычном) может порождаться абсолютно разный рекламный продукт. При этом процессы локализации рекламных сообщений имеют разную интенсивность в каждой из стран. Каждой культуре присущи также символические значения цветов, которые необходимо учитывать для обеспечения эффективности воздействия рекламного сообщения.

The article tells about specific character of adaptation of German car advertisements to national demand peculiarities in different countries: Germany, Austria, Switzerland, Russia, Belarus and Ukraine. It is proved that in order to achieve effective impact of an ad copy in a certain country or region, editing of both verbal and non-verbal components of the original ad copy is very often required. Images, graphic elements, as well as texts, are also subject to localization. Thus, absolutely different ad product can be presented within the same linguistic space (German or Russian speaking). At the same time, the processes of ad copies localization have different intensity in each country. Also, each culture has symbolic color meanings which should be taken into consideration in order to provide effective influence of an ad copy.

Ключевые слова: рекламное сообщение, локализация, вербальный компонент, слоган, невербальный компонент, цвет.

Key words: advertising message, localization, verbal component, slogan, non-verbal component, colour.

На современном этапе развития человеческого общества «реклама как один из каналов общения в повседневной жизни выполняет координирующую функцию в общем процессе межкультурного общения» [Горлатов, 2002, с. 184-185], выполняя функцию налаживания «культурных мостов» между странами, способствуя углублению глобальной межкультурной коммуникации [Халатян, 1997]. Но для обеспечения эффективности рекламной деятельности нельзя недооценивать этнокультурную специфику осуществления этой деятельности, так как языковые и культурные различия в эпоху

глобализации никуда не исчезли. Иными словами, чтобы быть «услышанным», необходимо «научиться говорить с партнером на его языке» [Volten, 1992 S. 269]. Для рекламной сферы это означает, что «при продвижении предметов рекламы за пределы своей страны или региона в другую страну или регион с присущими им признаками культурно-исторического характера необходимо “проектировать” и “моделировать” поведение коммуникантов как основанное на разных представлениях о мире» [Горлатов, 2002, с. 187]. Поэтому правильная адаптация оригинальной рекламы к национальным особенностям спроса по-прежнему является залогом успеха на рынке. Это значит, речь идет не просто о переводе соответствующих рекламных сообщений, тем более, что не каждое сообщение «поддается переводу на другой язык» [Горлатов, 2005, с. 90]. Именно поэтому многие транснациональные компании пользуются стратегией *локализации* (курсив мой – И.О.) рекламы своих товаров для учета региональных особенностей, ментальных характерных привычек страны или отдельного сегмента, с целью достижения адекватной реакции реципиента на предложенную информацию. «Локализация в лингвистике, или языковая локализация, включает перевод текста и его адаптацию к культурно-специфическим особенностям определенной страны, региона или конкретной целевой аудитории, т.е. это внесение определенных поправок социально-культурные (религиозные основы, социальные, этические и нравственные нормы), психологические, политические и иные различия» [Ромадина, 2013, с. 209].

В статье проанализированы однотипные рекламные сообщения, размещенные на официальных сайтах компаний «БМВ», «Фольксваген», «Мерседес» и «Форд» на территории русскоязычных стран (Россия, Беларусь, Украина) и немецкоязычных (Германия, Австрия и Швейцария). Анализ показал, что локализации могут подвергаться как вербальная составляющая (слоган и последующий текст) рекламного сообщения, так и невербальная (иллюстрация), определенные вариации происходят и при выборе цвета рекламируемого товара. Все это используется для достижения конкретного прагмакоммуникативного эффекта. Так, рекламное сообщение «БМВ», разработанное для модели X 1, на территории 5 стран не варьирует иллюстративный компонент (рис. 1), за исключением Австрии, что может свидетельствовать об устоявшейся признанной позиции этой автомобильной компании на рынках Западной и Восточной Европы. В австрийском варианте сообщения трансформирован фон послания. Использование на заднем фоне вида заснеженных гор призвано подчеркнуть отличные технические характеристики модели (рис. 2), а также еще раз доказывает тот факт, что «австрийские рекламные сообщения носят несколько более эмоциональный и доверительный характер и обычно более подробны в характеристике объекта рекламы» [Горлатов, 2002, с. 190].

Слоган же, предложенный в немецком варианте «Grenzlos. Aktiv. Der BMW X1» [П1] ‘Не знающий границ. Активный. БМВ X1’ (перевод мой – И.О.), был полностью переработан и локализован для австрийских и швейцарских потребителей в «Für ein Leben voller Möglichkeiten. Der BMW X1» [П2, П3] «Для жизни полной возможностей. БМВ X1» (перевод мой – И.О.), в результате чего начальная идея полностью исчезла.

На белорусский и украинский рынки пришел дословный перевод на русский язык швейцарской версии «Для жизни полной возможностей. БМВ X1» [П4, П5] без учета этнокультурной специфики белорусских и украинских потребителей. А вот российские рекламисты, зная о любви соотечественников к большой скорости, переработали слоган до формы «Для каждого взлета нужен хороший разгон. БМВ X1» [П6].

Автоконцерн «Фольксваген», представляя модель «Поло» на рынках Германии, Австрии и Швейцарии, учитывая бюджетный класс автомобиля и такую черту менталитета немцев, австрийцев и швейцарцев, как практичность и экономность, разработал единую версию рекламного сообщения, на которой изображен Фольксваген Поло в кузове хэтчбек. Универсальным для потребителей всех трех немецкоязычных стран оказался и слоган «Kantensprung. Der Polo zeigt sich von der schnittigen Seite: ein starker Charakter» [П7, П8, П9] ‘Выход за границы привычного. Поло показывает себя с неожиданной стороны: автомобиль с сильным характером’ (перевод мой – И.О.). Как картинка, так и текст подчеркивают функцию данного класса автомобиля как качественного, экономичного, доступного средства передвижения среднего класса. Малый размер подчинен требованиям большого города – экономичный расход и удобство при парковке.

Продвигая модель «Поло» на рынки Восточной Европы, «Фольксваген» локализовал не только вербальную составляющую рекламного сообщения, но и иллюстрацию, где модель «Поло» изображена в кузове седан, учитывая тот факт, что автомобили малых размеров не пользуются на территории стран СНГ такой популярностью как в Европе. При этом текстовое наполнение рекламных сообщений на территории России, Беларуси и Украины также отличается. Россияне делают ставку на увеличенный размер данной модели и предлагают слоган «Самое привлекательное в Поло...седан» [П10]. В белорусском варианте, зная уважение потребителя к товарам немецкого качества, рекламисты акцентируют внимание именно на этом: «Поло седан. Разработан в Германии для наших дорог» [П11]. Далее также следует основной текст, подтверждающий выдвинутый тезис:

«От 9 575 \$. Честная гарантия 3 года. Фольксваген Поло Седан – стильный и современный субкомпактный седан, созданный с учетом непростых климатических

условий стран СНГ. Этот автомобиль – подлинное воплощение немецкой надежности и практичности. Каждая деталь Поло тщательно продумана и доведена до совершенства, чтобы вы могли максимально насладиться каждой минутой вашей поездки».

Украинский сайт предлагает слоган «Новий Polo sedan. По-новому стильний. Як завжди, надійний» [П12] ‘Новый Поло седан. По-новому стильный. Как всегда, надежный’ (перевод мой – И.О.), что свидетельствует о том, украинский потребитель в нынешних условиях, прежде всего, делает ставку на надежность автомобиля.

Концерн «Мерседес», выпустив модель «GL», также предложила единое рекламное сообщение для немецкоязычных стран с изображением автомобиля и слоганом «DieKraft der Gelassenheit» [П13, П14, П15] ‘Сила уверенности’ (перевод мой – И.О.). На рынки Украины данное сообщение пришло в форме перевода немецкоязычной версии слогана «Сила уверенности» [П16], т.е. никакой работы по локализации рекламного сообщения не проводилось.

В Беларуси и России были представлены собственные локализованные варианты слогана. Так, в Российской Федерации, которая, по мнению социологов, «более консервативна, традиционна, более склонна к порядку, иерархии» [Особенности русского менталитета], и которая с древних времен ведет борьбу с плохими дорогами, составители рекламного сообщения представили вариант «Гроза дорог, глава семейства» [П17].

В контексте своеобразия исторического прошлого белорусского народа белорусам свойственны такие положительные черты как гуманность, толерантность, «памяркоўнасць» [Боярчук, 2015, с. 9], но, вместе с тем, и негативные, такие, например, как «подданничество» [Болтрукевич, 2015, с. 238]. Именно эту характеристику менталитета белорусов использовали копирайтеры при локализации слогана на территории Республики Беларусь «Дорога подана, Ваше Величество» [П18].

Добросовестные производители рекламы уделяют внимание не только слогану, но и всему последующему тексту рекламного сообщения, адаптируя и его к особенностям определенного региона. Примером, подтверждающим выдвинутый тезис, может послужить реклама автомобиля «Форд Мондео» концерна «Форд». В рекламных сообщениях на территории 4 стран (Германия, Австрия, Швейцария и Россия, за исключением Беларуси и Украины) представлено одно и то же изображение автомобиля, но разное текстовое наполнение. Специфика ментальности австрийцев обусловлена тем, что она складывалась в социокультурном пространстве, меньшем, чем в Германии. Для Австрии характерны «меньшее количество городов и соответственно больший удельный вес негородского населения и культура со значительным славяно-романским субстратом» [Горлатов, 2002, с. 191]. Перечисленные факторы породили ее культурное своеобразие,

которое проявилось в рекламных текстах, в частности, в присутствии установки на более адресное обращение. Пример [П19]:

MONDEO	«МОНДЕО
Anspruchsvolles Design, innovative Technik und eine überragende Kraftstoffeffizienz. Der neue Ford Mondeo wird <i>Sie</i> (курсив мой – И.О.) auch in der neuesten Generation überzeugen.	Претенциозный дизайн, инновационная техника, высочайшая экономичность. Форд Мондео самого нового поколения тоже не оставит <i>Вас</i> (курсив мой – И.О.) равнодушным» (перевод мой – И.О.).

Так, в австрийском рекламном сообщении присутствует личное предложение «Der neue Ford Mondeo wird *Sie* (курсив мой – И.О.) auch in der neuesten Generation überzeugen», которое содержит личное местоимение, обеспечивающее обращенность к реципиенту, большую эмоциональность и доверительность. Немецким же потребителям была предложена следующая реклама, которая построена исключительно на перечислении технических характеристик транспортного средства, хотя имеют место многочисленные эпитеты с целью влияния на эмоциональное состояние получателя [П20]:

FORD MONDEO	«ФОРД МОНДЕО
Markantes Design, innovative Technik, beeindruckende Kraftstoffeffizienz und herausragende Fahr- und Handling-Eigenschaften – das alles bietet die neue Generation des Ford Mondeo. Erhältlich als Limousine und Turnier.	Яркий дизайн, инновационная техника, впечатляющая экономичность и непревзойденное качество езды и управления – все это предлагает новое поколение Форд Мондео. В наличии седан и универсал» (перевод мой – И.О.).

В швейцарском национальном характере, по мнению некоторых исследователей, присутствует «мужское» начало, которое проявляет себя как «независимость, выносливость, упорство в проведении «своей линии», эмоциональная сдержанность» [Линс, 2015]. Именно эмоциональная сдержанность сказалась на оформлении текста рекламного объявления в Швейцарии [П 21]:

FORD MONDEO	«ФОРД МОНДЕО
Auch als Hybrid, oder 4x4 erhältlich. Raffiniert, intelligent, meisterhaft: Entdecken Sie ein Fahrzeug, das entwickelt wurde, um jeden Aspekt Ihres Fahrerlebnisses zu verbessern.	В наличии гибридные и полноприводные автомобили. Утонченное, интеллигентное, виртуозное: Откройте для себя транспортное средство, которое было создано, чтобы улучшить Ваши впечатления от вождения» (перевод мой – И.О.).

Сообщение начинается с «сухого» перечисления имеющихся в наличии

автомобилей «Auch als Hybrid, oder 4x4 erhältlich». Следует отметить, что и в швейцарском варианте, в отличие от немецкого, также имеет место адресное обращение к потенциальному покупателю, которое оформлено в повелительное предложение «Entdecken Sie ein Fahrzeug, das entwickelt wurde, um jeden Aspekt Ihres Fahrerlebnisses zu verbessern».

Как явствует из приведенных примеров, на территории трех немецкоязычных стран представлены абсолютно отличные рекламные тексты, имеющие, безусловно, общие черты, но базирующиеся на специфических особенностях национального характера немцев, австрийцев и швейцарцев.

Подобная ситуация представлена и в России, Беларуси и Украине. Как уже упоминалось выше, российское рекламное сообщение сохраняет оригинальную иллюстрацию – изображение автомобиля синего цвета, но предлагают свое текстовое наполнение. Так, российскому потребителю представлен следующий текст:

«НОВЫЙ MONDEO. Оснащенный интеллектуальными технологиями, изысканный, потрясающий: автомобиль, созданный для того, чтобы Вы получили незабываемые впечатления от вождения» [П22]

Сообщение содержит эпитеты, описывающие «Форд Мондео» как роскошный автомобиль, а роскошь для россиянина, как утверждают исследователи, обязательный атрибут власти. Ему (россиянину) «нужно обязательно показать все, что у него есть, а если нет – то пустить пыль в глаза!» [Маточинская, 2011]. Именно на это и рассчитан российский рекламный текст. Несколько иную базу имеет белорусская реклама. Невербальная составляющая – автомобиль бордового цвета и очень подробное объяснение всех достоинств и новшеств новой модели, основанное на все той же, уже упомянутой, медлительности и «памяркоўнасці» [П23]:

«Ford Mondeo обзор, характеристики Форд Мондео.

Первое, что привлекает внимание в новом Ford Mondeo (Форд Мондео) – его динамический профиль. Но это лишь первое из многих улучшений, которые вам предстоит обнаружить в этом исключительно новом автомобиле. Один шаг внутрь, и вы по достоинству оцените новый уровень комфорта Mondeo, тщательно продуманные детали интерьера и целый ряд инновационных технологий управления. Менее очевидным, но не менее значимым нововведением являются новые экономичные двигатели, которые отличаются технологией снижения выброса CO₂, не ухудшающей при этом их технические характеристики».

На официальном сайте «Форд» в Украине представлена только иллюстрация автомобиля белого цвета без вербального сопровождения [П24].

Еще раз хотелось бы подчеркнуть, что автоматический перенос рекламного текста и изображения в другую культурную среду приводит к нарушению коммуникации. Поэтому очень важна не только правильная подача вербальной составляющей, но и правильное оформление невербального компонента, и, в частности, правильный выбор цветовой гаммы рекламного сообщения. Цвет вызывает определенные и специфические изменения в психическом мире человека, интерпретация которых порождает цветовые ассоциации и символы, впечатления от цвета. Роль цвета в символике различных народов велика [Загладько, 2009, с. 194]. Цвет воздействует на психику человека, поэтому в языках и культурах многих народов имеется свое «видение» символики цвета.

Так, в немецкоязычных рекламных сообщениях очень популярен синий, голубой цвета (в немецком языке это одно цветообозначение — blau) символизирующие бесконечность, вечность и истину, преданность, веру, чистоту, целомудрие, духовную и интеллектуальную жизнь — ассоциации, которые возникли во многих древних культурах и выражают общую мысль, что синий цвет неба — наиболее спокойный и в наименьшей степени “материальный” из всех цветов. Согласно народной традиции, в Европе синий цвет символизирует верность. Он связан с милосердием и мудростью [Праченко, 2003, с. 57-61, Загладько, 2009, с. 196]. Для швейцарцев синий цвет также связан с верностью и преданностью. Поэтому неслучайно на немецкоязычном пространстве в оформлении автомобильной продукции предпочтение отдается синим и голубым цветам для акцентирования внимания на надежности и качестве автомобиля, например, реклама автомобилей «Форд Мондео», «Фольксваген Поло» (рис. 3 и рис.4)

При этом также не меньшей популярностью пользуется и белый цвет, который ассоциируется со свободой, как в немецкоязычных, так и в русскоязычных странах. Белый немцы связывают также с невинностью, чистотой, нежностью, а русские с благородством и откровенностью [Символика цвета в русской культуре, с. 4 – 6]. В результате исследования, которое провела компания «PPG Industries», крупнейший в мире поставщик лакокрасочных материалов, в 2013 году автомобили белого цвета оказались самыми популярными в Европе, Азии и Латинской Америке. По мнению экспертов, автомобили, выкрашенные в белый, наиболее безопасны. Как отметили в концерне, число автовладельцев, предпочитающих белый цвет, за последний год увеличилось на 2%. Второе место в рейтинге занимает черный цвет. Замыкают тройку серый и серебряный. Отмечается, что цвет Silver за последние два года потерял в популярности около 7%. В России в 2014 году белый цвет также стал самым популярным у автомобилистов. На втором месте – серебристый, черный цвет замыкает тройку лидеров [Назван самый популярный цвет автомобилей в мире].

Эффективность психологического воздействия рекламных сообщений характеризуется яркостью и глубиной впечатлений, получаемых от них, количеством и качеством используемых специалистами рекламы средств и способов влияния, которые оставляют след в сознании и памяти людей. Красный цвет оказывает на психику человека самое сильное эмоциональное воздействие. Из всех цветов он самый теплый. Этот цвет будоражит, вызывает возбуждение и прилив энергии. Красный цвет ассоциируется у немцев со страстью, торжеством, огнем, революцией, свободой, преданностью [Загладько, 2009, с. 195]. На Руси красный цвет имеет двойное толкование: с одной стороны, это цвет любви, мужества и смелости, с другой – цвет опасности, крови, войны [Символика цвета в русской культуре, с. 4]. Поэтому не случайно спортивные автомобили с большой мощностью в рекламных сообщениях представлены в этой цветовой гамме. Примером может послужить изображение модели «БМВ Х1» на территории всех 6 исследуемых стран.

По мнению российской исследовательницы Загладько Л.А., которая ссылается на немецкого лингвиста Е. Хаймендаля, яркому резкому желтому цвету соответствуют состояния легкомыслия, ветрености, безрассудства, беззаботности. С другой стороны, это цвет расточительства и мотовства. Экстремальные, неумеренные свойства желтого цвета делают его символом зависти и лицемерия [Загладько, 2009, с. 195–196]. Таким образом, мыслится неслучайным, что только некоторые особо дорогие модели немецких автомобилей, вызывающие зависть и восхищение, представлены в желтой цветовой гамме, напр. «Порше Бокстер» (рис. 5).

В русскоязычных странах желтый цвет вызывает противоречивые ассоциации: как положительные (солнце, улыбка, жизненные силы, цветы, радость, достаток) [Обухов], так и отрицательные (разлука, болезнь, измена, яд, радиация, зависть, ревность, усталость, продажность) [Психология желтого цвета], и нейтральные, например, такси. Скорее всего, по причине последней ассоциации с такси, желтый цвет автомобилей в русскоязычных странах не является популярным.

Черный цвет авто предпочтителен как в немецкоязычных, так и русскоязычных странах, так как ассоциируется с классикой, независимостью, стилем. Поэтому черный цвет встречается с одинаковой частотностью среди автомобилей разных производителей и разного класса.

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что каждой культуре присущи символические значения цветов, которые необходимо учитывать для обеспечения эффективности воздействия рекламного сообщения.

Подводя итог, хотелось бы еще раз отметить, что для успешной рекламной деятельности на рынках различных стран необходим учет не только языковых тонкостей, но и социокультурного аспекта конкретного региона. Изображения требуют перевода точно так же как слова, поэтому графические элементы, наряду с прочими наглядными данными, также являются объектом адаптации. На одном и том же языковом пространстве, с учетом культурной специфики, может порождаться абсолютно разный рекламный продукт. Это касается как немецкоязычных, так и русскоязычных стран. При этом процессы адаптации рекламных сообщений имеют разную интенсивность. Наивысшая интенсивность данного процесса зарегистрирована на территории России, где были адаптированы все рекламные сообщения, наименьшая – на территории Украины, где оригинальный текст либо подвергался дословному переводу, либо вовсе опускался. Процессы локализации на территории Беларуси, Германии, Австрии и Швейцарии проявили себя в относительно равной степени.

Рис. 1. Иллюстрация к рекламному сообщению «БМВ» в Германии, Швейцарии, России, Беларуси и Украине.

Рис. 2. Иллюстрация к рекламному сообщению в Австрии.

Рис 3. Реклама автомобиля “Форд Мондео” в Германии, Австрии, Швейцарии и России

Рис 4. Реклама автомобиля “Фольксваген Поло” в Швейцарии, Германии, Австрии.

Рис. 5 Реклама автомобиля “Порше Бокстер” в Германии.

Список литературы:

Болтрукевич, Е.Ч. Менталитет как фактор политической культуры белорусов [Электронный ресурс] / Е.Ч. Болтрукевич. – 2015. – Режим доступа: <http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/40053/1/Е.Ч. Болтрукевич.pdf>.

Боярчук, Т.В. Влияние исторического прошлого на менталитет белорусов / Т.В. Боярчук [Электронный ресурс]. – 2015. – Режим доступа: <http://elib.grsu.by/katalog/173740–394795.pdf>.

Горлатов А.М. Функциональный стиль рекламы в современном немецком языке : монография / А.М. Горлатов. Минск : Минск. гос. лингв. ун–т, 2002. 257 с.

Горлатов, А.М. Особенности перевода немецких рекламных текстов на русский язык / А.М. Горлатов // Материалы ежегодной научной конференции преподавателей и аспирантов университета, Минск, 14–15 апр. 2004 г. : в 4 ч. / Минск. гос. лингв. ун–т; редкол. : Н.П. Баранова (отв.ред.) [и др.]. Минск, 2005. Ч. 4. С. 88–95.

Загладько, Л.А. Символическое значение цвета в фразеологических единицах немецкого языка / Л.А. Загладько // Вестник московского государственного областного университета. Серия : Лингвистика. 2009. № 3. С. 194–197.

Линс, С. Швейцарский менталитет | В загранике [Электронный ресурс] / С.Линс. – 2015. – Режим доступа: <http://vzagranke.ru/mentalitet/ne-dlya-turista/typisch-schweiz-nationalniy-karakter-shvejcarcev.html>

Маточинская, А. Загадочная русская душа [Электронный ресурс] / А. Маточинская. – 2011. – Режим доступа: <http://www.yburlan.ru/biblioteka/zagadochnaya-russkaya-dusha>.

Назван самый популярный цвет автомобилей в мире [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа: www.autonews.ru/automarket_news/news/1793027/.

Обухов, Я.Л. Символика цвета – теория и практика [Электронный ресурс] / Я.Л. Обухов. – 2015. – Режим доступа: www.videoton.ru/Articles/sym_color.html

Особенности русского менталитета [Электронный ресурс]. – 2015. – Режим доступа: http://www.softmixer.com/2012/05/blog-post_2396.html.

Психология цвета. Жёлтый цвет. [Электронный ресурс]. – 2015. – Режим доступа: anysite.ru/publication/yellow

Праченко, О.В. Семантика фразеологизмов и пословиц с компонентом «цвет» [Электронный ресурс]. / О.В. Пранченко. – 2003. – Режим доступа: <http://old.kpfu.ru/fil/kn2/index.php?sod=12>.

Ромадина, И.Д. Коммуникативно–прагматические характеристики вторичного рекламного текста: перевод и локализация / И.Д. Ромадина // Вестн. ВолГУ. Сер. 9, Исследования молодых ученых. 2013. № 11. С. 208–210.

Халатян, А.Г. Национально–культурные компоненты в языке современной рекламы : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / А.Г. Халатян; ин–т русс.языка им. А.С. Пушкина.М., 1997. 20 с.

Символика цвета в русской культуре [Электронный ресурс]. – 2015. – Режим доступа: ouryzh.krut.obr55.ru/files/.../Символика-цвета-в-русской-культуре.doc.

Bolten J. Interkulturelles Verhandlungstraining / J. Bolten // Jahrbuch Deutsch als Fremdsprache. 1992. № 18. S. 269–287.

Источники примеров

П1 – <http://www.bmw.de/de/neufahrzeuge/x/x1/2012/start.html>.

П2 – <http://www.bmw.at/de/neufahrzeuge/x/x1/2012/start.html>.

П3 – <http://www.bmw.ch/de/neuwagen/x/x1/2012/start.html>.

П4 – <http://www.bmw.by/by/en/newvehicles/x/x1/2012/showroom/index.html>.

П5 – <http://www.bmw.ua/ua/en/newvehicles/x/x1/2012/showroom/index.html>.

П6 – <http://www.bmw.ru/ru/newvehicles/x/x1/2012/showroom/index.html>.

П7 – <http://www.volkswagen.de/de/models/der-polo.html>.

П8 – http://www.volkswagen.at/modelle/der_neue_polo/galerie.

- П9 – <http://www.volkswagen.ch/de/models/der-polo/galerie.html>.
П10 – http://www.volkswagen.ru/ru/models/polo_sedan.html.
П11 – http://www.volkswagen.by/be/models/polo_sedan/gallery.html.
П12 – http://www.volkswagen.ua/modeli/new_polo_sedan.
П13 – http://www.mercedes-benz.de/content/germany/me_mpc/passengercars.html
П14 – <http://www.mercedes-benz.at>.
П15 – <http://www.mercedes-benz.ch>.
П16 – <http://www.mercedes-benz.ua>.
П17 – <http://www.mercedes-benz.ru>.
П18 – <http://www.mercedes-benz.by>.
П19 – <http://www.ford.at/Pkw-Modelle/FordMondeo>.
П20 – <http://www.ford.de/Pkw-Modelle/FordMondeo>.
П21 – <http://www.de.ford.ch/Personenwagen/DerNeueFordMondeoNew>.
П22 – <http://www.ford.ru/Cars/All-NewMondeo>.
П23 – <http://www.ford.by/Cars/Mondeo/>.
П24 – http://ford.ua/Легкові_Авто/Новий_Mondeo/Промо-Сайт_Нового_MondeoBE_Mondeo.

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ОПИСАНИЮ АКЦЕНТОЛОГИЧЕСКОЙ ВАРИАНТНОСТИ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

FUNCTIONAL APPROACH TO DESCRIPTION OF PRONOUNCING VARIANT CORRELATIONS OF THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE

Вариантность – одна из характерных черт русского национального языка. В данной статье исследуется акцентологическая вариантность как периферийное явление современного русского языка, а также методы преподавания и изучения акцентологических вариантных форм. Вариантность рассматривается нами как имманентное свойство русского языка. Вариантные формы затрагивают, с одной стороны, русский язык как систему единиц, с другой стороны, как функционирующую в речи систему с её стилистической и контекстуальной вариантностью.

Variance is one of the peculiar features of the Russian national language. In the article we examine pronouncing variance as a peripheral phenomenon of the modern Russian language and the methods of studying and teaching of pronouncing variant correlations. Variance is an immanent feature of the Russian language. On the one hand, variant forms affect the Russian language as a system of units, on the other hand, as a system functioning in speech, with its stylistic and contextual variance.

Целью данной статьи является классификация акцентологических вариантов, возникающих в ходе формообразовательных процессов русского языка, а также определение методологических и дидактических особенностей данных вариантов. В качестве оснований классификации могут служить социокультурные и территориальные характеристики вариантов, которые легче поддаются определению и выявляются в речевом потоке не только носителями русского языка, но и иностранными студентами. Отдельным основанием классификации являются варианты, возникающие в результате исторических изменений языковой системы, а также варианты, возникающие в рамках давления речевой стихии. В нашем исследовании мы отталкиваемся от мнения, высказанного С.И.Ожеговым: «Изучение языкового обихода русского города становится, как будто, задачей русской филологии. К этому изучению приводят интересы двоякого рода: стремление к пересмотру исторических перспектив развития языка, а, с другой стороны, стремление к познанию факторов становления языка в различных социальных группах, без чего невозможно и понимание эволюционного процесса» [Ожегов. С.94]

В данном определении представлены базовые понятия: «исторические перспективы развития языка», «становление языка», «эволюционный процесс», которые дают

возможность описывать речевые процессы, в том числе и вариантность, как часть единого эволюционного процесса. Функция маркёра социальных, возрастных, профессиональных, диалектных характеристик говорящего минимизируется или сводится на нет в оппозициях *основной – разговорный вариант; основной – устаревший (или устаревающий) вариант, дублетные варианты*. Чтобы определить причины и условия существования дублетных вариантов, а также особенности их подачи иностранным студентам необходимо определить их место в процессе движения вариантных форм от периферии к ядру речевых употреблений в рамках функциональной системы литературного языка. Этапы движения вариантов от периферии к ядру языковых употреблений следующие:

просторечный вариант – норма. Данная оппозиция не предполагает наличия промежуточных этапов, она легко объяснима в рамках преподавания, поскольку передаёт принцип «правильно – ошибочно».

просторечный вариант – разговорный вариант – дублетный вариант Данная цепочка иллюстрирует движение от просторечного к разговорному варианту, т.е. к входящему в систему литературного языка варианту, хотя и не употребляющемуся в официально-деловой и научной речи.

С целью определения места дублетных вариантных форм среди других вариантов, входящих в литературный язык, для определения возможности или невозможности систематизации акцентологических вариантных форм разных частей речи, а также для определения возможных методов подачи данных форм в процессе преподавания русского языка как иностранного, мы проанализируем постановку ударения в вариантных формах глаголов прошедшего времени. В качестве фактического материала нами взяты кодифицированные нормы, представленные в словарях, а также ответы студентов, представляющие живые речевые навыки русскоговорящих студентов – нефилологов.

Таблица 1. Вариантные формы глаголов

Глагол	Ударения в работах студентов	Словарная оценка
взвиться	<p>взвИлся;взвилАсь;взвилОсь; взвилИсь (39)</p> <p>взвИлся;взвИлась; взвилОсь; взвИлись (1)</p> <p>взвИлся;взвИлась;взвИлось; взвИлись (15)</p> <p>взвИлся;взвИлась;взвИлось; взвилИсь (2)</p> <p>взвИлся;взвилАсь;взвИлось, взвИлись (8)</p> <p>взвИлся;взвилАсь;взвИлось; взвилИсь (3)</p> <p>взвИлся;взвилАсь; взвилОсь; взвИлись (8)</p>	<p><i>Орфоэтический словарь русского языка под ред. Р.И.Аванесова</i></p> <p>взвИлся и <i>доп.устар.</i> взвилсЯ; взвилАсь; взвилОсь; взвилИсь и <i>доп.</i> взвИлось, взвИлись</p> <p><i>Русское словесное ударение</i></p> <p>взвился, взвилАсь, взвилОсь, взвилИсь</p>

	взяться	взялся и <i>доп. устр</i> взялся , взялась , взялось , взялись (51) взялся, взялась , взялось , взялись (12) взялся, взялась , взялось , взялись (6) взялся, взялась , взялось , взялись (2) взялся, взялась , взялось , взялись (1) взялся, взялась , взялось , взялись (1)	взялся и <i>доп. устр</i> взялся , взялась , взялось , взялись и <i>доп.</i> взялось и взялись ; <i>неправ.</i> азялась . <i>Русское словесное ударение</i> взялся , взялась , взялось , взялись
	заняться	занялся , занялась , занялось , занялись (4) заялся , заялась , заялось , заялись (1) занялся , занялась , занялось , занялись (31) заялся , заялась , заялось , заялись (12) занялся, занялась , занялось , занялись (14) заялся , заялась , заялось , заялись (5) занялся , занялась , занялось , заялись (1) занялся , занялась , занялось , занялись (2) занялся, заялась , заялось , заялись (1) заялся , заялась , заялось , заялись (1) занялся , занялась , занялось , занялись (1) занялся , занялась , занялось , занялись (1)	занялся и <i>доп.</i> занялся , занялась , занялось , занялись ; <i>не рек.</i> занялось , занялись ; <i>неправ.</i> занялась ; <i>неправ.</i> заялся , заялась , заялось , заялись
	наняться	нанялся , нанялась , нанялось , нанялись (12) нанялся , нанялась , нанялось , нанялись (34) нанялся, нанялась , нанялось , нанялись (9) нанялся, нанялась , нанялось , нанялись (1) нанялся , нанялась , нанялось , нанялись (4) нанялся , нанялась , нанялось , нанялись (5) нанялся , нанялась , нанялось , нанялись (1) нанялся , нанялась , нанялось , нанялись (3) нанялся , нанялась , нанялось , нанялись (3) нанялся , нанялась , нанялось , нанялись (3) нанялся , нанялась , нанялось , нанялись (4)	нанялся и <i>доп.</i> нанялся , нанялась , нанялось , нанялись ; <i>не рек.</i> нанялось , нанялись ; <i>неправ.</i> нанялась ; <i>неправ.</i> нанялся , нанялась , нанялось , нанялись <i>Русское словесное ударение</i> нанялся , нанялась , нанялось , нанялись
	оторваться	оторвался, оторвалась , оторвалось , оторвались (42) оторвался, оторвалась , оторвалось , оторвались (10) оторвался, оторвалась , оторвалось , оторвались (7) оторвался, оторвалась , оторвалось , оторвались (3)	оторвался, оторвалась , оторвалось , оторвались . <i>доп.</i> оторвался ; <i>доп.</i> оторвалось , оторвались ; <i>неправ.</i> оторвалась . <i>Русское словесное ударение</i> оторвался , оторвалась , оторвалось , оторвались

		оторвАлся, оторвалАсь, оторвалОсь, оторвАлись (2) оторвАлся, оторвАлась , оторвалОсь, оторвАлись (1) оторвАлся, оторвалАсь, оторвАлось , оторвалИсь (5)	
--	--	--	--

Материалы, приведённые в таблице, показывают, что понятие нормы предполагает наличие допустимых оценок даже в рамках кодификации, в речевой же реализации имплицитно присутствует механизм субъективной вероятностной оценки говорящего, и спектр данной оценки очень широк. Такое многообразие субъективных оценок форм глаголов прошедшего времени говорит не только о системном изменении акцентологической парадигмы данных глаголов, но и о недостаточной социокультурной оценке данной акцентологической нормы. Анализ данных речевых приоритетов даёт основу для объективной количественной оценки нормы с точки зрения функционального анализа. Данные, приведённые в таблице, говорят о том, что, исходя их собственных коммуникативных привычек, говорящие воспринимают как вариативные все, представленные в таблице, глагольные формы прошедшего времени.

Орфоэпический словарь русского языка под ред. Р.И.Аванесова даёт следующие характеристики форм мужского рода: взвИлся и *доп.устар.* взвилсЯ; взЯлся и *доп. устпр* взялсЯ, началсЯ, поднялсЯ и поднЯлся, принялсЯ и *доп.* принЯлся, где те формы, в которых в составе приставки есть гласный звук, ударение сохраняется на постфиксе. В работах студентов данные формы преимущественно имеют либо ударение на корне (что является допустимым в словаре) или на приставке, что в словаре характеризуется как *неправильно*. Словарная характеристика представляет собой диахронный подход к описанию нормы, итог анализа речевого многообразия и фиксации с функциональной точки зрения, здесь можно говорить о смещении ядра акцентологических употреблений с постфикса на основу, а в перспективе, возможно, - на приставку. Форма женского рода воспринимается практически единообразно, здесь словарная характеристика совпадает с устными речевыми приоритетами. Сравнивая употребления форм мужского и женского рода можно прийти к следующему выводу: именно в формах мужского рода представлено большое количество мотивированных личностными коммуникативными навыками отступления от языковой нормы. Типология данных ошибок может дать представление о пути смещения акцентологической нормы от исторического ядра (ударение на *-ся*) к ударной основе и возможному дальнейшему смещению ударения на приставку.

Типология представленных в таблице ошибок говорит о высокой степени неустойчивости нормы в формах среднего рода и множественного числа. В большинстве

случаев в них представлены колебания места ударения между окончанием и основой. В некоторых случаях в студенческих работах ударение в этих формах представлено как дублетное, что не представлено в словарях, где данные формы представлены либо как допустимые, либо как неправильные. Разнообразие вариантных форм в работах студентов говорит о неоднозначности социальной и личностной оценки данных акцентологических норм, о речевой стихийности подобной оценки, которая ведёт к изменению системной акцентологической окраски данных форм, представленной в словарях.

Историческая обусловленность и изменчивость языковых норм является такой же аксиомой, как и социальная обусловленность языковых единиц. В рамках определённых социальных или территориальных условий коммуникации «языковые средства приобретают функции социальных символов – маркёров принадлежности говорящего к той или иной социальной среде» [Крысин. С.26]. Такую же функцию социального маркёра выполняет и просторечный вариант, вариант с характеристикой *неправильно*. Просторечный вариант характеризует речь говорящего с точки зрения уровня его образования и характера его коммуникативных навыков. Анализ форм, приведённых в таблице, даёт основания полагать, что в случае оценки акцентологических норм в формах с изменяющейся парадигмой (от постфикса к основе), смещение говорящими ударения на приставку нельзя однозначно оценивать как низкий уровень владения литературным языком. Определить место того или иного варианта в системе языка можно благодаря использованию функционального подхода оценки варианта, а именно с точки зрения принадлежности вариантной формы к ядру или периферии языковой системы. В качестве ядра оценки акцентологических вариантов можно рассматривать словарную оценку. Например, в случае оценки акцентологических вариантных форм прошедшего времени глагола «оторваться», мы рассматриваем как ядерные формы *оторвался, оторвалась, оторвалось, оторвался*, как периферийные те формы, которые характеризуются в словаре пометой *доп.* *оторвался*; *оторвалось, оторвались*, остальные формы мы рассматриваем как находящиеся за пределами системы литературного языка.

Для определения места вариантной формы на оси *нелитературный вариант – литературный допустимый (разговорный, устаревающий) – дублетный – литературный* необходимо использование функционального метода описания, а именно распределения вариантных форм в ядре или на периферии коммуникативной реализации вариантов. Движение акцентологических вариантных форм от кодифицированности в словарной системе к коммуникативной приоритетности носителей языка должно быть описано в рамках функциональной системы классификации языковых и речевых форм. Описывая вариантность в рамках ядра и периферии функционального поля, мы следуем

определению, данному Л.Г.Паниным в ходе описания им языковых и речевых реализаций грамматических явлений: «Центральная часть – это всё то, что подвержено действию регулярных (или описываемых в качестве таковых) правил и закономерностей. Периферийная часть – это то, на что правила и закономерности (или описываемые в качестве таковых) не распространяются, то, что чаще всего оценивается как исключение» [Панин. С.29]. К этому определению можно добавить тот факт, что в качестве периферийных можно рассматривать также варианты явления. Именно функциональный подход, в рамках которого каждое вариантное явление может рассматриваться с точки зрения системы и речевого узуса, даёт новые возможности исследования и преподавания дисциплины «Русский язык как иностранный».

Особенности преподавания вариантности – одно из современных направлений, требующих более детального рассмотрения при изучении русского языка, как с синхронной, так и с диахронной точки зрения. Методологический подход к изучению вариантности должен сочетать в себе как системную сторону, так и речевые, функциональные характеристики этого явления. Методы исследования и преподавания вариантности находятся в прямой зависимости от типов самих вариантов.

Фонетические и морфологические соотношения вариантов, которые можно назвать «ядром» вариантности, представлены в виде общих правил, доступных для преподавания и усвоения русского языка. Лексические, стилистические, синтаксические и контекстуальные варианты находятся на периферии вариантности и всегда имеют конкретный, функциональный характер. Данные группы вариантов не всегда сводимы к определённым правилам, но в большей мере передают не формальную, а ценностную реальность. Вариантность – это особое явление, возникающее на границе двух систем.

Особую сложность представляет собою не столько методы исследования и преподавания вариантности как явления, существующего в рамках социальных или территориальных групп, сколько вариантности, исходящей из самой языковой системы, вариантности, возникающей при смене систем формальных показателей той или иной языковой категории. Отнесенность вариантных форм к области разговорной речи также функционально маркирует вариант с точки зрения его употребления, в данном случае задача исследователя и преподавателя в рамках функционального подхода к определению вариантных форм очертить круг разговорных ситуаций, включающие и профессиональную сферу, в которых допустимо употребление разговорных вариантов.

Дублетные варианты никак функционально не маркированы. Задача преподавателя при определении дублетных форм для студентов – носителей русского языка не только в определении социальной оценки данных форм (в отличие от оценки вариантов в

оппозиции литературный – нелитературный вариант), но и в объяснении системной значимости данного феномена, а именно движения данных вариантов от периферии к ядру системы (или наоборот). Задача преподавателя в процессе объяснения дублетных вариантных форм студентам-иностранцам состоит в определении факторов, влияющих на появление подобных форм в системе русского языка, а главное в речевой практике его носителей. Мы определили следующие факторы: 1. субъективные, условия и причины, вызывающие сначала искажение норм языка в речи отдельных людей, которые при определённых условиях могут войти в речевую практику и послужить причиной изменения нормы; 2. объективные, системные причины, включающие в себя диахронные факторы системных изменений и синхронные факторы, такие как давление речевой стихии на периферию языковых употреблений, личностные коммуникативные приоритеты, порождающие вариантные формы, потенциально способные стать нормой.

Список литературы:

Крысин Л.П. Социальная маркированность языковых единиц // Вопросы языкознания. 2000, № 4, С. 26-42.

Ожегов С.И. О просторечии (К вопросу о языке города) // Вопросы языкознания, 2000, № 5, С.93 – 110.

Панин Л.Г. О противопоставлении центральной и периферийной грамматик языка // Гуманитарные науки в Сибири, 2004, № 4, С. 28 – 31.

ЛИЦО ЧЕЛОВЕКА СКВОЗЬ ПРИЗМУ РАСТИТЕЛЬНОГО МИРА (К ВОПРОСУ О ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ)

THE FACE OF A MAN THROUGH THE PRISM OF PLANTS (LINGUISTIC WORLD IMAGE OF THE RUSSIAN LITERATURE REVISITED)

В статье на основе «Материалов к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв.», Выпуск 3 «Растения», описывается фрагмент системы компаративных тропов образного поля «Растения», характеризующий лицо человека. Рассматриваются как предметы сравнения (лицо и его составные части: щеки, лоб, нос, глаза и пр.), так и образы сравнения, которые черпаются писателями из растительного мира. Структуру поля образов сравнения определяют семантические отношения «род – вид», «целое – часть», «растение – множество растений», «растение – жизненный цикл растения» и некоторые другие. Основное из этих семантических отношений – родо-видовое. Видовое подразделение растений проводится в соответствии с наивной классификацией: «Цветы», «Фрукты», «Ягоды», «Овощи», «Деревья», «Грибы» и некоторые другие классы. Разные видовые обозначения характеризуются различной широтой охвата предметов сравнения и различной частотой употребления. Такое системное описание метафор и сравнений позволяет показать, как формируется метафорическая картина мира языка художественной литературы. Эти же семантические отношения позволяют исследовать систему компаративных тропов в динамике, выявить появление в классах тропов новых элементов. Данный материал дает основу для сравнительно-типологического анализа метафорических систем разных языков.

The study is based on the «Materials for the dictionary of metaphors and similes of the XIX–XX centuries Russian literature», Volume 3 «Plants» (in print). The article describes a fragment of the system of comparative tropes which belong to the figurative field «Plants» and describe a person's face. Both objects of comparison (the face and its constituent parts: cheeks, forehead, nose, eyes, etc.) and images of comparison taken from the plant world are considered. The structure of the figurative semantic field is set by semantic relations of «genus – species», «whole – part», «plant – multitude of plants», «plant – life cycle of plants» et al. The main semantic relation is «genus – species». Plants are subdivided into classes in accordance with the naive classification: «Flowers», «Fruit», «Berries», «Vegetables», «Trees», «Mushrooms» and some other classes. Different plant names have different frequency and different scope of the corresponding objects of comparison. Such systematic description of metaphors and similes helps to show how a metaphorical world image of literature is formed. These semantic relations allow us to investigate the system of comparative tropes in evolution over time, to discover emergence of new elements in the classes of tropes. This material provides a basis for the comparative-typological analysis of the metaphorical systems of different languages.

Ключевые слова: метафора, сравнение, лицо человека, растительный мир, языковая картина мира, язык художественной литературы, эволюция.

Key words: metaphor, simile, face, plants, linguistic world image, the language of literature, evolution.

Задача данной работы – построение фрагмента метафорической картины мира русской литературы, связанного с описанием образной парадигмы «Лицо человека – растения»¹²⁸. Эта образная парадигма строится на основе метафор и сравнений, предметами сравнения которых служат лицо человека и его части, а образами сравнения – элементы семантического поля «Растения». Исследование проводится на основе «Материалов к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX-XX вв.», Выпуск 3 «Растения» [Кожевникова, Петрова (в печати)]. При составлении этого выпуска использовался Национальный корпус русского языка [НКРЯ]¹²⁹.

В основу группировки тропов в данном словаре положен принцип семантического поля, или идеографический принцип: и обозначения реалий, и их образные соответствия в языке художественной литературы группируются в семантические поля, которые образуют метафорическую картину мира. Используя теорию семантического поля, составители словаря исходят из конкретных опорных слов компаративных тропов, которые группируются во все более широкие рубрики, согласно идеографической классификации лексики. Создаваемый словарь ставит своей целью показать систему метафор и сравнений русской литературы XIX-XX (теперь уже XIX-XXI вв.) и эволюцию этой системы, поэтому, помимо принципа семантического поля, материал в словаре располагается и по диахроническому принципу.

Из обозначений реалий, которые служат предметами сравнения компаративных тропов, основное место занимает человек, части его тела, жизненный цикл, физические и психофизические состояния, внутренний мир (душа, сердце, интеллект, чувства), свойства характера, язык, социальные явления и т. д. Среди частей тела человека, в свою очередь, особо выделяется лицо, характеризующее его человеческую сущность. К ключевому слову *лицо* примыкают обозначения, называющие его составные части: *щеки, лоб, нос, глаза, рот и губы, язык, зубы, подбородок, кожа лица, уши*, которые в свою очередь могут иметь более дробное выражение (например, *глаза – веки, белки, зрачки; нос – ноздри*). Выделяются также особые приметы лица: *бородавки, родинки, морщины*. Можно включить в рассмотрение и слова, семантически связанные с обозначениями основных частей лица: *профиль, черты, улыбка, поцелуй, взор, взгляд, слезы*. Слова, обозначающие определенные части лица, могут иметь стилистические варианты по шкале «возвышенное – сниженное»: с одной стороны, *лицо – лик, щеки – ланиты, губы – уста, лоб – чело, с*

¹²⁸Понятие образной парадигмы введено Н.В. Павлович (см. [Павлович 1999]).

¹²⁹Отдельные подполя семантического поля «Растения» уже изучались, но они не были рассмотрены в связи с семантическим переносом «Лицо человека – растения» (см., например, [У Луцьян 2015]). Общеязыковые метафоры и сравнения, реализующие образ дерева/растения, рассматриваются в работе [Пак 2006].

другой: *лицо – физиономия, рожжа, морда*. Однако за недостатком места мы рассмотрим образные переносы, связанные с основными обозначениями частей лица.

Образы сравнения компаративных тропов, описывающих лицо, относятся к образному полю «Растения». В него включаются следующие классы обозначений растений: «Цветы» (родовое слово *цветок* и многочисленные видовые обозначения, самые частотные из которых *роза, лилия, василек, мак, фиалка*, а также *ландыш, колокольчик, незабудка* и др.); «Фрукты» (только видовые обозначения: *яблоко, арбуз, персик, абрикос, груша* и др.); «Ягоды» (родовое слово *ягода* и видовые обозначения: *вишня, клюква, малина, слива, смородина, крыжовник* и др.); «Овощи» (родовое слово *овощ* и видовые обозначения: *картофель, свекла, морковь, огурец, луковица, тыква, редька, репа* и др.); «Деревья» (родовое слово *дерево* и видовые обозначения *береза* и *кедр*), а также немногочисленные классы «Грибы», «Орехи», «Трава», «Злаки». В некоторых случаях пополнение класса тропов происходит за счет более дробного видового членения (*роза – шиповник, слива – мирабель, яблоко – антоновка* и т.д.).

Кроме родо-видовых отношений, образное поле «Растения» структурирует отношение «целое-часть». Так, класс «Цветы» включает в себя также слова *лепесток, стебель, венчик, чашечка* и др., в класс «Деревья» входят слова *береста, ствол, ветвь, сук, лист, почка*. Такое же отношение связывает с названиями ягод, фруктов, грибов словосочетания *кожица сливы, кожа граната, персиковый пух, персиковая косточка, шляпка гриба* и др. Среди других семантических отношений в этом поле можно отметить также отношения «растение – жизненный цикл растений» (*цветок – расцвести, цвести, отцвести, увянуть*), «растение – множество растений» (*цветок – букет, клумба*), «фрукт – результат его деления» (*половинки граната, корольковые дольки, дольки персика, мандарина, апельсина* и др.); «растение – растение, подвергшееся обработке» (*печеная картошка, испеченная луковица, печеное яблоко, сушеная груша, сушеный чернослив* и др.).

Начнем описание с ключевого слова *лицо*, образы сравнения которого будем описывать хронологически. Из видовых обозначений в исследованном материале раньше всего появляются названия овощей: *свекла* (*Работа была столь усердна, что пот выступил на лбах работавших и лица их сделались красны, как свекла* (Н. Полевой 1832)), *огурец* и *тыква* (*Подъезжая к крыльцу, заметил он выглянувши из окна почти в одно время два лица: женское, в чепце, узкое, длинное, как огурец, и мужское, круглое, широкое, как молдаванские тыквы, называемые горлянками, из которых делают на Руси балалайки...* (Н. Гоголь 1842)). Далее поле пополняется другими видовыми обозначениями: *морковь* (*татарин Савакирей, такой коротыш, небольшой, но крепкий,*

верченый, голова бритая, <...> а рожка как морковь красная (Н.Лесков 1873)), редька, репа, картофелина (Осветив руки Анфимьевны, вспухшие на груди повара, Самгин осветил и лицо ее, круглое, точно арбуз, окрашенное в лиловый цвет, так же как ее руки, а личико повара было темное и похоже на большую картофелину (М. Горький 1928). В пополнении реалий также участвует отношение «растение – растение, подвергшееся обработке» (см. выше): ср. испеченная луковица (Все окончательно только ахнули, увидев жениха — человека ростом с наперсток, съезженного, с лицом желтым, как испеченная луковица, притом еще прихрамывающего на левую ногу, — ну, словом, как говорится, совершенного михрютку (Д. Григорович 1883), печеные картошки (Воздев / печеные / картошки личик, // черней, / чем негр, / не выдавший бань, // шестеро благочестивейших католичек // влезло / на борт / парохода «Эспань» (В. Маяковский 1925). Как мы видим, компаративное значение рождается преимущественно на основании признаков цвета и формы. Уже в XX веке в сравнительной конструкции появляется родовое обозначение овощ: Идеал человека, без малого пудов на десять, находился тут же, одетый в табачный жакет и белые панталоны; он прятал одну руку за спину и слушал с милой улыбкой на круглом лице, похожем на овощ, иногда приговаривая шлепающими губами <...> (А. Н. Толстой 1910).

Почти одновременно с названиями овощей в компаративных конструкциях, характеризующих лицо, принимают участие обозначения фруктов и ягод: яблоко (Лицо этого молодого парня было свежо и гладко, как крымское яблоко (И. Тургенев 1852)), лимон, затем появляются дыня (Рядом с графом за тем же столом сидел какой-то неизвестный мне толстый человек с большой стриженной головой и очень черными бровями. Лицо этого было жирно и лоснилось, как спелая дыня (А. Чехов 1884)), арбуз, груша, персик (Три года завтрашней зарей, Как я на персик восковой, Как нищий на базаре, — На нежный лик твой зарюсь! Три года эту ночь ждала! (М. Цветаева 1922)), абрикос, чернослив, вишня, виноград, клюква (Из тулуна кровавою клюквой пылала огромная рожка Икавшева, тут же стоявшего: теркой, — рябая, как вспаханная... (А. Белый 1932), брусника.

Судя по материалам словаря, родовое слово *цветок* и ряд видовых обозначений цветов появляются в литературе при характеристике лица одновременно, в начале XX века: *цветок* (Его взгляд – торжество позора, а лицо – золотой *цветок* (Черубина де Габриак 1909-1910)), *анемон(а)* (Вдруг промелькнул, *прозрачней анемоны*, В одном из окон полудетский лик (М. Цветаева 1907-1910); с течением времени этот класс тропов продолжает пополняться видовыми обозначениями: *роза* (Как *чайная роза*, раскрылось лицо (А. Белый 1932)), *шиповник*, *незабудка*, *мак* (Лицо его *цветет маком* от мороза (А.

Воронский 1927), *маргаритка* (<...> я увидел внизу поднятые ко мне, **как бледные маргаритки**, лица оцепеневших детей (В. Набоков 1935, 1936)), *цвет магнолии* (*Твое лицо – как цвет магнолии. И на груди лежит в безволии Рука, скрещенная с рукой* (Н. Крандиевская 1938).

Развитие этого класса тропов происходит и за счет отношения «целое – часть»: лицо сравнивается не только с цветком, но и с лепестком: *Удлиненное, бледное ее, немного худое лицо чуть-чуть порозовеет, как розовеет яблочный лепесток* (А. Белый 1909). Отношение «целое – часть» лежит и в основе достаточно необычного сравнения лица со стеблем: *Вот проходит мимо /женщина / под рябью... / Голова седая, / а лицо как стебель* (К. Некрасова, 1950-е гг.).

Интересным с точки зрения развития ряда тропов за счет родо-видовых отношений является образный класс «лицо – гриб». В начале XIX века встречается сравнение лиц с мухоморами: *Ни одного чуба, ни одного уса не осталось в целости; лица их, испещренные язвами, походили на зрелые мухоморы* (В. Нарезный 1822), в XX веке в этом ряду появляется родовое обозначение: *Спешат старухи. Лица, как гриб... / Жесткая святость* (С. Черный 1911), а затем ряд пополняется другими видовыми обозначениями: <...> *сизое, озябшее лицо старушки <...> очень смахивает на великолепный гриб-дождевик, изукрашенный ветрами и солнцем* (Ф. Крюков 1916), *Вошел длинный, мокрый-мокрый человек с маленьким-маленьким лицом, таким сморщенным, как гриб-сморчок* (А.Н.Толстой 1936).

Те же классы образов сравнения характеризуют и другие части лица, но в каждом случае наполнение этих классов различно. Наиболее близки по конкретным образам сравнения *лицо* и *щеки* как наиболее репрезентативная часть лица, хотя частотность образов сравнения у них разная. Наиболее часто (чаще, чем лицо) *щеки* и *румянец на щеках* сравниваются с цветами, а именно розами, причем в течение всего рассматриваемого временного периода (*Румяных щек твоих алеют розы И лилия свежей белеет на челе* (П. Вяземский 1819), *Я знаю бег саней ковровых И розы щек на холоду* (М. Кузмин 1916), *В юности, в пасти огня, Розы грубили меня, Гробили – пышно цвели Всюду, где только могли: Стыдом – на щеках, Трудом – на руках, Целующим ртом – в облаках!* (Ю. Мориц 1976)). Несколько реже встречаются сравнения щек с *маками*. Бледность щек часто отражается по контрасту в сравнениях с лилиями, причем нередко розы и лилии встречаются в одном контексте (*Быстро сменялись розы и лилии на щеках графини* (А. Марлинский 1830), *Это он – седой мороз! Жадно лилии он щиплет И в лицо, взамен их, сыплет Пламя свежих, алых роз* (В. Бенедиктов 1842), <...> *прелестные глазки ее*

смотрели устало, а **розы на щечках сменились лилиями** (М. Салтыков-Щедрин 1874-1877)).

Как и лицо, *щеки* сравниваются с *лепестками*: <...> *тогдашние Лигейи, С взорами, где ангелы живут, Со щеками лепестка свежее* <...> (Н. Гумилев 1917), *И зачем эта струйка крови Берedit лепесток ланит?* (А. Ахматова 1962).

Щеки сравниваются с *фруктами* и *ягодами*, однако их разновидности более разнообразны, чем в тропах, характеризующих лицо. Гораздо чаще, чем лицо, они сравниваются с *яблоками*, причем в компаративных конструкциях употребляются и названия конкретных *сортов яблок*: *Листья леса сгложет медь, / станут звезды тонкими, / щеки станут розоветь – / яблоки антоновки* (С. Кирсанов 1923). За счет введения в образное поле таких обозначений происходит его развитие, пополнение новыми элементами. Такое же развитие образных значений происходит и в паре *слива – мирабель*. В XIX в. щеки сравниваются со сливами (*Довольно толст, довольно тучен Наш полновесистый герой. <...> Всегда по моде он одет. А щечки – полненькие сливы* (М. Лермонтов 1829)), в XX веке появляется метафора с названием конкретного сорта сливы: *Вон – зарделась пушком Мирабель щеки* (С. Третьяков). Кроме того, щеки сравниваются с *персиками, дынями* и т. д. Из названий овощей в качестве образов сравнения употребляются *свекла, вилки капусты, редиска*. Как и в тропах, характеризующих лицо, здесь также основанием сравнения служит в основном цвет и форма.

Эти же признаки – форма и цвет – лежат и в основе тропов, характеризующих *нос*, однако образные соответствия имеют свою специфику. Акцент делается на форму как основание сравнения. Раньше всего (и чаще всего) *нос* сравнивается с овощами – *луковицей* и *картошкой*. Позже к признаку формы подсоединяется цвет, появляются более оригинальные, редкие образные соответствия: *баклажан* (*Под этим лопухом сизое, озябшее лицо старушки с носом вроде созревающего баклажана и толстыми, строгими губами, очень смахивает на великолепный гриб-дождевик* (Ф. Крюков 1916)), *редиска* (<...> *вот робкий блондин, всегда в сером, редискою носик, – презоркий, сутулый, какой-то кривой* (А. Белый 1930), *болгарский перец* (*И на его / белом лице, как на тарелке, горел нос, / точно болгарский перец* (А. Вознесенский 1964)). Нос также сравнивается с ягодами и фруктами – *сливой, грушей, клюквой, клубникой*; с *орехами* и *грибами* (*Толстые красные губы улыбались и как-то смешно оттопыривались под самый нос – маленький и сизый, похожий на грецкий орех...* (С. Подъячев 1903), *Нос у него похож на мухомор, большие открытые ноздри стали от нюхательного табаку темно-зелеными и бархатными* (И. Бунин 1911)).

Что касается глаз, то сравнение с цветами часто определяется признаком цвета, хотя возможны компаративные тропы и с родовым названием (*Мыслить ленью ленятся глаз цветы* (К. Большаков 1913)), нередко сопровождающимся определением (*Твои глаза еще невинны, Как цветик голубой* (А. Блок 1906)). Признаком цвета и формы определяются сравнения с цветами – *незабудками, фиалками, васильки, гиацинты, колокольчики*, при этом оригинальным является сопоставление злых очей с *красными маками* (*И струит мое веселье Два луча. То горят и дремлют маки Злых очей* (А. Блок 1907)). Постепенно видовые обозначения цветов становятся все более разнообразными и включают в себя редкие виды, например *генцианы* (*Я милую встречаю, как зарю. В глазах ее – спокойные огни, Синее синих генциан они* (Н. Тихонов 1937-1940)).

Распространены и сравнения с ягодами, прежде всего с *маслинами* (*До сих пор я подозрительно отношусь к людям с черными, как маслины, круглыми глазками* (К. Паустовский 1946)), *сливами* и *черносливом* (*Движенья быстры, как у дикой лани, А глазки черные, как чернослив* (С. Соловьев 1922)). Причем возможны и более конкретные сравнения, в которых одним из признаков становится мягкость плода, которая ассоциируется с гниением (*Сразу стало спокойно на душе, мысль о Гришине, о Глафире Дмитриевне, о ее мягких, как гнилые маслины, глазах перестала томить, пугать* (В. Гроссман 1960)). Среди образов сравнения встречаются и мелкие ягоды – *смородина, виноград, вишня, черешня, черника, крыжовник*, при этом у них также выделяется красный оттенок, как например, у *клюквы*, с которой сопоставляется налитый кровью глаз (*снова пришел охотник с ружьем и дробью, / с глазом, налитым кровью от ненависти, как клюква* (Бродский 1964)).

Глаза также описываются через метафорические ряды «Орехи», «Зерна», «Семечки» (*<...> говорит баба, улыбается и бежит обратно, щуря глаза, похожие на подсолнечные семечки и тусклые, как потертая солдатская пуговица* (Пильняк 1920)), в которых доминируют переносы по форме, так как цвет часто определяется с помощью прилагательного (*А киргизы, / Прежде чем / Повалиться, Пошатывались / В последний раз, И выкатывались / На лицах Голубые орехи глаз* (П. Васильев 1932-1933)). Только глаза из частей лица сравниваются с *травой*, прежде всего *зеленой*, однако цвет может быть выражен и описательно (*Софи — бывшая подруга Леньки, <...> кроткая, угловатая, с неуловимой асимметрией лица, низкая челка и глаза цвета сухой травы* (А. Иличевский 2009)). Из трав выделяются *лопух* и *крапива* (*Зимой только глаз сохраняет зелень, / обжигая голое зеркало, как крапива* (И. Бродский 1987) (интересно, что в данном контексте у крапивы, кроме цвета, эксплицируется признак «ожжения»). Сходные образные соответствия возникают у связанных с глазами словами *взор, взгляд*, подобная образная

семантика распространяется и на обозначения *зрачок, белок, веки*, хотя могут возникать и оригинальные компаративы: *зрачок словно хвойный пучок* (И. Бродский 1964); *сквозь розоватость и лепестковость закрытых век* (Н. Делаланд 2009).

Губы как часть лица прежде всего ассоциируются с *цветами* и их частями: *чашечкой* (*Губки твои, эти розовые, лучшие, нежели розовые губки – полуразверстые и трепетные, словно чашечка цветка под первым лучом солнца* (А. Марлинский 1835)), *лепестком* (*Похолодели лепестки Раскрытых губ, по-детски влажных* (И. Бунин 1906)), *бутоном* (*Но ее влажные коричневые глаза, с томно-синеватыми веками, улыбались так задорно, а губы сжались в такой очаровательный красный морщинистый бутон, что Александров, наклонившись к ее уху, сказал шепотом <...>* (Куприн 1932)), *венчиком* (*с бледнорозовым, чуть открытым, как венчик, ртом* (Белый 1909)), Из названий цветов прежде всего получают распространение *роза, розан*, затем *гвоздика, мак, пион* (цветы красного и розового цвета), реже *губы* сопоставляются с *фиалками* (сюда же относится редкое сравнение рта с орхидеей: *Шепотом, кое-как, он объяснил, что с векселями покончено, <...> что глаза Раисы (хотя и на вершок от его глаз, но все такие же спокойные) не глаза, а бриллианты, бериллы, изумруды и прочее, что у нее не рот, а «безумный цветок», орхидея и прочее, что он, Растегин, убит наповал, погиб, он раб, сошел с ума и прочее, и прочее* (А. Н. Толстой 1910). Очень часто *губы* сопоставляются с *фруктами* и *ягодами*, иногда по признаку цвета: *Губы раскраснелись, словно корольки* (Л. Мей 1849). Во многих случаях приоритет получает не признак цвета, а признак вкуса (основания сравнений: сладкие, медовые, сочные и пр.): *Поцелуй твои – словно мед пчелиный, Губы слаще земляники и малины* (С. Соловьев 1908), *Ах, губки эти алые и сочные, как ягоды!* (И. Северянин 1910). По контрасту возникают редкие сравнения, например, сравнение с *горьким миндалем*: *Горчее губы розовых миндалин* (И.Эренбург 1922) или сравнение с гниющими грибами, имеющее явно отрицательные коннотации: *Я также никогда не забуду лица старухи с волосами, вздернутыми кверху в дикую, безумную прическу, с жидкою косичкою сзади, с гигантским лысым лбом, расплюснутым носом, крохотным, как бородавка, и чудовищно толстыми губами, напоминавшими те дряблые, осклизлые грибы, которые растут на гнилых пнях* (Мережковский 1901).

Итак, мы рассмотрели образные соответствия лица и его основных частей. Из нашего исследования можно сделать вывод, что при характеристике разных частей лица употребляются слова одних и тех же классов семантического поля «Растения», но набор этих слов для каждого предмета сравнения индивидуален и частота их различна. Одни образы сравнения универсальны и охватывают очень широкий круг реалий, другие более или менее частотны, их можно расположить по шкале частоты и широте охвата предметов

сравнения. Например, из опорных слов компаративных тропов, относящихся к классу «Цветы», самым частотным и самым широким по охвату сопоставляемых с ним реалий является *роза*. С розой (розами) традиционно сравниваются щеки, румянец, лицо, губы, рот, улыбка, поцелуй, более необычны появляющиеся позже тропы, характеризующие глаза (*В лазурных розах глаз – бутоны роз тиши* (К.Большаков)) и ухо (*Я пойду туда, где роза Среди дудочек растет <...> Эта роза – Ваше ухо, Так же свернуто оно* (Н.Олейников 1932)). Следующее по частотности и широте охвата предметов сравнения – слово *цветок* (*цветы*). Оно характеризует те же предметы сравнения, что и слово *роза*, но чаще всего из них – губы и глаза (образная параллель *глаза – цветы* появляется в середине XIX в., намного раньше, чем *глаза – розы*), в XX веке появляется редкое сравнение ноздрей с цветами: *А ноздри? / У всех это дыры, у вас – как цветы!* (И. Сельвинский 1924, 1956). Достаточно широкий охват характеризуемых реалий и у слова *лепесток* (*лепестки*): губы, лицо, щеки, улыбки, веки. Далее идут слова *мак*, *василек* и *незабудка*. С маком сравниваются щеки, лицо, губы, глаза, с васильком – глаза, взгляд, слезинка и улыбка, с незабудкой – глаза, взгляд, слезы и лицо. Затем на шкале частотности широты охвата располагается ряд названий цветов и частей цветов, описывающих два-три предмета сравнения: *бутоны* – щеки и губы, *герань* – глаза и уши, *ландыш* – щеки и зубы, *лилии* – лоб, щеки, лицо, *одуванчик* – лоб и глаза, *фиалка* – глаза, взгляд и губы, *шиповник* – лицо и щеки. В конце шкалы находятся обозначения цветов, характеризующие только один предмет сравнения: *генцианы*, *гиацинты*, *колокольчики*, *конопля*, *льняной цветок*, *подснежник* (глаза), *цвет магнолии*, *маргаритка* (лицо), *ветвь мимозы* (губы), *орхидея* (рот). Они появляются позже по времени, чем более частотные и широкие по охвату слова, развивая и разнообразя соответствующие образные параллели (*щеки – цветы*, *лицо – цветок*, *глаза – цветы*, *губы – цветы*).

Построенная нами структура образного поля позволяет изучать его эволюцию, пополнение классов тропов новыми элементами на протяжении двух веков развития русской литературы. В основе развития рассматриваемого множества компаративных тропов лежат семантические отношения «род – вид», «целое – часть» и некоторые другие¹³⁰.

Установленные нами закономерности позволяют описать фрагмент метафорической картины мира, отражающей особенности русского языкового сознания, и дают основу для сравнительно-типологического анализа метафорических систем разных языков.

¹³⁰ Роль этих семантических отношений в эволюции компаративных тропов в русской литературе XIX-XX вв. рассматривалась в работе [Кожевникова 1995].

Список литературы:

- Кожевникова Н. А.* Эволюция тропов // Очерки истории языка русской поэзии XX века. Образные средства поэтического языка и их трансформация. М.: Наука, 1995. С. 6–79.
- Кожевникова Н. А., Петрова З. Ю.* Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX – XX вв. Выпуск 3 «Растения». – М.: Языки славянских культур, в печати.
- Национальный корпус русского языка* // URL: <http://www.ruscorpora.ru>.
- Павлович Н.В.* Словарь поэтических образов. Т. 1,2. М.: URSS, 1999.
- Пак И.Я.* Языковое воплощение образа дерева/растения в русском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2006.
- У Луцьянь.* Семантическое поле «цветок» в языке русской художественной прозы второй половины XIX века (на материале произведений И.А. Гончарова, И.С. Тургенева, А.П. Чехова). Автореф. дис. ... канд. филол. наук, М., 2015.

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПРОЗЫ: ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ В ПОИСКАХ АДЕКВАТНОСТИ

LINGUO–COGNITIVE PROBLEMS OF TRANSLATING MODERN RUSSIAN LITERATURE INTO ENGLISH: EQUIVALENCE ON THE WAY TO ADEQUACY

В статье освещаются вопросы переводческой деятельности в аспекте взаимодействия текстовых явлений с концептуальными языковыми структурами на материале современной русской прозы, представленной оригинальными и переводными текстами произведений В. Пелевина. Обосновывается применение лингвокогнитивного подхода к процессу перевода, обсуждаются возможные модели сохранения культуроспецифичности текста в переводе, анализируется деятельность переводчика как языковой личности, исследуются структурно–семантические трансформации, которые претерпевает национальная картина мира оригинального текста в процессе перевода. Особое внимание уделяется описанию теории фреймового восприятия реальности и возможности применения когнитивно–семантического подхода к анализу качественных показателей перевода (категории адекватности и эквивалентности), как результата деятельности языковой личности. В данной работе исследуется взаимосвязь языковой относительности и фреймовой организации знания, а практический, лингвистический материал ее описания демонстрирует несомненный эвристический потенциал лингвопереводческих исследований.

The paper reviews the theory of cognitive basis of translation, presents the issues of translating techniques through the aspect of text phenomena interaction with the conceptual linguistic structures. The research is based on the modern Russian prose translations. The authors give grounds for the use of linguacognitive approach in the process of translation. The term “cognition” can be used to denote both the translator «s competence and his mental activities. Translator is treated as a linguistic personality. Structural and semantic transformations are studied with the aim of depicting the process of changing the national world image of the original text when translating.

Ключевые слова: когниция, перевод, сознание, языковая картина мира, языковая личность переводчика, ментально–лингвальный комплекс, фрейм.

Key words: cognition, translation process, consciousness, mentally–lingual complex, linguistic personality, linguistic world image, frame structures.

Перевод – интеллектуально-творческая деятельность, включающая сложные процессы сознательной и подсознательной работы переводчика как языковой личности. Цель перевода – установление контакта, порой дистанцированного во времени и пространстве, между двумя взаимодействующими национальными культурами. Как любая

интеллектуальная деятельность, перевод предполагает применение творческого поиска на пути решения конкретных проблем в постоянно меняющихся социокультурных условиях.

Отметим, что в переводе, как каждой интеллектуальной работе можно выделить два аспекта: *логико-мыслительный* и *творческий* (выделено курсивом нами – Е.П., Е.С.). В переводческой деятельности логический анализ переводимой информации и творческий подход, затрагивающий процесс импровизации, направлены на передачу мысли, идеи, посылы. В основе логико-мыслительной работы переводчика лежит *сознательный интеллект*, обладающий совокупностью знаний законов и принципов перевода (актуальное членение предложения, переводческие трансформации и пр.) [Zhirova, Savchenko, 2014, p. 210]. В то время творческая импровизация переводчика полагается, прежде всего, на *подсознательный интеллект* переводчика (выделено курсивом нами – Е.П., Е.С.). Следует отметить, что уровень профессионализма переводчика зависит и от врожденных лингвистических способностей переводящей личности, и от уровня владения родным и иностранным языком, и, безусловно, от накопленного опыта в переводческой деятельности.

Переводчик работает с текстом, устным или письменным, занимается вопросами кодирования и декодирования информации. По мнению исследователей, «текст, феномен кристаллизации деятельности, творчества и культуры поколений, является резервуаром познания, из которого последующие поколения приобретут будущее» [Диброва, 1999, с. 112], а также «есть продукт, порожденный языковой личностью и адресованный языковой личности» [Малычева, 2003, с. 92].

Следовательно, сам перевод должен рассматриваться как сложная лингвоментальная деятельность, в процессе которой переводчик сталкивается как с собственно лингвистическими трудностями, так и трудностями экстралингвистического характера. Именно поэтому большой интерес представляет когнитивное описание процесса перевода [Приказчикова, Савченко, 2013, с. 78].

Актуальность настоящей статьи обусловлена интересом современной лингвистики к изучению причин возникновения межкультурного барьера в процессе коммуникации, который, как правило, заключается в несовпадении национальных картин или образов мира в сознании коммуникантов.

Рассмотрение способов организации знания, базирующееся на лингвокогнитивном подходе, проводится на материале русскоязычного художественного текста и его перевода на английский язык. Использование перевода для целей нашего анализа представляется целесообразным потому, что переводческий материал позволяет наиболее ярко выявить способы представления знания, характерные для русского и английского языков. Однако

при этом мы не рассматриваем качество перевода в целом, а анализируем лишь отдельные культурно-специфические структуры и явления, и не претендуем на исчерпывающий все аспектный охват проблематики.

Своеобразие организации знаний о мире находит проявление в виде специфических способов построения высказываний в русском и английском языках. Проблема организации знания связана непосредственно с проблемами перевода, поскольку высказывания в переводе структурируются на основе определенных *когнитивных схем* (выделено курсивом нами – Е.П., Е.С.) восприятия окружающей действительности [Хайруллин, 2010, с. 25]. Своеобразие восприятия, уникальное для каждой языковой личности (автора произведения и переводчика), позволяет предположить, что в процессе перевода авторский образ, мысль, закодированная структурами национального языка и воплощенная в тексте, всегда будет претерпевать изменения, иметь «крен» в сторону индивидуально-личностных предпочтений переводчика.

Цель статьи состоит в выявлении лингвокультурных (концепты, константы культуры и др.) и лингвоментальных (фреймы, скрипты, индивидуально-авторские образы и др.) узлов, языковая реализация которых в художественном тексте, не только представляет определенную трудность для переводчика, но и играет важную роль в процессе установления межкультурного, межъязыкового контакта двух национальных культур.

Общепризнанным является положение о том, что каждый язык по-своему членит и организует информацию о мире, действительно существующей или воображаемой реальности, тем самым создает свою уникальную языковую картину мира. Традиционно своеобразие в восприятии явлений фактов окружающей действительности усматривается в особом способе категоризации такой информации между значениями языковых единиц, структур (грамматических, синтаксических и пр.), составляющих системы отдельных языков. Стоит отметить, что, *с одной стороны*, национально-культурная специфика восприятия реальности возводит своеобразный барьер в межкультурной коммуникации, *с другой стороны*, несовпадающие компоненты успешно приравниваются, заменяются или интерпретируются в процессе перевода, тем самым обеспечивая успех межкультурного диалога. Традиционно, системно-структурное построение любого национального языка характеризуется информационной уникальностью на каждом языковом уровне: лексико-семантическом, грамматическом и т.д.

Обратившись к исследованиям последних десятилетий (см., например, работы В.В. Красных, Д.Б. Гудкова, И.В. Захаренко и др.), мы видим, что каждая языковая личность обладает:

- а) индивидуально-когнитивным пространством;
- б) набором коллективных когнитивных пространств тех национально-культурных социумов, в которые он входит;
- в) когнитивной базой того национальной лингвокультуры, носителем которой является.

Так, любое высказывание может отражать знание как уже знакомое, так и неизвестное языковой личности. Однако оно не может быть абсолютно новым, поскольку процесс восприятия любого факта действительности вызывает в сознании реципиента поиск фрейма, который активируется под воздействием этого нового знания, а сам поиск происходит на всех уровнях когнитивного пространства языковой личности. Новое знание, отражаемое в высказывании, должно вызывать в сознании своеобразный ответный сигнал, «респонс» (по В.И. Хайруллину), в виде встречавшегося ранее, уже знакомого фрейма. Следовательно, поступившая извне новая информация всегда будет накладываться на фоновые знания с целью установления точек соприкосновения с уже имеющимися квантами знания, что и обеспечивает возможность понимания. Понять сообщение значит интерпретировать его на основе сформировавшихся фреймов и других ментальных образований когнитивной базы человека. С данной точки зрения, говорить о креативности в переводе можно и даже нужно: новое не может быть продуцировано или понято без связи этого нового с уже имеющимся знанием. Отметим, однако, что несовпадающие способы организации информации (т.е. фактическое расхождение в вопросах восприятия окружающей реальности) при описании схожих ситуаций или сценариев так или иначе заменяются или интерпретируются при ее передаче с одного языка на другой.

Обратимся к примеру из произведения современного российской писателя В.О. Пелевина «Омон Ра» и его переводу на английский язык, выполненный Э. Бромфилдом (Andrew Bromfield):

– Я раньше очень любил клеить пластмассовые самолеты, – сказал я, – сборные модели. Особенно военные.

– Я тоже, – ответил Митек, – только давно.

– *Гэдээровские* наборы мне нравились. А в наших часто не было летчика. Тогда такая *лажа* получается. Когда кабина пустая [Пелевин, 1996, с. 17] (Выделено курсивом нами – Е.П., Е.С.).

ГДР (Германская Демократическая Республика – государство, существовавшее с 1949 по 1990 гг.) в лингвистическом плане представляет собой реалию, в когнитивном –

фрейм. Обратимся к переводу на английский язык и проследим, какие изменения претерпевает данный текстовый фрагмент в процессе перевода:

“I used to like making plastic aeroplane models,” I said, “from the kits. Especially military planes.”

“So do I,” said Mitiok, “but that was long time ago.”

“I like the *East German* kits. But there were no pilots in ours. They looked *stupid*, because the cockpits were always empty” [Pelevin, 1996, p. 12] (Выделено курсивом нами – Е.П., Е.С.).

Так, в приведенном примере видно, что в начале высказывания *гэдээровские наборы* переведено адекватно, или, скорее, тождественно, т.е., хоть языковая оболочка и претерпевает значительные изменения (ср.: гэдээровские наборы = East German), когнитивная информация не искажена. Следовательно, при прочтении данного отрывка в сознании читателя как оригинального, так и переводного произведения, фреймовые структуры во многом совпадают, а образ, созданный автором, полностью реализуется. В то же время, во второй части высказывания авторское *лажа* (разг. обман, плутовство, надувательство [Электронный ресурс: ТСЖВЯ] в переводе теряется (ср. лажа = stupid), т.е. фрейм «обман» не получает своей реализации в тексте перевода. Таким образом, данный фрагмент не может считаться тождественным оригиналу.

Американский исследователь Р.Т. Бэлл (R.T. Bell) рассматривает следующие параметры когнитивных структур:

- 1) использование для представлений знаний;
- 2) включение более мелких структур;
- 3) объединение в более крупные структуры (пакеты организации памяти);
- 4) организация слотов, предусматривающих обязательные либо факультативные ячейки заполнения;
- 5) необходимость таких слотов для распознавания и интерпретации новой информации [Bell, 1991, p. 250].

Наше сознание является совокупностью знаний об окружающем мире, а «элементами или единицами индивидуального сознания являются знания» [Кацнельсон, 2004, с. 110], которые можно соотнести с языковыми единицами, так как именно язык оказывает влияние на формирование и структурирование сознания. В то же время мышление, представляя собой процесс отражения окружающей действительности, невозможно представить без участия языка. Единство мышления, сознания и языка рассматривается в лингвокогнитологии как *ментально-лингвальный комплекс* (выделено курсивом нами – Е.П., Е.С.; термин В.В. Морковкин, В.А. Морковкина) –

«функционирующее на основе человеческого мозга информационное по природе, триипостасное целое, которое обеспечивает восприятие, понимание, оценку, хранение, преобразование, порождение и передачу (трансляцию) информации...» [Морковкин, Морковкина, 1997, с. 20].

Каждый из перечисленных компонентов ментально-лингвального комплекса выполняет определенную задачу в информационно-коммуникативном пространстве. Мышление, например, выделяет объекты, приписывая им характерные атрибуты или предикаты; сознание, в свою очередь, упорядочивает, оценивает и хранит полученную информацию о мире, представленную во фреймовых слотах в виде четко структурированных информационных блоков, имеющих ментальную основу (фреймы, гештальты, скрипты, сценарии и пр.), язык же выступает инструментом, преобразующим мыслительные сигналы в информационные блоки [Жирова, 2013, с. 25]. Н. Хомский в своих исследованиях отмечает. Что «каждый язык обладает средствами конструирования ментальных объектов, которыми мы пользуемся для выражений, с которыми мы сталкиваемся. Каждый из этих ментальных объектов соединяет звук и значение в конкретной структурированной форме» [Хомский, 2005, с. 75–76].

Мыслительная деятельность, в результате которой и создается высказывание, свойственна не языкам, а людям, носителям национального языка, для которых язык – это, прежде всего, средство (инструмент) решения множественных речевых и текстовых задач, достижения коммуникативных целей. Выдающиеся в интеллектуальном плане носители той или иной культуры, в определенный исторический период времени создают текстовый отпечаток окружающей действительности. Совокупность достижений в определенную эпоху развития человеческого общества представлено культурой, т.к. язык – это уникальное явление именно национальной культуры.

– Хочу вас поздравить – по итогам экзаменов и особенно собеседования, – тут старичок подмигнул, – вы зачислены сразу на первый курс секретной космической школы при первом отделе КГБ СССР. Так что *настоящими людьми* станете как-нибудь потом, а пока собирайтесь в Москву. Там и встретимся [Пелевин, 1996, с. 40].

You have been registered immediately for the first-year course at the KGB secret space-training school – so you'll just have to wait a bit before you become *Real Men* [Pevlevin, 1996, p. 36] (Выделено курсивом нами – Е.П., Е.С.).

Авторская скрытая ирония, явно ощущаемая при чтении данного отрывка и очевидная для представителя русскоязычной лингвокультуры (см. статья человеком, статья настоящим человеком), в английском варианте исследуемого текста приобретает невербальный компонент в виде использования прописных букв. Цель данного

переводческого решения – привлечь внимание читателя к данному значимому фрагменту высказывания, который для англоязычного читателя не несет никакого дополнительного когнитивного значения. Так, использование невербальных компонентов в тексте может способствовать восстановлению исходного фрейма в сознании читателя, делая перевод адекватным, или тождественным.

Авторский выбор какой-либо языковой единицы (слова или словосочетания) активирует в сознании читателя тот или иной тип фрейма, что дает нам возможность сопоставить фреймы, восстанавливаемые в тексте оригинала и в тексте перевода.

Авторы художественных произведений, как все творческие люди, обладают высокоразвитым языковым (вербальным) интеллектом, они с легкостью манипулируют морфологической, лексической, грамматической и прочими семантиками. Переводчик зачастую сталкивается именно с проблемой передачи авторской семантики высказывания. Отметим, что словарная дефиниция толкового словаря дает лишь краткое определение слова посредством других слов, не вникая в его глубинную когнитивную структуру, т.е. в сам фрейм и репрезентативные фразеологические возможности, которые и являются хранителями национально-культурного запаса языковых единиц. Семантическая репрезентация по С. Пинкеру, «представляет собой знание человека о значении слова в концептуальной структуре (язык мышления), обработанное некой системой мозга, которая управляет сгустками понятий в концептуальной структуре и соотносит их со значениями» [Пинкер, 2013, с. 129].

Перевод способствует взаимосвязи, контакту различных систем знаний. Посредством перевода мы оперируем идеями, смыслами, а не словами. Следовательно, давая оценку переводу как продукту переводческой деятельности, мы постоянно сталкиваемся с вопросом: Что есть тождественность в переводе? Возможно ли достичь эквивалентности в переводе? Каковы критерии определения перевода как адекватного?

Достичь эквивалентности на лексическом уровне, безусловно, возможно, но грамматика, синтаксис, стилевое оформление – все то, что В.И. Хайруллин называет «средствами интеллектуально-информационной системы» одного языка чаще всего не совпадают с такими же средствами другого языка. Перевод – это неизбежная адаптация, интерпретация, замещение, это единство трех компонентов: язык, информация и культура. Так, по утверждению В.И. Хайруллина, при структурировании информации в высказывании действуют два типа фреймов: когнитивно-семантические, отражающие специфические структуры мышления, и культурные, активируемые при представлении информации об особых элементах культуры (реалиях) [Хайруллин, 2010, с. 16].

Единицы культуры (концепты) находят свое непосредственное отражение в текстах, *во-первых*, через специфические структуры мышления (восприятие действительности сквозь призму авторского сознания), на физическом уровне находящих проявление в виде особой организации высказывания в каждом конкретном случае. Речь идет, прежде всего, о когнитивных способностях познающей личности, т.е. когнитивно-семантические структуры отражают своеобразие национальной культуры, т.е. особенность построения высказываний средствами языка легко соотносима с особенностями восприятия и членением знаний о мире, свойственных представителям этих культур. *Во-вторых*, помимо собственно языковых структур в тексте могут быть представлены экстралингвистические компоненты, свойственных каждой культуре, т.е. культурные реалии, культурные узлы, национально-культурные символы и образы.

Принимая все это во внимание, категории адекватности и эквивалентности в настоящее время скорее можно скорее близки категории тождественности, а сам перевод «может быть определен как вид языкового посредничества по преобразованию содержания текста исходного языка на другой (переводящий) язык посредством создания в последнем текста, который в коммуникативном, информативном и культурном отношении тождествен тексту исходного языка» [Там же, с. 24].

Таким образом, если мы принимаем как истинное положение о том, что любой перевод представляет собой интерпретацию оригинального текста, то субъективность представляет собой одну из доминант профессиональных качеств переводчика. Элиминирование субъективности переводчика, полное отрешение от творческой составляющей его деятельности не представляется реальным. Языковой выбор переводчика отражает зависимость его стратегических решений от объема его лингвистических и когнитивных знаний, уровня его коммуникативной компетенции – все это позволяет переводчику соблюсти «баланс» между культурой языка оригинала и культурой языка перевода.

В заключение отметим, что осуществлению процесса перевода способствует наличие так называемых общих зон в индивидуальных ментальных пространствах автора произведения и переводчика, т.к. и порождающим, и перекодирующим «механизмом» выступает мозг человека, а структуры сознания, в частности, его когнитивная инфраструктура, играют в процессе перевода ведущую роль.

Список литературы:

Диброва Е.И. Пространства текста в композиционном членении // Структура и семантика художественного текста: доклады VIII Международной конференции. М.: СпортАкадемПресс, 1999, С. 91–138.

- Кацнельсон С.Д.* Типология языка и речевое мышление. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2004. 224 с.
- Малычева Н. В.* Текст и сложное синтаксическое целое: системно-функциональный анализ. Ростов-на-Дону: АПСН, 2003. 180 с.
- Морковкин В.В., Морковкина А.В.* Русские агнонимы. М.: Изд-во Института русского языка им. А.С. Пушкина, 1997. 414 с.
- Пелевин В.О.* *Омон Ра*. Желтая стрела. М.: АСТ: Вагриус, 2004, 238 с.
- Пинкер С.* Субстанция мышления. Язык как окно в человеческую природу. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 560 с.
- Приказчикова Е.В., Савченко Е.П.* Когнитивный аспект текстовой категории «Индивидуальный стиль автора» и его влияние на адекватность перевода // Вестник Моск. гос. областного ун-та. Серия: Лингвистика. М.: Изд-во МГОУ, 2013. № 6. С. 74–80.
- ТСЖВЯ – Толковый словарь живого Великорусского языка / под. ред. В. Даля [Электронный ресурс] / В.И. Даль. – 2005. – Режим доступа: <http://slovardalja.net>.
- Хайруллин В.И.* Перевод и фреймы: учебное пособие. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010, 144 с.
- Хомский Н.* О природе и языке. М.: КомКнига/URSS, 2005. 288 с.
- Bell R.T. Translation and Translating: Theory and Practice. London: Longman, 1991. 228 p.
- Pelevin V.* *Omon Ra*. N.Y.: Farrar, Straus & Giroux, 1996. 196 p.
- Zhirova I.G., Savchenko E.P. Role of cognitive aspect in translation // Global Science and Innovation: materials of the II International Scientific Conference, Vol. I, Chicago (May 21–22nd, 2014). Chicago, USA, 2014. P. 207–213.

**РЕГУЛЯРНАЯ ВТОРИЧНОСТЬ «СИЛЬНОГО» ТЕКСТА КУЛЬТУРЫ:
МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ И МЕЖСЕМИОТИЧЕСКИЙ ПЕРЕВОДЫ**

**REGULAR SECONDARITY OF A «STRONG» TEXT OF CULTURE: INTERLINGUAL
AND INTERSEMIOTIC TRANSLATIONS**

Настоящая статья посвящена некоторым спорным вопросам художественного перевода и рассматривает генерирование вторичных текстов и формирование и дальнейшее существование центров переводной аттракции. Сильные тексты русской литературы и культуры регулярно генерируют многочисленные вторичные тексты, которые имеют большое значение для понимания русской культуры. Являясь основными средствами хранения и генерирования культурной информации и памяти, «сильные» литературные тексты и их вторичные варианты иллюстрируют существование и функционирование относительно новых категорий художественного перевода – категорий переводной множественности и неисчерпаемости оригинала. В статье дается анализ взаимосвязей между сильным русским текстом «Евгений Онегин» Пушкина, написанного и опубликованного в XIX веке и его синхронными и диахронными переводами на другие иностранные языки и семиотические системы.

The present article is devoted to certain controversial issues of literary translation and deals with the generation of secondary texts and formation and further existence of centers of translation attraction. The «strong» texts of Russian literature and culture regularly generate numerous secondary texts which is of great importance for the understanding of Russian culture. Being the primary means for the storage and generation of cultural information and memory, “strong” literary texts and their secondary variants illustrate the existence and functioning of the relatively new literary translation categories of multiplicity and original inexhaustibility. An analysis is given of the interrelations between the “strong” Russian text of Pushkin’s «Eugene Onegin», written and published in 19th century, and its synchronic and diachronic translations into foreign languages and other semiotic systems.

Ключевые слова: русская литература, «сильный» текст, вторичный текст, межъязыковой и межсемиотический переводы, переводная множественность, центр переводной аттракции.

Key words: Russian literature, “strong” text, secondary text, interlingual and intersemiotic translations, translation multiplicity, center of translation attraction.

Нельзя не согласиться с немецким философом и теоретиком перевода В. Бенямином, рассматривающим перевод как важнейшую форму существования оригинала, как способ продления жизни оригинального текста [Беньямин, 2012a]. И хотя

В. Беньямин, рассуждая о проявлениях высшего, «чистого» языка в процессе перевода и определяя задачу переводчика как обнаружение элементов «чистого» языка в языке перевода [Беньямин, 2012b], обращается в своих работах исключительно к ситуации межъязыкового перевода, генерирование художественным текстом вторичных вариантов не только в межъязыковом, но и внутриязыковом и межсемиотическом переводах может, бесспорно, рассматриваться как создание новых форм существования оригинала и способ продления его жизни. Особое место в литературном и культурном пространстве мира и каждой отдельной страны принадлежит «сильным» литературным текстам, обладающим высоким энергетическим потенциалом, имеющим большую аудиторию читателей и которые часто включены в национальные образовательные каноны и стандарты. «Сильные» тексты постоянно отдают эстетическую энергию читателям и получают энергию от своих читателей, которая многократно усиливается и качественно изменяется вследствие перманентно возникающего информационного резонанса [Кузьмина, 2009, с. 68–71]. Крайне важным является тот очевидный факт, что «сильные» тексты культуры находятся в состоянии перманентного информационного резонанса и с другими «сильными» текстами «своей» и «чужих» культур. Именно «сильные» тексты литературы и культуры являются регулярными и популярными объектами перевода, как в его основном виде («translation proper» или «interlingual translation» по семиотической классификации, предложенной Р.О. Якобсоном [Jakobson, 1959]), так в его других видах («intralingual translation /rewording» и «intersemiotic translation / transmutation» в якобсоновском понимании), что всегда делает перевод данных текстов значимым и ответственным событием коммуникативной деятельности.

Для иллюстрации вышесказанного обратимся, прежде всего, к одной из наиболее распространенных вторичных форм «сильного» художественного оригинала – к форме экранизации, которая является переводом в широком смысле данного культурного и семиотического понятия. Так, О.В. Аронсон отмечает, что «когда мы затрагиваем тему экранизации, то невольно начинаем рассуждать в терминах перевода» [Аронсон, 2002, с. 128]. Рассматривая экранизацию как перевод литературного языка на язык визуальных образов (как интерпретацию художественного произведения средствами кино), что позволяет отнести явление экранизации к регулярным видам межсемиотического перевода, российский теоретик кино и телевидения неоднократно обращается к уже упомянутой выше работе В. Беньямина «Задача переводчика» и отмечает, что тема экранизации позволяет заострить ряд основных положений знаменитой статьи немецкого философа. И, прежде всего, О.В. Аронсон рассуждает о сущности беньяминовской «непереводимости», понимаемой немецким философом не как невозможность

выполнения перевода, а как важнейший способ обнаружения языковой недостаточности оригинала, и обращает внимание на тезис В. Бенямина о том, что чем выше уровень произведения, тем более оно переводимо. И здесь особенно уместной является обращение к известному высказыванию мастера художественного слова М. Пруста: «Прекрасные книги написаны на некотором подобии иностранного языка» [Пруст, 1999, с. 126]. Акцентирование внимания на беняминовской идее об очевидной «иностранности» выдающихся («сильных») художественных текстов представлено и в работе И. Чубарова. Философ литературы, размышляя о переводческих воззрениях В. Бенямина и проблемах перевода его текстов, пишет: «Вопрос об отношении качества перевода и оригинала Бенямин связывает с качеством последнего. <...> возможность перевода обусловлена его особыми свойствами, а именно наличием в его языке своего рода прообраза языка иностранного» [Чубаров, 2002, с. 246]. Крайне важно, что экранизация определяется О.В. Аронсоном не только как использование иного языка (иной семиотической системы), а, прежде всего, как качественно иной опыт восприятия значимого культурного объекта, позволяющий эксплицировать нерепрезентируемую информацию оригинала. Именно иной опыт восприятия дает возможность значимому литературному произведению продолжать свое существование в кинотексте. Опираясь на оригинальные размышления Ж. Делёза о кинематографе и киноискусстве, О.В. Аронсон обращается к тем случаям экранизации, когда «литература и кинематограф, сплетаясь, находят друг в друге то, что не могут реализовать в полной мере по отдельности». В заключении исследователь приходит к важному выводу о том, что «язык кинообразов есть не что иное, как коммуникативное касание непереводаемого, а высказывание экранизации – неизбежное указание на недостаточность оригинала, на его невозможность при всем своем величии быть «чистым языком» [Аронсон, 2002, с. 140].

Таким образом, возникновение вторичных текстов в результате различных видов перевода (по Р. Якобсону) может быть рассмотрена как определенного рода эволюция информационной системы художественного оригинала, эволюция его эстетической энергии. Поскольку в результате эволюции система приобретает новое качество, то такую эволюцию можно описать через универсальное научное понятие бифуркации – качественной перестройки и метаморфоз объектов при изменении параметров, от которых они зависят [Музыка, 2011]. Понятие бифуркации, описывающее раздвоение первичного объекта, и основанная на данном понятии теория бифуркации находят широкое применение в современном научном дискурсе: в математике, физике, химии, биологии и социологии. Универсализм понятия бифуркации для гуманитарных наук убедительно доказывается в известной книге Э. Ласло «Век бифуркации: постижение изменяющегося

мира» [Laszlo, 1991]. Привлечение понятия бифуркации для описаний явлений и процессов предметного поля переводоведения полностью соответствует современной тенденции научной унификации [Разумовская, 2011], заключающейся в конвергенции и существенном изменении парадигм различных областей знаний. Каждый случай возникновения у художественного оригинала вторичного варианта становится переводческим событием, являющимся информационным преобразованием и прямым следствием процесса бифуркации. Таким образом, раздвоение художественного оригинала и создание вторичного текста происходит в точке бифуркации (понятие, используемое первоначально в термодинамике и синергетике) – периоде или моменте в истории системы, когда она превращается из одной системной определенности в другую. Каждый художественный оригинал имеет уникальный сценарий бифуркаций, в соответствии с которым возникает каскад бифуркаций, итогом которого и будет возникновение центра переводческой аттракции.

Один из наиболее обширных и значимых центров переводческой аттракции формируется ядром, которым является «сильный» текст русской литературы и культуры «Евгений Онегин» и его многочисленными вторичными текстами, имеющие различную семиотическую природу. Так, вторичные тексты романа, возникшие в результате межъязыкового перевода, крайне многочисленны. Историография переводов романа на английский язык насчитывает более 120 лет: первый перевод был опубликован в 1881 году (переводчик Г. Сполдинг), последний известный нам перевод – в 2011 году (переводчик М. Хобсон). На настоящий момент существуют более 40 английских переводов романа, имеющих различную популярность, художественную форму (поэтическую или прозаическую), полноту передачи оригинального текста (полнотекстовые переводы, переводы отдельных глав и фрагментов) и, конечно, историю создания и существования. Ярким примером переводной множественности может служить и историография переводов «Евгения Онегина» на французский язык. По различным библиографическим источникам существуют 17 французских переводов романа. Первый перевод увидел свет в Париже и Санкт-Петербурге в 1847 году (переводчик А. Дюпон). Несомненной особенностью французских переводов «Евгения Онегина» является то обстоятельство, что первые переводы романа на французский язык были выполнены русскими переводчиками. В феврале 2013 года в Париже на лингвистическом форуме «Exprolangues» состоялась презентация последнего известного нам французского перевода романа, выполненного Флорианом Вутевым (болгарин по происхождению). Первый перевод «Евгения Онегина» на сербохорватский язык (переводчик Ш. Димитрович) был опубликован в 1860 году и в течение последующих ста

лет появились еще 15 переводов (полных и фрагментарных). Обширной является и историография немецких переводов романа. Первый немецкий перевод, выполненный К.Р. Липпертом в 1840 году, по мнению специалистов и критиков оказался крайне неудачным. Лучшим немецким переводом в настоящее время считается перевод Р.-Д. Кайля, опубликованный в 1980 году и отмеченный в 1983 году премией немецкой академии языка и поэзии. Данный перевод стал двенадцатым полнотекстовым переводом пушкинского текста на немецкий язык. Предметом отдельного исследования может стать историография переводов текста «Евгения Онегина» на языки народов СССР и стран СНГ: абхазский (М.Т. Ласурца, 1969), адыгейский (А. Бастэ, 1999), азербайджанский (С. Варгун, 1973), армянский (П. Макаелян, 1972), белорусский (А. Кулешов, 1999), грузинский (О. Челидзе, 1975), казахский (К. Шангытбаев, 1985), калмыцкий (Б. Доржиева, 1971), киргизский (Э. Турсунов, 1967), латышский (М. Бендрупе, 1974), литовский (А. Венцлова, 1959), осетинский (Нафи, 1959), таджикский (Фархат, 1967), туркменский (М. Сеидов и А. Ковусов, 1974), узбекский (М. Кенжебек, 1988), украинский (М. Рыльский, 1974), чувашский (П. Хузангай, 1959), эстонский (Б. Алвер, 1964), якутский (Д. Джанглы, 1977).

К результатам межсемиотического перевода пушкинского оригинала относятся различные вторичные тексты, среди которых значительное место занимают тексты музыкальные: опера «Евгений Онегин» П.И. Чайковского (1878), музыка С.С. Прокофьева к неосуществленному спектаклю Московского камерного театра, приуроченному к 100-летию со дня смерти А.С. Пушкина (1936), хоровая музыка (акапелла) Р.К. Щедрина (1981). Музыкальный текст П.И. Чайковского был впервые исполнен в 1879 году в Московской консерватории; в 1881 году была осуществлена постановка оперы в Большом театре; в 1884 году – в Мариинском театре. Первая зарубежная постановка оперы состоялась в 1888 году в Праге. Менее чем за сто лет (с 1881 по 1963 год) в Большом театре прошло более 1500 спектаклей [Уварова, 1963]. Опера П.И. Чайковского неоднократно ставилась на сценах ведущих театров мира: Германия (1963, 1972, 1988), Финляндия (1966, 1978), США (1984, 2007, 2013), Великобритания (1994). На китайской оперной сцене первая постановка оперы была осуществлена в 1962 году (Пекинский центральный оперный театр); в дальнейшем опера имела несколько успешных постановок и была неизменно представлена в полной версии [Сунь, 2011]. В сезоне 2013-2014 года на сцене Метрополитен-опера (Нью-Йорк) опера П.И. Чайковского исполнялась на русском языке (солисты А. Нетребко и М. Квичен, дирижер В. Гергиев), что стало ярким культурным событием в США [Wallenberg, 2014]. К категории вторичных текстов романа, бесспорно, относится и текст либретто оперы, составленного К.С. Шиловским.

Непреходящий интерес к оперной версии позволяет определить вторичный музыкальный текст П.И. Чайковского как «сильный» текст русской культуры (в широком понимании термина «текст»), поскольку он регулярно исполняется в различных странах мира на протяжении почти 150 лет его существования, а также активно используется в других вторичных текстах романа. Все вышесказанное свидетельствует о высокой степени «межсемиотической интертекстуальности» данного музыкального произведения. В теории музыкального искусства было высказано мнение о том, что к «Евгению Онегину» Пушкина и Чайковского необходимо подходить как к универсальному тексту, способному породить и в театре, и в сфере инструментализма новые тексты – исполнительские, сценографические, транскрипторские [Головатая, 2008]. Универсальность музыкального текста П.И. Чайковского свидетельствует об его «силе», а также и о «силе» пушкинского оригинала, выступившего в роли «сильного» прецедентного текста. Документальный фильм 2009 года «Евгений Онегин. Между прошлым и будущим» (режиссер Н. Тихонов) посвящен оперному шедевру П.И. Чайковского и рассказывает об истории его возникновения.

Тем не менее, интересно отметить, что постановки по мотивам пушкинского оригинала в драматических театрах осуществляются достаточно редко и оперные интерпретации романа заметно преобладают в группе театральных версий романа. Среди наиболее известных театральных постановок можно упомянуть несколько. Так, в 2000 году Юрий Любимов осуществил постановку–ремейк романа в Театре на Таганке. В спектакле звучали фонограммы знаменитых чтецов пушкинского текста (И. Смоктуновский, В. Яхонтов, А. Яблочкина), фрагменты комментариев В.В. Набокова и Ю.М. Лотмана к оригинальному пушкинскому тексту, арии из оперы П.И. Чайковского («сильного» музыкального текста). В театральном сезоне 2012–2013 года в театре Вахтангова режиссер Р. Туманис представил на суд зрителей нестандартный подход к сценическому воплощению «Евгения Онегина», получивший широкий и неоднозначный отклик у публики и критиков и ставший лауреатом ряда престижных театральных премий.

Вторичные кинотексты пушкинского текста стали появляться уже на заре кинематографа. В 1911 году режиссером В. Гончаровым был снят черно–белый немой короткометражный фильм «Евгений Онегин». В фильме комбинируются основные сцены из оригинального пушкинского текста и оперы П.И. Чайковского («сильного» музыкального текста). В роли Онегина снялся знаменитый актер немого кино П. Чардынин. В 1915 году в Российской империи были сняты ещё два звуковых фильма.

В 1999 году на экраны мира выходит британско-американский фильм «Onegin» (режиссер Марта Файнс), представляющий собой вольную интерпретацию оригинала. Главные роли сыграли Рэйф Файнс (Евгений) и Лив Тайлер (Татьяна).

Особую группу вторичных кинотекстов представляют экранизации опер. Так, в 1958 году на «Ленфильме» режиссером Р. Тихомировым был снят полнометражный цветной художественный фильм-опера «Евгений Онегин», представляющий собой экранизацию оперы П.И. Чайковского. Роли были исполнены профессиональными актерами (А. Шенгелая, С. Немоляева, В. Медведев), а оперные арии – солисты Большого театра (Г. Вишневская, Л. Авдеева и Е. Кибкало). В 1994 году Хамфри Бертон (Великобритания) также экранизирует оперу П.И. Чайковского. В экранизации приняли участие представители Нидерландов, Германии, Италии, Швейцарии и Великобритании. Роль Онегина исполнил знаменитый польский баритон Войцех Дрбович. В 2002 году во Франции экранизируется опера «Евгений Онегин» с Питером Маттеи (Швеция) в роли Онегина. Через пять лет (в 2007 году) с участием Питера Маттеи был создан фильм-опера в Австрии.

Кинематографическая попытка осовременить роман была предпринята в России в 2013 году. Продюсером киноверсии стал Ф. Бондарчук. Сюжет романа перенесен в современную Россию. В соответствии с новым временным контекстом были изменены и герои романа: Онегин становится успешным бизнесменом, а Ленский – музыкантом. Место действий – ночные клубы.

Среди вторичных текстов романа представлены мультфильмы, созданные по мотивам пушкинского оригинала: режиссеров А. Оятъевой (1999 года), Е. Харламова (2013 года).

В формате аудиокниги сделаны записи пушкинского оригинального текста в исполнении И.М. Смоктуновского, А.А. Золотницкого, К. Мартенса, В.Г. Максимова, С.Ю. Юрского, Д.Б. Семенова. Особую группу вторичных текстов представляют аудиокниги, записанные на материале переводов романа на иностранные языки. Так, в 2013 году слушатели получили возможность познакомиться с аудиовариантом английского перевода Дж. Фалена (1990, США), который по мнению специалистов максимально близок к оригиналу и отражает его художественные достоинства. Аудиокнига была озвучена английским актером и режиссером С. Фраем и получила высокую оценку слушателей.

Приведенные примеры проявлений регулярной вторичности текста романа «Евгений Онегин» наглядно демонстрируют правомерность выделения и признания новой категории художественного перевода – категории переводной множественности.

Возникновение и функционирование вторичных вариантов одного из самых значительных произведений русской словесности, имеющих различную природу (музыкальный текст, кинотекст, живописный текст, аудиотекст), позволяет вывести данную неокатеорию за пределы предметного поля межъязыкового перевода, в рамках которого категория была выделена и описана. Очевидное изменение категориальной парадигмы современной науки о переводе и расширение ее объекта позволяет рассматривать центр переводческой аттракции, ядром которого выступает «сильный» художественный оригинал, как результат аккумуляции не только межъязыковых переводов, но и его межсемиотических вариантов.

Список литературы:

- Аронсон О.* Экранизация: перевод и опыт / О. Аронсон // Синий диван, № 3, 2002. С. 128–140.
- Беньямин В.* Задача переводчика / В. Беньямин // Учение о подоби. Медиаэстетические произведения. М.: РГГУ, 2012а. С. 254–270.
- Беньямин В.* О языке человеческом и языке вообще / В. Беньямин // Учение о подоби. Медиаэстетические произведения. М.: РГГУ, 2012б. С. 7–26.
- Головатая Г.Ф.* «Евгений Онегин» Пушкина и Чайковского. Текст и версии: дисс. ... канд. искусствоведения / Г.Ф. Головатая. Саратов, 2008. 246 с.
- Кузьмина Н.А.* Интертекст: тема с вариациями. Феномены культуры и языка в интертекстуальной интерпретации. Омск: Изд-во Омского госуниверситета, 2009. 228 с.
- Музыка О.А.* Бифуркации в природе и обществе: естественнонаучный и социосинергетический аспект / О.А. Музыка // Современные наукоемкие технологии, № 1. 2011. С. 87–91
- Пруст М.* Против Сент-Бёва: Статьи и эссе / М. Пруст. М.: ЧеРо, 1999. 224 с.
- Разумовская В.А.* К вопросу унификации науки, искусства и перевода / В.А. Разумовская // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов, № 3 (69), 2011. С. 32–37.
- Сунь Чжаожунь.* Первые постановки опер П.И. Чайковского «Пиковая дама» и «Евгений Онегин» на китайской сцене (к проблеме освоения зарубежного репертуара) / Чжаожунь Сунь // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, № 131, 2011. С. 316–321.
- Уварова И.* Введение / И. Уварова // Евгений Онегин П.И. Чайковского. Оперное либретто. М.: Государственное музыкальное издательство, 1963. С.3–6.
- Чубаров И.* Перевод как опыт нечувственных уподоблений. Причины неудач переводов «Задачи переводчика» Вальтера Беньямина на русский язык / И. Чубаров // Логос, № 5–6 (84), 2011. С. 237–252.
- Jakobson R.* On Linguistic aspects of translation / R. Jakobson // On Translation. Cambridge: Harvard University Press, 1959. Pp. 30–39.
- Laszlo E.* The Age of Bifurcation. The Key to Understanding the Changing World / E. Laszlo. New York and London: Gordon & Breach, 1991. 126 p.
- Wallenberg Ch.* From Russia, an adaptation of «Eugene Onegin» / Ch. Wallenberg // GLOBE CORRESPONDENT JUNE 05, 2014. – Режим доступа: <http://www.bostonglobe.com/arts/theater-art/2014/06/05/from-russia-modern-interpretation-eugene-onegin/xa3kmaNCxgj0ylyCZZhIEK/story.html#skip-target>

**НЕМЕЦКАЯ ЛИТЕРАТУРА В ПЕРЕВОДАХ НА КАЗАХСКИЙ И РУССКИЙ
ЯЗЫКИ: ИЗ ПРАКТИКИ САМОСТОЯТЕЛЬНОГО ПЕРЕВОДА РОМАНА Г.ГЕССЕ
«DER STEPPENWOLF»**

**TRANSLATION OF GERMAN LITERATURE INTO KAZAKH AND RUSSIAN:
EXPERIENCES DRAWN FROM HERMANN HESSES NOVEL DER STEPPENWOLF**

Предложенная в 70–е годы известным казахстанским ученым Х.Х. Махмудовым теория о «творческом контексте» писателя представляет возможным проанализировать роман Г.Гессе «Der Steppenwolf» с его контекстуальной, авторской, творческой сторон и сделать по этому поводу ряд выводов. В статье говорится об умении переводчика учитывать при своей работе «творческий контекст» оригинала произведения, а также приводятся примеры перевода отдельных фрагментов текста романа Г. Гессе «Der Steppenwolf» с немецкого языка на казахский, которые описываются параллельно с переводом на русский, выполненного российским переводчиком С.Апта.

The theory of the “creative context” of authors, proposed by H.H. Mahmudov in the 1970s, offers the means to analyse the contextual, authorial and creative aspects of Hermann Hesses novel Der Steppenwolf. The challenge for the translator to consider this “creative context” of an original in the process of translating is the main focus of this paper. This aspect of the translation work is exemplified by the translation of passages of Hesses novel into Kazakh and by comparing them to the Russian translation of Der Steppenwolf by Solomon Apta.

Ключевые слова: контекст; творческий контекст; перевод; художественный перевод; Х.Х. Махмудов; немецкий; казахский; русский; Г. Гессе; Der Steppenwolf.

Keywords: context; creative context; translation; literary translation; H.H. Mahmudov; German; Kazakh; Russian; Hermann Hesse; Der Steppenwolf.

Внимание ученых на сегодняшний день все чаще обращено к вопросам современного би- и полилингвизма, сопоставительно–типологическим аспектам языка, что предопределяет новый взгляд на изучение художественной литературы с фокусом на корректировку определенных концепций языковой науки. Данное сказывается и в переводе, который присутствует во всех сферах нашей повседневной жизни. Перевод смело берется за новое, еще никому неизвестное, он также переводит по-новому классику. Одним словом, оставаясь верным традициям переводческой деятельности, он становится мобильным. Особое внимание уделяется при этом социальным аспектам языка произведения, когда контекстуальные фрагменты языка художественного текста оригинала воплощаются в варианте языка перевода. Процесс перевода литературных наследий одного языка на другой чаще изучается с когнитивных позиций, также одним из

значимых направлений переводческой деятельности является метаязыковая субстанциональность художественного текста.

Творческий контекст по Х. Махмудову

При работе с художественным текстом в своей работе «Русско-казахские лингвистические взаимосвязи» (1989) Х. Махмудов говорит о важности контекста писателя. Под контекстом автора он имеет в виду систему стилем, являющейся «лицом, знаменем, магической тростью и пером поэта» [Махмудов, 1989, с. 161]¹³¹. При этом он различал творческий контекст, художественный творческий контекст и нетворческий контекст. *Творческий контекст* (курсив мой – Р.А.), по Х. Махмудову, «это величина постоянная, она остается неизменной, независимо от темы и проблемы или жанра произведения» [Махмудов, с. 161]¹³².

В свою очередь «художественный творческий контекст (курсив мой – Р.А.) может состоять из очень краткого выражения и более или менее распространенного текста, тирады о чем-либо; это зависит, конечно, от предмета речи, сложности, абстрактности или конкретности затрагиваемой проблемы и жанра литературного произведения. Само собой разумеется, в конечном счете, все зависит от характера таланта того или иного художника» [Махмудов, с. 161]¹³³.

Контекстуальный анализ романа «Der Steppenwolf», позволяет говорить о творческом контексте Г. Гессе. Каким образом он «вводит в светлое сознание читателя» [Махмудов, 1989]¹³⁴ ту или иную речевую единицу, приковывает внимание читателя-слушателя на ней и создает свой особый авторский мир с определенным присущим только для него языком и контекстом. Авторский мир Г. Гессе отличается своеобразным построением предложений, которые зачастую занимают целый абзац; метафорическим описанием героев и событий в романе; трансцендентной передачей атмосферы происходящего в романе; индивидуальностью передачи душевных переживаний героя Гарри.

Стратегия повествования Г. Гессе, по Маурио Понци (Ponzi, 2005), предусматривает совместную работу читателя и модель-читателя. При этом тексты его структурированы не как *лес* (по У. Эко), а больше как *стень* (курсив мой – Р.А.), где «пути интерпретации» намного богаче, чем в «лесу», так как сигналы разветвления (а

¹³¹ Махмудов, 1989

¹³² Махмудов, 1989

¹³³ Махмудов, 1989

¹³⁴ Махмудов, 1989

именно деревья в метафорике леса) вовсе отсутствуют (перевод мой – Р.А.) [Ponzi, 2005, с. 10]¹³⁵.

Читая Г. Гессе, каждый читатель находит свои картины бытия, при этом оставаясь в пространстве повествования автора, в одной связке с его героем и его переживаниями. Язык автора, созданные им языковые картины, а именно, как говорит Х. Махмудов контекст писателя, становятся своего рода мостиком между миром автора, читателя, а также и переводчика.

Учитывая эту особенность, как говорит Х. Махмудов, «переводчик должен, прежде всего, понять и осмыслить общий художественный творческий контекст автора, в котором он не имеет право изменять характеристические элементы, составляющие стилистическое ядро авторского контекста. В то же время контекстуальная периферия может подвергаться изменениям в процессе перевода, за исключением тех элементов, которые органически связаны с центральными стилями и в совокупности составляют стилистическое кольцо, звено, стилистический комплекс этого контекста» [Махмудов, 1989, с. 233–234]¹³⁶.

***Der Steppenwolf* и его перевод на казахский язык**

Работа над произведением Г. Гессе «*Der Steppenwolf*» была проведена поэтапно: изначально это был когнитивно-семантический анализ текста всего произведения, где под фокусом моего внимания находились такие языковые единицы как метафора, языковая метафора, авторская метафора. Дальнейший детальный анализ перевода произведения с немецкого на русский язык, выполненного С. Апта, привел меня к самостоятельному переводу на казахский язык. На нынешнем этапе это работа над отдельными фрагментами текста романа с присутствием лексики из животного и растительного миров.

Всем известно, что перевод иноязычного текста необходимо стараться выполнить так, как если бы он был написан на ПЯ. При разноструктурности языков, в моем случае, казахский, немецкий и русский, а также учитывая особенность языка Г. Гессе, достичь возможной оригинальности перевода помогают дословный и контекстуальные методы перевода. Однако вывести отсюда какое-либо определенное правило перевода невозможно, так как каждое вновь употребленное слово приобретает в контексте особую значимость, поэтому перевод должен осуществляться в соответствии с общим контекстом.

У Г. Гессе символичным на протяжении всего текста романа является лексема *der Steppenwolf* (курсив мой – Р.А.). По утверждению Анни Карлсон (Carlsson, 1972) *der Steppenwolf* (курсив мой – Р.А.) у Г. Гессе это комплексный символ, который чувственно

¹³⁵ Ponzi, 2005

¹³⁶ Махмудов, 1989

выбрал в духовный мир интеллектуала также и атмосферу «степи» (перевод мой – Р.А.) [Carlsson, 1972, с. 417]¹³⁷.

Перевод символа *der Steppenwolf* (курсив мой – Р.А.) на русский и казахский языки требует в каждом отрезке текста романа особого внимания: Анализируя перевод романа на русский язык, я опираюсь на работу известного российского переводчика, обладателя премии имени Германа Гессе Соломона Апта. В своей работе над *Степным волком* он часто прибегает к дословному приему перевода. Следует отметить, что данная дословность сохраняет приближенность к контексту центральных и периферийных символов, что делает перевод успешным. Разберем следующий пример:

Ich sah diesen Kerl, dieses Vieh von Steppenwolf (подчеркнуто мной – Р.А.) vor mir wie eine Fliege im Netz,... [Hesse, 1999, с. 137]¹³⁸.

Я видел этого малого, эту скотину Степного волка (подчеркнуто мной – Р.А.) мухой в паутине,... [Гессе, 2005, с. 135]¹³⁹.

Мен бұл бозбаланы, бұл хайуан дала бөрісің (подчеркнуто мной – Р.А.) менің көз алдымда өрмекшінің торына түскен шыбындай көрдім.... (перевод мой – Р.А.).

Здесь для слова *der Steppenwolf* (курсив мой – Р.А.) в русском языке возможен один вариант перевода, такой как *степной волк* (курсив мой – Р.А.). Какие-либо другие варианты перевода здесь просто не мыслимы. Переводчик мог выбрать и слово *койот* (курсив мой – Р.А.), что, однако, не соответствовало бы контекстуально и семантически символу *der Steppenwolf* (курсив мой – Р.А.) Г. Гессе.

Таким образом, немецкий *der Steppenwolf*: *die Steppe* = *степь* + *der Wolf* = *волк* – это русский *Степной волк* (курсив мой – Р.А.).

Что касается же казахского варианта перевода, то здесь ситуация обстоит иначе. Для немецкого *der Steppenwolf* (курсив мой – Р.А.) в казахском языке мы встречаем множество вариантов перевода. Переведем отдельно каждую часть сложного существительного *der Steppenwolf* (курсив мой – Р.А.):

Die Steppe – *степь*(русский) – *дала, сайын дала, түз* (казахский) (курсив мой – Р.А.).

Der Wolf – *волк* (русский) – *қасқыр, бөрі, тағы, көкжал, арлан, бері, көксерек* (казахский) (курсив мой – Р.А.).

Из приведенных вариантов *қасқыр, бөрі, тағы* (как дикарь, однако применимо к обозначению волка), *көкжал, арлан, бері, көксерек* (авторская лексема из произведения

¹³⁷ Carlsson, 1972

¹³⁸ Hesse, 1999

¹³⁹ Гессе, 2005

М.Ауэзова *Көксерек – Серый лютый*) (курсив мой – Р.А.) более подходящим на мой взгляд является для перевода лексемы *der Wolf* – *бәрі* и *қасқыр* (курсив мой – Р.А.), так как именно данные лексемы передают значение того именно (степного) волка Гессе: одино блуждающего по миру отчужденного человекозверя ищущего бессмертных и Моцарта. В нашем случае мы имеем дело однако со *степным волком*, таким образом вариант *бәрі* является более подходящим.

Для лексемы *die Steppe* (курсив мой – Р.А.) в казахском языке есть варианты, как *дала*, *түз*, *сайын дала* (курсив мой – Р.А.). Исходя из авторско-идейного значения, из контекстуально-семантического наполнения произведения на мой взгляд при переводе символа *der Steppenwolf* (курсив мой – Р.А.) на казахский язык подошло бы слово *жабайы* (курсив мой – Р.А.), в значении как *одинокий*, *дикий* (курсив мой – Р.А.). Ведь именно такого степного волка имеет в виду автор, одинокого и диковатого в своем как человеческом так и животном облики. Однако данный вариант передавая значение одиночества и дикости героя теряет значение степи. Это уже укажет на ущербность в семантике символа Г. Гессе. Дав же сноской краткое объяснения выбора данного варианта перевода мы также не лишим читателя от чувства неполноценности перевода.

Варианты перевода как *түз қасқыры*, *түз бәрісі* (курсив мой – Р.А.) являясь дословными не раскрывают нам всей палитры значения, являясь по свему семантическому наполнению отдаленными от стилистического ядра символа.

Таким образом, в своем переводе я использую вариант перевода как *der Steppenwolf: die Steppe = дала + der Wolf = бәрі* – это казахский *Дала бәрісі* (курсив мой – Р.А.).

Многие понятия, предметы, наименования Г. Гессе невозможно объяснить, передать при помощи только одного слова казахского и русского языков, не всегда можно найти адекват. По этому поводу Г. Бельгер пишет следующее: «Поистине слово одного языка не покрывает слова другого. Ни в русском, ни в немецком языках не подберешь для всех этих названий адекватата. Приходится прибегнуть к описательному, разъяснительному переводу. И это открытие поражает «. И этот описательный, разъяснительный способ представления образа, когда используется не одно слово – однословная номинация, а два–три–пять слов или большая группа слов называется когноминация [Амалбекова, 2007]¹⁴⁰.

В переводе *der Steppenwolf* (курсив мой – Р.А.) с немецкого языка на русский мы встречаем как однословную номинацию, так и когноминацию. Таким образом, С. Апта в своей работе сумел мастерски передать основную идею Г. Гессе на русский язык. С казахским языком происходят иные трансформации, так как в казахской культуре слово

¹⁴⁰ Амалбекова, 2007

имеет не только свой этимологический окрас, который на протяжении долгого времени сопровождает его, оно имеет также и обрядово–бытовой, культурно–социальный фон, не учитывая которого достичь адекватного перевода сложно. Тем более если речь идет о переводе литературного текста, который содержит в каждом своем слове не только его словарное значение, но и индивидуально–авторское, находящееся под воздействием различных знаний мира (которыми обладал Г. Гессе и тем самым пронизан его роман).

В следующем примере автор, говоря о герое романа, называет его также *der Wolfmensch* (курсив мой – Р.А.) [Hesse, 1999, с 75]¹⁴¹. Данная лексема–символ, также как и *der Steppenwolf* (курсив мой – Р.А.), вбирает в себя описание героя находящегося между двумя мирами, – животного и человека. На русский язык С. Апта перевел также сложным существительным как *Человековолк* (курсив мой – Р.А.) [Гессе, 2005, с. 75]¹⁴². При этом гласная «о» в русском варианте передает то самое значение, что подразумевает автор. «О» – это круг, который говорит о смене одного образа другим. На казахский язык этого можно было достичь с помощью дефиса: Адам–қасқыр. В данном случае на казахский язык использована лексема *қасқыр*, а не *бөрі*, так как мы говорим о волке как хищном животном, т.е. о герое Гарри, которые пребывает в своем животном начале.

Der Wolfmensch [Hesse, 1999, с. 75]¹⁴³.

Человековолк [Гессе, 2005, с. 75]¹⁴⁴.

Адам–қасқыр (перевод мой – Р.А.).

Мастерски использованное слово автора, его творческий контекст в состоянии создать не только неповторимый художественный мир, присущий только для данного писателя, но одновременно создать сложности переводчику. В такие моменты переводчик говорит о возможности или вернее умения переводить непере译имое. Разберем следующий пример:

Jetzt hatten Hermine und Maria mir diesen Garten (подчеркнуто мной – Р.А.) in seiner Unschuld gezeigt, dankbar war ich sein Gast gewesen – aber es wurde bald Zeit für mich, weiterzugehen, es war zu hübsch und warm in diesem Garten (подчеркнуто мной – Р.А.) [Hesse, 1999, с. 202–203]¹⁴⁵.

¹⁴¹ Hesse, 1999

¹⁴² Гессе, 2005

¹⁴³ Hesse, 1999

¹⁴⁴ Гессе, 2005

¹⁴⁵ Hesse, 1999

Теперь Гермина и Мария показали мне этот Эдем (подчеркнуто мной – Р.А.) в его невинности, я благодарно погостил в нем – но мне приспела пора идти дальше, слишком красиво и тепло было в этом Эдеме (подчеркнуто мной – Р.А.) [Гессе, 2005, с. 202]¹⁴⁶.

Енді Гермина мен Мария маған бұл жер жаннатты (подчеркнуто мной – Р.А.) оның пәктігінде көрсетті, асқан ризашылықпен мен онда қонақ болдым – бірақ та менің ары қарай жүретін уақытым келді, тым жарқын әрі жайма шуақ болды бұл жер жаннатта (подчеркнуто мной – Р.А.) (перевод мой – Р.А.).

В данном примере под лексемой *der Garten* (курсив мой – Р.А.) Г. Гессе подразумевает красоту и гармоничность близких отношений с сопровождающими его дамами, которые дают ему возможность оторваться от суровой правды мира, от мещанского мира и вкушать радость общения. *Der Garten* (курсив мой – Р.А.) – это сад наслаждений, райский сад, который С. Апта перевел лексемой символом *Эдем* (курсив мой – Р.А.). В казахском языке мы встречаем следующие варианты прямого перевода лексемы *der Garten* – *бақ, бақша, бау, бау бақша, гүлстан* (курсив мой – Р.А.), которые не передают нам семантики райского сада Г. Гессе. Художественный перевод предлагает нам следующие варианты: *жер жаннаты; жер жұмағы; жер жұмағы Эдем* (курсив мой – Р.А.). Подходящим в казахском языке, на мой взгляд, является лексема *жер жаннаты*. Таким образом: *Der Garten* (курсив мой – Р.А.) [Hesse, 1999, с. 202–203]¹⁴⁷ – *Эдем* (курсив мой – Р.А.) [Гессе, 2005, с. 202]¹⁴⁸ – *жер жаннаты* (курсив мой – Р.А.) (перевод мой – Р.А.).

В заключение, исходя из самостоятельной практики перевода, хотелось бы поделиться опытом работы:

Для адекватной передачи тех или иных значений исходного текста начинающему переводчику необходимо иметь литературные способности, с которыми он сможет, для начала, понять суть и строение художественного текста, соприкоснуться со словом и увидеть контекст писателя.

У переводчика должно присутствовать представление о «социальной наполненности» языка переводимого произведения (здесь я подразумеваю, язык автора оригинала, язык оригинала произведения, язык времени и «места» написания произведения и т.д.).

¹⁴⁶ Гессе, 2005

¹⁴⁷ Hesse, 1999

¹⁴⁸ Гессе, 2005

Немаловажным фактором в переводческой деятельности является «грамотное» знание родного языка. Ведь родной язык – это также система знаков и кодов, которые порой требуют особого/дополнительного изучения/повторения.

Умение уважать свой труд.

Список литературы:

Амалбекова М.Б. Когноминация в произведениях публицистов–билингвов // Материалы международного Конгресса, посвященного Году русского языка / Ответ.ред. Н.Ж. Шаймерденова. Астана, 2007. С. 341–350.

Гессе, Герман. Степной волк: Роман / Пер. с нем. С. Апта. СПб.: Азбука-классика, 2005. 288 с.

Махмудов, Х.Х. Русско-казахские лингвистические взаимосвязи. Алма-Ата: Наука, 1989. 288 с.

Carlsson, Anni. Zur Geschichte des Steppenwolfsymbols. In: Materialien zu Hermann Hesses „Der Steppenwolf“. Hg.von Volker Michels. Suhrkamp Taschenbuch 53 Frankfurt am Main 1972. 417 S.

Eco, Umberto. Im Wald der Fiktionen. Sechs Streifzüge durch die Literatur, München 1996, S.15

Hesse, Hermann. Der Steppenwolf. Frankfurt am Main: Suhrkamp Taschenbuch Verlag, 1999. 278 S.

Ponzi, Mauro. Der Wald und die Steppe. In: Hermann–Hesse–Jahrbuch. Band 2. Hg.von Mauro Ponzi im Auftrag der Internationalen Hermann–Hesse–Gesellschaft. Max Niemeyer Verlag Tübingen 2005. S.1–19.

**ВИДЕОПОЭЗИЯ КАК ИЛЛЮСТРАЦИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ: ОТ ТЕКСТА К
ФИЛЬМУ (НА ПРИМЕРЕ РАБОТЫ Н. АЛФУТОВОЙ «ГАГАРИН»)**

**VIDEO POETRY AS AN ILLUSTRATION AND INTERPRETATION: FROM TEXT TO
MOVIES (BASED ON N. ALFUTOVA «GAGARIN»)**

Видеопэзия – это новый синтетический жанр, включающий в себя текст стихотворения и аудиовизуальный компонент. Вокруг данного явления среди исследователей ведутся дискуссии по поводу «литературности» видеопэзии, предпринимаются попытки определения нового жанра, создания единой классификации, поиска метода анализа. В настоящей статье видеопэзия рассматривается как способ интерпретации и иллюстрации текста, поскольку при визуализации меняется контекст произведения, появляется новое поле смысловых значений, а порой искажаются первоначальные смыслы. На примере одного произведения в данном жанре показаны метаморфозы и различия между текстом как таковым и текстом в сочетании с аудиовизуальным компонентом. Анализ осуществляется в два этапа: литературоведческий анализ текста и попытка осмысления его результатов на видеоматериале. Существенное расхождение в значениях и контекстах дает основу для дальнейших размышлений в определении и разбиении синтетического жанра на его составляющие.

Video poetry is a new synthetic genre including the text of the poem and audio-visual component. There are discussions around this phenomenon among researchers about the «literary» of video poetry, attempts to define a new genre, to work out a unified classification, to search method of analysis. In this article, video poetry is considered as a way to interpret and illustrate the text, because after visualization the context of the work changes, a new field of meanings occurs and sometimes it distorts the original meaning. One work of this genre as an example shows the metamorphosis and the differences between the real text and the text in conjunction with the audio-visual component. The analysis is carried through two parts: the literary text analysis and attempt to interpret the results in the video footage. A significant difference in meaning and context provides a basis for further reflection about the definition and decomposition of synthetic genre on its components.

Ключевые слова: видеопэзия, аудиовизуальный компонент, визуальный ряд, синтетический жанр, иллюстрация, интерпретация.

Keywords: video poetry, audiovisual components, visual imagery, synthetic genre, illustration, interpretation.

В связи с развитием мультимедийных технологий, общедоступностью интернета и различного рода фото- и видеозаписывающих устройств любой вид искусства начинает все сильнее стремиться к визуализации. Текст нуждается в образе, а образ в тексте – этот процесс не обошел стороной и поэзию. В 1980-ых годах итальянский художник Джани Тотти объединил в едином произведении элементы фильма и поэтический текст и ввел

термин videopoetry¹⁴⁹. Так возник новый синтетический жанр, представляющий собой сплав из текста стихотворения, звука (чаще всего это голос и музыкальный фон) и видео (где может быть сам автор, актеры, анимация и др.).

Видеопоззия подвергается сомнению и обсуждается до сих пор. Нет единой классификации в этой области, проблемой является разграничение и упорядочивание массы появившихся с тех пор видеоматериалов, существующих на стыке поэзии и киноискусства. В немногочисленных работах на эту тему можно увидеть несколько траекторий: выделение критериев для определения нового жанра, поиск метода анализа подобных явлений, дискуссии об их «литературности». Как и для любого современного явления главным барьером в осмыслении жанра является его неоформленность и незакрепленность в культурном контексте.

В России видеопоззия появляется только к середине нулевых и начинает бурно развиваться, порождая целую структуру фестивалей и сайтов. Короткий обзор существующих рефлексий и имен приводят Андрей Родионов и Екатерина Троепольская в статье «Алхимический жанр» («Октябрь» №3, 2012), там же ими предпринята попытка классификации данных произведений. Авторы отмечают статьи Виктора Матизена, Данилы Давыдова, Дмитрия Голышко-Вольфсона, литературно-критический альманах «Транслит»¹⁵⁰. Видеопоззию упоминает Е. Степанов («Дети Ра», 2011, №6) при анализе новых жанров современной русской поэзии, он ставит ее в один ряд с такими явлениями, как лингвогобелены, листовертни, танкетки, цифровая поэзия¹⁵¹. Обсуждения ведутся также на просторах интернета: на сайте «Сине Фантом»¹⁵² и тематических сайтах¹⁵³. На одном из таких порталов предлагается следующее определение видеопоззии (авторства Марины и Вячеслав Вдовиковых): «Видеопоззия – вид искусства, в котором органично сочетаются художественный визуальный ряд и поэтический текст, явный или вырожденный, представленный графически или декламирующийся»¹⁵⁴. Там же представлена классификация, где видеопоззия делится на документальную, текстографическую, иллюстративную, концептуальную и т. д.¹⁵⁵.

Однако целью настоящей статьи является не выделение общих правил, а поиск аналитических инструментов для конкретного произведения. Нас будет интересовать

¹⁴⁹ Троепольская Е., Родионов А. Алхимический жанр / Октябрь. 2012, №3

¹⁵⁰ Там же.

¹⁵¹ Степанов Е. Новые жанры современной русской поэзии: видеопоззия, лингвогобелены, листовертни, танкетки, цифровая поэзия / Дети Ра. 2001, №12(86)

¹⁵² Новостной портал Сине Фантом [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://cnftm.ru/>

¹⁵³ Тематические сайты: Видеопоззия [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://videopojezija.ru/>; Гвидеон [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://gvideon.com/poetry.html>; Портал Видеопоззия.RU [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.videopojeziya.ru/>

¹⁵⁴ Видеопоззия [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://videopojezija.ru/>

¹⁵⁵ Видеопоззия [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://videopojezija.ru/klassifikacija>

видеопоззия как способ интерпретации и иллюстрирования текста, поскольку при визуализации меняется контекст произведения, появляется новое поле смысловых значений, а порой искажаются первоначальные смыслы. Мы попробуем показать эти процессы на примере короткометражного фильма Натальи Алфутовой на стихотворение поэтессы Ирины Кабыш «Гагарин»¹⁵⁶.

В любом произведении в жанре видеопоззии можно выделить два компонента: текстовый и аудиовизуальный. «Литературность» произведения может иметь место лишь в том случае, если первичным компонентом является текст, который служит отправным пунктом, ключом к пониманию происходящего. Таким образом, анализ произведения можно разделить на два этапа: литературоведческий, то есть анализ непосредственно текста, и анализ аудиовизуального компонента.

Текст как смыслообразующее ядро

Стихотворение «Гагарин» было написано Ириной Кабыш в 1998 году. Лишенный на первый взгляд языковых изысков, он содержит немало аллюзий и гармонично вписывается в общекультурный контекст:

Юрий Гагарин был великий русский поэт:

Россия выпихнула его из себя в небо,

как в ссылку,

как на Кавказ,

и он сел в карету, то есть в ракету, –

ибо путь ракет – поэтов путь, –

сказал: «Поехали!..» –

и улыбнулся своей гагаринской улыбкой.

И в этой улыбке была вся Земля,

все лучшее, что на ней есть,

«Земля в сиянье голубом»,

весть –

небу от человечества, –

потому что поэт – тот, кто говорит с небом,

словно языковой барьер, преодолевая

земное

притяжение.

¹⁵⁶ Гагарин. Видеопоззия. Наталья Алфутова / Youtube [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=j-JAB9zLciM>

В тексте знаменитый Юрий Гагарин, первый человек в космосе, назван «великим русским поэтом», а между судьбой поэта и судьбой космонавта ставится знак равенства. В русской культуре поэт всегда был значимой фигурой: поэзия была реакцией на важные события, на общественно-политические изменения, поэтов всегда внимательно читали и слушали. В русском сознании поэты – это герои, которые противостоят системе, смело говорят о запрещенном и платят за это немалую цену (отправленные в ссылку Пушкин, Лермонтов, изгнанный из страны Бродский, расстрелянный Гумилев, преследуемый властями Мандельштам, и т.д.). Фигура поэта в российской действительности исторически связана с такими чертами как смелость, отвага, исключительность. Поэт пишет стихотворение и этим совершает шаг в неизвестность – он может либо умереть, либо обрести бессмертную славу. Это же самое, только уже без всяких метафор, сделал Гагарин. Он совершил нечто, что изменило мир, отношение к России, его поступок повлиял на многие события в обществе и в культуре. Он был человеком, вокруг которого появилось множество мифов, из имени которого возник культ.

Мифологизация смерти, смерть в молодом возрасте, смерть при невыясненных обстоятельствах – все это часто присутствует в драматическом архетипе «судьбы поэта» (Есенин, Маяковский, Цветаева и т.д.). В стихотворении мы видим следующие строчки: «Россия выпихнула его из себя в небо, как в ссылку, как на Кавказ» – прямое указание на факт биографии конкретного поэта: сосланного на Кавказ Михаила Лермонтова. Далее в тексте появляется цитата: «Земля в сиянье голубом» из стихотворения Лермонтова «Выхожу один я на дорогу».

Игра слов «карета» – «ракета» перебрасывает нас от времени великих русских поэтов (XIX – нач. XX века) во времена покорения космоса. Жизнь поэта сравнивается с траекторией ракеты, которая отрывается от земли и летит в космос – ракета покоряет высоты, о которых обыкновенный человек не смеет и мечтать. В тексте стихотворения автор вспоминает знаменитые слова Гагарина перед стартом: «Поехали!» и его легендарную «космическую» улыбку, которая также сильно повлияла на создание советского мифа идеального героя – человека, который с улыбкой идет в пропасть, зная, что может не вернуться, однако он делает это для блага отчизны. Говоря словами стихотворения, в его улыбке была «вся Земля, все лучшее, что на ней есть»: Гагарин стал образцом для молодого поколения, и, что интересно, не только в Советском союзе – подвиг космонавта возымел общечеловеческое, мировое значение.

По мнению автора, Гагарин принес «весть небу от человечества», был тем посредником, медиумом между двумя мирами: земным и космическим. «Потому что поэт

– тот, кто говорит с небом, словно языковой барьер, преодолевая земное притяжение» – в финале мы имеем дело с сутью метафоры, с кульминацией всего текста: поэзия здесь понимается как диалог с небом (то есть – с Богом, со Вселенной). Поэт преодолевает языковой барьер: язык – это земной инструмент, он не может в полной мере передать высших космических смыслов. Языковой барьер для поэта – как земное притяжение для космонавта, притяжение – это тоже земной элемент, его нет в космосе. Поэт Гагарин велик потому, что пересек границы собственного мира, коснулся высших сфер и вместе с этим смог хотя бы частично передать этот опыт людям, вдохновить их, приблизить их к небу, к экзистенциальным тайнам.

Аудиовизуальные средства: новые значения и контексты

При помощи аудиовизуального иллюстрирования текст приобретает дополнительные значения: основная мысль текста видоизменяется (иногда расширяя, иногда сужая свое значение), появляются герои, диалоги, категории пространства и времени и ситуация озвучивания текста. Мы имеем дело уже не с первичным текстом, но с интерпретацией и преломлением его сквозь иную призму.

Видеоролик Натальи Алфутовой начинается с короткого пролога: ночью три персонажа футуристического вида (странно одетые, с неестественными движениями) приклеивают на автобусной остановке рекламную брошюру (которой мы не видим), выбрасывают в урну пустые бутылки и сигареты и уезжают на мотоциклах. Только после этого на экране появляется название («Гагарин») и начинается первая сцена, где в центре внимания оказывается та же самая остановка, а точнее – та самая урна с мусором. Мы видим двух бездомных – мужчину и женщину; мужчины достает из урны бутылки, чтобы потом обменять их на мелочь. Внезапно он что-то находит в урне, оборачивается и видит, как ветер вместе с листьями несет серебряных бабочек из фольги. Мужчина показывает женщине свою находку – упаковку от сим-карты оператора МТС, на которой мы видим название тарифа («Первый») и использованный в рекламных целях портрет Гагарина (здесь наблюдается игра значениями: первый человек в космосе и первый по популярности мобильный тариф). Предмет дает толчок к размышлениям – и герой начинает говорить, однако его реплики опережает непонятно откуда звучащий шепот, который словно диктует текст персонажу. «Юрий Гагарин был великий русский поэт» – говорит герой и с видимой злостью выбрасывает упаковку обратно в урну.

На словах «и он сел в карету» вступает в разговор героиня, поправляя: «то есть в ракету». Стихотворный текст здесь обыгрывается как диалог. Во второй сцене герои стоят на мосту и смотрят на огни ночного города, рядом с ними на полной скорости проносятся автомобили. В их диалог вплетаются последующие строчки стихотворения (как и раньше

диктуемые мистическим шепотом). Героиня поднимает и раскрывает ладонь – во все стороны разлетаются серебряные бабочки. Слова «словно языковой барьер, преодолевая земное притяжение» герои уже не произносят, их проговаривает только таинственный голос за кадром. В этот же самый момент героиня замечает развешенные на улицах рекламные щиты от МТС с портретом Гагарина. На этом слова кончаются, но музыка продолжает играть.

За этим следует сцена, где на первом плане находятся вход в супермаркет и автоматические двери, которое то закрываются, то открываются. Мы снова видим футуристические фигуры с пролога, которые совершают уже знакомые нам действия: приклеивают листок бумаги на стекло. Их появление сопровождается музыкой, которая накладывается на предыдущую лирическую тему. В следующей сцене показан этот же самый вход в магазин, где за стеклом стоит героиня с кошкой в руках. Она выпускает кота и в отражении мы видим улыбающееся лицо героя и приклеенный к стеклу листок – это оказывается не реклама, а детский рисунок: космос, планета Земля, маленький человечек на ней и слово «всё». Сцена длится еще несколько секунд: героиня надевает старый, разорванный плащ и входит в магазин.

Благодаря аудиовизуальному компоненту текст стихотворения помещается в конкретное измерение, насыщается современными реалиями и приобретает социальный контекст. Слова вложены в уста бездомных, представителей маргинального слоя, людей, которые далеко отстоят от высокой поэзии и какой-либо культуры. Сама представленная здесь ситуация выглядит весьма абсурдно: бездомные говорят о Гагарине и поэтах, копясь в мусоре, в процессе ежедневной борьбы за выживание. Зритель видит на экране нищету, их грязные лица и поношенную одежду, но в то же время не чувствует никакого отвращения. Наоборот – он начинает верить в то, что они говорят.

Момент, в котором начинается чтение стихотворения, – это обнаружение портрета Гагарина в обстоятельствах, где сложно говорить о нем, как о великом человеке – во-первых, его изображение используется в качестве рекламы, что само по себе унижительно, а во-вторых – оно оказывается в мусоре. Режиссер касается здесь проблем, о которых нет ни слова в исходном тексте: использование культовых персон прошлого в маркетинговых целях для создания позитивных ассоциаций с продуктом, с которым сама персона ничего общего не имеет.

Гагарин – это не звезда с ковровых дорожек, а потому не нужно никому платить за использование его фотографий. Он является в данном контексте культурным кодом, мифологизированным персонажем, ассоциируемый как *первый, лучший, идеальный, тот, кому можно доверять*. При помощи рекламы фирма наделяет этими чертами свой

продукт, хотя логически ясно, что данный оператор вовсе не «первый». После того как Гагарин выполнил свою функцию, он попадает в урну – он больше ничего не стоит, он становится никому не нужен. В мире потребителей и продаж границы морали стираются, а любую ценность можно подвергнуть переоценке.

Благодаря рекламе в урне может оказаться практически кто угодно. Это касается также поэтов, поскольку часто известные публике имена используются как марка, знак качества – на их творчестве зарабатывают издательства, а так называемые «вечера памяти» становятся пространством для продажи и продвижения самых различных товаров и лиц. В последнее время в России стали популярными сериалы и фильмы о поэтах (например, известный сериал «Есенин» с Сергеем Безруковым в главной роли), однако эти фильмы создаются для масс, упрощая и утрируя многие моменты – они показывают не поэта, а душевнобольного человека с множеством личных проблем. Чем больше трагедий было в жизни поэта, тем лучше он будет «продаваться».

Перенесение в массовую культуру того, что раньше пребывало в так называемой культуре «высокой», изменение контекстов при помощи рыночных и рекламных механизмов – это процессы, которые без сомнения требуют рефлексии и анализа. Режиссер затрагивает проблему сохранения культурного наследия и его ценности для современного общества, и Гагарин в рекламе МТС – очень прозрачная и читаемая иллюстрация. Сам стихотворный текст, на основе которого создается видеоролик, не дает нам возможности такой рефлексии, однако несет в себе потенциальный заряд для раскрытия темы (линия: Гагарин – поэт – человечество).

Рефлексирующим субъектом в фильме выступает главный герой, который усматривает в «унижении» народного героя страшную несправедливость. Он знает, что общество не замечает и не чувствует этого, точно также как оно смирилось с существованием маргинального слоя. Злость из-за предательства по отношению к Гагарину – это злость из-за своей собственной судьбы – за то, что он, который все понимает, вынужден копаться в мусоре, чтобы выжить. Режиссер показывает нам, что и в самом низу социальной лестницы есть место рефлексии, чести, поэзии, любви.

Однако слова, которые произносят герои – вовсе не их собственные, они диктуются им свыше, возможно, с неба. Это тот самый «голос с небес», который также может быть внутренним голосом, подсказывающим верные слова. Здесь находит свое отражение важная для текста стихотворения тема посредничества между космосом и человечеством. Космонавт говорит с небом, физически находясь в нем, поэт – делает это в метафорическом смысле. Главные герои также являются посредниками – небо диктует им,

что они должны сказать человечеству. И они говорят – словами, собственным обликом и жизнью – о несправедливости и абсурдности происходящего.

Видеоролик наполнен символикой – символичны, например, бабочки и ленты из фольги, которые вызывают различные ассоциации: с одной стороны, это блестящий материал, напоминающий нам о космосе, бабочка может символизировать надежду, легкость, а серпантин – праздник; с другой стороны, фольга – это упаковочный материал (реклама с Гагариным также появляется на упаковке), который после выбрасывается за ненужностью, а бабочки в этом контексте могут значить однодневность, преходящесть, непрочность жизни.

В тексте стихотворения нет выраженного субъекта, в то время как в фильме мы видим два субъектных измерения: в первом текст принадлежит «небу» (голос за кадром), во втором он является диалогом двух героев – людей, которые размышляют о прошлом и настоящем стихотворными строчками.

Важным здесь становится сравнительный аспект: то, как было в прошлом и как есть сейчас. Текст Ирины Кабыш по эмоциональному наполнению можно отнести к «гордому» прошлому («великий русский поэт», «космическая улыбка», «все лучшее, что на ней есть»); в тексте Гагарин – это покоритель космоса, великий человек, которого субъект одаривает симпатией и огромным уважением. И потому мрачная современность, в которой происходит действие фильма, вступает с содержанием текста в диссонанс и порождает иронию. «Великий русский поэт», которого достает герой из урны – служит прекрасной иллюстрацией того, какие перемены произошли в стране и мире. Во времена Гагарина люди верили в лучший мир, его полет был огромным достижением во всем мире, с ним были связаны большие надежды. И хоть с тех пор прошло уже немало лет, но все еще есть люди, которые сдают бутылки за гроши.

Странные персонажи, которые появляются в начале и в конце ролика вводят третье измерение – некую неизвестную икс. Зритель не знает, кто они, какие преследуют цели. Он не видит даже их глаз, скрытых за темными очками. Их можно рассматривать как символ неопределенного, туманного будущего, в котором может произойти все, что угодно.

Проблема разграничения: текст или фильм?

Возвращаясь к проблеме жанра, отметим, что при анализе данного произведения мы опирались на первичность текста, определяя его как смыслообразующее ядро. Однако видеопозия – это синтетический жанр, в котором текст и аудиовизуальный компонент могут быть представлены в различных пропорциях, и порой очень сложно говорить о работе режиссера как только лишь об иллюстрации или интерпретации данного текста,

часто мы имеем перед собой совершенно особый, самостоятельный конструкт, в котором текст может играть второстепенную роль или быть чисто ассоциативным.

В нашем случае не вызывает сомнения то, что ролик базируется на основе стихотворного текста, однако в ходе работы режиссера текст приобретает совершенно иные, не свойственные ему прежде значения, оказывается вписан в социальную тематику и современные реалии, меняются субъекты текста (с монолога на диалог, с безличного лирического героя на конкретных персонажей). Изменяется также интонация: с восторженно-патетической на иронически-горькую. Вследствие этих метаморфоз неизбежно возникает вопрос о месте текста в подобном синтезе: действительно ли ролик служит иллюстративным материалом и углублением заявленной в тексте темы, или же текст используется для осуществления конкретных художественных задач, которые ставит перед собой режиссер? Насколько правомерно называть подобные эксперименты поэзией? Среди исследователей пока что нет единого мнения на этот счет. Однако огромное количество эмпирического материала и популярность видеопэзии в современном мультимедийном пространстве требуют создания общей теории и дискурса для анализа подобных форм. В настоящей статье мы попытались на примере одного текста показать метаморфозы, которые он переживает, соединяясь с аудиовизуальным компонентом, и наметить пути анализа и осмысления видеопэзии как таковой.

Список литературы:

- Кукулин И.* «Создать человека, пока ты не человек...» / Новый мир. 2010, №1 / Журнальный зал [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2010/1/ku11.html
- Степанов Е.* Новые жанры современной русской поэзии: видеопэзия, лингвобелены, листовертни, танкетки, цифровая поэзия / Дети Ра. 2001, №12(86) / Журнальный зал [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/ra/2011/12/s35.html>
- Троепольская Е., Родионов А.* Алхимический жанр / Октябрь. 2012, №3 / Журнальный зал [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/october/2012/3/tr-pr.html>
- Видеопэзия [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://videopojezija.ru/>
- Гвидеон. Сайт о видеопэзии [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://gvideon.com/poetry.html>
- Портал Видеопэзия.RU [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.videopoeziya.ru/>
- Новостной портал Сине Фантом [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://cnftm.ru/>

**МЕТАФОРИКА СЧАСТЬЯ. СОН СМЕШНОГО ЧЕЛОВЕКА ФЕДОРА
ДОСТОЕВСКОГО В ПЕРЕВОДЕ НА ПОЛЬСКИЙ ЯЗЫК**

**METAPHOR OF HAPPINESS.THE DREAM OF A RIDICULOUS MAN BY FYODOR
DOSTOEVSKY TRANSLATED INTO POLISH**

В настоящей статье рассматривается концептуализация счастья в рассказе Федора Достоевского *Сон смешного человека* и в его польском переводе. Для анализа обоих текстов используются положения когнитивной грамматики Рональда В. Лангакера, прежде всего его теория образности. Среди параметров образности особое внимание обращает на себя перспектива конструирования ситуации в рассказе, а также другой элемент образности – понятийная метафора. В исследовании применяется когнитивный подход к переводу, предложенный Эльжбетой Табаковской. Он заключается в трактовке элементов образности как *tertium comparationis* сравнения исходного и переводного текстов. Единица перевода понимается как отдельный образ, а эквивалентностью считается соответствие образов, выделенных в обоих текстах.

This article discusses the conceptualization of happiness in Fyodor Dostoevsky «s story *The Dream of a Ridiculous Man* and its Polish translation. For the analysis of the two texts, the provisions of cognitive grammar Ronald W. Langacker, especially his theory of imagery. Among the parameters imagery drew particular attention to the prospect of constructing a situation in the story, as well as another element imagery – conceptual metaphor. The study used a cognitive approach to the translation proposed by Elżbieta Tabakowska. It lies in the interpretation of the elements of imagery as a *tertium comparationis* comparing the original and translated texts. Unit transfer is understood as a separate image, and the equivalent is considered appropriate, selected in both texts.

Ключевые слова: когнитивная теория перевода, образность, параметры образности, понятийная метафора.

Keywords: cognitive theory of translation, imagery / construal, dimensions of imagery, conceptual metaphor

*Język to uświadamiane widzenie świata*¹⁵⁷
Witold Doroszewski

Лингвистическая теория перевода использует в изучении переводного текста положения определенной языковедческой парадигмы.

В польской науке о переводе Эльжбета Табаковска, выдающийся лингвист, теоретик и практик перевода, применяет в исследовании особенностей перевода правила когнитивной грамматики Рональда В. Лангакера. Постулаты когнитивной грамматики Р.

¹⁵⁷ *Язык – это осознаваемое видение мира* (перевод мой – Б.Р.)

В. Лангакера касаются проблем интерпретации значений языковых выражений. Язык трактуется как средство познания отраженных в нем результатов восприятия и способов осмысления действительности, а также познания ментального опыта и знания человека о мире. Человеческий опыт является следствием активного взаимодействия людей со средой.

В мышлении познавательная деятельность человека фиксируется при помощи понятий – форм сознания. Они понимаются как определенные результаты обработки и переработки информации, которая поступает к человеку благодаря смысловому познанию им мира. Понятия приравниваются к значениям языковых единиц. Семантические структуры (значения) представляют собой функцию двух элементов: с одной стороны, концептуального содержания, с другой, образа (языковой формы), который накладывается говорящим на содержание [см., например, Langacker, 1995].

Способы употребления человеком языковых конструкций воплощают конвенциональную образность.

Образность. Параметры образности

Одним из основных принципов в теории Р. В. Лангакера является языковая образность и ее параметры (*dimensions of imagery*). Эльжбета Табаковска пишет, что понятие образности есть угольный камень грамматической концепции Лангакера [Tabakowska, 2001, с. 44]. Автор *Основ когнитивной грамматики* [1987, т. I, 1992, т. II] характеризует образность как нашу способность ментального построения воображаемой ситуации альтернативными способами [см. Langacker, 1995, 2005, 2009]. Иными словами, конструирование ситуации понимается как разнородность интерпретаций говорящими одной и той же ситуации и ее отражения при помощи конвенциональных языковых средств. Параметры образности представляют собой элементы воплощения в высказывании того, как говорящий воспринимает и концептуализирует ту или иную ситуацию. Они весьма существенны также с точки зрения изучения перевода. Это *tertium comparationis*, инвариант сравнения подлинного текста и его перевода. Использование их как основы изучения перевода дает возможность определить степень его эквивалентности оригиналу.

Р. В. Лангакер называет и описывает следующие аспекты образности [Langacker, 1988, см. Скребцова, 2011]: 1) уровень обобщенности / конкретности (*level of specificity*), то есть генерализация / конкретизация значения; 2) фоновые допущения и ожидания (*background assumptions and expectations*); 3) вторичная активация (*secondary activation*); 4) масштаб и сфера действия семантики языкового выражения (*scale and scope of predication*); 5) относительная когнитивная выделенность семантических подструктур в

высказывании (*relative salience of substructures*), т.е. профиль / база, траектор / ориентир, фигура / фон; б) перспектива (*perspective*). Этот последний параметр представляют такие компоненты, как точка зрения (*vantage point*), ориентация (*orientation*), направленность (*directionality*), субъективизация (*subjectification*) / объективизация (*objectification*).

Когнитивная перспектива и точка зрения

Среди перечисленных аспектов образности в нашем материале обращает на себя внимание прежде всего перспектива (*perspective*).

Эльжбета Табаковска, которая в своих исследованиях и переводах с английского языка приближает польскому читателю теорию Р. В. Лангакера и когнитивной лингвистики, отмечает, что данный аспект образности есть позиция концептуализатора по отношению к наблюдаемой ситуации. Главный аспект перспективы – это точка зрения (*vantage point*), т.е. «позиция, с которой наблюдается ситуация» [Tabakowska, 2001, с. 62¹⁵⁸. Перевод мой – Б.Р.]. Например, в зависимости от точки зрения говорящего выбирается подходящее выражение типа «право» и «лево», «верх» и «низ», «перед» и «за» и другие. Такой пространственный аспект точки зрения можно определить как прототипический, а всю категорию можно рассматривать как радиальную. Данный аспект является основанием различных семантических расширений точки зрения, например, в доменах времени, знания, идеологии, общественных отношений [см. Wiraszka, 2015].

На примере рассказа Ф. Достоевского можем выделить еще другое расширение пространственного значения точки зрения. Речь идет о точках зрения в домене эмоционального состояния человека. Категория СЧАСТЬЯ концептуализируется автором именно с учетом разных точек зрения. Имеются в виду: точка зрения главного героя – несчастного жителя Земли, безнадежное прозябание которого привело к состоянию полного равнодушия и решению покончить жизнь самоубийством; точка зрения его сожителей, которые смеются над его знанием об истине и не понимают ее, так как не имеют никакого представления о счастье; точка зрения счастливых жителей воображаемой планеты, приснившейся жителю Земли; наконец, точка зрения жителей той же планеты, но уже развращенной жителем Земли.

Понятийные метафоры

Кроме перечисленных параметров образности, к составным элементам конвенциональной образности относятся еще: иконичность, эпистемологическая и аксиологическая оценка, а также понятийные метафоры и метонимии.

Понятийная метафора (*cognitive/conceptual metaphor*) – это одна из форм концептуализации окружающего мира. Основоположники теории понятийной метафоры,

¹⁵⁸ О точке зрения в перспективе когнитивной грамматики см. больше: там же, сс. 106-122; Wiraszka [2015].

Джордж Лакофф и Марк Джонсон, определяют ее как когнитивный процесс, который выражает и формирует новые понятийные категории. Понятийная система человека образуется на эмпирической основе. Когнитивная метафора отвечает способности человека улавливать и создавать сходство между разными предметами. **Сущность метафоры заключается в переосмыслении явлений одного рода в терминах другого рода.** Она определяется как пересечение ряда доменов (понятийных областей) в концептуальной сфере, являясь понятийным отношением типа «домен X понимается как домен У» [см. Lakoff, Johnson, 2011]. Метафора – порождение нашего сознания.

Как известно, Дж. Лакофф и М. Джонсон различают три основных типа метафор, задающие аналогии между разными системами понятий и порождающие частные метафоры. Имеются в виду структурные (*structural*) метафоры типа СПОР – ЭТО ВОЙНА (например *Я никогда не побеждал в спорах с ним*), онтологические (*ontological*) типа РАЗУМ – ЭТО МАШИНА (например, *У меня просто сегодня не работает голова*), ориентационные (*orientational*) метафоры типа РАДОСТЬ – ЭТО ВЕРХ (например *От радости он стал прыгать*) [см. классификацию: Lakoff, Johnson, 2011].

Традиционно выделяются мертвые и авторские (индивидуальные)¹⁵⁹ метафоры.

Первые из них можно определять как основные понятийные метафоры. Они представляют собой результат семантического расширения имеющих в языке конвенциональных значений. Они доступны всем, пользующимся языком. Как составной элемент языковой образности основные понятийные метафоры связаны с понятиями базового (прототипического) уровня категории и с ситуациями, которые воспринимаются говорящими на данном языке как нормальные (*ручка дверей, крыло самолета*). Они не зависят от контекста [Tabakowska, 2001, с. 94].

В свою очередь, новая метафора проявляется в контексте. Она представляет собой творческий способ употребления принятых в языке понятийных категорий. В противоположность мертвой метафоре, она еще не получила в языке общей признательности [Tabakowska, 2001, с. 94. Перевод мой – Б.Р.]. Может остаться только индивидуальной категорией.

Эквивалентность и единица перевода

В любой теории перевода основной проблемой неизменно остается понятие эквивалентности. Согласно когнитивному подходу Эльжбеты Табаковской эквивалентность можно понимать как совпадение параметров и элементов образности переводного текста с исходным текстом. Эквивалентность устанавливается на уровне

¹⁵⁹ На эту тему см., например, Lakoff, Johnson [2011], Прокопьева [2006]. Э. Р. Хамитова [2009] приводит следующую классификацию метафор: *индивидуально-авторские, языковые и концептуальные*.

образности и определяется как совпадение образов (способов конструирования ситуации) [см. Tabakowska, 2001, с. 100].

Э. Табаковска предлагает понимать единицу перевода как соответствующую понятию образа в теории образности Лангакера [см. Tabakowska, 2001, с. 99]. Как результат одного из возможных способов конструирования ситуации такая единица была бы отдельной ситуацией, видимой каким-то одним концептуализатором в какой-то один момент. Целый текст можно бы воспринимать как логическую и когерентную сеть таких ситуаций, а их взаимные отношения устанавливались бы по списку параметров, соответствующих параметрам образности Лангакера [Там же].

В дальнейшем остановимся на проблеме метафоры в польском переводе *Сна смешного человека* Марии Лесневской [1988].

Философскую мысль Федора Достоевского в рассказе представляют прежде всего такие понятийные категории, как СЧАСТЬЕ и ЖИЗНЬ, а также ИСТИНА, ЧЕЛОВЕК, ВЕРА В ДОБРОТУ ЧЕЛОВЕКА. Данные категории концептуализируются Ф. Достоевским при помощи определенных, в основном, структурных и авторских метафор. Отраженный в языке способ мышления великого писателя преимущественно находит выражение в польском переводе. На этой основе можно говорить о высокой степени соответствия текста перевода исходному тексту.

Ф. Достоевский показывает, с одной стороны, отсутствие счастья на Земле и царствующее зло в действительной жизни, с другой стороны, описывает противоположное этому видение рая и состояние высшей удовлетворенности жизнью на отдаленной от Земли планете, приснившейся герою рассказа. Наконец, автор изображает силу зла. Человек разрушает счастье там, где оно есть, так как ему чужды чувства глубокого довольства, радости и любви. Наоборот, ему свойственна склонность ко злу. Поэтому положительные эмоции смешны людям на Земле. Только тот, кто знает истину, кто видел рай, верит, что счастье возможно на Земле.

Выделенные метафоры представляют концептуализацию счастья как ЯРКОГО СВЕТА, ПОБЕДЫ, РАДОСТИ, МУДРОСТИ, СПОКОЯ, ДОБРОЖЕЛАТЕЛЬНОСТИ, ПОМОЩИ, ДОБРОТЫ, НЕЗНАНИЯ ЗЛА, ДЕТСКОЙ ДУШИ, которую каждый человек должен в себе сохранить и др., а также как СНА – не ИСТИНЫ, как никому НЕИЗВЕСТНОГО ПРЕДМЕТА, как МЕЧТЫ и БАСНИ.

Ниже приводим выбранные метафоры СЧАСТЬЯ. В основном – это счастье, концептуализируемое автором с точки зрения обитателей планеты, приснившейся жителю Земли. Остальные отдельные метафоры отражают точку зрения жителей Земли, а также

точку зрения обитателей развращенной планеты¹⁶⁰. Концептуализация СЧАСТЬЯ находит выражение в соответствующих отрывках обоих текстов – исходного и переводного, а образ, изображенный в переводе, отвечает образу в подлиннике.

СЧАСТЛИВАЯ ЖИЗНЬ – ЭТО ПРАЗДНИЧНЫЙ СВЕТ¹⁶¹ И ПОБЕДА
(приснившаяся планета)

(Р) О, все было точно так же, как у нас, но, казалось, *всюду сияло каким-то праздником и великим, святым и достигнутым наконец торжеством.*

(П) О, wszystko było zupełnie takie samo jak u nas, ale, rzekłbyś, *wszędzie lśnił jakiś odświętny blask, jakiś wielki, święty i osiągnięty nareszcie triumf* (137)

СЧАСТЬЕ – ЭТО ЯРКИЙ СВЕТ, РАДОСТЬ, МУДРОСТЬ, СПОКОЙ; ОБРАЗ СЧАСТЬЯ – ЭТО ГЛАЗА, ЛИЦА, ГОЛОСА (приснившаяся планета)

(Р) *Глаза этих счастливых людей сверкали ясным блеском. Лица их сияли разумом и каким-то восполнившимся уже до спокойствия сознанием, но лица эти были веселы; в словах и голосах этих людей звучала детская радость.*

(П) *Oczy tych szczęśliwych ludzi lśniły pogodnym blaskiem, twarze jaśniały mądrością i pełnią spokojnej świadomości, ale twarze te były wesole; w słowach i głosach tych ludzi dźwięczała dziecinna radość* (138)

РАЙ – ЭТО РАДОСТЬ ЛЮДЕЙ, ДОБРОЖЕЛАТЕЛЬНОСТЬ, СПОКОЙ, ПОМОЩЬ
(приснившаяся планета)

(Р) *Эти люди, радостно смеясь, теснились ко мне и ласкали меня; они увели меня к себе, и всякому из них хотелось успокоить меня.*

(П) *Ci ludzie, radośnie się śmiejąc, otoczyli mnie ciasnym kręgiem i okazali mi swoją życzliwość, zabrali mnie do siebie i każdy z nich chciał mnie uspokoić* (138)

СЧАСТЬЕ – ЭТО ДОБРОТА (приснившаяся планета)

(Р) *Порою я спрашивал себя в удивлении: как могли они, все время, не оскорбить такого как я и ни разу не возбудить в таком как я чувство ревности и зависти?*

(П) *Niekiedy pytałem sam siebie w zdumieniu: jak to możliwe, że przez cały czas nie obrazili kogoś takiego jak ja, ani razu nie wzbudzili w kimś takim uczucia zazdrości czy zawiści?* (139)

БЫТЬ СЧАСТЛИВЫМ – ЭТО НЕ ЗНАТЬ ЗЛА (приснившаяся планета)

(Р) *Между ними не было ссор и не было ревности, и они не понимали даже, что это значит.*

¹⁶⁰ Рядом с выделенной метафорой мы отмечаем в скобках источник концептуализации СЧАСТЬЯ.

¹⁶¹ О. Г. Скворцов [2009, 124] пишет: «З. Ковечеш указывает на употребление метафор света для концептуализации счастья в таких генетически и типологически разных языках как английский (HAPPINESS IS LIGHT), венгерский и китайский. Автор задается вопросом, как могло случиться, что в таких разных языках и культурах счастье концептуализируется одинаково?»

(П) *Nie było między nimi kłótni i nie było zazdrości, nie rozumieli nawet, co to znaczy* (140)

БЫТЬ СЧАСТЛИВЫМ – ЭТО БЫТЬ КАК РЕБЕНОК, ЭТО БЫТЬ РАДОСТНЫМ, ИГРАТЬСЯ, ПЕТЬ (приснившаяся планета)

(Р) *Они были резвы и веселы как дети. Они блуждали по своим прекрасным роцам и лесам, они пели свои прекрасные песни (...)*

(П) *Byli radośni i figlarni jak dzieci. Błądzili po swoich pięknych gajach i lasach, śpiewali swoje piękne pieśni (...)* (140)

БЫТЬ СЧАСТЛИВЫМ – ЭТО НЕ БОЯТЬСЯ СМЕРТИ, ЭТО ВЕРИТЬ В ВЕЧНУЮ ЖИЗНЬ (приснившаяся планета)

(Р) *Они почти не понимали меня, когда я спрашивал их про вечную жизнь, но, видимо, были в ней до того убеждены безотчетно, что это не составляло для них вопроса.*

(П) *Prawie nie rozumieli mnie, kiedy pytałem ich o wieczny żywot, ale widocznie byli bezwiednie tak pewni jego istnienia, że nie było to dla nich problemem* (140)

БЫТЬ СЧАСТЛИВЫМ – ЭТО НЕ БОЯТЬСЯ СМЕРТИ (приснившаяся планета)

(Р) *Они ждали этого мгновения с радостью, но не торопясь, не страдая по нем, а как бы уже имея его в предчувствиях сердца своего, о которых они сообщали друг другу.*

(П) *Oczekiwali tego momentu (śmierci) z radością, wszelako nie spiesząc się, nie tęskniąc za nim, lecz mając go już jakby w przeczuciach serca swojego, o czym wieści podawali sobie nawzajem* (141)

БЫТЬ СЧАСТЛИВЫМ – ЭТО БЫТЬ ЧАСТЬЮ ЦЕЛОГО, ВСЕЛЕННАЯ – ЭТО ЦЕЛОЕ (140) (приснившаяся планета)

(Р) *У них не было храмов, но у них было какое-то насыщенное, живое и непрерывное единение с Целым вселенной (...)*

(П) *Nie mieli świątyń, ale mieli jakąś powszednią, żywą i nieustanną więź z Całością wszechświata (...)* (140)

СЧАСТЬЕ – ЭТО ВСЕОБЩАЯ ЛЮБОВЬ (приснившаяся планета)

(Р) *Да и не в песнях одних, а, казалось, и всю жизнь свою они проводили лишь в том, что любовались друг другом. Это была какая-то влюбленность друг в друга, всецелая, всеобщая.*

(П) *Zresztą nie tylko w pieśniach – rzekłbyś, całe życie spędzali jedynie na wzajemnym podziwianiu się. Było to jakieś powszechne zakochanie, całkowite, wszechogarniające* (141)

СЧАСТЬЕ – ЭТО СОН, СЧАСТЬЕ – ЭТО ПРЕДМЕТ, КОТОРОГО НИКТО НЕ ВИДЕЛ (жители Земли)

(Р) *О, все теперь смеются мне в глаза и уверяют меня, что и во сне нельзя видеть такие подробности, какие я передаю теперь, что во сне моем я видел или прочувствовал лишь*

одно ощущение, порожденное моим же сердцем в бреду, а подробности уже сам сочинил проснувшись.

(П) O, wszyscy teraz śmieją mi się w twarz i zapewniają, że *nawet we śnie nie sposób widzieć takich szczegółów, jakie tutaj podaję, że we śnie miałem tylko jedno wrażenie, zrodzone przez moje własne serce w malignie, a szczegółóły zmyśliłem już po przebudzeniu* (142)

СЧАСТЬЕ – ЭТО МЕЧТА, БАСНЯ (жители планеты, развращенной человеком)

(Р) *Они смеялись даже над возможностью этого прежнего их счастья и называли его мечтой. (...) утратив всякую веру в бывшее счастье, назвав его сказкой, они до того захотели быть невинными и счастливыми вновь, опять, что пали перед желанием сердца своего, как дети (...)*

(П) *Śmiali się nawet z możliwości tego dawnego szczęścia i nazywali je marzeniem. (...) utraciwszy wszelką wiarę w minione szczęście, nazwawszy je baśnią, do tego stopnia zapragnęli być z powrotem niewinni, szczęśliwi, że padli przed pragnieniami swych serc, jak dzieci (...)* (144).

Список литературы:

- Достоевский Ф. М.* Сон смешного человека [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: http://www.e-reading.club/bookreader.php/20419/Dostoevskiii_-_Son_smeshnogo_cheloveka.html
- Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон ; пер. с англ., под ред. и с предисловием А.Н. Баранова. М. : УРСС Эдиториал, 2004. 256 с.
- Лангакер Р.В.* Когнитивная грамматика. Научно-аналитический обзор / Р.В. Лангакер ; пер. с англ. С.Н. Петрова. М. : ИНИОН РАН, 1992. 56 с.
- Прокопьева А.А.* Особенности передачи метафор при переводе произведений В.В. Набокова [Электрон. ресурс] / А.А. Прокопьева : Политическая лингвистика 18, 2006, сс. 206–212. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-peredachi-metafor-pri-perevode-proizvedeniy-v-v-nabokova>
- Скворцов О.Г.* Сопоставительное направление в исследовании семантической сферы «LIGHT / DARKNESS» в зарубежной лингвистике [Электрон. ресурс] / О.Г. Скворцов : Политическая лингвистика 3 (29), 2009, сс. 124–128. – Режим доступа: http://journals.uspu.ru/i/inst/ling/ling29/ling_29_12.pdf
- Скребцова Т.Г.* Когнитивная лингвистика: Курс лекций / Т.Г. Скребцова. СПб : Филологический факультет СПбГУ, 2011. 256 с.
- Хамитова Э.Р.* К вопросу о соотношении индивидуально-авторских, языковых и концептуальных метафор [Электрон. ресурс] / Вестник Башкирского университета 1 (т. 16), 2011, сс. 155–158. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-sootnoshenii-individualno-avtorskih-yazykovyh-i-kontseptualnyh-metafor>
- Dostojewski F.* Sen śmiesznego człowieka / F. Dostojewski ; wybór, tłum. i posłowie M. Leśniewskiej: Opowieści fantastyczne. Kraków : Wydawnictwo Literackie, 1988. 194 с.
- Lakoff G., M. Johnson.* Metafory w naszym życiu / G. Lakoff, M. Johnson ; tłum. T.P. Krzeszowski. Warszawa :Wydawnictwo Aletheia, 2011. 310 с.
- Langacker R.W.* A view of linguistic semantics / B. Rudzka-Ostyn (ed.) : Topics in Cognitive Linguistics. Amsterdam; Philadelphia, 1988, сс. 49–90.
- Langacker R. W.* Wykłady z gramatyki kognitywnej 1 / R. W. Langacker ; pod red. Henryka Kardeli. Lublin : Wydawnictwo UMCS, 1995. 174 с.
- Langacker R. W.* Wykłady z gramatyki kognitywnej 2 / R. W. Langacker. Lublin : Wydawnictwo

UMCS, 2005. 186 c.

Langacker R.W. Gramatyka kognitywna. Wprowadzenie / R. W. Langacker ; tłum. E. Tabakowska, M. Buchta, H. Kardela, W. Kubiński, P. Łozowski [i in.]. Kraków : UNIVERSITAS, 2009. 760 c.

Tabakowska E. Językoznawstwo kognitywne a poetyka przekładu / E. Tabakowska ; tłum. A. Pokojka. Kraków : UNIVERSITAS, 2001. 188 c.

Wiraszka Ł. Kategoria punktu widzenia w przekładzie ustnym z perspektywy językoznawstwa kognitywnego. W relacji język polski – język angielski / Ł. Wiraszka. Kraków : UNIVERSITAS, 2015. 239 c.

Саакян Л.Н.
Государственный Институт русского языка им. А.С. Пушкина,
г. Москва (Россия)
Северская О. И.
Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
г. Москва (Россия)

Saakyan L.
State Pushkin Russian Language Institute
Moscow (Russia)
Severskaya O.
Vinogradov Russian Language Institute of RAS
Moscow (Russia)

ЭВФЕМИЯ (НЕ) ОПРЕДЕЛЕННОЙ НАЦИОНАЛЬНОСТИ

(NON) NATIONAL EUPHEMIZATION

В статье рассматриваются особенности употребления контекстно-обусловленных и калькированных эвфемизмов в русском, английском, французском и польском языках. Особое внимание уделяется принудительной эвфемизации, фигурам умолчания, национально-специфической эвфемии, трудностям перевода. Национальная специфика показывается на примере выражений *финансовая турбулентность* и *пропорциональный ответ*, представленных в актуальном публичном дискурсе нескольких стран.

The article discusses the features of the use of context-sensitive and calques euphemisms in Russian, English, French and Polish. Special attention is paid to enforcement of euphemization, apophasis, national-specific euphemia, the difficulties of translation. National specificity is shown by the example of expressions financial turbulence and proportional response provided in the current public discourse of several countries.

Ключевые слова: эвфемия, эвфемизмы, национальные особенности, межкультурная коммуникация, контекст, перевод.

Keywords: Euphemia, euphemisms, national characteristics, intercultural communication, context, translation.

Комфорт и взаимопонимание в речевой коммуникации можно назвать основой общения, в том числе и межнационального. Созданию комфорта во многом способствует эвфемия, адаптивная стратегия речевого воздействия на адресата с помощью эмоционально настраивающих тактик, проявляющаяся вербально в эвфемизации – процессе насыщения речи эвфемизмами: к ним мы относим слова и выражения, заменяющие грубые, резкие обозначения, которые представляются говорящему неуместными, не вполне вежливыми, и устраняются из речи из-за стремления не обидеть, не задеть слушающего [Саакян, 2010, с. 3]. Впрочем, «выбирают слова» не только в интересах адресата, но и при сознательно неточной номинации предмета речи, когда говорящий отчасти вводит адресата в заблуждение, подменяя понятия. Поэтому умение создавать и воспроизводить эвфемизмы с необходимостью должно сочетаться с умением

распознавать их в тексте, что не всегда возможно в межкультурной коммуникации из-за трудностей перевода.

В частности, И.Н. Никитина замечает: «Эвфемизмы, как правило, остаются за пределами программы изучения иностранного языка и теории и практики перевода. <...> Вследствие этого переводчику не всегда удастся увидеть за прямым значением слова или словосочетания его истинное эвфемистическое значение» [Никитина, 2013. Эл. ресурс]. Это касается эвфемизмов как политической и экономической сфер, так и сферы бытовой. И.Н. Никитина приводит примеры калькирования эвфемистических номинаций и заимствования их в форме варваризмов в сфере экономики и бизнеса: *период отрицательного экономического роста* < *period of negative economic growth* (вместо *экономический кризис / economic crisis*); *флуктуация* < *fluctuation* (вместо *нестабильность*), *депопуляция* < *depopulation* (вместо *вымирание*) и др.; при этом она отмечает и известный параллелизм в эвфемотворчестве: например, в английском языке подтасовывая цифры в отчетах, их *массируют* (ср. *massage figures*), а в русском им *делают косметическую операцию*, и в англоязычной, и в русскоязычной культурах относясь к процессу творчески, ср. англ. *creative accounting* «творческая финансовая отчетность», *creative bookkeeping* «творческая бухгалтерия» и рус. *творческий подход к составлению финансовой отчетности* (перевод автора – Л.С., О.С.) [Там же]. Вместе с тем, встречаются эвфемизмы, для выявления и определения значений которых важен экстралингвистический контекст: «для адекватного перевода эвфемизма *file Chapter 11* (подходить под параграф 11) нужно знать, что в данном случае речь идет о параграфе 11 закона о банкротстве, принятого в Соединенном королевстве в 1978 году» (перевод автора – Л.С., О.С.), а «русский эвфемизм *отдать дань*, используемый в значении «дать взятку», содержит реалию *дань*, которая может быть неизвестна представителю иноязычной культуры» [Там же]. В бытовой сфере также используются эвфемизмы, которые в иноязычном контексте могут быть восприняты в своем прямом значении: например, польск. *papierz wartosciowy* «ценная бумага» или рус. *сберкасса, инвестировать* используются не только как прямые номинации в финансовой сфере, но и как эвфемистические обозначения, соответственно, *туалетной бумаги, унитаза, отправления нужды* [Никитина, 2009, с. 1582].

Не претендуя на полноту охвата вопроса о национальной специфике эвфемии, рассмотрим несколько примеров, демонстрирующих тонкости процесса эвфемизации.

Прежде всего, остановимся на случаях использования в роли эвфемизма безоценочной в норме номинации, например: «Вы это что же, Ольга, меня, *я извиняюсь*, за *демократа* принимаете?» (лидер коммунистов Г. Зюганов – журналисту «Эха Москвы»

О. Журавлевой, эфир от 03.08.2010; выделено нами – Л.С., О.С.). Здесь маркер¹⁶² эвфемизма *я извиняюсь* употреблен Г. Зюгановым с особой целью: показать, что слово *демократ* вуалирует нечто неприличное, грубое или нежелательное в приличном обществе. Само по себе слово *демократ* не имеет ни отрицательной коннотации, ни отрицательно–оценочного сигнификата. Но для того чтобы слово действительно могло выступать в роли эвфемизма, необходимо наличие «грубого», «недопустимого», эквивалента. Появившаяся в 1990–х гг. каламбурная трансформация «*дерьмократ*», имеющая резко отрицательную оценочность и характеризующая определенный тип политика, который скорее прикидывается демократом в интересах личной материальной выгоды, вполне может претендовать на роль отрицательно окрашенной номинации эквивалента, «прямое обозначение которого может быть квалифицировано <...> как грубость, резкость, неприличие и т. п.» [Крысин, 2004, с. 267]. Другими словами, она может занять место подразумеваемого выражения с отрицательной коннотацией. И перлокутивное намерение в этом речевом акте употребления эвфемизма будет следующим: «Произнося слово *демократ* вместе с маркером эвфемистической ситуации *я извиняюсь*, я хочу произвести эмоциональное воздействие на собеседника и добиться эффекта эмоционального сближения с разделяющими мою позицию слушателями, подчеркнуть, что использую это слово исключительно в функции эвфемизма более грубого и неуместного в радиопередаче выражения, единственно верного, однако, в применении к объекту речи, и вуалирую его, чтобы произвести благоприятное впечатление на слушателей». Такая эвфемизация может быть названа принудительной [Саакян, 2010, с. 18]: адресат сообщения, получив сигнал в виде маркера смягчения выражений, вынужден искать табуированный смысл, который может и ускользнуть от него, если адресат не знаком с мотивирующим контекстом. А в приведенном случае это более чем вероятно, поскольку понятия *демократия*, *демократические ценности*, *демократ* в иных языках и странах имплицитно подразумевают положительную оценку.

Это касается и таких номинаций, которые вызывают положительные или отрицательные ассоциации в зависимости от точки зрения говорящего или адресата: например, *агрессия*, *амбициозность*, *эмансипированность* и т.п. Так, «Братья Карамазовы» Ф. Достоевского начинаются с представления Аделаиды Ивановны Миусовой, сбежавшей с учителем и оставившей на руках покинутого ею мужа

¹⁶² В роли метамаркеров эвфемистической речевой ситуации обычно выступают выражения: *я извиняюсь; дипломатично говоря; как бы поизящнее выразиться; мягко говоря; как бы помягче сказать; мягко выражаясь; не говоря худого слова; по более осторожному выражению, никого не хотелось бы обижать, но...; как бы так сказать, чтоб не обидеть; скажем уклончиво; тщательно подбирая слова; я нахожусь в затруднении; это деликатная тема; щепетильный вопрос* и т.п.

трехлетнего сына Митю: «*Ей, может быть, захотелось заявить женскую самостоятельность*, пойти против общественных условий, против деспотизма своего родства и семейства <...> *Бедняжка* оказалась в Петербурге, куда перебралась с своим семинаристом и где *беззаветно пустилась в самую полную эмансипацию*» [Достоевский, 1976, с. 8–9] (курсив наш – Л.С., О.С.). Из контекста ясно, что автор не жалуется на эмансипированных женщин и использует *эмансипацию* как эвфемизм *непристойного поведения*. В то же время читатель может не разделять авторского взгляда и, восприняв *эмансипацию* в прямом значении слова, осудит, скорее, мужа *эмансипированной* дамы, Федора Павловича, который «мигом завел в доме целый гарем и самое забубённое пьянство, а в антрактах ездил чуть не по всей губернии и слезно жаловался всем и каждому на покинувшую его Аделаиду Ивановну, причем сообщал такие подробности, которые слишком бы стыдно было сообщать супругу о своей брачной жизни» [Там же, с. 8]. В европейской и американской культуре *эмансипация* в норме ни с чем общественно порицаемым не ассоциируется, а значит, эвфемия в данном случае с большой степенью вероятности распознана не будет.

Еще один трудный случай – эвфемия, обусловленная культурно–историческим контекстом. Например, герой «Мертвых душ» Н. Гоголя, Чичиков, едва въехав в город NN, нанес визит губернатору и «намекнул как-то вскользь, что в его губернию въезжаешь как в рай, *дороги везде бархатные*, и что те правительства, которые назначают мудрых сановников, достойны большой похвалы» [Гоголь, 1953, с. 13] (курсив наш – Л.С., О.С.). Комплимент губернатору был действительно тонким. Чичиков не только намекнул на то, что властитель не только способен решать любые проблемы в стране, где все беды – «от дураков и дорог», но и прибегнул к эвфемии: назвал бархатно–гладкими дороги, которые привели его бричку в довольно плачевное состояние. Не случайно же поэма «Мертвые души» начинается с замечаний двух мужиков о состоянии чичиковского экипажа: «“Вишь ты”, сказал один другому, “вон какое колесо! Что ты думаешь, доедет то колесо, если б случилось в Москву, или не доедет?” – “Доедет”, отвечал другой. “А в Казань–то, я думаю, не доедет?” – “В Казань не доедет”, отвечал другой» [Там же, с. 7], – это читательское знание, хоть и вынесено в пресуппозицию (с этого эпизода начинается повествование), остается в подтексте. Если бы с «бархатными дорогами» столкнулся читатель–француз, ничего не слышавший о извечной российской беде, он вполне мог бы воспринять эту номинацию как метафорическую или даже прямую, ассоциировав ее перевод *route de velours* «букв. дорога из бархата» с более привычным *route de soie* «букв. дорога из шелка» (перевод наш – Л.С., О.С.): во Франции в гудрон добавляют шелковое волокно, и *route de soie* – это не *шелковая*, т.е. гладкая, *дорога* и не *шелковый путь*, а

дорожное покрытие с шелком [Северская, 2015, с. 268]. Впрочем, и носителям других языков распознать эвфимию будет нелегко.

Фразеологизированные выражения, употребляющиеся в качестве эвфемизмов, еще один слой лексики, доставляющий трудности при декодировании сообщения. Например, французский фразеологизм *déshabiller Pierre pour habiller Paul* «решать одну проблему за счет другой (букв. раздеть Пьера, чтобы одеть Поля)», являющийся переосмыслением английского выражения *to rob Peter to pay Paul* «огробоить Петра, чтобы заплатить Павлу» (связанного с конкретными историческими событиями: деньги, предназначенные для Аббатства Святого Петра, были переданы собору Святого Павла), имеет аналоги и в русском языке: «Деньги новых членов используются для выплат тем счастливицам, которые оказались первыми участниками пирамиды <...> В основе схемы <...> лежит простой принцип: «Ограбь Петра, чтобы заплатить Павлу»; «Чтобы сделать уверенный шаг в будущее, вам нужен приток свежей воды, которая избавит организм от стресса, вызванного необходимостью «огробоить Петра, чтобы заплатить Павлу» (примеры из Интернета; курсив наш – Л.С., О.С.). Однако если в английском и русском идиома не имеет оттенка эвфемистичности (отрицательные коннотации глаголов *to rob* и *грабить* заставляют думать, скорее, о дисфемии – нарочитом огрублении, замене естественного в данном контексте обозначения какого-либо предмета более вульгарным, фамильярным или грубым), то во французском она воспринимается как эвфемизм, поскольку образ *переодевания* маскирует *огробоение в пользу противной стороны*, приукрашивая тем самым описываемое «положение дел».

Наконец, самый сложный для межкультурного и межъязыкового взаимодействия случай – это мифологизирующая эвфемия. На одном из плакатов, выпущенном ко Дню Победы в Великой Отечественной, был изображен – в огне войны – бронепоезд, построенный, как следует из текста, на деньги работников московского метрополитена. Надпись на плакате гласила: «5-7 июля 1943 года *бронепоезд «Московский метрополитен» вел тяжелые оборонительные бои на Курской дуге и выполнил одну из боевых задач, определивших исход сражения»* (курсив наш – Л.С., О.С.). Исход сражения на Курской дуге известен. Судьба бронепоезда была героически короткой: на третий день боев, нанеся существенный урон противнику, он был разбомблен. Но эта информация не эксплицируется. Плакатный текст несет исключительно положительно окрашенную информацию: *вел оборонительные бои* (т.е. противостоял агрессии), *выполнил одну из боевых задач* (несмотря на тяжесть боев, не дезертировал, не сдался) и тем самым *определил исход сражения (внес существенный вклад в победу)*. Информация о полном разрушении поезда замалчивается. Здесь претворяется ритуальный принцип: «о мертвых

или ничего, или хорошо». Умолчание как риторическая фигура в сообщении о смерти – древний принцип эвфемии, и этот плакат – образец «высокой», мифологизирующей эвфемии (в древнегреческом смысле этого слова – благоговейного молчания), которая не «считывается» без знания экстралингвистического контекста.

В современном публичном дискурсе встречается немало общеупотребительных выражений, которые, несмотря на сходство, не во всех языковых культурах получают статус эвфемизмов. Покажем это на примере двух получивших широкое распространение в экономическом и политическом дискурсе последнего десятилетия номинациях *финансовая турбулентность* и *пропорциональный ответ*.

Эвфемизм *финансовая турбулентность* получил в русскоязычном публичном дискурсе широкое распространение совсем недавно, когда термин *кризис* начал вымываться из экономических новостей, связанных вначале только с Россией, а затем и со всем миром [подробнее: Басалаева, 2015, с. 42–44]. Основу выражения составляет прозрачная метафора, что показывает следующая раскрывающая понятие цитата: «Описывая ситуацию в экономике на прошедшей на днях большой пресс-конференции, Владимир Путин использовал слово «*турбулентность*». Как в самолете, когда начинает трясти. Но если у тех, кто «летит» первым классом, почти все хорошо, то в эконом классе, где и сидит большинство россиян, от *финансовой болтанки* начинает уже *подташнивать*» (В. Путин: медведя всегда будут стремиться посадить на цепь // Аргументы и Факты, 24.12.2014). Сильное потрясение, полученное россиянами в ходе обвала рубля, привело к тому, что к началу 2015 г. *турбулентность* и *кризис* окончательно синонимизировались: «Перед нами затяжной *кризис турбулентности* не только российской, но и мировой экономики». [В ожидании «жесткой посадки» // «Новая газета», 26.01.2015]; «Понимаете, нам всем здорово повезло – мы целых 15 лет жили на растущем рынке (не считая недолгой *турбулентности* в 2009 году)» [«Ежедневная деловая газета РБК», 26.01.2015] (курсив наш – Л.С., О.С.). П.В. Басалаева, отмечая, что в ходе проведенного ею эксперимента его распознали как эвфемизм 71% опрошенных [Басалаева, 2015, с. 55], приводит и материалы анкетирования [Там же, с. 72–145], в которых (*финансовой*) *турбулентности* сопоставляются *финансовый кризис*, *нестабильность*, ситуация, когда денег мало.

В английском и французском языках также можно говорить об эвфемистическом обозначении понятия *кризис* соответствующими выражениями, ср. англ.: «Certainly we can be proud of this economic performance in this time of worldwide *financial turbulence* «Безусловно, мы можем гордиться этими экономическими показателями в момент всемирного *кризиса/финансовой турбулентности*» (www2.parl.gc.ca); с синонимичной

заменой *турбулентности* – кризисом: «economic downturn id spurred by the *financial turmoil* that originated in the United States of America and affected most countries of the world «экономическому спаду способствовал *финансовый кризис*, который возник в Соединенных Штатах Америки и затронул большинство стран мира» («(daccess-ods.un.org); фр.: «Malgré la diminution de la *turbulence financière*» les banques créditent les industries avec beaucoup de prudence «Несмотря на ослабление «*финансовой турбулентности*» /кризиса, банки кредитуют промышленность с большой осторожностью» (fr.rusbiznews.com); «Nous traversons une période de *turbulence financière* deconcertante, caractérisée par les pertes inégales sur les marches» «Мы переживаем период обескураживающей *финансовой турбулентности/кризиса*, характеризующейся беспрецедентными потерями на рынке» (banqueducanada.ca) [Linguee, Эл. ресурс] (курсив и перевод наш – Л.С., О.С.). Как можно было заметить, в английском языке употребляются две конкурирующие номинации финансово-экономического кризиса, что в некоторой степени ослабляет эвфемистическое значение *турбулентности*, во французском же оно проявляется гораздо сильнее. Для сравнения приведем примеры из польского языка, где *финансовая турбулентность* представляет собой не эвфемизм, а метафорическое выражение: «Pierwotne *turbulencje finansowe*, jak państwo wiecie, pojawiły się na rynku subprime w USA «Первоначально *финансовая турбулентность*, как вам известно, возникла на ипотечном рынке в США» (pl.bab.la); ср.: «Oczy wszystkich skierowane są na Europejski Bank Centralny. Obecna niepewna sytuacja gospodarcza oraz *finansowe zawirowania* wywierają wielką presję na EBC» «Все смотрят сейчас на Центральный Европейский Банк. Нынешняя нестабильная экономическая ситуация и *финансовые завихрения* оказывают на ЦЕБ огромное давление» (pl.bab.la) [Linguee, Эл. ресурс] (курсив и перевод наш – Л.С., О.С.), в последнем примере акцент делается на внутреннюю форму образа *турбулентности*, что говорит о метафорическом употреблении.

Что касается *пропорционального ответа*, этот эвфемизм представляет собой переосмысленный термин из языка дипломатии и имеет свою историю употребления.

В Национальном корпусе русского языка [НКРЯ, Эл. ресурс] первые примеры появления выражения в российских СМИ датируются началом 2000–х, ср.: «Москва даст «*адекватный и пропорциональный*» ответ на высылку 50 российских дипломатов из США» (Комсомольская правда, 23.03.2001); «Сегодня Америка четко представляет себе, что такое *пропорциональный ответ*» (Труд-7, 26.10.2001) и т.д. Однако после того, как 19 декабря 2014 г. на ежегодной пресс-конференции в Белом доме президент США Барак Обама прокомментировал позицию США по поводу кибератаки на кинокомпанию Sony

Pictures, предположительно совершенную северокорейскими хакерами: «They caused a lot of damage and we will respond. *We will respond proportionally* and we «ll respond in a place and time and manner that we choose, it «s not something that I will announce here today at a press conference» «Они нанесли большой ущерб и мы дадим ответ. Мы *дадим пропорциональный ответ* и мы дадим его в нужном месте, в свое время и таким образом, каким мы сочтем это необходимым, но это не будет оглашено на этой пресс-конференции» (Obama: US to Respond Proportionally to North Korean Cyberattack on Sony // SputnikNews, 19.12.2014), значение выражения обогатилось новыми, эвфемистическими смыслами. Иными словами, под *пропорциональным ответом* теперь понимается широкий спектр ответных действий, которые прямо не называются, но могут быть домыслены.

У этого эвфемизма появляются активно используемые в медиадискурсе синонимы. Например, *адекватный ответ*, когда речь идет об антироссийских санкциях, введенных США в марте 2014 г.: «МИД России *ответил адекватно* и обнародовал список представителей США, в отношении которых также введены санкции. При этом во внешнеполитическом ведомстве отметили, что разговаривать с Россией языком санкций контрпродуктивно и неуместно, а на каждый враждебный выпад будет найден *адекватный ответ*» (Россия нашла адекватный ответ // Известия, 20.03.2014). При этом могут иметься в виду как экономические ответные меры: «Меры, которые Запад продолжает применять против нас, в скором времени могут получить вполне *адекватный ответ*. <...> Наши «каратели «должны четко понимать, что если пытаются наказать Россию, скажем, в торгово-экономическом плане, то этот шаг будет иметь эффект бумеранга – сами же пострадают в первую очередь» (Как нам ответить Западу на санкции? // Парламентская газета, 04.04.2014), так и военно-политические: «Необходимо правильно просчитать развитие ситуации в мире – потенциальные угрозы безопасности страны. – На каждую из этих угроз должен быть найден достаточно *адекватный ответ*, – подчеркнул президент» (Мы не будем втягиваться в гонку вооружений // Комсомольская правда, 10.09.2014). Кроме того, в СМИ встречается и *симметричный/асимметричный* ответ: «увольнения в ФСБ стали *симметричным ответом* на отставки в МВД – пострадали люди равноценных должностей» (Силовики раскрыли теракт в Домодедово в стенах Госдумы // РБК Daily, 09.02.2011); «Российские военные продолжают публично раскладывать пасьянс военно-технических контрмер, которые могут стать *асимметричным ответом*» на ПРО США в Европе « (Ударим по Америке через Южный полюс? // Комсомольская правда, 25.07.2008). И наконец – *зеркальный ответ*: «Минтранс РФ пообещал Киеву *зеркальный ответ* на запрет полетов. Если намерения Киева запретить на Украине полеты российских авиакомпаний будет реализовано, Москва

примет *зеркальные ответные меры*, заявил министр транспорта РФ Максим Соколов» (Интерфакс, 25.09.2015). Если в последних двух случаях еще сохраняется прозрачное терминологическое значение, то за *пропорциональным* и *адекватным ответами* стоит представление о любом виде агрессии, который ущемленная сторона считает «соразмерным» нанесенному ей ущербу, скрывающееся за вполне безобидной словесной оболочкой, что говорит об эвфемистичности соответствующих выражений.

В английском языке соответствующее выражение также употребляется преимущественно эвфемистично – в приводимом далее примере на это указывают кавычки: «NATO «s strategy of «*proportional*» response to attacks implied the potential of rapid nuclear war «Используемая НАТО стратегия «*пропорционального*» ответа на атаки подразумевает возможность начала в скором времени ядерной войны» (cmhg-phmc.gc.ca); в то время как во французском оно используется как эвфемистически: «Dans certains cas, une interdiction totale peut ne pas être une *réponse proportionnelle* à un risque» «В некоторых случаях тотальный запрет не может быть пропорциональным ответом на некую угрозу» (eur-lex.europa.eu), так и метафорически, в том числе в неполитическом контексте: «Le furosémide traite toutes le formes de retention hydrosodée avec une *réponse proportionnelle* à la dose» «Фуросемид лечит все формы задержки жидкости, соответственно (букв.: *пропорционально отвечая*) дозе» (lavoisier.com) [все примеры: Linguee, Эл. ресурс] (курсив и перевод – наш, Л.С., О.С.).

В польском же языке эвфемистический потенциал выражения практически не используется, аналогом *пропорционального ответа* служат дипломатические выражения *odpowiedź symetryczna* «симметричный ответ», *stosowna odpowiedź* «адекватный ответ», *odpowiedź stosowna do sytuacji, do okoliczności* «ответ, соответствующий ситуации/обстоятельствам», *adekwatne/stosowne kroki* «адекватные/соответствующие меры», ср.: «MSZ Rosji określiło posunięcie władz Polski jako «nieprzyjazne i niczym nieuzasadnione». Przekazało, że w odpowiedzi strona rosyjska podjęła «*adekwatne kroki*» i że kilku polskich dyplomatów opuściło już terytorium Rosji za «działalność niezgodną z ich statusem» «МИД России назвал действия властей Польши «недружественными и необоснованными». Сообщил также, что в ответ российская сторона приняла «*адекватные меры*», и что несколько польских дипломатов уже высланы за пределы России за «деятельность, несовместимую с их статусом»» «Szef polskiego MSZ Grzegorz Schetyna uznał, że to «*symetryczna odpowiedź*», która «zamyka sprawę»» «Глава польского МИД Гжегож Схетина считает, что это «*симметричный ответ*», который «закрывает дело»»; «Terroryści otrzymają jednak *stosowną odpowiedź*» Террористы получают все же адекватный ответ»[все примеры: Gazeta Wyborcza, Эл. ресурс] (курсив и перевод – наш,

Л.С., О.С.). Эвфемистическое прочтение возможно только в отдельных контекстах, передающих представление о явно выраженной угрозе со стороны говорящего.

Таким образом, выражения-кальки в разных культурах не обязательно реализуют весь свой семантический потенциал. Можно в этом случае говорить о градации их потенциальной эвфемистичности: от контекстно-обусловленной до слабо или сильно выраженной.

Примечательно, что эвфемия в иерархии средств непрямого воздействия соотносится с целым рядом дополнительных лингвистических кодов – эпохальных, жанровых, стилевых, выявляемых в коммуникации всего национального коллектива или узкой группы. Изучая эвфемии с этой точки зрения, можно будет создать в перспективе «эвфемопортрет» личности, языкового сообщества, нации. Однако это вопрос будущих исследований и выходит за рамки проблематики этой статьи

Список литературы:

Басалаева П.В. Функционирование эвфемизмов в публичном дискурсе и их восприятие носителями языка (по материалам СМИ). Дипломная работа / П.В. Басалаева. М.: РГГУ, 2015. 151 с.

Крысин Л.П. Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике / Л.П. Крысин. М.: Языки славянской культуры, 2004. 888 с.

Никитина И.Н. Бытовые эвфемизмы в контексте разных языков / И.Н. Никитина. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук, т. 11, № 4(6), 2009. С. 1580–1586.

Никитина И.Н. Проблема перевода эвфемизмов экономического дискурса (на материале английского и русского языков) / И.Н. Никитина // Гуманитарные научные исследования. 2013. № 11 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://human.snauka.ru/11/5110>.

Саакян Л.Н. Эвфемия как прагмалингвистическая категория в дискурсивной практике непрямого речевого убеждения: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Л.Н. Саакян; Гос. институт русского языка им. А.С. Пушкина. М.: ГИРЯ им. А.С. Пушкина, 2010. 23 с.

Северская О.И. «В чужую страну без паспорта и билета» (трудности перевода на примере поэзии Доминика Фуркада) / О.И. Северская. Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: Материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ (г. Гранада, Испания, 13–20 сентября 2015 года) / Сост. Н.М. Марусенко, М.С. Шишков. В 15 т. Т. 12: Перевод как средство межкультурного понимания, предмет изучения и обучения. СПб.: МАПРЯЛ, 2015. С. 264–269.

Источники:

Гоголь Н.В. Собрание сочинений в 6-ти томах. Т. 5: Мертвые души. Поэма / Н.В. Гоголь. М.: Худ. литература, 1953.

Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 19 томах. Т. XIV. Братья Карамазовы. Кн. I-X / Ф.М. Достоевский. Л.: ЛО издательства «Наука», 1976.

Национальный корпус русского языка (НКРЯ) [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.ruscorpora.ru.

Gazeta Wyborcza [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.wyborcza.pl.

Linguee [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.linguee.com.

ЭПИГРАФЫ К ПРОЗЕ Э. ПО В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ: ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

EPIGRAPHS TO E. POE'S PROSE IN RUSSIAN TRANSLATIONS: SUBTLETIES OF INTERPRETATION

Интерпретация эпиграфов к рассказам Эдгара По представляет специфическую задачу для переводчика. Представляя реальную цитату или являясь мистификацией, эпиграфы написаны не на английском языке, но теснейшим образом связаны с оригинальным текстом произведения в семантическом, стилистическом и даже синтаксическом плане. Русские варианты перевода рассказов Эдгара По демонстрируют различную глубину «проникновения» интерпретатора в многоаспектные переключки эпиграфа, заглавия и нарратива, задействующие такие аспекты текстового строения, как вербализация точки зрения повествователя, ее локализация в художественном времени, формирование читательских ожиданий, соотношение сюжетных и внесюжетных фрагментов на фоне интертекста произведения. Материалом исследования стали русские переводы рассказов Эдгара По «Овальный портрет», «Рукопись, найденная в бутылке» и «Береника», созданные в конце XIX в. и на протяжении XX столетия такими переводчиками, как М.А. Энгельгардт, К.Д. Бальмонт, М.И. Беккер, В.А. Неделин и др. Использование заглавия и эпиграфа, наряду с разнообразными внутритекстовыми средствами, для создания атмосферы таинственности, недосказанности и одновременно «фантастической достоверности», взаимодействие точек зрения героя и повествователя, объединенных в одном образе, многозначные определения, буквальные переключки слов, обилие философских отступлений, образующих вкупе с эпиграфом некую над-сюжетную, абстрактную интерпретацию идеи рассказа, – все это составляет суть авторской манеры и сверхзадачу для художественного воплощения в переводе, реализованную в русских текстах лишь отчасти.

The interpretation of epigraphs to the tales of Edgar Poe is a specific task for a translator. Being a quotation or a mystification, they are written in foreign languages (not English), but wholly bound to the original text of each tale semantically, stylistically and even syntactically. Russian variants of translations show different ways of grasping these various correlations between the epigraph, the title and the narration, influencing such aspects of text structure as verbalizing and localizing the point of view of the narrator, controlling the reader «s anticipation, composing the intertext of each tale. The material of the research includes Russian translations of the tales «The Oval Portrait», «MS Found in a Bottle», «Berenice». These interpretations were produced at the end of XIX and throughout the XX century by M.A. Engelgardt, K.D. Balmont, M.I. Bekker, V.A. Nedelin etc. The use of the title and the epigraph for creating an atmosphere of a mystery, vagueness, non-disclosure and at the same time «fantastic authenticity», interacts with the perspective, where the narrator and the hero sometimes coincide. Philosophical passages, ambiguous allusions, literal repetitions help to create an abstract idea of each tale in the author's manner, which has not been successfully interpreted yet.

Ключевые слова: перевод, эпиграф, нарратив, интерпретация, Эдгар По

Key words: translation, epigraph, title, narrative, interpretation, Edgar Poe

Судьба произведений Эдгара По в России необычна. До сих пор сосуществуют и перепечатываются переводы его фантастических рассказов (tales), кардинально различающиеся как в структурно-семантическом, так и в стилистическом плане [Уржа, 2009, с. 57]. В данной статье мы рассмотрим существующие различия (и попробуем определить их причины) на уровне соотношения «тела» текста с его заглавием и эпиграфом, которые обладают «некоторым изначальным потенциалом связей», инициирующим «процесс индукции смыслов» [Кузьмина, 1997, с. 63].

На русском языке опубликовано семь переводов рассказа Эдгара По под одинаковым названием «Овальный портрет». Восьмой вариант, предложенный Норой Галь, озаглавлен «В смерти – жизнь». Обратившись к истории создания оригинала, обнаруживаем: впервые рассказ был опубликован в 1842 году (в «Graham's Lady's and Gentleman's Magazine») под названием «Life in Death». Последнее прижизненное издание 1845г (в «The Broadway Journal») было переименовано в «The Oval Portrait», сокращено и переработано автором [Quinn, 1998, с. 331]. Название каждой из редакций соответствует ее композиции. В первом случае герой повествования, мучимый болезнью, принимает опиум и останавливается на ночлег в замке. Там он обнаруживает необычайно выразительный портрет девушки и читает историю о том, как гениальный художник воплотил в изображении живую красоту своей возлюбленной. Словно передав «жизнь» портрету, девушка умерла, едва последний штрих был нанесен. Рассказ завершает фраза художника, переводящего взгляд с умершей девушки на ее законченный портрет: «But is this indeed Death?» Во второй редакции Эдгар По убрал из вступления описание действия опиума на героя-повествователя, и впечатления от странного портрета, найденного в замке, и его страшной истории получили мистическое толкование. На первом плане теперь – драматическая смерть девушки, отдавшей красоту и жизнь «ненасытному» искусству. Закономерно, что во второй редакции опущена заключительная фраза, а также итальянский эпиграф о «живом» портрете (см. ниже). Старое название «В смерти – жизнь» не соответствовало новому тексту и было заменено на «Овальный портрет». Нора Галь, обращаясь к менее известной, первой редакции рассказа, отразила в переводе и ее название. Но нельзя не отметить странный факт: среди переводов, озаглавленных «Овальный портрет», только три¹⁶³ следуют соответствующей (второй) редакции.

¹⁶³ Это анонимные переводы, изданные В. Н. Маракуевым (1885) и И. Д. Сытиным (1908), а также перевод В. В. Рогова (1970).

Остальные четыре¹⁶⁴ отражают композицию первой редакции, сохраняя эпиграф и вступление, но исключая последнюю фразу художника. В результате перед читателем предстает некая «смесь» редакций. Можно высказать предположение, что переводчики придерживались названия «Овальный портрет» в силу его популярности (именно под ним произведение многократно публиковалось и завоевало читательский интерес, в то время как первое было забыто). При этом показательно то, что, чувствуя несогласованность текста и названия, все они исключили последнюю фразу художника, завершив произведение предложением «Она была мертва!»

Особого внимания заслуживает перевод эпиграфа к этому рассказу. Эпиграфы у Э. По обладают следующими чертами: они преимущественно написаны на иностранных языках: на латыни, итальянском, французском (что создает эффект остранения и привлекает дополнительное внимание), а их философское или мистическое содержание соотносится с повествованием не только косвенно, но зачастую и буквально, при помощи ключевых слов (обычно выделенных автором). Сопоставим некоторые варианты перевода эпиграфа:

Оригинальный текст	К. Д. Бальмонт	М. А. Энгельгардт	Анонимный перевод, изд. «Вестника иностр. Литературы»
Motto. Egli è vivo e parlerebbe se non osservasse la regola del silenzio. (Inscription beneath an Italian picture of St. Bruno).	[Итал. оригинал, затем перевод]: Он <i>жив</i> , и он заговорил бы, если бы не соблюдал устав молчания. Надпись под одним Итальянским портретом св. Бруно.	[Итал. оригинал, затем перевод]: Он жив и заговорил бы, если бы не соблюдал обета молчания. Надпись под итальянской картиной св. Бруно.	[Оригинал не приведен] Он весел и разговорчив, если не хранит суровости молчания. Надпись под итальянским портретом С. Бруни.

Образ Святого Бруно, основателя Картезианского ордена, автора монашеского устава, предписывающего аскетизм, созерцание и безмолвие для стремящихся к *жизни* во Христе (Св. Бруно принято изображать с пальцем на устах), задает многомерность истолкования подписи под портретом, прославляющей одновременно и подвиг

¹⁶⁴ См. переводы К. Д. Бальмонта (1911), М. А. Энгельгардта (1914), анонима с инициалами В. И. Т (1909) и неизвестного автора перевода в «Вестнике иностранной литературы» за 1912 г. Выходные данные всех переводов помещены в приложении к [Уржа, 2009, с. 257].

молчальника, и мастерство живописца, создавшего портрет, который «жив и заговорил бы». К. Д. Бальмонт и М. А. Энгельгардт приводят итальянский текст (сохраняя принцип Э. По), а затем русский перевод. У Бальмонта так же, как и в оригинале, выделено слово *жив* (*vivo*), ключевое в рассказе о портрете. В переводе, опубликованном в «Вестнике иностранной литературы», оригинал опущен, а русский вариант не имеет с его содержанием (и с повествованием в целом) ничего общего: наложение грамматических и семантических отклонений, и даже ошибочное написание имени святого (который «весел и разговорчив») разрушают все связи, заданные оригиналом.

В контексте ведущего мотива жизни и смерти весьма специфической представляется точка зрения повествователя, его позиция в художественном времени по отношению к сообщаемому [Успенский, 1970, с. 90]. В этом плане интересно сопоставить «Овальный портрет» с другим рассказом Э. По – «MS Found in a Bottle». Оригинальное название указывает на происхождение и характер данного текста (сокращение MS обозначает «manuscript», то есть «написанный от руки» [Johnson¹⁶⁵, 1805]). Четверо из пяти переводчиков заменили слово «манускрипт» русским синонимом – «Рукопись, найденная в бутылке»¹⁶⁶. Тексту предпослан эпиграф на французском языке из лирической трагедии Филиппа Кино «Атис»:

Оригинальный текст	Вестник иностранной литературы	К. Д. Бальмонт, также Ф. В. Широков	М. А. Энгельгардт	М. Беккер
Qui n «a plus qu «un moment à vivre N «a plus rien à dissimuler. Quinault – Atys	[Фр. оригинал, затем перевод]: Кому осталось жить лишь moment, Тот ничего не станет скрывать.	[Фр. оригинал, затем перевод]: Кому осталось жить одно мгновенье, Тому уж нечего скрывать.	[Фр. оригинал, затем перевод]: Кому осталось жить мгновенье, Тот ничего не утаит.	[Оригинал не приведен] Тому, кому осталось жить не более мгновенья, Уж больше нечего терять. Филипп Кино. Атис.

Все переводы, кроме варианта М. Беккер, близки по содержанию, но различны по форме. Ритмически близким оригиналу можно признать лаконичный вариант М. А. Энгельгардта. Общий смысл эпиграфа предвосхищает фантастическую историю путешествия потерпевшего кораблекрушение героя на судне-призраке к «краю мира» –

¹⁶⁵ Словарь С. Джонсона, созданный в середине XVIII века и затем многократно переиздававшийся, служил источником сведений о семантике и употреблении английских слов для целого ряда поколений переводчиков. В исследовании использованы также данные других словарей, относящихся как ко времени создания оригиналов, так и ко времени появления русских переводов Э. По [Уржа, 2009].

¹⁶⁶ В переводе К. Д. Бальмонта сохранено слово *манускрипт*.

гигантской океанической воронке на Южном полюсе земли. Эпиграф призывает читателя верить «Рукописи...», и этот призыв многократно перекликается с замечаниями героя–повествователя о его чуждости всему иррациональному, а также со скрупулезным, почти научным анализом природных явлений в рассказе. В контексте мотива «псевдоверификации» значительно отличается от других эпиграф к переводу М. Беккер. Французское слово «dissimuler», обозначающее «скрывать», «утаивать», интерпретировано здесь неточно. Общий смысл эпиграфа приобретает другой, фаталистический оттенок, указывая на смертельную опасность приключений героя, но не вовлекая читателя в авторскую интригу «фантастической достоверности».

Но действительно ли герою «осталось жить одно мгновенье»? В обоих произведениях выбрана форма повествования от первого лица, герой событий и повествователь формально объединены в один образ. Судьба героя остается неизвестной. Велика вероятность того, что он погиб, в первом случае от лихорадки или от слишком большой дозы опиума, который он был вынужден использовать в качестве лекарства, а во втором случае – в гигантской воронке, в которую впадают воды трех океанов и куда устремился корабль-призрак (Ср. эпиграф: *Qui n «a plus qu «un moment à vivre...»). Однако специфика фантастических рассказов Э. По заключается именно в недосказанности, в возможности трактовать изложенные факты по–разному. Именно поэтому опасность таят в себе нюансы перевода, заставляющие сюжет тяготеть к однозначному толкованию событий:*

<p>But little time will be left me to ponder upon my destiny —the circles rapidly grow small – we are plunging madly within the grasp of the whirlpool – and amid a roaring, and bellowing, and thundering of ocean and of tempest, the ship is quivering, oh God! and –going down.</p>	<p>Мне оставлено мало времени для раздумий о моей судьбе. – Круги стремительно сжимаются – мы делаем безумный скачок в объятья водоворота – под гром океана, среди рева и рычания бури корабль наш содрогается –о боже! – и <i>устремляется вниз!</i> (зд. и далее курсив мой – А.В.) (Широков), а также (Беккер)</p> <p>Но у меня нет времени размышлять о моей участи! Круги быстро суживаются – с бешеным порывом мы погружаемся в тиски водоворота – и среди завываний океана, среди рева и грохота бури, корабль содрогается, и – Боже мой! – он <i>идет ко дну!</i> (Бальмонт), а также (Энгельгардт) (Вестник ин. лит).</p>
---	--

Это окончание дневника путешественника «Рукопись, найденная в бутылке». В трех из пяти переводов повествователь говорит о гибели корабля. Однако в оригинальном тексте стоит оборот *going down*, отражающий момент восприятия героя до гибели или еще

одного фантастического спасения – уже за рамками повествования. Не забудем, название рассказа «Ms. Found in a Bottle» указывает на то, что рукопись, которую герой собирался бросить в бутылке в воды океана за мгновение до гибели, все же *найдена*, она не унесена в бездну. Здесь интересно обратиться также к интертекстуальной функции эпитафии и отметить, что Атис, герой лирической трагедии Филиппа Кино, согласно мифу, умер и воскрес.

В рассказе «Овальный портрет» герой-повествователь не знает, является ли доза опиума, которую он отделил, спасительной или смертельной:

The portion which, in conclusion, I swallowed, and swallowed without fear, was no doubt a very small proportion of the piece which I held in my hand.	Порция, которую я проглотил, и проглотил без всяких опасений, представляла очень малую часть всего куска, находившегося в моих руках (Энгельгардт).	А потому комочек опиума, который я проглотил, причем проглотил безо всякого страха, несомненно, <i>оказался</i> лишь малой частицей всего куска, что был у меня в руках (Галь).
---	---	---

Во втором переводе выбор глагольной формы указывает на положительный исход, разрешение ситуации, повышая уровень осведомленности героя-повествователя, представляя события не в контексте соприсутствия, а ретроспективно. Аналогичный эффект производят и немотивированные вкрапления фраз «от повествователя», нередко допускаемые переводчиками в обоих рассказах.

I went below —not without a full presentiment of evil. “MS Found in a Bottle”	...я спустился в каюту не без дурных предчувствий. (Энгельгардт) Я сошел вниз в предчувствии какой-то беды (Вестник ин. лит.).	Я сошел вниз и, <i>должен сказать</i> , в душе у меня было полное предчувствие беды (Бальмонт).
I would take a very small dose in the first instance. Should this prove impotent, I would repeat it ... “The Oval Portrait”	Для начала я приму дозу совсем маленькую. Если не поможет, повторю... (Галь)	На первый раз, – <i>думал я</i> , – приму очень маленькую дозу. Если она не подействует, буду повторять ... (Энгельгардт)

Переводы, размещенные в правом столбце, добавляют в текст вводные обороты, в которых звучит «голос» повествователя. При таком вкраплении разрушается иллюзия включенности читателя в описываемое происходящее, пропадает эффект «репортажа с места событий», ретроспективный комментарий не согласуется с недосказанностью в

судьбе рассказчика, возможно, вскоре погибшего. Специальное исследование показало, что обороты, вербализующие «точку зрения» повествователя, оказываются одной из наиболее подвижных составляющих изученных текстов, в силу более свободного отношения переводчиков к интерпретации модусного плана произведения по сравнению с диктумным [Уржа, 2007, 432].

Третий рассказ Эдгара По «Berenice» по-русски называется «Берениса» (анонимный перевод, изд. тип. И. Д. Сытина, 1908), «Береника» (К. Д. Бальмонт, 1911; М. А. Энгельгардт, 1914; В. А. Неделин, 1970), «Вероника» (анонимный перевод, изд. «Вестник иностранной литературы», 1912). Первые два варианта более соответствуют замыслу автора, поскольку время и место действия рассказа намеренно не определено, а имя героини, как и героя рассказа (Эгея), подчеркнуто несовременно и восходит к античной мифологии.

К античности отсылает и латинский язык эпитафия (отметим, что фразу, приписанную Эдгаром По средневековому арабскому политику и поэту Ибн-Зайату, исследователи не смогли соотнести ни с каким из известных текстов, возможно, она вымышлена [Beard, 1995, 611]). Сравним оригинал (помещенный у Э. По без английского перевода) и варианты русскоязычных интерпретаций:

Оригинал: Dicebant mihi sodales, si sepulchrum amicae visitarem, curas meas aliquantulum forelevatas. – Ebn Zaiat .			
К. Д. Бальмонт	М. А. Энгельгардт	Вестник иностранной литературы	В. А. Неделин
Латинский оригинал, в сноске перевод: Говорили мне сотоварищи, что, если бы я посетил могилу подруги, я несколько облегчил бы свои печали.	Латинский оригинал, в сноске перевод: Мне говорили товарищи, что, если навещу могилу подруги, горе мое облегчится.	Оригинала нет И мне советовали навестить усыпальницу моей милой, так как это смягчит мое горе. Эбн Заят	Латинский оригинал, в сноске перевод: Мне говорили собратья, что, если я навещу могилу подруги, горе мое исцелится. (лат) – Ибн-Зайат.

Роль фразы, вынесенной в эпитафия, в сюжете этого рассказа огромна. Герой–повествователь Эгей страдает душевным расстройством. Он одержим маниакальными, навязчивыми идеями. Одной из таких идей, поглощающих его воображение, становятся красивые зубы его больной кузины и невесты Береники. Накануне свадьбы Береника впадает в транс после эпилептического припадка. Все думают, что она умерла, и хоронят девушку. Далее сюжетная нить рассказа прерывается и восстанавливается лишь

ретроспективно, отрывочно, при помощи отдельных намеков повествователя. Через день после похорон он пробуждается от болезненного забытья в библиотеке. Эгей не помнит, что случилось в эту ночь, но внезапный ужас охватывает его при виде раскрытой книги с подчеркнутой фразой из Ибн–Зайата. Лишь постепенно он узнает о страшном преступлении, совершенном ночью на кладбище, и находит в своей шкатулке зубы Береники.

Таким образом, фраза из эпитафии не только соотносится с событиями сюжета, но и сама является его частью. В общей атмосфере трагедии, ужаса, созданной автором, слово *горе* в переводе фразы выглядит более уместным, чем *печали* (несмотря на то, что в оригинале слово имеет форму множественного числа). Однако трудно в русском переводе передать всю палитру значений слова *cura* [Дворецкий, 2008], включающую также *заботу, беспокойство*¹⁶⁷, *тревогу* (отсылка к навязчивой идее, преследующей героя) и, наконец, *страсть*. Прочитав текст до конца, поступок героя можно интерпретировать скорее не как попытку «облегчить горе» потери, а как стремление «исцелиться» от навязчивого образа. В любом случае, в эпитафии заключена горькая ирония – герой не исцелился, а напротив, погубил себя окончательно.

Немногие переводчики обратили внимание на переключку эпитафии и фразы, начинающей рассказ:

MISERY is manifold. The wretchedness of earth is multiform	Несчастье многообразно. Злополучие земли многоформенно (Бальмонт).	Печаль многосложна. И многострадальность человеческая необъятна (Неделин).	Бывают различные несчастья. Земное горе разнородно (изд. Сытина).	Несчастье многообразно. Бедствия на земле разнообразны (Вестник ин. лит.).
--	--	--	---	--

Дальнейшее повествование переполнено трагическими событиями, герои невиновны в своих несчастьях и вызывают сострадание. В таком контексте можно объяснить отклонение от оригинала в переводе В. А. Неделина, подчеркивающее многообразие человеческого горя, а не горя на земле вообще. Переводы в издании И. Д. Сытина и «Вестника иностранной литературы» несколько упрощают стиль афоризма, а также его ритмическую организацию (в последнем варианте отметим и тавтологию).

Толкование истории Эгея и Береники как фатального несчастья, горя, страдания или развития навязчивой идеи, извращенной страсти колеблется и в зависимости от того,

¹⁶⁷ Традиционно в английском переводе этого отрывка стоит слово *troubles*.

как в переводе будет интерпретирован образ главного героя. В самом начале рассказа Эгей признается:

Our line has been called a race of visionaries...	Мои предки приобрели репутацию ясновидящих... (Энгельгардт)
	Наш род был назван расой духовидцев... (Бальмонт)
	Целый ряд моих предков считались мечтателями... (Вестник. ин. лит.)
	Молва приписывала нам, что в роду у нас все не от мира сего... (Неделин)

Оценивая дальнейшее развитие действия, болезнь героя и героини, убийство Береники, читатель исходит из этой характеристики, актуализирующей различные значения слова *visionary*¹⁶⁸. Можно представить Эгея как гения, которого преследует рок, или как мечтателя, фантазии которого обернулись кошмаром, или как душевнобольного, поработанного маниакальной идеей.

Отмечая отдельные изменения, вносимые переводчиками в авторскую стратегию организации текста, обратимся в заключение к одному принципиальному расхождению существующих интерпретаций рассказов Э. По. Речь идет о присущей ряду переводов тенденции к свободной, несколько упрощенной трактовке объемных философских отступлений, где смысл произведения представлен в абстрактном плане.

Первый пример взят из «Рукописи найденной в бутылке». Попав на корабль–призрак, герой пишет в своем дневнике:

I shall never – I know that I shall never – <i>be satisfied with regard to the nature of my conceptions</i> . Yet it is not wonderful that these conceptions are indefinite, since they have their origin in sources so utterly novel. A new sense – a new entity is added to my soul.	Никогда – я ведь знаю, что никогда – <i>меня не удовлетворит природа моих представлений</i> . И все же неудивительно, что они столь неопределенны – ведь истоки их отличаются такой новизной. Каким–то новым чувством, какой-то новой сущностью прониклась моя душа (Широков).	Я знаю, что никогда <i>не буду удовлетворен моими рассуждениями</i> . А между тем нет ничего удивительного, что мои рассуждения страдают неопределенностью вследствие того, что порождены столь новыми впечатлениями (Вестник ин. лит.).	Никогда – я это знаю твердо – никогда не смогу я <i>точно истолковать происшедшее</i> . Однако нет ничего удивительного в том, что мое истолкование будет неопределенным – ведь оно обращено на предметы абсолютно неизведанные. Дух мой обогатился каким-то новым знанием, проник в
--	--	--	--

¹⁶⁸ Ср. толкования по словарям времени создания оригинала и переводов: “One whose imagination is disturbed” [Johnson, 1805]; Мечтатель; тотъ, кто воображаетъ, будто имѣеть видѣнія, откровения, явления; съумазбродъ [Parenogo, 1816]; “One who sees visions or unreal sights; one who forms impracticable schemes” [Annandale, 1913].

			некую новую субстанцию (Беккер).
--	--	--	----------------------------------

Второй отрывок – из начала рассказа «Береника»:

How is it that <i>from beauty I have derived a type of unloveliness? – from the covenant of peace, a simile of sorrow?</i> But as, in ethics, evil is a consequence of good, so, in fact, out of joy is sorrow born.	Каким образом <i>из области красоты</i> я заимствовал образ <i>чего-то отталкивающего?</i> символ <i>умиротворенья превратил в уподобление печали?</i> Но как в мире нравственных понятий зло является последствием добра, так в действительности из радости рождаются печали (Бальмонт).	Как это <i>пришло мне в голову сравнить красоту с безобразием?</i> Символ <i>мира с печалью?</i> Но как в этике зло рассматривается как последствие добра, так и из радости всегда рождается печаль (Вестник ин.лит.).	Как же так вышло, что <i>красота привела меня к преступлению?</i> Почему мое <i>стремление к мирной жизни накликало беду?</i> Но если в этике говорится, что добро приводит и ко злу, то так же точно в жизни и печаль родится из радости (Неделин).
--	---	--	--

И в том, и в другом случае справа помещен вариант, подменяющий абстрактное рассуждение, опосредованно связанное с текстом (и очевидно соотносимое с эпиграфом соответствующего рассказа), конкретными событиями сюжета. Значение выбранной автором лексики соотносится с художественным смыслом целого произведения. В рассказах Э. По конфликт реального и умоглядного – в душе героя, в его особенном мировосприятии. Упрощенные варианты делают акцент на «внешних» событиях, на «происшедшем». При этом нельзя не отметить, что они делают текст более облегченным и в стилистическом плане. В итоге манера усложненного, скрупулезного формулирования мысли Э. По оказывается несколько упрощена в ряде русских переводов. Подобные примеры мы встречаем в вариантах, созданных как в конце XIX, так и в начале, и в середине XX вв. Не исключено, что изменения подобного рода (их обнаружено немало) составляют одну из причин того, что рассказы Эдгара По стали в России популярным чтением для весьма обширной аудитории, в то время как современный англоязычный читатель должен приложить ряд усилий, чтобы «сквозь» сложный синтаксис и необычный стиль проникнуть к философским парадоксам оригинала.

Изложенный выше материал свидетельствует о том, что рассказы Э. По представляют собой крайне непростой объект для переводческой интерпретации. Использование заглавия и эпиграфа, наряду с разнообразными внутритекстовыми средствами, для создания атмосферы таинственности, недосказанности, и одновременно «фантастической достоверности», взаимодействие точек зрения героя и повествователя, объединенных в одном образе, многозначные определения, буквальные переключки слов,

обилие философских отступлений, образующих вкупе с эпиграфом некую над-сюжетную, абстрактную интерпретацию идеи рассказа, – все это составляет суть авторской манеры и сверхзадачу для художественного воплощения в переводе.

Список литературы:

Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. 11-е изд. / И.Х. Дворецкий. М.: Русский язык – Медиа, 2008. 1096 с.

Кузьмина Н.А. Эпиграф в коммуникативном пространстве художественного текста / Н.А. Кузьмина. Вестник Омского университета. 1997. Вып. 2. С. 60–63.

Уржа А.В. Интерпретация метатекста и воссоздание «образа повествователя» в художественном переводе / А.В. Уржа. Лингвистика и поэтика в начале III тысячелетия. М.: ИРЯ РАН, 2007. С. 428–434.

Уржа А.В. Русский переводной художественный текст с позиций коммуникативной грамматики / А.В. Уржа. М.: Спутник +, 2009. 293 с.

Успенский Б.А. Поэтика композиции (структура художественного текста и типология композиционной формы) / Б.А. Успенский. М.: Искусство, 1970. 224 с.

Annandale C. The Concise English Dictionary / C. Annandale. London: Blackie & Son, 1913. 850 pp.

Beard M. The Epigraph to Poe's «Berenice» / M. Beard. American Literature. DUP, 1978. Vol. 49, №4. PP. 611–613.

Fletcher R.M. The Stylistic Development of Edgar Allan Poe / R.M. Fletcher. The Hague: Mouton. 1973. 192 pp.

Johnson S. A Dictionary of the English Language / S. Johnson. Philadelphia: Jacob Johnson & Co., LL.D. The 9th edition. 1805. (Pages unnumbered).

Quinn A.H. Edgar Allan Poe. A Critical Biography / A.H. Quinn. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1998. 805 pp.

СВЯЗАНЫ ЛИ МЕЖДУ СОБОЙ РУССКИЙ СИНТАКСИС И РУССКИЙ МЕНТАЛИТЕТ?¹⁶⁹

IS THERE ANY CONNECTION BETWEEN RUSSIAN SYNTAX AND RUSSIAN MENTALITY?

В статье предпринята попытка объяснить причины своеобразия синтаксического строя русского языка. Показано, что это своеобразие лишь опосредованно связано со специфическими чертами русского менталитета, поскольку обусловлено не менталитетом, а типичными коммуникативными потребностями, характерными для большого однородного оседлого языкового коллектива, каковым является коллектив носителей русского языка. Такой коллектив жизненно заинтересован в надежности многоступенчатого распространения социально значимой информации и, следовательно, в высокой помехоустойчивости языковой системы. На уровне синтаксического строя помехоустойчивость и, как следствие, содержательная избыточность обеспечиваются установкой на высокую предсказуемость продолжения любого высказывания. Этому способствует техника описания каждой ситуации как процесса, осуществляемого неким активным субъектом. Именно предпочтением, которое отдается этой технике, можно объяснить нетипичность для русского языка предложений со статичным глаголом *быть* (**На улице есть жара*; **Я есть профессор Московского университета*; **Мое имя есть Михаил*; **Ребенок есть нездоров*) и, напротив, широкое использование таких типов двусоставных и односоставных предложений с глагольными сказуемыми, которые не имеют формальных эквивалентов в большинстве европейских языков (*На улице **стоит** жара*; *Я **являюсь** профессором Московского университета*; *Меня **зовут** Михаил*; *Мне **нездоровится***).

The article attempts to explain the reasons for the peculiarity of Russian syntactic system. It is shown that this peculiarity is only indirectly connected with the specific features of the Russian mentality, because it is caused not by the mentality but by typical communication needs specific to a large sedentary homogeneous linguistic community, which the collective of native speakers of Russian is. Such a collective is vitally interested in the reliability of the multistage spread of socially significant information and, consequently, in the high noise immunity of the language system. At the level of syntax the noise immunity and, as a result, the redundancy are ensured by the orientation to the high predictability of the continuation of any sentence. This technique aims to describe any situation as a process carried out by a certain active subject. Such an orientation can explain why sentences with the verb *to be* (**Na ulice est « zhara [literally ‘On street is heat’]; *Ya est « professor Moskovskogo universiteta [literally ‘I am professor of Moscow University’]; *Moe imya est « Mikhail [literally ‘My name is Mikhail’]; *Rebenok est « nezdorov [literally ‘Child is sick’]*) are atypical in Russian and why the Russian language prefers such types of sentences which look strange in other languages (*Na ulice **stoit zhara [literally ‘On street heat stands’]; Ya yavlyayus « professorom Moskovskogo universiteta [literally ‘I show myself as professor of Moscow University’]; Menya zovut Mikhail [literally ‘They call me: “Mikhail!”’]; Rebenku nezdorovitsya [literally ‘It hurts itself to child’]***).

¹⁶⁹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 14-04-00145 «Имплитное содержание единиц русской речи: Системное описание»).

Ключевые слова: русский синтаксис, русский менталитет, тип языкового коллектива, коммуникативные потребности, синтетические конструкции, аналитические конструкции, синтаксические метафоры.

Keywords: Russian syntax, Russian mentality, the type of language community, communicative needs, synthetic structures, analytical structures, syntactic metaphors.

При определении характера связей между русским языком и русским национальным менталитетом исследователи в подавляющем большинстве случаев анализируют лексический уровень языка [Вежбицкая, 2001; Шмелев, 2002]. Работы, посвященные взаимоотношению между русским менталитетом и грамматическим строем русского языка, встречаются сравнительно редко, причем их авторы обычно исходят из не сформулированного ими в явном виде предположения о том, что грамматический строй любого языка отражает специфические черты мышления данного народа. Так, по мнению А. Вежбицкой, широкое использование русским языком безличных предложений (*Мне нужно это сделать; Ей не спится; Его убило молнией*) обусловлено такими свойственными русскому народу особенностями восприятия мира, как «иррациональность» (А. Вежбицкая заключает это слово в кавычки) и неагентивность. «Иррациональность», – поясняет исследовательница, – это «подчеркивание ограниченности логического мышления, человеческого знания и понимания, непостижимости и непредсказуемости жизни», а неагентивность – «ощущение того, что людям неподвластна их собственная жизнь, что их способность контролировать жизненные события ограничена; склонность русского человека к фатализму, смирению и покорности; недостаточная выделенность индивида как автономного агента, как лица, стремящегося к своей цели и пытающегося ее достичь, как контролера событий» [Вежбицкая, 1996, с. 34].

Между тем тезис о том, что язык является не орудием мышления, а средством передачи другим людям неязыкового мыслительного содержания, был достаточно убедительно доказан еще В. фон Гумбольдтом, который писал: «Люди понимают друг друга не потому, что передают собеседнику знаки предметов, и даже не потому, что взаимно настраивают друг друга на точное и полное воспроизведение идентичного понятия, а потому, что взаимно затрагивают друг в друге одно и то же звено цепи чувственных представлений и начатков внутренних понятий, прикасаются к одним и тем же клавишам инструмента своего духа, благодаря чему у каждого вспыхивают в сознании соответствующие, но не тождественные смыслы. Лишь в этих пределах, допускающих широкие расхождения, люди сходятся между собой в понимании одного и того же слова» [Гумбольдт, 1984, с. 65–166]. Ту же мысль выражает и широко известное высказывание

Гумбольдта о том, что «всякое понимание <...> всегда есть вместе и непонимание, всякое согласие в мыслях и чувствах – вместе и расхождение» [Гумбольдт, 1984, с. 84].

Но если язык не изоморфен мышлению, то очевидно, что любой язык должен располагать специфичным для него механизмом, предназначенным для кодирования мыслительного содержания. Этот механизм Гумбольдт именовал внутренней формой языка, которую он характеризовал так: «Постоянное и единообразное в <...> деятельности духа, возвышающей членораздельный звук до выражения мысли, взятое во всей совокупности своих связей и систематичности, и составляет форму языка» [Гумбольдт 1984: 71] (здесь и далее шрифтовые выделения в цитатах принадлежат цитируемым авторам. – М. Ф.). И далее: «Через описание формы мы должны установить тот специфический путь, которым идет к выражению мысли язык, а с ним и народ, говорящий на этом языке» [Гумбольдт 1984: 73].

Удачную иллюстрацию того, как при передаче одного и того же содержания, разные языки используют разные внутренние формы (или, в другой терминологии, формы содержания), можно найти у Л. Ельмслева. Ученый сопоставил используемые разными языками способы выражения сообщения «Я не знаю»: *Jeg véd det ikke* (датск.); *I do not know* (англ.); *Je ne sais pas* (франц.); *En tiedā* (финск.); *Naluvava* (эским.), – и пришел к следующему выводу: «Итак, мы видим, что неоформленный материал, извлеченный из всех этих лингвистических цепей, различно формируется в каждом из языков. Каждый язык проводит свои границы в аморфной «массе мысли», по-разному располагает их и выделяет различные факторы; помещает центры тяжести в различных местах и дает им различную эмфазу <...> Таким образом, в лингвистическом **содержании**, в его процессе, мы устанавливаем специфичную **форму, форму содержания**, которая независима и произвольна в отношении к **материалу**, и формирует его в **субстанцию содержания**» [Ельмслев, 1999, с. 177].

Однако какие факторы определяют появление в каждом из языков той или иной внутренней формы? По мнению Гумбольдта, такими факторами являются особенности «национального духа» данного народа. Говоря о языке, Гумбольдт писал: «Он всеми тончайшими нитями своих корней сросся <...> с силой национального духа, и чем сильнее воздействие духа на язык, тем закономерней и богаче развитие последнего. Во всем своем стройном сплетении он есть лишь продукт языкового сознания нации (*Wirkung des nationellen Sprachsinns*), и поэтому на главные вопросы о началах и внутренней жизни языка, – а ведь именно тут мы подходим к истокам важнейших языковых различий, – вообще нельзя должным образом ответить, не поднявшись до точки зрения духовной силы и национальной самобытности. Здесь, конечно, не придется искать

материалов для сравнительного языкознания, которое по своей природе требует исторического подхода, зато только с этой точки зрения можно будет разглядеть истинную связь всех фактов и добиться того, чтобы язык раскрылся перед нами как внутренне цельный организм, что в свою очередь поможет потом и верной оценке частностей» [Гумбольдт, 1984, с. 47].

К сожалению, термин *национальный дух* в том виде, в каком его использовал Гумбольдт, трудно признать однозначно определенным и, кроме того, соответствующим научной терминологии нашего времени. Однако последователь Гумбольдта Г.П. Мельников считает, что с точки зрения современной науки те черты языкового коллектива, которые обуславливают своеобразие его языка (т.е. именно то, что Гумбольдт именовал национальным духом) – это не особенности национального менталитета, а типичные коммуникативные потребности, возникающие в языковом коллективе под влиянием трех факторов: размеров этого коллектива, степени его однородности и, наконец, постоянного или прерывистого характера общения между членами коллектива.

Как утверждал Г.П. Мельников, инкорпорирующие языки складываются под влиянием коммуникативных потребностей небольших коллективов охотников–собираателей, хорошо осведомленных обо всех протекающих в коллективе событиях; агглютинативные языки характерны для коллективов животноводов–кочевников, контакты между членами которых периодически прерываются в связи с выпасом скота на летних пастбищах; флективные синтетические языки отвечают потребностям больших однородных коллективов земледельцев, которые остро заинтересованы в высокой помехоустойчивости языка, жизненно необходимой им для многоступенчатого распространения внутри всего коллектива социально значимой информации; наконец, флективные аналитические и в особенности изолирующие языки формируются в неоднородных языковых коллективах, где легкое поддержание текущих контактов оказывается гораздо важнее помехоустойчивости [Мельников, 2000; 2003а; 2003б; 2012].

По наблюдениям Г.П. Мельникова, первоначально все индоевропейские языки вырабатывали в себе свойства, необходимые для языков больших однородных земледельческих коллективов, однако с течением времени многие из этих языков попали в условия смешения разноязычных народов и были вынуждены развивать технику аналитизма. Что же касается русского языка, то, отличаясь от других индоевропейских языков очень высокой численностью носителей, их однородностью и большой территорией распространения, он реализовал все исходно характерные для индоевропейских языков тенденции наиболее полно и последовательно.

Суть упомянутых тенденций состоит в постоянном совершенствовании тех свойств языка, которые направлены на высокую предсказуемость продолжения любого высказывания, что дает слушающему неизменную возможность проверять, правильно ли он воспринимает передаваемую ему информацию.

На уровне выбора модели предложения прогнозируемость продолжения предложения обеспечивается тем, что подавляющее большинство русских предложений строятся не как сообщения о текущем состоянии какого-либо известного говорящему и слушающему объекта, например *Теленок теперь дома благодаря пастуху* (здесь трудно предвидеть, какие слова последуют после слова *теленок*), а как описания процесса, осуществляемого неким активным субъектом, т. е. по модели *Пастух пригнал теленка домой*. При установке на описание ситуации как процесса словоформа *пастух* заставляет слушающего ожидать, что дальше последует обозначение какого-либо действия, а словоформа *пригнал*, в свою очередь, побуждает его прогнозировать то, что далее будет указан объект действия, а затем место, куда этот объект был пригнан. Соответствие воспринимаемого высказывания первоначальному прогнозу свидетельствует о правильности понимания, а несоответствие прогнозу – напротив, оценивается адресатом как сигнал того, что в процессе коммуникации были допущены какие-либо ошибки и что необходимо попросить адресанта уточнить сказанное.

Однако как быть, если возникает необходимость передать сообщение не о процессе, а о статическом положении дел, например о существовании в некотором месте какого-нибудь объекта? Наблюдения показывают, что в подобных ситуациях русский язык может использовать два альтернативных типа синтаксических средств. В одних случаях язык отказывается от применения характерных для него синтетических грамматических способов и обращается к простому соположению начальных форм слов (иногда в сочетании со служебными словами), т. е. к использованию таких аналитических конструкций, как *Пушкин – поэт* или *Сегодня мороз*, которые Ф. Ф. Фортунатов именовал «неграмматическими словосочетаниями» [Фортунатов, 1957, с. 453]. Напротив, в других случаях язык прибегает к использованию синтетических конструкций (или, если пользоваться терминологией Фортунатова, «грамматических словосочетаний»), в которых статические ситуации метафорически обозначаются как процессы. Так, вместо *Пушкин – поэт* по-русски можно сказать *Пушкин является великим русским поэтом*, где глагол *являться* выражает, конечно, не исторически исходное значение ‘представать, показываться перед чьими-либо глазами’, а производное, метафорическое значение ‘быть’. Аналогичным образом предложение *Сегодня мороз* можно заменить синонимичным ему предложением *Сегодня стоит мороз*, где слово *стоять* имеет не

прямое значение ‘быть на ногах, не двигаясь с места’, а производное, метафорическое значение ‘быть, сохраняться, удерживаться’. Легко увидеть, что именно подобные, во-первых, аналитические, а во-вторых, синтетические по форме, но метафорические по содержанию синтаксические конструкции и являются специфическими конструкциями, отличающими русский язык от других языков.

Конкретизируем сказанное.

1. **Бытийные предложения и предложения о местоположении.** Одно из отличий русского языка от многих других языков состоит в том, что в нем предложения, информирующие о существовании или несуществовании в мире или в некотором из его фрагментов каких-либо предметов или ситуаций (так называемые **бытийные предложения** [Арутюнова и др., 1983, с. 229–283; Крылова и др., 1997, с. 115]), а также предложения, несущие информацию **о местоположении** предметов [Крылова и др., 1997, с. 144–145], как правило, совсем не употребляют глагол *быть* в форме настоящего времени и сравнительно редко используют этот глагол в прошедшем или будущем времени. Причины такого положения легко объяснить тем, что данный глагол не обозначает, как того требует внутренняя форма русского языка, процесса и, соответственно, не способствует прогнозированию продолжения высказывания. В результате в подавляющем большинстве случаев русские предложения рассматриваемого семантического типа используют синтетические конструкции с глагольными сказуемыми, метафорически обозначающими существование или местоположение как процесс. Так, в зависимости от характера бытующих предмета или ситуации, а также от их местоположения по-русски скажут: *На столе **лежит** книга; В шкафу **стоит** книга; На стене **висит** картина; В машине **сидит** человек; Почтамт **находится** на главной улице города; Канцелярия **помещается** на первом этаже, а также *На улице **стоит** жара; Идет дождь; Дует ветер* и т. п.*

Приведем пример: *В пятницу днем Максимилиан Андреевич вошел в дверь комнаты, в которой **помещалось** домоуправление дома N 302–бис по Садовой улице в Москве.*

*В узенькой комнате, где на стене **висел** старый плакат, изображавший в нескольких картинках способы оживления утонувших в реке, за деревянным столом в полном одиночестве **сидел** средних лет небритый человек с встревоженными глазами (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).*

В то же время установка на предельную краткость, свойственная ремаркам драматургических произведений, заставляет их авторов прибегать к использованию аналитических конструкций, информирующих о существовании или местоположении, т.е.

к конструкциям номинативных предложений. Проиллюстрируем сказанное следующей драматургической ремаркой: *Рабочий кабинет гетмана во дворце. Громадный письменный стол, на нем телефонные аппараты. Отдельно полевой телефон. На стене огромная карта в раме. Ночь* (М. Булгаков. Дни Турбиных).

2. Квалифицирующие предложения и предложения тождества. При построении предложений, информирующих об отнесенности некоторого предмета к какому-либо классу предметов (так называемые **квалифицирующие предложения** [Крылова и др., 1997, с. 141–143]), а также предложений, сообщающих о том, что два наименования обозначают один и тот же предмет (**предложения тождества** [Арутюнова, 1976, с. 284–325; Крылова и др., 1997, с. 166–169]), русский язык также может прибегать как к синтетическим, так и к аналитическим конструкциям. Синтетические конструкции метафорически используют такие глагольные сказуемые, как *являться, представлять собой, принадлежать к числу*, напр., *Я являюсь профессором Московского университета; МГУ принадлежит к числу ведущих вузов страны; Луна представляет собой спутник Земли*. Они характерны преимущественно для официально-делового и научного стилей – стилей, которым присуща установка на формальную полноту изложения. Напротив, в разговорном стиле широко употребляются аналитические квалифицирующие предложения и предложения тождества с составными именными сказуемыми (в случае настоящего времени – без глагола-связки) типа *Я профессор МГУ; МГУ – один из ведущих вузов страны; Луна – это спутник Земли*.

Проиллюстрируем сказанное следующим диалогом, где первая реплика Поплавского имитирует официально-деловой стиль, а вторая его реплика принадлежит к разговорному стилю:

– Видите ли, – внушительно заговорил Поплавский, – **я являюсь единственным наследником покойного Берлиоза, моего племянника, погибшего, как известно, на Патриарших, и я обязан, согласно закону, принять наследство, заключающееся в нашей квартире номер пятьдесят...**

– Не в курсе я, товарищ, – тоскливо перебил человек.

– Но, позвольте, – звучным голосом сказал Поплавский, – **вы член правления и обязаны...** (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

3. Предложения именованья. При построении **предложений именованья**, т. е. предложений, информирующих о собственном имени некоторого либо лица или о названии какого-либо предмета [Арутюнова, 1976, с. 19; Крылова и др., 1997, с. 166], русский язык также отдает явное предпочтение синтетическим конструкциям, информирующим о статическом факте наличия имен как о динамическом процессе

именования. Так, сообщая о чьем-то личном имени или о наименовании какого-либо предмета, русский человек скорее использует не аналитические конструкции типа *Мое имя – Иван, Название этого дерева – пиния*, а синтетические конструкции типа *Меня зовут Иван; Это дерево называется пиния*. Ср.: Вершинин. *Меня зовут Александром Игнатьевичем...* (А.П. Чехов); *Ее сестра звалась Татьяна...* (А.С. Пушкин), а также: *<...> другая комната, почти вдвое больше, называлась залой и тут стояли одни только стулья, как в танцклассе* (А.П. Чехов); *Главные торговые операции производились в городских рядах, в помещении, которое называлось амбаром* (А.П. Чехов).

К использованию аналитических конструкций в предложениях именования русский язык прибегает, как правило, тогда, когда необходимо проинформировать адресата, о каком именно типе имени сообщается в предложении – о личном имени, фамилии, прозвище, кличке или, например, псевдониме, например: *Настоящая фамилия писателя была Пимов, но он избрал псевдоним* (М. Горький); *<...> уличное прозвище у него было почему-то – Бронза*, (А.П. Чехов); *Упомянуть при этом мою настоящую фамилию категорически запрещается. Мой псевдоним – Андрей Колымский!..* (С. Довлатов).

4. Предложения характеристики по состоянию. По наблюдениям А. Вежбицкой, в английском языке «эмоции чаще передаются прилагательными или псевдопричастиями, чем глаголами: *Mary was sad, pleased, afraid, angry, happy, disgusted, glad, etc.* ‘Мэри была опечалена, довольна, испугана, сердита, счастлива, возмущена, рада и т. д.’» (Вежбицкая, 1996, с. 38), тогда как в русском языке – глаголами. «В отличие от английского языка, – пишет исследовательница, – русский исключительно богат “активными” эмоциональными глаголами. Приведу здесь лишь сравнительно небольшую выборку наиболее типичных глаголов, большинство из которых совершенно не переводимо на английский язык: *радоваться, тосковать, скучать, грустить, волноваться, беспокоиться, огорчаться, хандрить, унывать, гордиться, ужасаться, стыдиться, любоваться, восхищаться, ликовать, злиться, гневаться, тревожиться, возмущаться, негодовать, томиться, нервничать* и т. д.» (Вежбицкая, 1996, с. 42).

А. Вежбицкая видит в качестве причины этой особенности русского языка присущую русскому национальному характеру эмоциональность – «ярко выраженный акцент на чувствах и на их свободном проявлении, высокий эмоциональный накал русской речи, богатство языковых средств для выражения эмоций и эмоциональных оттенков» (Вежбицкая, 1996, с. 33–34). Однако есть основания утверждать, что широкое использование русским языком в предложениях рассматриваемого типа глагольных, а не именных сказуемых обусловлено уже упомянутой нами установкой русского языка на описание любой ситуации как процесса.

Как показывают наблюдения, при передаче многих типов сообщений о состояниях (причем не только эмоциональных) русский язык, в отличие от английского, может использовать и синтетические, глагольные, и аналитические, именные, конструкции, и это дает ему возможность передавать информацию о том, получают или не получают описываемые состояния внешнее проявление. Вот что писал об этом А. М. Пешковский, сравнивая сказуемые типа *веселится* и типа *весел*: «При слове *веселится* нам представляются какие-то действия веселящегося человека. Если нам скажут *он сегодня веселится*, мы, смотря по человеку, предположим или попойку, или бал, или поездку за город, – словом, во всяком случае какие-либо “веселые” действия. Ничего этого нет в слове *весел*. В словах *радуется*, *печалится*, *грустит* уже меньше внешних проявлений чувства, чем в слове *веселится*, но все-таки они есть. Мы скорее скажем *он радуется, как ребенок*, чем *он рад, как ребенок*, потому что *радуется* указывает на какие-то жесты, выражение лица, – словом, на какое-то проявление радости, чем и подходит больше к ребенку, нежели *рад*» [Пешковский, 2001, с. 97].

К сказанному необходимо добавить, что свойственная русскому языку установка на описание любого состояния как активного действия проявляется и в тех случаях, когда субъект этого действия неизвестен. Указанной цели служат не имеющие эквивалентов во многих иностранных языках безличные предложения. Так, болезненное физическое состояние некоторого лица по-русски можно описать при помощи глагола *тошнить*, а болезненное душевное состояние – посредством глагола *щемить*, не называя при этом ту силу, которая «тошнит» и «щемит»: *У Александры Михайловны с похмелья болела голова, ее тошнило, и все кругом казалось еще серее, еще отвратительнее, чем всегда. Таня не пришла. У Александры Михайловны щемило на душе, что и сегодня утром, до работы, она не провела Таню <...>* (В.В. Вересаев). Аналогичным образом, посредством безличных предложений, может быть охарактеризовано и состояние окружающей среды: *Где-то далеко бушевала гроза, где-то еще ухало и грохотало <...>* (А.И. Пантелеев); *Пахнет* каким-то соленым, квасом и плесенью. *Не то рядом стоит бочка с огурцами, не то капусту квасят* (Ю.О. Домбровский).

Подводя общие итоги всему сказанному, следует подчеркнуть, что причины своеобразия синтаксического строя русского языка лишь опосредованно связаны со специфическими чертами русского менталитета. Основная причина их существования – типичные коммуникативные потребности, характерные для большого однородного оседлого языкового коллектива, каковым является коллектив носителей русского языка, и вытекающая из этих потребностей установка на описание любой ситуации как процесса, осуществляемого неким активным субъектом.

Список литературы:

- Арутюнова Н.Д.* Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы / Н.Д. Арутюнова. М.: Наука, 1976. 384 с.
- Арутюнова Н.Д.* Русское предложение. Бытийный тип (структура и значение) / Н.Д. Арутюнова, Е.Н. Ширяев. М.: Русский язык, 1983. 198 с.
- Вежбицкая А.* Понимание культур через посредство ключевых слов / А. Вежбицкая; пер с англ. М.: Русские словари, 1996. 416 с.
- Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание / Анна Вежбицкая; пер. с англ. А.Д. Шмелева. М.: Языки славянской культуры, 2001. 288 с.
- Гумбольдт В. фон.* Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт; пер. с нем.. М.: Прогресс, 1984. 400 с.
- Ельмслев Л.* Прологомены к теории языка // Зарубежная лингвистика. I: Пер. с англ. / Общ. ред. В.А. Звегинцева и Н.С. Чемоданова. М.: Прогресс, 1999. С. 131–256.
- Крылова О.А.* Современный русский язык: Теоретический курс. Ч. IV. Синтаксис. Пунктуация / О.А. Крылова, Л.Ю. Максимов, Е.Н. Ширяев. М.: Изд-во РУДН, 1997. 256 с.
- Мельников Г.П.* В чем состоит своеобразие русского языка и какими факторами оно обусловлено // Политическая лингвистика. 2012. № 2 (40). С. 13–20.
- Мельников Г.П.* Системная лингвистика и семиотические основания решения проблем семантики // Вестник Российского университета дружбы народов. 2003 [а]. № 4. С. 5–14; № 5. С. 11–20.
- Мельников Г.П.* Системная типология языков: Принципы, методы, модели / Г.П. Мельников. М.: Наука, 2003 [б]. 395 с.
- Мельников Г.П.* Системная типология языков: Синтез морфологической классификации языков со стадийной: Курс лекций / Г.П. Мельников. М.: Изд-во Российского университета дружбы народов, 2000. 90 с.
- Пешковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении / А.М. Пешковский. М.: УРСС, 2001. 432 с.
- Фортунатов Ф.Ф.* Избранные труды. Том 2 / Ф.Ф. Фортунатов. М.: Учпедгиз, 1957. 472 с.
- Шмелев А.Д.* Русская языковая модель мира: Материалы к словарю / А.Д. Шмелев. М.: Языки славянской культуры, 2002. 224 с.

Χαρακιδис Э.
Фракийский университет имени Демокрита
г. Комотины (Греция)

Εσακoβα Μ.Η.
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Charatsidis E.
Democritus University of Thrace
Komotini (Greece)

Esakova M.
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

ПЕРЕВОД РУССКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ГРЕЦИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

TRANSLATION AS AN INSTRUMENT OF INTERACTION BETWEEN

В статье освещается судьба русского художественного слова в Греции, начиная с первой половины XIX века и до начала XXI века.

Переводотворчество первой половины XIX века характеризуется направленными навстречу друг другу процессами. Стремление рассказать о великом наследии униженного и страдающего народа получило отражение в переводческом творчестве известных русских поэтов (В. Жуковского, Н. Гнедича). В Греции же первые переводческие опыты рассказывали об отношении русской интеллигенции к грекам. (1819). Первым переводом с русского языка стала напечатанная в журнале «Сын Отечества» статья В. Капниста «Мнение о том, что Улисс (Одиссей) странствовал, не в Средиземном, но в Черном и в Азовском морях», которая «не удостоилась даже и насмешливого отзыва» в России.

Сразу после освобождения Греции стала расширяться сеть издательств, появляются новые литературные журналы и, конечно, вместе с этим активизируется и переводческая деятельность. В 40 – 50 годы журнал «*Αποθήκη των Ωφελίμων και Τερπνών Γνώσεων*» (Хранилище полезных и приятных знаний) стал проводником русской литературы в греческую действительность. Благодаря переводам Константина Тзорпантзоглу, греческому читателю стали известны не только произведения А.С. Пушкина, И.А. Крылова и Н.М. Карамзина, но и критические и обзорные статьи о русской литературе. В 1880 годы переводная русская литература достигает апогея. Литературно-художественные журналы печатают новые переводы с русского языка произведений А.С. Пушкина, И.А. Крылова, И.С. Тургенева, М.Ф. Достоевского, Л.Н. Толстого и др.

Переводческий процесс не теряет активности и в первые десятилетия XX века. Спад наблюдался лишь в 30 - 40 и в 60 годы. Новый подъём переводная русская литература в Греции переживает, начиная с 1990 годов. В последние годы с русского языка переводятся произведения как советских писателей, так и современных: от М. Горького, В. Маяковского и М. Шолохова до Л. Улицкой и В. Пелевина.

Ключевые слова: русская художественная литература, Греция, перевод художественных произведений.

Открыть весь этот новый мир книг, имея время для чтения в таком городе, как Париж, где можно прекрасно жить и работать, как бы беден ты ни был, все равно что найти бесценное сокровище. Это сокровище можно брать с собой в путешествие, и в городах Швейцарии и Италии, куда мы ездили, пока не открыли Шрунс в Австрии, в одной из высокогорных долин Форарльберга, тоже всегда были книги, так что ты жил в найденном тобой новом мире: днем

снег, леса и ледники с их зимними загадками и твое пристанище в деревенской гостинице «Таубе» высоко в горах, а ночью – другой чудесный мир, который дарили тебе русские писатели. Сначала русские, а потом и все остальные. Но долгое время только русские.
Э. Хемингуэй¹⁷⁰.

Конец XVIII-начало XIX века. История перевода русской литературы в Греции насчитывает более 200 лет. В течение всего этого времени переводческое творчество развивается по восходящей линии. Появление произведений русских писателей стало следствием начала освободительной борьбы греков против османского ига, что, в свою очередь, было связано с русско-турецкими войнами второй половины XVIII века. В сложившейся историко-политической ситуации ощущение близкого освобождения от многовекового рабства и чувство мощного «плеча», устремившего на помощь близкого по культуре единоверного народа, ставили перед греческой интеллигенцией решение и других задач – знакомство с его духовным миром.

Заложенное в характере русского народа героико-патриотическое и активно-творческое начало, получившее воплощение в былинах и древнерусских героических повестях, рассказывающих о героической борьбе русского народа против монголо-татарского ига, и в революционных, вольнолюбивых сочинениях русских писателей и поэтов были близки и понятны греческому народу. О них греки узнавали из первых уст. Греческая диаспора в России, связанная с родиной торговыми, культурными и родственными узами, была мощным проводником этих идей. В них, как в зеркале, отражались чаяния и стремления греческого народа, вставшего на борьбу за освобождение от многовекового турецкого ига.

В то же время борьба греческого народа не была безразлична русской интеллигенции. Она знала о тяжелом положении греков в Османской империи, так как в среде русской интеллигенции было много представителей греческого народа, вдохновителей и руководителей революционной борьбы, охватившей Грецию. Свободолюбивые идеи передовых людей России подпитывали и воодушевляли их стремления. И, наоборот, революционная борьба греческого народа находила своё духовно-эмоциональное воплощение в произведениях русских поэтов и писателей первой четверти XIX века.

Борьба греческого народа за свою свободу по времени совпала с зарождением декабристского движения и с созданием в России различных литературных и общественных организаций. Идеино к ним примыкали и представители греческой интеллигенции России. Репутацией умного и просвещенного человека пользовался

¹⁷⁰Хемингуэй Э. Праздник который всегда с тобой. Электронный ресурс: http://royallib.com/book/heminguey_ernest/prazdnik_kotoriy_vsegda_s_toboy.html

Иоаннис Каподистрия. Его считали покровителем науки и искусства. Он был хорошо известен среди русских литераторов, являлся почетным членом известного литературного кружка «Арзамас», в который входили А.С. Пушкин и В.А. Жуковский, а в 1818 году он был избран членом Петербургской Академии наук. Среди «Арзамасцев» во время различных собраний можно было встретить и другого молодого грека Александра Ипсилантия¹⁷¹, близкого друга графа Орлова.

На таком историческом и культурном фоне появляются первые переводы, русских произведений на греческий язык. В России наблюдалось стремление рассказать о великом наследии униженного и страдающего народа, что получило отражение в переводческом творчестве известных русских поэтов (например, переводы «Одиссеи» В.А. Жуковским и «Илиады» Гомера, «Боевого гимна Греков» и др. Н. Гнедичем).

В Греции же первые переводческие опыты рассказывали об отношении русской интеллигенции к истории и культуре греческого народа. Переводились стихотворения поэтов-декабристов, отрывки произведений русской прозаической литературы на греческую тему. Из первых произведений русских писателей, изданных в Греции, была статья В. Капниста «Мнение о том, что Улисс странствовал не в Средиземном море, а в Черном и в Азовском морях»¹⁷². В переводе Константина Артиноса, выпускника Московской Академии, эта статья была опубликована в одном из самых первых греческих литературных журналов «*Λογιος Эрмис*» (*Λόγιος Ερμής*) в 1820 году.

Период 1830 – 1880. Переводческая деятельность в Греции развивается и после освобождения страны от османского ига и дальнейшего развития книгопечатания. До этого книги печатались за границей, в основном во Франции, откуда поступали в Грецию и читались избранным кругом людей. Рождение свободного Греческого государства повлекло за собой социализацию книги. Она находила своего читателя во всех слоях общества, которое переживает своеобразную революцию «чтения».

Этому способствовали, во-первых, появившаяся периодическая печать, которая начала играть определённую роль в распространении не только политических, но и

¹⁷¹ Александр Константинович Ипсиланти, князь – сын молдавского господаря, генерал-майор русской службы, герой Отечественной войны 1812 года, организатор и руководитель греческого восстания 1821. Образ Ипсиланти Пушкин собирался запечатлеть в поэме о гетеристах и тепло отзывался о нем в стихотворениях «Меж тем как генерал Орлов» и «К Овидию». См. А.С. Пушкин Полное собрание сочинений в 10 томах. Т. 4. (комментарии к «Повестям Белкина»), М., 1954; Биографическая энциклопедия. 2006 – 2009. www.biografia.ru

¹⁷² Статья была напечатана в журнале «Сын Отечества» в 1819 году. Интересно, что она «не удостоилась даже и насмешливого отзыва» в России. В греческом переводе: «Γνώμη ὅτι οὐδυσσεύς ἐπεριπλανᾶτο ὄχι εἰς τὴν μεσόγειον, ἀλλὰ εἰς τὴν μαύρην Ἀζοβικὴν θάλασσαν», *Λόγιος Ερμής*, т.10, № 2, 1820. Подробнее см.: Πίνσκαγια Σ. Η ρωσικὴ λογοτεχνία στὴν Ελλάδα 19^{οῦ} αἰῶνα. Αθήνα. 2006. [*Ильинская Софья*. Русская литература в Греции. Афины. 2006].

культурных новостей из жизни страны. Зарождение новой гражданской периодической печати в 1830-1840 годах способствовало трансформации читательского поведения, которое заключалось в отходе от «циклического» чтения церковно-религиозных текстов и переходе к чтению текстов светского содержания, приведшего к концу XIX века к формированию новой городской культуры. Во-вторых, большую роль в этом играли произведения прозаиков – «романы», которые переводились большей частью с французского языка и печатались на страницах первых художественно-литературных журналов.

О том, что образованная часть греческого общества интересовалась литературой, свидетельствуют и личные библиотеки зажиточных греков, в которых были собраны тома, изданные в европейских странах ещё в Османский период. Характерными примерами могут служить домашние библиотеки представителей пелопонесской знати, например братьев Сисини и семьи Нотарадон.¹⁷³

Создание независимого государства способствовало быстрому распространению книгопечатания. Стремление общества к знаниям, создание системы школьного образования, основание университета в Афинах формируют определенный постоянный круг людей, которые были в состоянии «производить» и распространять книги. Помимо этого, правительством И. Каподистрии были созданы и другие государственные институты для распространения и социализации книги. В 1829 году в г. Эгине была основана первая Государственная библиотека, позже Национальная библиотека. После революции 1843 года и появления Греческого парламента двери для посетителей открыла Парламентская библиотека. Но, несмотря на то что чтение приобрело общественный характер, книга, как таковая, была доступной узкому кругу образованной части общества. Об этом свидетельствуют литературно-художественные журналы *Πανδώρα* («Пандора»), *Ευτέρπη* («Эвтерпи») и др.¹⁷⁴

В указанный период в Греции были известны два крупных издательства: Андреаса Коромила и Константина Гарполаса. Первое издательство из-за экономических неурядиц и смерти хозяина было продано известному издателю Анести Констандинису, ставшее крупнейшим к концу XIX века. Однако основным проводником литературных новинок «в массы» в Греции оставались основанные в начале 1840 годов литературно-художественные журналы. Одним из них был журнал «*Αποθήκη των Ωφελίμων και Τερπών Γνώσεων*» (Хранилище нужных и приятных знаний)¹⁷⁵, основанный Я.Г. Пизипиосом

¹⁷³ Βάσια Τσοκόπουλο, Ιστορία της εκδόσης στην Ελλάδα [Вася Тсокопуло, История издательского дела в Греции], <http://www.ekebi.gr/frontoffice/portal.asp?cpage=node&cnode=596>

¹⁷⁴ Там же.

¹⁷⁵ Дальше просто «*Αποθήκη*» издавался в 1847-1849 гг. на острове Сирос, см. Ιλίνσκαγια Σ, указ. раб., с. 27.

Яковос Питзипиос, проживший много лет в разных крупных городах, в том числе и в Одессе, прекрасно разбирался в тенденциях, наметившихся в русской литературе, поэтому он прикладывал определённые усилия в её продвижении в Греции. С этой целью он собирал вокруг журнала подобных себе энтузиастов. Вскоре с Питзипиосом стал сотрудничать Константинос Тсорватсоглу, который долгие годы преподавал на факультете восточных языков в Петербургской академии. Он положил основу профессионального перевода произведений русских писателей с оригиналов, которые считаются лучшими в рассматриваемый период.¹⁷⁶

Его перу принадлежат переводы басен И. Крылова «Орёл и Паук», «Гуси», «Слон, Волки и Овцы» и др., отрывки из поэмы А.С. Пушкина «Руслан и Людмила», напечатанные в *Αποθήκη*, в 1847 – 1848 годах.¹⁷⁷ А в 1847 году журнал *Αποθήκη* издал статью К. Тсорватсоглу «*Ρωσική Φιλολογία*» (Русская словесность), в которой он описывает основные этапы развития русской литературы вплоть до начала XIX века.

Таким образом, К. Тсорватсоглу была положена традиция критического исследования русской литературы, которой было суждено очертить присущую только ей исследовательскую линию. Говоря о критической литературе этого периода, надо отметить два основных направления, которые формировались вокруг литературно-художественных журналов. Журнал «*Αποθήκη*» объединил тех критиков и литераторов, которые сосредоточили своё внимание на темах греко-русских культурных связей периода крещения Руси, на изучении огромного литературного наследия средневековой Руси, исторических личностях, сыгравших определяющую роль в становлении русской государственности, что было актуально для молодого греческого государства. Представители этого направления считали, что все те, кто впредь будет заниматься культурным наследием русского народа, должны знать, в чем заключается близость двух культур, сходство и родство которых отражается не только в религии, но и в материальной культуре, а также в языке. Эти соображения стали основополагающими в работах последующих поколений исследователей, посвящённых русской культуре. Другая группа – была сосредоточена на изучении исторического периода русско-турецких войн второй половины XVIII века: на эпохе Екатерины Великой и её политики по отношению к грекам и Греции, на деятельности Иоанниса Каподистрии и «Филики Этерия». Благодаря литературоведам и переводчикам этой группы, в печати появилось много переведённых с русского языка архивных документов: указов и писем Екатерины Великой, имеющих

¹⁷⁶ См. Ιλίνσκαγια Σ., указ. работа, с. 28, сноска 1.

¹⁷⁷ Ιλίνσκαγια Σ., указ. раб, с. 75 -76.

непосредственную связь с судьбой Греции и греков, писем и докладов графа Орлова, полководца Суворова и т.д.¹⁷⁸

Журналы «*Эстиа*» и «*Эсперо*» объединили вокруг себя исследователей, которые свои работы писали, основываясь на западные источники. На страницах этих журналов появилось множество статей научно-популярного характера о русских городах, например Москве и Петербурге, о московском Кремле и о царях, о русской «избе» и др. Оформленные красивыми картинками, журналы привлекали внимание огромной массы читателей.

Переводческая деятельность активизируется с появлением в конце 50-ых годов журнала «Пандора». На его страницах была напечатана повесть А.С. Пушкина «Метель» (перевод Н. Драгумиса) и Е. Ган «Джеллаледдин» (перевод Эвф. Т.Д.), отрывок из «Истории Российской империи» Н. Карамзина под заголовком «О крещении и о женитьбе Владимира» («*Περί του βαπτίσματος και του γάμου του Βλαδίμηρου*», перевод К. Крокида). К сожалению, журнал не указывает, с какого языка были сделаны эти переводы.

В 40 – 50-х годах XIX века в периодической печати появились обзорные и критические статьи о русской литературе. Журнал *Ευτέρπη* напечатал перевод с французского языка статьи о русской литературе «О русской литературе: Пушкин-Лермонтов-Гоголь» («*Περί της Ρωσικής Φιλολογίας: Πούσκιν-Λερμοντοφ-Γογολ*», анонимный переводчик). Она стала логическим продолжением критических мыслей К. Тсорвайтсоглу. А журнал *Πανδώρα* – статью И. Кигаласа «Краткие записки о великих русских поэтах и прозаиках» («*Σύντομος σημείωσις των εξοχωτέρων της Ρωσίας ποιητών τε και πεζογράφων*») и др.¹⁷⁹

Подведём некоторые итоги. Описанный период можно выделить в отдельный начальный период, характерной чертой которого являются наметившиеся тенденции к постепенному ознакомлению с русской литературой, с жизнью, личностью и творчеством отдельных писателей, произведения которых переводились с оригиналов переводчиками, хорошо знающими русский язык и русскую культуру.

Русская переводная литература в Греции переживает определённый подъем в 1860 – 1880-е годы XIX века. Новым толчком к переводу русской литературы стала активная деятельность журнала *Πανδώρα*. В 1862 году журнал напечатал перевод романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». Переводит роман Стефанос Драгумис.

Надо отметить, что в указанный период основными проводниками произведений русских писателей стали литературно-художественные журналы. К творчеству русских

¹⁷⁸ Ιλίνσκαγια Σ, указ. раб, с. 33 -34.

¹⁷⁹ Ιλίνσκαγια Σ., указ. работа с.115.

писателей начали проявлять живой интерес такие журналы, как «Этники вивλιοтики» (*Εθνική βιβλιοθήκη*), «Мириа Оса» (*Μύρια Όσα*), «Вирон» (*Βύρων*), «Афинский календарь» (*Αθηναϊκόν Ημερολόγιον*), «Эстиа» (*Εστία*), «Эсперос» (*Εσπερος*) и др.

На их страницах продолжали печатать переводы произведений М.Ю. Лермонтова (например, «Демон»), А.С. Пушкина (поэма «Цыгане»), Н. М. Карамзина (отрывки из «Истории»), К.Н. Леонтьева («Аспазия Ламприди») и др.

Авторы переводов в отзывах и критических статьях, которыми сопровождали издаваемые произведения, знакомили с жизнью, с идеями и мировоззрением русских писателей, часто проводя параллели с их европейскими коллегами. Переводятся и издаются произведения известных русских прозаиков: И.С. Тургенева, Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого. В таком идейном наполнении русская художественная мысль стала восприниматься в Греции¹⁸⁰.

По мнению С. Ильинской, это новый более высокий уровень представления русской литературы греческому читателю. Появляются новые переводы произведений А.С. Пушкина, И.А. Крылова. В критической литературе их творчество освещается в духе новых веяний, которые были заметны в литературном процессе в самой России.

Особые чувства у греческого читателя вызывали произведения Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского. Много споров велось вокруг романа «Преступление и наказание»¹⁸¹. Однако самым почитаемым оставался А.С. Пушкин. В 1880 году к 50-летию смерти поэта журналы «Парнассос» и «Эстиа», освещая торжественные мероприятия, связанные со скорбной датой и открытием памятника великому поэту в Москве, напечатали переведённую с французского языка биографию А.С. Пушкина. В предисловии к ней автор пишет об А.С. Пушкине как о самом великом писателе России. Далее, анализируя его творчество, называет А.С. Пушкина большим другом Греции, который во многих своих произведениях с энтузиазмом воспевал борьбу греческого народа за освобождение¹⁸².

В периодической печати этого времени в качестве предисловий появляются первые аналитические статьи греческих критиков к издаваемым произведениям Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского. В них авторы пытались открыть перед читателем идейно-художественные искания русской литературы конца 40-50-ых годов XIX века. Первым

¹⁸⁰ Произведения русских писателей печатаются в журналах: «Αττικόν Ημερολόγιον», в 1882 в журнале «Εσπερος», в 1883 – «Εστία», 1885 – в «Κλειώ» и в «Εβδομάς» и др.

¹⁸¹ см. *Ιλίνσκαγια Σόνια Η ρωσική λογοτεχνία στην Ελλάδα 19^{ος} αιώνας*, Αθήνα, 2006. [Ильинская Соля. Русская литература в Греции. XIX век. Афины. 2006]; *Χαραυιδис Э.К.* История переводов произведений И.С. Тургенева на греческий язык в свете истории перевода русской классики в Греции (по материалам XIX века). Франция, Лиль

4 Joel Le Javouteux, «Αλέξανδρος Πούσκιν» («Александр Пушкин», биографический очерк, перевод с французского. *Εστία (Эстиа)*, т.10, номер 246, 14.9.1880.

таким опытом греческой критической мысли стал труд «О русской литературе» С. Карафеодори. В этом исследовании автор старается дать периодизацию русской литературы с момента её зарождения и до современности, останавливаясь на творчестве авторов, ярко и объективно отображавших ту или иную эпоху¹⁸³.

После смерти И.С. Тургенева в некрологе, опубликованном в популярном журнале «Эсперос», анонимный автор писал о том, насколько имя писателя и его творчество, перейдя национальные границы, «натурализовались» в мировую культуру, став ее неотъемлемой частью. Далее подчёркивалось, что И.С. Тургенев стоял в авангарде своих соотечественников в мировом признании. Лучшие его произведения были переведены в Европе и читались наравне с произведениями Флобера, Мопассана, Генри Джеймса, с которыми И.С. Тургенев поддерживал самые тесные дружеские отношения. Прожив около сорока лет во Франции и Германии и находясь в гуще литературной жизни Европы, он подготовил духовную почву для триумфального вхождения в европейскую литературную действительность известных русских классиков и их произведений.¹⁸⁴

Возвращаясь к вопросу о переводах на греческий язык русской художественной и критической литературы, надо отметить, что в основном они были переведены с французского языка. В процентном соотношении они составляют более 80%. А 20% произведений русских классиков переводилось с других европейских языков или принадлежали перу переводчиков, представляющих греческую диаспору в России. Это были люди с хорошим образованием, глубокими познаниями русского и греческого языков и культуры двух народов, но не профессионалы в переводческом искусстве, а люди «просто влюблённые» в русскую культуру.

XX век. Последние десятилетия XIX века и первые десятилетия XX века совпали с усилением урбанистических процессов и укреплением системы образования. В 1876 году выходит в свет журнал «Эстиа», вокруг которого объединились талантливые и известные писатели Греции, что привело к серьёзным изменениям в издательском деле. «Эстиа» перерастает в крупное издательство со своей сетью книжных магазинов. А к концу XIX века сеть издательств и книжных магазинов увеличилась в несколько раз, среди которых издательства Георгия Фекси, Георгия Касдони, Иоанна России, Иоанна Сидери и др. Это

¹⁸³ Полный текст статьи см. в книге *Ιλίνσκαγια Σόνια Η ρωσική λογοτεχνία στην Ελλάδα 19^{ος} αιώνας*. Ανταλογία. Стр. 223-257.

¹⁸⁴ Журнал «Эсперос», 1/13. 9.1883 г. На старницах указанного журнала печатались рассказы, романы, отрывки из произведений И.С. Тургенева. В 80-ые годы XIX века многие периодические издания печатают произведения автора. Из них надо отметить журнал «Эстиа» («Εστία»), «Эфимерис» («Εφημερίς»), «Эвдомас» («Εβδομάς»). В последнем были напечатаны романы И.С. Тургенева (например, «Дворянское гнездо»), новеллы и др. Подробнее см. *Ιλίνσκαγια Σόνια Η ρωσική λογοτεχνία στην Ελλάδα 19^{ος} αιώνας*. «ΕΛΛΗΝΙΚΑ ΓΡΑΜΜΑΤΑ Α.Ε.» Αθήνα. 2006. [*Ильинская Сося*. 2006].

связано с основанием Университета им. Аристотеля и Академии наук в Афинах, с реформой библиотек и т.д.¹⁸⁵

Основной продукт издательской деятельности – книга, становится единицей коммерческой деятельности, что требовало новых подходов к его изданию и, в первую очередь, систематического отбора материала и хронологической последовательности изданий. Первым, которое начала издавать книги согласно выработанной программы, стало издательство Георгий Фексис. К 1930 году издательство издало три серии («Библиотеки»): Библиотеку древнегреческих писателей, Литературную библиотеку и Социально-философскую библиотеку. Благодаря этим изданиям, греческая библиография пополнилась десятками научных трудов мировых классиков философии, художественного слова, социологов и др. Журнал, как носитель и распространитель новых идей, отступает на второй план. Следуя примеру издательства Г. Фексиса, многие издания перестраивают свою работу.

Таким образом, к указанному времени издательства становились основным распространителем новых идей и веяний писателей и учёных, представляющих различные течения. Из русской литературы в этот период были переведены некоторые произведения М. Горького, М. Булгакова, М. Зощенко и др.

Новый наплыв переводной русской художественной литературы наблюдается в предвоенные годы. Это было связано с деятельностью так называемого «восточного крыла», представленного огромным количеством журналов, отдельными издательствами, занимающимися изданием переводной литературы в Александрии, на Кипре, в Измире и Стамбуле. Их деятельность была направлена на удовлетворение читательских потребностей греческой диаспоры, расселённой на севере от Эгейского моря и в восточном средиземноморье¹⁸⁶.

Русская классика в основном была представлена произведениями самых читаемых к тому времени писателей: И.С. Тургенева, А.П. Чехова, и меньше – Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского и др.¹⁸⁷ Надо отметить, что львиная доля переведённой художественной литературы была напечатана на страницах газет и журналов, однако отдельными томами

¹⁸⁵См.: Βάσια Γσοκόπουλο. Ιστορία της εκδόσεως στην Ελλάδα. [История книгопечатания в Греции]. <http://www.ekebi.gr/frontoffice/portal.asp?cpage=node&cnode=584>. Λουκάς Αξελός, Εκδοτική δραστηριότητα και κίνηση ιδεών στην Ελλάδα, Αθήνα, Στοχαστής, β' έκδοση: 2008. [Лука Азелос. Издательская деятельность и продвижение идей в Греции, Афина, Стохастис, 2-ое изд., 2008].

¹⁸⁶Литературно-художественные журналы в указанных районах: в Александрии – «Неа Зои», «То Серапион», «Та Граммата» и «Арго»; в Константинополе – «И Зои», «То Неο Πневμα», «Та Хроника» и «Ο Дионисος»; в Смирне (Измире) – «И Неотис», «И Неа Зои» и «И Техни» и т.д., на страницах которых печатаются переводные произведения мировой классики, в том числе и русской.

¹⁸⁷Λ. Παλαεοντίου Στη βιβλιογραφική του μελέτη Λογοτεχνικές Μεταφράσεις του Μείζονος Ελληνισμού. Θεσσαλονίκη: Κ.Ε.Γ., 1998, 13-26. [Папалеонтиос Л. Литературные переводы в греческой диаспоре. Введение. Салоники. Центр новогреческого языка, 1998. с. 13 – 26.]

или собраниями сочинений переведенные произведения мировой классики издавались крайне редко.¹⁸⁸

После Первой мировой войны и революции в России в просоциалистической молодёжной среде повышается интерес к реалистической и социальной прозе, поэтому переводятся в основном произведения русских писателей нового поколения, например А.П. Чехова, М. Горького и др. Однако произведения русской литературы продолжают переводиться на греческий язык с европейских (в основном с французского), что, естественно, отражалось на качестве перевода.

Таким образом, 1930 - 1940-е годы XX столетия стали поворотными в судьбе русской переводной литературы в Греции. После основания Костасом Говостисом издательского дома произведения русских писателей стали переводиться непосредственно с языка оригинала, что сильно отразилось на качестве перевода. Наиболее значительными были переводы Афины Сарантиди и Ариса Александру, переведивших не только произведения русской классики XIX века, но и произведения современных им советских писателей.

После окончания Второй мировой войны в греческой литературе намечается тенденция по изучению литературы соцреализма. Большую роль в распространении подобной литературы сыграло издательство «Кедрос» с которым сотрудничали многие греческие писатели, литературоведы и переводчики.

В 60-е – 70-е годы XX века переводом русской литературы на греческий язык занимались Яннис Рицос и Мицос Александропулос – известные греческие писатели. Они продолжили традицию, заложенную Костасом Говостисом, переводить произведения с языка оригинала. Поэтому, на наш взгляд, лучшие переводы В. Маяковского, М. Шолохова и др. были выполнены именно ими.

В заключение хотелось бы отметить, что и сегодня интерес к русской литературе у греческого читателя велик. Это связано, прежде всего, с продолжающейся эмиграцией, а также расширением и укреплением экономических, политических и культурных связей между странами.

Список литературы:

Πίνσκαγια Σ. Η ρωσική λογοτεχνία στην Ελλάδα 19^{ος} αιώνας [Русская литература в Греции. XIX век]. – Αθήνα, 2006.

Αξελός Λουκάς Εκδοτική δραστηριότητα και κίνηση ιδεών στην Ελλάδα [Издательская деятельность и продвижение идей в Греции], - Αθήνα: Στοχαστής, β' έκδοση, 2008.

Παπαλεοντίου Α. Στη βιβλιογραφική του μελέτη Λογοτεχνικές Μεταφράσεις του Μείζονος Ελληνισμού [Литературные переводы в греческой диаспоре]. - Θεσσαλονίκη: Κ.Ε.Γ., 1998.

¹⁸⁸ там же.

Τσοκόπουλο Βάσια Ιστορία της εκδόσεις στην Ελλάδα. [История книгопечатания в Греции].
<http://www.ekebi.gr/frontoffice/portal.asp?cpage=node&cnode=584>.

ВЫБОР НАИЛУЧШИХ ВАРИАНТОВ ПЕРЕВОДА ЕВАНГЕЛИЯ С РУССКОГО ЯЗЫКА НА КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК (НА ПРИМЕРЕ ЕВАНГЕЛИЯ ОТ МАРКА)

CHOOSING THE BEST VERSION OF THE TRANSLATION OF THE GOSPEL FROM RUSSIAN LANGUAGE TO CHINESE (ON THE EXAMPLE GOSPEL OF MARK)

В статье рассматривается выбор наилучших вариантов перевода Евангелия на китайский язык (на примере Евангелия от Марка). Говорится о важности изучения Библии для Китая, даётся обзор разных существующих переводов Библии на китайский язык, с указанием ошибок и неточностей, предлагается улучшенная версия перевода Священного Писания на китайский язык.

The article explains how to choose the best options for the translation of the Gospel into the Chinese language (for example, the Gospel of Mark). It expresses the importance of the study of the Bible for China, provides an overview of the different translations of the Bible into Chinese, provides views of the errors and inaccuracies of the Gospel translated into the Chinese language. And also put forward an improved version of the Holy Scriptures into Chinese.

Ключевые слова: общее представление о Библии, разные переводы Библии на китайский язык, анализ ошибок и неточностей перевода Евангелия на китайский язык.

Key words: the overview of the Bible, various translations of the Bible into Chinese, the analysis of errors and inaccuracies translation of the Gospel into Chinese.

Наше исследование представляется весьма актуальным в силу следующих факторов: во-первых, Библия имеет глубокое и важное значение для всего человечества. Это самая читаемая книга в мире. Она представляет собой слово от Бога, играет колоссальную роль, прежде всего, в культуре народов, принявших христианство, то есть, жителей всей Европы, Америки и многих стран Азии и даже Африки. Во-вторых, Россия на протяжении веков была православной страной, причём её государственность и письменность начинается именно с принятия христианства, поэтому, строго говоря, не существуют никакой русской культуры в отрыве от христианства. Более того, Россия является наследницей византийской цивилизации и защитницей всего православного мира.

По мере развития дружественных отношений Китая с Россией, расширения обмена и сотрудничества в экономической, политической, торговой, культурной и в других областях, возрастает необходимость более глубокого понимания основы менталитета и психологии русского человека, его ценностей и духовных ориентиров. Исследование Евангелия должно помочь китайцам лучше понять духовную культуру России, а

следовательно, глубже и тоньше понять особенности языка, литературы, истории и даже политики этой страны, и тем самым обогатить духовную культуру Китая. В-третьих, в Китае сейчас только небольшая часть людей знакома с текстом Библии, большинство китайцев не имеют о ней представления, хотя проявляют всё больший интерес к христианству. Тем китайцам, которые впервые обращаются к тексту Евангелия, очень трудно понять его смысл. Отчасти это происходит потому, что переводы Библии на китайском языке имеют разные версии, весьма различающиеся меж собою.

Объектом нашего исследования является текст Священного Писания (точнее, Евангелия от Марка) в русской версии (Синодальный перевод), а также варианты его перевода на китайский язык.

1. Общее представление о Библии

Библия (от греч.: βιβλία – книги, ед. ч. βιβλίον, уменьшительное от βιβλος – книга) – собрание древних текстов, созданных на Ближнем Востоке на протяжении 15 веков (XIII в. до н. э. – II в. н. э.), канонизированное частично или полностью в иудаизме и христианстве в качестве Священного Писания.

Библия состоит из двух частей: Ветхого Завета и Нового Завета. Первая, по времени создания, часть Библии в иудаизме называется Танах (это так называемая «еврейская Библия»); в христианстве она получила название Ветхий Завет, в противоположность Новому. Эта часть Библии представляет собой собрание книг, написанных на иврите задолго до нашей эры и отобранных в качестве священных из прочей литературы иудейскими законоучителями. Таких книг насчитывается 39. Эта часть Библии является общим Священным Писанием как для иудаизма, так и для христианства.

Вторая часть – Новый Завет, – собрание из 27 христианских книг (включающее 4 Евангелия, послания Апостолов и Откровение Иоанна Богослова), написанных в I веке н. э. и дошедших до нас на древнегреческом языке. Это часть Библии наиболее важна для христианства, тогда как иудаизм боговдохновенной её не считает.

2. История перевода Библии на китайский язык

Перевод Священного Писания на китайский язык имеет долгую историю. Впервые библейские тексты попадают в Китай при династии Тан в середине VII в. по Р.Х., принесенные сирийскими проповедниками, принадлежавшими к несторианской ереси, получившей название «цзинцзяо» (религия света).

В 1919 г. появился первый перевод Священного Писания на разговорный общеупотребительный язык гуаньхуа – «Гуаньхуа хэхэ ибэнь». Новый перевод не только способствовал наиболее широкому распространению Библии среди китайцев, но и стимулировал дальнейший процесс формирования современного китайского

литературного языка. В настоящее время этот текст является наиболее распространенным. Следует отметить, что все названные переводы были сделаны протестантами. [«Из истории христианства в Китае», Москва, 2005]

3. Четыре вида перевода Библии на китайский язык

Разногласия различных христианских конфессий относительно правильности переводов Библии на китайский язык вызвали процесс появления всё новых и новых версий. Главные споры всегда возникали относительно перевода богословских понятий, несвойственных китайскому языку.

Мы рассмотрим четыре версии перевода Евангелия от Марка:

1) Первый текст представлен в книге «Язык русского православия» (Учебное пособие на основе текстов Евангелия от Марка для говорящих на китайском языке. Часть I) 《马可福音汉语教科书》 (第一册)。

Данное пособие содержит полные параллельные тексты Евангелия от Марка на русском языке в синодальном переводе и на китайском языке. Китайский перевод взят из так называемой «нанкинской» Библии, изданной комитетом Патриотического движения «За тройную независимость» и Советом христиан Китая. 《圣经. — 出版发行：中国基督教三自爱国运动委员会，中国基督教协会；承印：南京爱德印刷有限公司；2004》 Эта версия представляет собой перевод с английского и распространена среди протестантов.

2) Второй текст: «Соединенная версия Библии на китайском языке» (Шэнцзин Яньюнбэнь; Шэнцзин Хэхэбэнь). 《圣经研用本》 (《圣经和合本》)。

Соединенная версия Библии была опубликована в 1919 году. И до сих пор используется большинством протестантских религиозных сообществ. В течение последних ста лет ни один из переводов Библии не смог её полностью заменить.

Сегодня используется две версии: версия «шэнь» (神版) и версия «Шанди» (上帝版), различающиеся по способу перевода слова «Бог». С того времени китайский язык сильно изменился, многие места в этом переводе кажутся архаичными, с точки зрения лексики и стиля. Кроме того, многие китайские иероглифы, используемые в Соединенной версии Библии, вышли из употребления и сегодня не могут быть найдены в общедоступных словарях. Однако авторитет данной версии остаётся по-прежнему общепризнанным.

3) Третий текст: «Священное Писание – Перевод нового мира», США, 2007. «Шэнцзин Синьшицзе Ибэнь» (《圣经新世界译本》)。

«Священное Писание – Перевод нового мира» (ПНМ) – перевод Библии, который был создан и издан религиозной организацией Свидетелей Иеговы, которая в России считается сектой и находится под запретом. Новый Завет в этом переводе имеет название «Христианские Греческие Писания» или «Греческие Писания», а Ветхий Завет — «Еврейско–арамейские Писания» или «Еврейские Писания».

Среди основных причин, вызвавших потребность в появлении этого перевода, были названы следующие:

<1> Неясность и непоследовательность предыдущих переводов.

<2> К 1946 году стали доступными более ранние рукописи (например, книги Исаии в свитках Мёртвого моря), которые не были учтены в предыдущих переводах Библии.

<3> По сравнению с прошлыми веками возросло внимание к языкам оригинала. Более тщательное изучение и понимание древнееврейского, арамейского и древнегреческого языков, на которых писалась Библия, заложили основание для появления новых переводов Библии.

<4> Грамматика и орфография некоторых старых переводов Писания не всегда соответствует грамматике и орфографии современного языка, что в некоторых случаях даже делает эти переводы непонятными для читателя XX века.

4) Четвёртый текст: «Новый Завет» (Отредактированная версия), Гонконг: Сыгао, 2005. «Синьюэ Цюаньшу», 《新约全书》（修订版）。

Эта версия Библии используется китайскими католиками. Её перевод осуществлён Библейским обществом Гонконга (Studium Biblicum Franciscanum), также известным под именем Studium Biblicum O.F.M.

4. Сопоставление 4 видов перевода Евангелия на китайский язык (на примере восьми первых глав Евангелия от Марка)

В этой статье мы поместили только первую главу Евангелия от Марка, рассмотрим следующую таблицу.

В этой таблице мы подчеркнули одной жирной чертой неудачные, с нашей точки зрения фрагменты перевода, а волнистой чертой – наиболее удачные. В скобках мы указали, что именно нуждается в корректировке.

Аббревиатура: термин (тер.), СКЯ (не соответствует норме современного китайского языка), грамматика (гр.), стиль (ст.), смысл (см.), неточность (нет.), лишнее (лиш.), иероглиф (иер.), лексика (лек.), устаревшая лексика (уст. лек.), редкая лексика (ред. лек.), искажение (иск)

Различные переводы Библии на китайский язык. Сравнительный анализ.

Текст от Марка: святое благовествование (глава 1)

	Русская версия	教科书	圣经研用本	圣经新世界译本	新约全书
1.	Начало Евангелия Иисуса Христа, Сына Божия,	<u>上帝的圣子, 耶稣基督福音的起头。</u>	<u>神(тер.)</u> 的儿子, 耶稣基督福音的起头。	耶稣基督的 <u>好消息(ст.)</u> 的开始:	<u>天主子(тер.)</u> 耶稣基督福音的开始,
2	как написано у пророков: вот, Я посылаю Ангела Моего пред лицем Твоим, который приготовит путь Твой пред Тобою.	正如先知以赛亚书上记着说 (有古卷无“以赛亚”三字) : “看哪, <u>我要差遣我的使者在你前面, 预备道路。</u>	正如先知以赛亚书上记着说 (有古卷无“以赛亚”三字) : “看哪! <u>我要差遣我的使者在你前面, 预备道路。</u>	先知以赛亚的书上记着说: “看哪! 我要 <u>差(ст.)</u> 我的使者走在你前面, 他必为你预备道路。	正如先知依撒意亞書上記載的++: 「看, 我 <u>派遣++</u> 我的使者在你面前, 預備你的道路。
3	Глас вопиющего в пустыне: приготовьте путь Господу, прямыми сделайте стези Ему.	在旷野有人声喊着说: «预备主的道, 修直他的路。»	在旷野有人声喊着说: «预备主的道, 修直他的路。»	听啊! 在旷野有人呼喊说: «你们要预备耶和華的道, 修直他的路。»	曠野中有呼號者的聲音: 你們當預備上主的道路, 修直他的 <u>途徑(лек.)</u> 。」
4	Явился Иоанн, крестя в пустыне и проповедуя крещение покаяния для прощения грехов.	照这话, <u>约翰</u> 来了, 在旷野 <u>施洗, 传(СКЯ)</u> 悔改的洗礼, 使罪得赦。	照这话, <u>约翰</u> 来了, 在旷野 <u>施洗, 传(СКЯ)</u> 悔改的洗礼, 使罪得赦。	照这句话, <u>施浸者约翰</u> 来到旷野, <u>传讲++</u> 悔改的浸礼, 劝人悔改, <u>好叫(ст.)</u> 罪得蒙 <u>宽恕(гр.)</u> 。	洗者若翰便在曠野裡出現, <u>宣講悔改的洗禮</u> , 為得罪之赦。

5	И выходили к нему вся страна Иудейская и Иерусалимляне, и крестились от него все в реке Иордане, исповедуя грехи свои.	犹太全地和耶路撒冷的人都出去到约翰那里，承认他们的罪(СКЯ)， <u>在约旦河里受他的洗。</u>	犹太全地和耶路撒冷的人都出去到约翰那里，承认他们的罪(СКЯ)， <u>在约旦河里受他的洗。</u>	<u>犹地亚全境和耶路撒冷的居民全都出来，到他那里去，在约旦河受他所浸，公开(Д и ИИ.)承认自己的罪。</u>	犹太全地和耶路撒冷的群眾都出來，到他那裡，承認自己的罪過++， <u>在約旦河裡受他的洗。</u>
6	Иоанн же носил одежду из верблюжьего волоса и пояс кожаный на чреслах своих, и ел акриды и дикий мед.	约翰穿骆驼毛的衣服，腰束皮带，吃的是蝗虫、野蜜。	约翰穿骆驼毛的衣服，腰束皮带，吃的是蝗虫、野蜜。	约翰身穿++骆驼毛的衣服，腰束皮带，吃的是蝗虫、野蜜。	若翰穿的是++骆驼毛的衣服，腰間束的是皮带，吃的是蝗蟲與野蜜。
7	И проповедовал, говоря: идёт за мною Сильнейший меня, у Которого я недостоин, наклонившись, развязать ремень обуви Его;	他传道说：“ <u>有一位在我以后来的(ст.)，能力比我更大，我就是弯腰给他解鞋带也是不配的。</u>	他传道说：“ <u>有一位在我以后来的(ст.)，能力比我更大，我就是弯腰给他解鞋带也是不配的。</u>	他传讲说：“ <u>在我以后来的有一位能力比我大，我连俯身++替他解鞋带也不配。</u>	他宣告(лек.)說：「 <u>那比我更有力量++的，要在我以後來，我連俯身++解他的鞋帶也不配。</u>
8	я крестил вас водою, а Он будет крестить вас Духом Святым.	<u>我是用水给你们施洗，他却要用圣灵给你们施洗。</u> ”	<u>我是用水给你们施洗，他却要用圣灵给你们施洗。</u> ”	<u>我用水为你们施浸，他却要用圣灵为你们施浸。</u> ”	我以水洗你们(гр.)，他却要以聖神(тер.)洗你们(гр.)。」
9	И было в те дни, пришёл Иисус из	那时，耶稣从加利利的拿撒	那时，耶稣从加利利的	在那段日子，耶稣从加利利	在那些日子裡++，耶穌

	Назарета Галилейского и крестился от Иоанна в Иордане.	他来，在约旦 河里受了约翰 的洗。	拿撒勒来， 在约旦河里 受了约翰的 洗。	的拿撒勒来， 约翰在约旦河 里为他施浸。	由加里肋亞 納匝肋來， 在約但河裡 受了若翰的 洗。
10	И когда выходил из воды, тотчас увидел Иоанн разверзающиеся небеса и Духа, как голубя, сходящего на Него.	他从水里一上 来，就看见天 裂开了，圣灵 仿佛鸽子降在 他身上。	他从水里一 上来，就看见 天裂开了 ，圣灵仿佛 鸽子，降在 他身上。	耶稣一从水里 上来，就看见 天开了(СКЯ) ，圣灵好像鸽 子降在他身上 。	他剛++從水 裡上來，就 看見天裂開 了， <u>聖神(те р.)</u> 有如鴿子 降在他 <u>上面(г р.)</u> ;
11	И глас был с небес : Ты Сын Мой возлюблённый, в Котором Моё благоволение.	又有声音从天 上来说：“你 是我的爱子， 我喜悦你！”	又有声音从 天上来说：“ 你是我的爱 子，我喜悦 你。”	从天上有声音 传出说：“你 是我的儿子， 是我所爱的， 我悦纳(см.)你 。”	又有聲音從 天上說：「 你是我的愛 子， <u>我因你 而喜悅(см.)</u> 。」
12	Немедленно после того Дух ведёт Его в пустыню.	圣灵就把耶稣 催到旷野里去 。	圣灵就把耶 稣催到旷野 里去。	圣灵随即催促 耶稣到旷野去 。	<u>聖神(тер.)</u> 立 即催他到曠 野裡去。
13	И был Он там в пустыне сорок дней, искушаемый сатаною, и был со зверями ; и Ангелы служили Ему.	他在旷野四十 天受撒但的试 探，并与野兽 同在一处，且 有天使来伺候 他。	他在旷野四 十天受撒但 的试探，并 与野兽同在 一处，且有 天使来伺候 他。	他在旷野四十 天，受撒但引 诱，跟野兽在 一起，有天使 <u>服事(иер.)</u> 他 。	他在曠野裡 ， <u>四十天之 久</u> ，受撒殫 的試探，與 野獸在一起 ，並有天使 服侍他。
14	После же того, как предан был	约翰下监以后	约翰下监以	约翰被捕(нет.)	若翰被監禁

	Иоанн, пришёл Иисус в Галилею, проповедуя Евангелие Царствия Божия	，耶稣来到加利利，宣传 <u>天国</u> 的福音，	后，耶稣来到加利利，宣传 <u>神(тер.)</u> 的福音，	以后，耶稣到加利利去，传讲上帝的好消息(ст.)，	後，耶穌來到加里肋亞，宣講 <u>天主(ст.)</u> 的福音，
15	и говоря, что исполнилось время и приблизилось Царствие Божие : покаяйтесь и веруйте в Евангелие.	说：“日期满了，天国近了！你们当悔改，信福音。”	说：“日期满了， <u>神的国(тер.)</u> 近了！你们当悔改，信福音。”	说：“指定的时候满了， <u>上帝的王国(тер.)</u> 近了。你们要悔改，信从好消息(ст.)。”	說：「 <u>時期已滿</u> ， <u>天主(тер.)</u> 的國鄰近了，你們悔改，信從福音罷！」
16	Проходя же близ моря Галилейского, увидел Симона и Андрея, брата его, закидывающих сети в море, ибо они были рыбаковы.	耶稣顺着加利利的海边走，看见西门和西门的兄弟安得烈在海里撒网，他们本是 <u>打鱼的(ст.)</u> 。	耶稣顺着加利利的海边走，看见西门和西门的兄弟安得烈在海里撒网；他们本是 <u>打鱼的(ст.)</u> 。	耶稣在加利利海边行走，看见西门和西门的兄弟安得烈在海上撒网。他们是 <u>渔夫</u> 。	當耶穌沿著加里肋亞海行走時，看見西滿和西滿的兄弟安德肋，在海裡撒網，他們原是 <u>漁夫</u> +
17	И сказал им Иисус : идите за Мною, и Я сделаю, что вы будете ловцами человеков.	耶稣对他们说：“来跟从我！我要叫你们得人如得鱼一样。”	耶稣对他们说：“来跟从我，我要叫你们得人如得鱼一样。”	耶稣对他们说：“来跟从我吧，我要使你们成为得人的 <u>渔夫</u> 。”	耶穌向他們說：「來跟隨我！我要使你們成為 <u>漁人漁夫(ст.)</u> 。」
18	И они тотчас, оставив свои сети,	他们就立刻 <u>舍(СКЯ)</u> 了网，跟从了他。	他们就立刻 <u>舍(СКЯ)</u> 了网，跟从了	他们随即撇下网，跟随他去了。	他們便立刻 <u>拋下網</u> ，跟隨了他。

	последовали за Ним.		他。		
19	И, пройдя оттуда немного, Он увидел Иакова Зеведеева и Иоанна, брата его, также в лодке починивающих сети ;	耶稣稍往前走 ，又见西庇太 的儿子雅各和 雅各的兄弟约 翰在船上补网 。	耶稣稍往前 走，又见西 庇太的儿子 雅各和雅各 的兄弟约翰 在船上补网 。	耶稣稍往前走 ，看见西庇太 的儿子雅各和 雅各的兄弟约 翰，他们正在 船上补网。	耶穌向前行 了不遠，看 見載伯德的 兒子雅各伯 和他的弟弟 若望，正在 船上修網。
20	и тотчас призвал их. И они, оставив отца своего Зеведея в лодке с работниками, последовали за Ним.	耶稣随即招呼 他们，他们就 把父亲西庇太 和雇工人(лек.)留在船上， 跟从耶稣去了 。	耶稣随即招 呼他们，他 们就把父亲 西庇太和雇 工人(лек.)留 在船上，跟 从耶稣去了 。	耶稣立刻呼召 他们，他们就 把父亲西庇太 和雇工们(ст.) 留在船上，跟 从了耶稣。	耶穌遂立即 召叫他們； 他們就自己 的父親載 伯德和傭工 們留在船上 ，跟隨他去 了。
21	И приходят в Капернаум ; и вскоре в субботу вошёл Он в синагогу и учил.	到了迦百农， 耶稣就在安息 日进了会堂教 训(лек.)人。	到了迦百农 ，耶稣就在 安息日进了 会堂教训(ле к.)人。	他们进迦百农 去。一到安息 日，耶稣就进 会堂里教导人 。	他們進了葛 法翁；一到 安息日，耶 穌就進入會 堂教訓(лек.) 人。
22	И дивились Его учению, ибо Он учил их, как власть имеющий, а не как книжники.	众人很希奇(л ек.+иер.)他的 教训(лек.)， 因为他教训他 们，正像有权 柄的人，不像	众人很希奇(лек.+иер.)他 的教训，因 为他教训他 们，正象(ие р.)有权柄的	大家都很惊诧 他的教导方式 (см.)，因为他 像有权柄的人 一样教导他们 ，不像抄经士	人都驚奇(гр.)他的教訓， 因為他教訓 他們正像有 權威似的， 不像經師們

		文士。	人，不象文士。	(тер.)。	一樣。
23	В синагоге их был человек, одержимый духом нечистым, и вскричал :	在会堂里，有一个人被 <u>污鬼(тер.)</u> 附着。他喊叫说：	在会堂里，有一个人被 <u>污鬼(тер.)</u> 附着。他喊叫说：	就在那时候，会堂里有一个受污灵控制的人呼喊说：	當時，在他們的會堂裡，正有一個 <u>附邪魔+++</u> 的人，他喊叫，
24	оставь! что Тебе до нас, Иисус Назарянин? Ты пришёл погубить нас! знаю Тебя, кто Ты, Святой Божий.	“拿撒勒人耶稣，我们与你有什么相干？你来灭我们吗？我知道你是谁， <u>圣哉上帝(тер.)</u> 。”	“拿撒勒人耶稣，我们与你有什么相干？你来灭我们吗？我知道你是谁，乃是神的 <u>(тер.)</u> 使者。”	“拿撒勒人耶稣，我们跟你有什么相干？你要来消灭我们吗？我清楚知道你是谁，你是 <u>上帝的圣者</u> 。”	說：「 <u>納匝肋人耶穌！我們與你有什么相干？你竟來毀滅我們！我知道你是誰，你是<u>天主(тер.)</u>的聖者。</u> 」
25	Но Иисус запретил ему, говоря : замолчи и выйди из него.	耶稣责备他说：“ <u>不要作声</u> ，从这人身上出来吧！”	耶稣责备他说：“ <u>不要作声</u> ，从这人身上出来吧。”	耶稣斥责邪灵说：“ <u>住口(ст.)</u> ，从这个人身上出来！”	耶穌斥責他說：「 <u>不要作聲！從他身上出去！</u> 」
26	Тогда дух нечистый, сотрясши его и вскричав громким голосом, вышел из него.	<u>污鬼(тер.)</u> 叫那人 <u>抽了一阵风(см.)</u> ，大声喊叫，就出来了。	<u>污鬼(тер.)</u> 叫那人 <u>抽了一阵风(см.)</u> ，大声喊叫，就出来了	污灵就使那个人 <u>痉挛(тер.)</u> 尖叫，然后从他身上出来。	<u>邪魔</u> 使那人 <u>拘攣了一陣</u> ，大喊一聲，就從他身上出去了。
27	И все	<u>众人都惊讶</u> ，	<u>众人都惊讶</u>	<u>大家都惊讶不</u>	<u>眾人大為驚</u>

	ужаснулись, так что друг друга спрашивали : что это ? что это за новое учение, что Он и духам нечистым повелевает со властью, и они повинуются Ему ?	以致彼此对问说：“这是什么事？是个新道理(ст.)啊！他用权柄吩咐污鬼(тер.),连污鬼也听从了他。”	，以致彼此对问说：“这是什么事？是个新道理(ст.)啊！他用权柄吩咐污鬼(тер.),连污鬼也听从了他。”	已，彼此谈论说：“这是怎么回事？真是新奇的道理(ст.)！这个人有权命令污灵，污灵竟也服从他。”	愕，以致彼此詢問說：「這是怎麼一回事？這是新的教訓(лек.)，並具有權威；他連給邪魔出命(гр.)，邪魔也聽從他。」
28	И скоро разошлась о Нем молва по всей окрестности в Галилее.	耶稣的名声就传遍了加利利的四方。	耶稣的名声就传遍了加利利的四方。	耶稣的名声随即传扬四方，遍及加利利一带(см.)。	他的聲譽隨即傳遍了加里肋亞附近各處(гр.+лиш.)。
29	Выйдя вскоре из синагоги, пришли в дом Симона и Андрея, Иаковом и Иоанном.	他们一出会堂，就同着雅各、约翰，进了西门和安得烈的家。	他们一出会堂，就同着雅各、约翰，进了西门和安得烈的家。	他们从会堂里一出来，就带着雅各、约翰到西门和安得烈的家里去。	他一出會堂，就同雅各伯和若望來到了西滿和安德肋的家裡。
30	Теща же Симонова лежала в горячке ; и тотчас говорят Ему о ней.	西门的岳母正患热病躺着，就有人告诉耶稣。	西门的岳母正害热病躺着，就有人告诉耶稣。	西门的岳母正在发烧卧病，人立刻告诉耶稣。	那時，西滿的岳母正躺著發燒；有人就向耶穌提起她來，
31	Подойдя, Он поднял её, взяв её за руку ; и	耶稣进前拉着她的手，扶她起来，热就退	耶稣进前拉着她的手，扶她起来，	耶稣上前拉住她的手，扶她起来，她的热	耶穌上前去，握住她的手，扶起她

	горячка тотчас оставила её, и она стала служить им.	<u>了, 她就服侍 他们。</u>	<u>热就退了, 她就服侍他 们。</u>	就退了, 她随 即侍候他们。	<u>來, 熱症遂 即離開了她 ; 她就伺候 他們。</u>
32	При наступлении же вчера, когда заходило солнце, приносили к Нему всех больных и бесноватых.	天晚日落的时候, 有人带着 一切害病的和 被 <u>鬼(тер.)</u> 附 的, 来到耶稣 跟前。	天晚日落的 时候, 有人 带着一切害 病的和被 <u>鬼(тер.)</u> 附的, 来到耶稣跟 前。	<u>到了傍晚, 日 落以后, 凡患 病的和受邪灵 操纵的, 都被 人带到耶稣那 里。</u>	到了晚上, 日落之後, 人把所有患 病的和 <u>附魔</u> 的, 都帶到 他跟前,
33	И весь город собрался к дверям.	<u>合城(лек.)</u> 的 人都聚集在门 前。	<u>合城(лек.)</u> 的 人都聚集在 门前。	<u>全城++</u> 的人都 聚集在门前。	<u>閤(уст. лек.)城的人</u> 都聚在門前 。
34	И Он исцелил многих, страдавших различными болезнями; изгнал многих бесов, и не позволял бесам говорить, что они знают, что Он Христос.	耶稣治好了许 多患各样病的 人, 又赶出许 多 <u>鬼(тер.)</u> , 不许 <u>鬼</u> 说话, 因为 <u>鬼</u> 认识他 。	耶稣治好了 许多害各样 病的人, 又 赶出许多 <u>鬼(тер.)</u> , 不许 <u>鬼</u> 说话, 因 为 <u>鬼</u> 认识他 。	耶稣治好了许 多患各种病症 的人, 又驱逐 了许多邪灵, 不许邪灵说话 , 因为他们知 道++ <u>他是基督</u> 。	<u>耶穌治好了 許多患各種 病症的人,</u> <u>驅逐了許多 魔鬼, 並且 不許魔鬼說 話, 因為魔 鬼認識他。</u>
35	А утром, встав весьма рано, вышел и удалился в пустынное место, и там	次日早晨, 天 未亮的时候, 耶稣起来, 到 旷野地方去, 在那里祷告。	次日早晨, 天未亮的时 候, 耶稣起 来, 到旷野 地方去, 在 那里祷告。	<u>清晨, 天还没 亮, 耶稣起来 , 走到外面僻 靜的地方, 在 那里祷告。</u>	<u>清晨, 天還 很黑, 耶穌 就起身出去 , 到荒野的 地方, 在那 裡祈禱。</u>

	молился.				
36	Симон и бывшие с ним пошли за Ним	西门和同伴 <u>追</u> 了他去(см.),	西门和同伴 <u>追</u> 了他去(см.);	西门和同伴四 <u>处</u> 找他,	西滿和同他在一起的人都去 <u>追</u> 尋他,
37	И, найдя Его, говорят Ему: все ищут Тебя.	<u>遇见了(см.)</u> 就对他說：“众人都找你。”	<u>遇见了(см.)</u> 就对他說：“众人都找你。”	找着了，就对他说：“大家都在找你。”	找到了他，就向他說：「眾人都找你呢！」
38	Он говорит им: пойдём в ближние селения и города, чтобы Мне и там проповедывать, ибо Я для того пришёл.	耶稣对他们說：“ <u>我们可以往别处去，到邻近的乡村，我也好在那里传道，因为我</u> 是为这事 <u>出来的(гр.)</u> 。”	耶稣对他们說：“ <u>我们可以往别处去，到邻近的乡村，我也好在那里传道，因为我</u> 是为这事 <u>出来的(гр.)</u> 。”	耶稣对他们說：“我们往别处去，到附近的村镇吧。我也要在 <u>那里传道，因为我是为这个目的而来的</u> 。”	耶穌對他們說：「讓我們到別處去，到鄰近的村鎮去罷！好叫(ст.)我也在那裡宣講，因為我是為這事 <u>出來的(гр.)</u> 。」
39	И Он проповедывал в синагогах их по всей Галилее и изгонял бесов.	于是在加利利全地， <u>进了(см.)</u> 会堂，传道赶鬼(тер.)。	于是在加利利全地， <u>进了(см.)</u> 会堂，传道赶鬼(тер.)。	他就去了，走遍加利利全境，在各会堂里传道，又驱逐邪灵。	他遂到加里肋亞各地，在他們的會堂裡宣講，並驅逐魔鬼。
40	Приходит к Нему прокаженный и, умоляя Его и падая пред Ним	有一个麻风病人来求耶稣，向他跪下，说：“ <u>你若肯(СК</u>	有一个 <u>长大麻风的(ст.)</u> 来求耶稣，向他跪下，	有一个麻风病人来到耶稣那里，跪下 <u>恳求</u> 他说：“ <u>只要</u>	有一個癩病人來到耶穌跟前， <u>跪下</u> 求他說：「

	на колени, говорит Ему: если хочешь, можешь меня очистить.	<u>Я</u>), 必能叫我洁净了。”	说：“你若肯(<u>СКЯ</u>), 必能叫我洁净了。”	<u>你愿意, 就能使我洁净。”</u>	<u>你若願意, 就能潔淨我。</u> 」
41	Иисус, умилосердившись над ним, простер руку, коснулся его и сказал ему: хочу, очистишь.	耶稣动了慈心, 就伸手摸他, 说: “我肯(<u>СКЯ</u>), 你洁净了吧!”	耶稣动了慈心, 就伸手摸他, 说: “我肯(<u>СКЯ</u>), 你洁净了吧!”	耶稣动了怜悯的心, 就伸出手来摸他说: “我很愿意! 你洁净了吧。”	耶穌動了憐憫的心, 就伸手撫摸他, 向他說: 「我願意, 你潔淨了罷! 」
42	После сего слова проказа тотчас сошла с него, и он стал чист.	大麻风及时(<u>л ек.</u>)离开他, 他就洁净了。	大麻风及时(<u>лек.</u>)离开他, 他就洁净了。	麻风立刻从他身上消失, 他就洁净了。	癩病立時脫離了他, 他就潔淨了。
43	И, посмотрев на него строго, тотчас отослал его	耶稣 <u>严严地</u> 嘱咐(<u>гр.</u>)他, 就打发他走,	耶稣 <u>严严地</u> 嘱咐(<u>гр.</u>)他, 就打发他走,	耶稣随即打发他走, 郑重地吩咐他,	然後, 耶穌嚴厲警告(<u>см</u>)他, <u>立即</u> 催他走,
44	и сказал ему: смотри, никому ничего не говори, но пойдй, покажись священнику и принеси за очищение твоё, что повелел Моисей, во свидетельство им.	对他说: “你要谨慎, 什么话都不可告诉人, 只要去把身体给祭司察看, 又因为你洁净了, 献上摩西所吩咐的(<u>лек.</u>)礼物, <u>对(гр.)</u> 众人作证据。”	对他说: “你要谨慎, 什么话都不可告诉人, 只要去把身体给祭司察看, 又因为你洁净了, 献上摩西所吩咐的(<u>лек.</u>)礼物, <u>对(гр.)</u>	说: “ <u>留心不要告诉别人, 只要去给祭司查看, 并且献上摩西规定的祭物, 行洁净礼, 好向他们作见证(разг.+ гр.)</u> 。”	並向他說: 「當心! 什麼也不可告訴人, 但去叫司祭檢驗你, 並為你的潔淨, 奉獻梅瑟所規定的, 給他們當作證據。」

			众人作证据 。”		
45	А он, выйдя, начал провозглашать и рассказывать о происшедшем, так что Иисус не мог уже явно войти в город, но находился вне, в местах пустынных. И приходили к Нему отовсюду.	那人出去, <u>倒</u> 说许多的话(с т.), 把这件事传扬开了, 叫耶稣以后不得再 <u>明明地</u> (лек. +грам.)进城, 只好在外边旷野地方。人从各处都跟随他来。	那人出去, <u>倒</u> 说许多的话(ст.), 把这件事传扬开了, 叫耶稣以后不得再 <u>明明地</u> (лек. +грам.)进城, 只好在外边旷野地方。人从各处都就了(С КЯ)他来。	谁知道他离去以后, 到处宣扬, 把这件事传遍四境, 以致耶稣不能再公开进城, 只能留在外面僻静的地方。但众人还是从四面八方到他那里去。	但那人一出去, 便开始极力宣扬, 把这事宣扬开了, 以致耶稣不能再公然进城, 只好留在外边荒野的地方; 但人们却从各处到他跟前。

Ниже рассмотрим замеченные нами недостатки и погрешности перевода.

5. Анализ ошибок и неточностей перевода Евангелия на китайский язык

1) Смысловые неточности

«Ты Сын Мой возлюбленный, в Котором Моё благоволение» (Мк.1:11)

你是我的爱子, 我喜悦你。 «1» «2» (неправильный перевод)

你是我的儿子, 是我所爱的, 我悦纳你。 «3» (неправильный перевод)

你是我的爱子, 我因你而喜悦。 «4» (неправильный перевод)

Глагол“喜悦” «радоваться» не может принимать прямое дополнение, а глагол“悦纳” «радостно принимать» не используется в СКЯ. Помимо этого, оба глагола не имеют в своей семантике компонента «благословения», необходимого для передачи смысла.

你是我亲爱的圣子, 我祝福你。(отредактированный перевод)

2) Грамматические неточности

«И дивились Его учению!» (Мк.1:22)

众人很希奇他的教训。 «1» «2»(неправильный перевод)

大家都很惊诧他的教导方式。 «3» (неправильный перевод)

人都惊奇他的教训。 «4» (неправильный перевод)

Двусложные слова “希奇”、“惊奇”、“惊诧” не могут использоваться как переходные глаголы, кроме того в слове “希奇” первый иероглиф записан неправильно: вместо “希” должен быть “稀”

众人都对他的教导感到很稀奇。(отредактированный перевод)

3) Стилистические неточности

«И пришли Матерь и братья Его и, стоя вне дома, послали к Нему звать Его» (Мк.3:31)

当下, 耶稣的母亲和弟兄来站在外边, 打发人去叫他。 «1» «2» (неправильный перевод)

耶稣的母亲和弟弟们来了, 站在外面。他们派人进去叫他。 «3» (неправильный перевод)

“打发” – пример стилистической неточности («командировать», «отослать», а иногда даже «спровадить»), а “弟弟们” – лексической: у Господа не было младших братьев.

—耶稣的母亲和他的兄弟们来了, 站在外边, 派人到他跟前去叫他。 «4» (отредактированный перевод)

4) Лексические неточности

«и тотчас призвал их. И они, оставив отца своего Зеведея в лодке с работниками, последовали за Ним» (Мк.1:20)

耶稣随即招呼他们, 他们就把父亲西庇太和雇工人留在船上, 跟从耶稣去了。 «1» «2» (неправильный перевод)

耶稣立刻呼召他们, 他们就把父亲西庇太和雇工们留在船上, 跟从了耶稣。 «3» (неправильный перевод)

“雇工人”、“雇工们” – это примеры неудачного использования лексики. Оба примера не соответствуют норме СКЯ, кроме того, оба термина подчёркивают наёмный характер труда.

耶稣遂立即召叫他们; 他们就把自己的父亲载伯德和佣工们留在船上, 跟随他去了。 «4» (отредактированный перевод)

5) Терминологические неточности

«Начало Евангелия Иисуса Христа, Сына Божия» (Мк.1:1)

神的儿子, 耶稣基督福音的起头。 «2» (неправильный перевод)

耶稣基督的好消息的开始。《3》(неправильный перевод)

天主子耶稣基督福音的开始。《4》(неправильный перевод)

“神”имеет языческую окраску и плохо передаёт идею Единого Бога. К сожалению, этот термин получил в своё время широкое распространение и, подобно, сорняку, трудно поддаётся выкорчёвыванию.

“天主”буквально «Господь Неба», «небесный владыка», термин, прижившийся исключительно у католиков и ассоциирующийся только с католичеством, но никак не с Православием или протестантизмом.

“好消息”буквально означает «хорошая новость», в данном случае такое сочетание никак не подходит для перевода «Благой вести», то есть Слова, исходящего от Бога.

上帝的圣子, 耶稣基督福音的起头。《1》(отредактированный перевод)

б) Иероглифические неточности

«Но Он смотрел вокруг, чтобы видеть ту, которая сделала это» (Мк.5:32)

耶稣周围观看，要见作这事的女人。《1》《2》(неправильный вариант)

耶稣四面观望，要看作这事的妇人。《4》(неправильный вариант)

“作”неправильный иероглиф, близкий по значению своему полному омониму “做”.

До недавнего времени эти знаки часто смешивались.

——他环顾四周，要看做这件事的是谁。《3》(правильный перевод)

Перевод Библии на разные языки, в том числе на русский и на китайский язык, имеет длинную историю. Разные версии перевода текста Священного Писания, разработанные в те или иные периоды истории в разных странах, являются отражением состояния общества, его духовной и культурной жизни, свидетельствуют о степени готовности к восприятию Истины. Качество перевода зависит от опыта и квалификации специалистов, а также от традиции восприятия и передачи сакрального текста, присущей данной стране и данной эпохе. В настоящее время существует несколько версий перевода Священного Писания на китайский язык.

В данной статье мы не стремились предложить качественно новый вариант перевода Евангелия. Наша задача состояла в том, чтобы разработать улучшенную версию китайского текста на основе уже существующих переводов. Для решения этой задачи автор использовал четыре версии перевода Евангелия от Марка. На самом деле, можно использовать и большее число переводов, методика создания более совершенной версии от этого не изменится.

С нашей точки зрения, созданная нами интерпретация носит достаточно органичный характер, не вступает в противоречие с китайской традицией перевода и в жёсткий спор с авторами и сторонниками уже существующих версий. Наша «творческая компиляция» «помогает китайцу понять суть Священного Писания, не вдаваясь в рассуждения о разнице христианских конфессий и освобождая от выбора между католической и протестантскими версиями.

Проделанная нами работа представляется небесполезной для китайцев, изучающих русский язык и русскую культуру в России.

Кроме того, использованный нами метод создания улучшенной версии Священного Писания может быть использован для работы над другими главами Нового Завета.

Ниже приводится предлагаемая нами версия перевода Евангелия от Марка (глава 1).

Текст от Марка: святое благовествование (глава 1)

	Текст русского перевода	Перевод на китайский
1	Начало Евангелия Иисуса Христа, Сына Божия,	上帝的圣子, 耶稣基督福音的起头。
2	как написано у пророков: вот, Я посылаю Ангела Моего пред лицом Твоим, который приготовит путь Твой пред Тобою.	正如先知以赛亚书上记载的: “看, 我派遣我的使者在你前面, 他必为你预备你的道路。
3	Глас вопиющего в пустыне: приготовьте путь Господу, прямыми сделайте стези Ему.	旷野中有人呼喊说: «你们要预备上帝的道路, 修直他的路。»
4	Явился Иоанн, крестя в пустыне и проповедуя крещение покаяния для прощения грехов.	施浸者约翰便来到旷野, 宣讲悔改的洗礼, 为使罪得赦。
5	И выходили к нему вся страна Иудейская и Иерусалимляне, и крестились от него все в реке Иордане, исповедуя грехи свои.	犹太全地和耶路撒冷的群众都出来, 到他那里, 承认自己的罪过, 在约旦河里受他的洗。
6	Иоанн же носил одежду из верблюжьего волоса и пояс кожаный на чреслах своих, и ел акриды и дикий мед.	约翰穿的是骆驼毛的衣服, 腰间束的是皮带, 吃的是蝗虫与野蜜。

7	И проповедовал, говоря: идёт за мною Сильнейший меня, у Которого я недостойн, наклонившись, развязать ремень обуви Его;	他宣讲说：“在我之后来的有一位，能力比我大，我连俯身替他解鞋带也不配。
8	я крестил вас водою, а Он будет крестить вас Духом Святым.	我用水为你们施洗，他却要用圣灵为你们施洗。”
9	И было в те дни, пришёл Иисус из Назарета Галилейского и крестился от Иоанна в Иордане.	在那些日子里，耶稣从加利利的拿撒勒来，在约旦河里受了约翰的洗。
10	И когда выходил из воды, тотчас увидел Иоанн разверзающиеся небеса и Духа, как голубя, сходящего на Него.	他刚从水里上来，就看见天裂开了，圣灵有如鸽子降在他身上。
11	И глас был с небес: Ты Сын Мой возлюблённый, в Котором Моё благоволение.	从天上有声音传出来：“你是我亲爱的圣子，我祝福你！”
12	Немедленно после того Дух ведёт Его в пустыню.	圣灵随即催促耶稣到旷野去。
13	И был Он там в пустыне сорок дней, искушаемый сатаною, и был со зверями ; и Ангелы служили Ему.	他在旷野里四十天之久，受撒但的试探，与野兽在一起，并有天使服侍他。
14	После же того, как предан был Иоанн, пришёл Иисус в Галилею, проповедуя Евангелие Царствия Божия	约翰被监禁后，耶稣来到加利利，宣传天国的福音，
15	и говоря, что исполнилось время и приблизилось Царствие Божие : покайтесь и веруйте в Евангелие.	说：“时期已满，天国邻近了，你们悔改，信从福音吧！”
16	Проходя же близ моря Галилейского, увидел Симона и Андрея, брата его, закидывающих сети в море, ибо они были рыболовы.	耶稣沿着加利利的海边行走时，看见西门和西门的兄弟安得烈在海里撒网，他们原本是渔夫。
17	И сказал им Иисус : идите за Мною, и Я сделаю, что вы будете ловцами	耶稣对他们说：“来跟从我吧，我要使你们成为得人的渔夫。”

	человеков.	
18	И они тотчас, оставив свои сети, последовали за Ним.	他们便立刻抛下网，跟随了他。
19	И, пройдя оттуда немного, Он увидел Иакова Зеведеева и Иоанна, брата его, также в лодке починивающих сети ;	耶稣向前行了不远，看见西庇太的儿子雅各布和雅各布的兄弟约翰，正在船上修网。
20	и тотчас призвал их. И они, оставив отца своего Зеведея в лодке с работниками, последовали за Ним.	耶稣随即召叫他们，他们就把父亲西庇太和佣工们留在船上，跟随他去了。
21	И приходят в Капернаум ; и вскоре в субботу вошёл Он в синагогу и учил.	他们到了迦百农，一到安息日，耶稣就进入会堂教导人。
22	И дивились Его учению, ибо Он учил их, как власть имеющий, а не как книжники.	众人都对他的教导感到很稀奇，因为他教导他们，正像有权威的人，不像经师们一样。
23	В синагоге их был человек, одержимый духом нечистым, и вскричал :	当时在会堂里，有一个人身附邪魔的人，喊叫说：
24	оставь!что Тебе до нас, Иисус Назарянин ? Ты пришёл погубить нас! знаю Тебя, кто Ты, Святой Божий.	“拿撒勒人耶稣，我们与你有什么相干？你竟来灭我们！我知道你是谁，你是至圣的上帝。”
25	Но Иисус запретил ему, говоря : замолчи и выйди из него.	耶稣斥责他说：“不要作声，从他身上出去！”
26	Тогда дух нечистый, сотрясши его и вскричав громким голосом, вышел из него.	邪魔使那人拘挛了一阵，大喊一声，就从他身上出去了。
27	И все ужаснулись, так что друг друга спрашивали : что это ? что это за новое учение, что Он и духам нечистым повелевает со властью, и они повинуются Ему ?	众人都惊讶不已，彼此谈论说：“这是怎么回事？这是新的学说，并具有权威！这个人有权命令邪魔，邪魔也听从他。”
28	И скоро разошлась о Нём молва по всей окрестности в Галилее.	耶稣的名声随即传遍了加利利各地。

29	Выйдя вскоре из синагоги, пришли в дом Симона и Андрея, с Иаковом и Иоанном.	他们一出会堂，就同雅各布、约翰，进了西门和安得烈的家。
30	Теща же Симонова лежала в горячке ; и тотчас говорят Ему о ней.	那时，西门的岳母正发着烧，卧病在床，有人就向耶稣提起她来。
31	Подойдя, Он поднял её, взяв её за руку ; и горячка тотчас оставила её, и она стала служить им.	耶稣上前去，握住她的手，扶她起来，烧立刻就退了，她随即服侍他们。
32	При наступлении же вчера, когда заходило солнце, приносили к Нему всех больных и бесноватых.	到了傍晚，日落之后，有人把所有患病和附魔的人，都带到耶稣跟前。
33	И весь город собрался к дверям.	全城的人都聚集在门前。
34	И Он исцелил многих, страдавших различными болезнями; изгнал многих бесов, и не позволял бесам говорить, что они знают, что Он Христос.	耶稣治好了许多患各种病症的人，驱逐了许多魔鬼，并且不许魔鬼说话，因为他们知道他是基督。
35	А утром, встав весьма рано, вышел и удалился в пустынное место, и там молился.	清晨，天还没亮，耶稣就起身出去，到荒野的地方，在那里祈祷。
36	Симон и бывшие с ним пошли за Ним	西门和同伴都去追寻他，
37	И, найдя Его, говорят Ему: все ищут Тебя.	找到了他，就对他说：“众人都找你呢。”
38	Он говорит им: пойдём в ближние селения и города, чтобы Мне и там проповедовать, ибо Я для того пришёл.	耶稣对他们说：“让我们到别处去，到邻近的村镇去吧，我也要在哪里传道，因为我是为这个目的而来的。”
39	И Он проповедовал в синагогах их по всей Галилее и изгонял бесов.	于是他走遍加利利各地，在他们的会堂里宣讲，并驱逐魔鬼。
40	Приходит к Нему прокаженный и, умоляя Его и падая пред Ним на колени, говорит Ему:если хочешь, можешь меня очистить.	有一个麻风病人来到耶稣跟前，跪下恳求他说：“只要你愿意，就能使我洁净。”
41	Иисус, умиловосердившись над ним,	耶稣动了怜悯的心，就伸手抚摸他，

	простер руку, коснулся его и сказал ему: хочу, очистишься.	对他说：“我愿意，你洁净了吧！”
42	После сего слова проказа тотчас сошла с него, и он стал чист.	麻风立刻从他身上消失，他就洁净了。
43	И, посмотрев на него строго, тотчас отослал его	然后，耶稣郑重地嘱咐他，立即催他走，
44	и сказал ему: смотри, никому ничего не говори, но пойдй, покажись священнику и принеси за очищение твоё, что повелел Моисей, во свидетельство им.	对他说：“你要谨慎，什么话都不要告诉别人，只要去把身体给祭司察看，并且献上摩西规定的祭物，行洁净礼，给他们当作证据。”
45	А он, выйдя, начал провозглашать и рассказывать о происшедшем, так что Иисус не мог уже явно войти в город, но находился вне, в местах пустынных. И приходили к Нему отовсюду.	但那人一出去，便开始到处宣扬，把这件事传扬开了，以致耶稣不能再公开进城，只能留在外面僻静的地方。但众人还是从四面八方到他那里去

Список литературы:

- Алексеева М. О.* Терминология русского православия. М.: Издательство МГУ, 2011.
- Библия.* Книга Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Международный издательский центр православной литературы, 1994.
- Библия.* Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета канонические. М.: Российское библейское общество, 2008.
- Брюс М.* Мецгер. Текстология Нового Завета: Рукописная традиция, возникновение искажений и реконструкция оригинала: Пер. с англ. М.: Библейский богословский институт св. апостола Андрея, 1996.
- Ван Вэйфань.* Шицзе цзунцзяо яньцзю. Пекин, 1992, № 1.
- Григорьев А.В.* Соотношение славяно–русского текста Евангелия от Марка и его греческого оригинала (текстологический и лексикологический аспект): автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук. Москва, 1997.
- Еремينا Е. Н., Грецова О. В., Савинская Т. Е., Фролова–Багреева Т. А.* Толкование на Святое Евангелие блаженного Феофилакта Болгарского от Матфея и от Марка. М.: ОАО «Тверской полиграфический комбинат», 2009.
- Иванов Пётр.* Тайна святых – Введение в Апокалипсис. М.: Паломник, 1993.
- Капков К. Г.* Канонические Евангелия. Новая русская редакция. Москва, 1997.
- Кулаков М. П.* Новый Завет в современном русском переводе. Институт перевода Библии в Заокском, 2000.
- Православная богословская энциклопедия. Том 2, столб. 491. Петроград: С. Петербургский Духовный Цензурный Комитет. С. Петербург, 25 апреля, Авторский коллектив: А. А. Бронзов, С. С. Глаголев, А. А. Глаголев, Ф. Г. Елеонский и др., 1901.
- Расселл Ч. Т.* Сторужева Башня. Watchtower Bible and Tract Society of New York, Inc., 1999.
- Румянцева М. В.* Опыт перевода богослужебной и церковной лексики на китайский язык. М.: ИСАА МГУ, Ломоносовские чтения, Востоковедение, 2008.

Румянцева М. В. Русско-китайский словарь православной лексики. М.: «Восточная книга», 2008.

Священник Петр Иванов. Православные переводы Нового Завета на китайский язык (Из истории христианства в Китае), ИВРАН, М., 2005.

Синьюэ Цюаньшу (Новый Завет отредактированной версии). Гонконг: Сыгао Библейское Общество, 2005.

《圣经》.

出版发行：中国基督教三自爱国运动委员会，中国基督教协会；承印：南京爱德印刷有限公司；2004.

Электронное научное издание

Международная научная конференция
«Перевод как средство взаимодействия культур».
17 – 21 декабря 2015 г.
Сборник статей